

1902.

Годъ 10.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

37946

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

1902.

Годъ 10.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 28 сентября 1902 г.

№ 2508.

Ректоръ: А. Филипповъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

А.

Официальный отдѣлъ.

Стр.

Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. 1— 16

Б.

Научный отдѣлъ.

Prof. A. Nikitsky. Die geographische Liste der delphischen
Proxenoï. (Mit 2 Tafeln.) 1— 42

В.

Приложенія.

Проф. В. Ф. Чи ж ъ. Общая психіатрія (Продолженіе) 97—176

Маг. М. А. При ди к ъ. Шестая рѣчь Исея. Изслѣдованія въ
области аттической генеалогіи и аттического граждан-
скаго права. 1—128

ОБОЗРѢНІЕ
ЛЕКЦІЙ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ЮРЬЕВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1902 г., II семестръ.

Профессоръ православнаго богословія.

Маг. **А. С. Царевскій**, протоіерей: православное богословіе, 6 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 1—2 ч., а остальные 3 часа будутъ назначены впоследствии.

І. Богословскій Факультетъ.

Маг. **І. Х. Керстенъ**, испр. должн. ординарнаго профессора систематическаго богословія, Деканъ: 1) система догматики, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—1 ч.; — 2) введеніе въ этику, 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 1—2 ч.

Докт. **І. І. Квачала**, ордин. проф. историческаго богословія: 1) церковная исторія (эпоха реформаци), 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли отъ 5—6 ч.; — 2) символика (реформатская церковь, продолженіе), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 6—7 ч.

Докт. **А. Р. Зебергъ**, ордин. проф. экзегетическаго богословія, находится въ заграничной командировкѣ съ ученою цѣлью.

Маг. **А. М. фонъ Бульмерингъ**, экстраордин. проф. семитскихъ языковъ: 1) объясненіе пророка Исаи (гл. 13—39), 3 ч. въ нед., по вторн., четв. и субб. отъ 8—9 ч.; — 2) библейское богословіе Ветхаго Завѣта, ч. II (систематическая часть), 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 8—9 ч.; — 3) чтеніе сирійской хрестоматіи Брокельмана, 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 9—10 ч.

Маг. **В. Л. Бергианъ**, экстраордин. проф. практическаго богословія: 1) катехетика, 4 ч. въ нед., по понед., сред., пятн. и субб.

отъ 11—12 ч.; — 2) гомилетика (окончаніе, бесплатно), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 11—12 ч.; — 3) катехизическая и гомилетическая семинарія, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—12 ч.

Маг. **А. Г. Берендтсъ**, доцентъ историческаго богословія: 1) церковная исторія среднихъ вѣковъ (продолженіе, бесплатно), 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 7—8 ч.; — 2) практическія упражненія по церковной исторіи (аналогіи Юстина, бесплатно), 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ вполсѣдствіи.

Маг. **І. А. Фрей**, приватъ-доцентъ экзегетическаго богословія, находится въ заграничной командировкѣ съ ученою цѣлью.

Маг. **О. Г. Зеземанъ**, приватъ-доцентъ семитскихъ языковъ: 1) еврейская грамматика (этимологія), 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 4—5 ч.; — 2) исторія израильскаго народа, ч. I, 3 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполсѣдствіи; — 3) чтеніе избранныхъ главъ Корана, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполсѣдствіи.

Маг. **К. К. Грассъ**, приватъ-доцентъ экзегетическаго богословія: 1) посланіе къ Римлянамъ, 5 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполсѣдствіи; — 2) практическія занятія по Новому Завѣту, 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ вполсѣдствіи.

II. Юридическій Факультетъ.

Докт. **М. Е. Красноженъ**, ордин. проф. церковнаго права, Деканъ: 1) введеніе (источники церковнаго права). Система церковнаго права: а) внѣшнее право церкви, б) внутреннее право церкви (церковное устройство), 4 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 4—6 ч.; — 2) о свободѣ вѣры и о вѣротерпимости въ Россіи (спеціальный курсъ), 1 ч. въ нед., по субб. отъ 4—5 ч.; — 3) практическія занятія (необязательно, бесплатно), 1 ч. въ нед., по суб. отъ 5—6 ч.

Докт. **А. Н. Филипповъ**, ордин. проф. государственнаго права, Ректоръ: русское государственное право, 6 ч. въ нед., по вторн., четв. и субб. отъ 12—2 ч.

Докт. **П. П. Пусторослевъ**, ордин. проф. уголовного права: 1) уголовное право (общая часть), 6 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 12—2 ч. и по четв. отъ 4—6 ч.; — 2) уголовное судоустройство, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 4—6 ч. и по пятн. отъ 12—1 ч.

Докт. **М. А. Дьяконовъ**, ордин. проф. исторіи русскаго права: 1) исторія русскаго права, 6 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 4—6 ч.; — 2) практическія занятія (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 4—6 ч.

Маг. **Е. В. Пассекъ**, испр. должн. ордин. проф. римскаго права: 1) исторія римскаго права, 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 12—2 ч.; — 2) догма римскаго права, ч. III, 4 ч. въ нед. (изъ нихъ 2 бесплатно), по вторн. и четв. отъ 12—2 ч.; — 3) практическія занятія по римскому праву (для студентовъ III-го курса, бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Маг-нтъ **А. Ф. Зачинскій**, испр. должн. экстраордин. проф. энциклопедіи права: 1) энциклопедія права, 4 ч. въ нед., по вторн., сред., четв. и пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) практическія занятія и бесѣды по общей теоріи права (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 10—12 ч.

Маг-нтъ **А. С. Невзоровъ**, испр. должн. экстраордин. проф. торговаго права: 1) торговое право, 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія по торговому праву (бесплатно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 12—2 ч.

Маг. **А. Н. Миклашевскій**, экстраордин. проф. политической экономіи и статистики: 1) политическая экономія, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по вторн. и сред. отъ 11—12 ч.; — 2) статистика, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 10—12 ч.

Маг. **А. С. Кривцовъ**, экстраордин. проф. римскаго права: 1) система римскаго права, ч. I (общая часть, вещное право), 6 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. 4—6 ч.; — 2) практическія занятія по римскому праву (бесплатно), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 4—6 ч.

Маг. **Н. Н. Бѣлявскій**, экстраордин. проф. полицейскаго права: 1) полицейское право (общій курсъ), 4 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 10—12 ч.; — 2) практическія занятія (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Маг. **В. Э. Грабарь**, экстраордин. проф. международнаго права: 1) международное право (общій курсъ), 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) практическія занятія (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Маг-нтъ **О. И. Остроградскій**, приватъ-доцентъ финансоваго права: 1) финансовое право, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 8—10 ч.; — 2) практическія занятія (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

III. Медицинскій Факультетъ.

Докт. **В. П. Курчинскій**, ордин. профессоръ физиологiи, Деканъ: 1) физиологiя, 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполнѣдствiи; — 2) физиологическая химiя, съ практическими занятiями въ лабораторiи, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполнѣдствiи.

Докт. **Б. А. Керберъ**, ордин. проф. государственнаго врачевнѣднiя: главнѣйшiе выводы всеобщей переписи въ г. Юрьевѣ (бесплатно), 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ вполнѣдствiи.

Докт. **А. С. Рауберъ**, ордин. проф. анатомiи: 1) анатомiя человека, ч. I, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 8—9 ч.; — 2) упражненiя въ препарировкѣ (совмѣстно съ прозекторомъ Адольфомъ и помощникомъ прозектора Вейнбергомъ), ежедневно отъ 9—1 ч. и 3—6 ч.; — 3) занятiя на препаратахъ и моделяхъ (бесплатно), 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 1—2 ч.

Докт. **Н. Н. Дегио**, ордин. проф. спеціальнѣй патологiи и клиники: терапевтическая госпитальная клиника, 9 ч. въ нед. (изъ которыхъ 3 ч. бесплатно), ежедневно отъ 9½—11 ч.

Докт. **В. В. Кохъ**, ордин. проф. хирургiи и хирургической клиники: хирургическая клиника и поликлиника, 12 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—2 ч.; для студентовъ IV курса по вторн., четв. и субб. и для студентовъ V курса по понед. сред. и пятн.

Докт. **В. Ф. Чижъ**, ордин. проф. психiатрiи: 1) клиника и поликлиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 9—11 ч. и по сред. отъ 4—6 ч. (остальные часы будутъ объявлены вполнѣдствiи).

Докт. **С. М. Васильевъ**, ордин. проф. спеціальнѣй патологiи и клиники: 1) клиническiя лекцiи, 6 ч. въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 9—11 ч.; — 2) теоретическiй курсъ частной патологiи и терапiи, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполнѣдствiи.

Докт. **В. А. Афанасьевъ**, ордин. проф. общей патологiи и патологической анатомiи: 1) общая патологiя, 4 ч. въ нед., по вторн., сред., четв. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) частная патологическая анатомiя, ч. I, 4 ч. въ нед., въ тѣ же дни отъ 10—11 ч.; — 3) практическiй курсъ патологической гистологiи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 10—12 ч.; — 4) практическiя упражненiя въ патологическомъ институтѣ (бесплатно), ежедневно отъ 9—6 ч.

Докт. **А. С. Игнатовскiй**, ордин. проф. государственнаго врачевнѣднiя: 1) судебная медицина (теоретическiй курсъ), для сту-

дентовъ IV курса, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 11—12 ч., по сред. отъ 6—7 ч. и по субб. отъ 9—11 ч.; — 2) практическія занятія по судебной медицинѣ и вскрытія труповъ, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Маг. **И. Л. Кондаковъ**, испр. должн. ордин. проф. фармаціи: 1) фармакогнозія (для медиковъ и фармацевтовъ 3-го семестра), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 11—12 ч. и по субб. отъ 9—11 ч.; — 2) фармацевтическая химія (для фармацевтовъ 3-го семестра), 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли отъ 10—11 ч.; — 3) практическія занятія по качественному анализу: а) для медиковъ, 3 ч. въ нед., по пятн. отъ 2—5 ч.; б) для фармацевтовъ 1-го семестра, 5 ч. въ нед., по вторн. отъ 2—4 ч. и по пятн. отъ 2—5 ч.; — 4) лекціи по судебной химіи (для фармацевтовъ 3-го семестра), 3 ч. въ нед., по вторн., сред. и пятн. отъ 11—12 ч.

Докт. **С. І. Чирвинскій**, ордин. проф. фармакологіи, діететики и исторіи медицины: 1) фармакологія съ токсикологіей, рецептурой и ученіемъ о минеральныхъ водахъ (для медиковъ), 6 ч. въ нед., по понед. отъ 9—11 ч., по сред. отъ 11—1 ч. и по субб. отъ 8—10 ч.; — 2) фармакологія съ токсикологіей (для фармацевтовъ), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 5—6 ч.

Докт. **Н. К. Чермакъ**, ордин. проф. сравнительной анатоміи, эмбриологіи и гистологіи: гистологія и эмбриологія (съ практическими занятіями), 6 ч. въ нед., по понед. и пятн. отъ 12—2 ч. и по субб. отъ 9—11 ч.

Докт. **Г. В. Хлопинъ**, ордин. проф. государственнаго врачебновѣдѣнія: 1) теоретическій курсъ гигиѣны (для студентовъ IV курса), 4 ч. въ нед., по понед. отъ 9—11 ч. и по субб. отъ 11—1 ч.; — 2) практическія занятія (для студентовъ V курса), 9 ч. въ нед., (по группамъ), по вторн., четв. и субб. отъ 12—3 ч.

Докт. **Ө. О. Евецкій**, ордин. проф. офталмологіи и офталмологической клиники: офталмологія и офталмологическая клиника, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Докт. **М. И. Дружининъ**, ордин. проф. хирургіи: 1) оперативная хирургія, 2 ч. въ нед.; — 2) десмургія, 1 ч. въ нед.; — 3) практическія занятія (для студентовъ IV курса). 4 ч. въ нед. Часы будутъ назначены впоследствии.

Докт. **Н. А. Савельевъ**, экстраордин. проф. спеціальной патологіи и клиники: 1) поликлиника (для студентовъ V курса), 6 ч. въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 3—5 ч.; — 2) врачебная діагностика (для студентовъ III курса), 4 ч. въ нед., по понед. и пятн. отъ 3—5 ч.

Докт. **В. Г. Цеге фонъ Мантейфель**, экстраордин. проф. хирургіи:
1) хирургическая госпитальная клиника, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—1 ч.; — 2) теоретическая хирургія, 3 ч. въ нед., по вторн., четв. и пятн. отъ 5—6 ч.

Докт. **А. Н. Соловьевъ**, экстраордин. проф. акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней: 1) теоретическій курсъ, 3 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи: — 2) клиническія лекціи, 6 ч. въ нед. которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Маг. **И. В. Шиндельмейзеръ**, испр. должн. ученаго аптекаря: фармацевтическая пропедевтика, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. **Г. А. Адольфи**, прозекторъ при анатомическомъ институтѣ: ангиологія, 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ впослѣдствіи.

Докт. **Г. П. Свирскій**, приватъ-доцентъ фармакологіи и штатный ассистентъ фармакологическаго института: 1) лекарства, дѣйствующія на желудочно-кишечный каналъ (необязательно), 1 ч. въ нед., который будетъ назначенъ впослѣдствіи; — 2) бальнеологія (бесплатно), 1 ч. въ нед., по понед. отъ 5—6 ч.

Докт. **Г. Р. Рубинштейнъ**, приватъ-доцентъ патологической анатоміи и штатный ассистентъ терапевтической госпитальной клиники: практическій курсъ клинической микроскопіи, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

IV. Историко-филологическій Факультетъ.

Докт. **Я. Ф. Озе**, ордин. проф. философін и педагогики, Деканъ:
1) гнозеологія, 3 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 11—12 ч.; — 2) исторія древней философін, ч. I, 3 ч. въ нед., въ тѣже дни отъ 12—1 ч.

Докт. **Р. П. Мунке**, ордин. проф. географіи, этнографіи и статистики:
1) этнологическая прαιсторія, 3 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 6—7½ ч.; — 2) практическія занятія, 3 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 6—7½ ч.

Докт. **Е. В. Пѣтуховъ**, ордин. проф. русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще: 1) исторія русской литературы XIX вѣка (общій курсъ), 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 12—2 ч.; — 2) русская литературная критика; практическія занятія по чтенію и разбору студенческихъ сочиненій (спеціальный курсъ), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 12—2 ч.

Маг. **Е. Ф. Шмурло**, испр. должн. ордин. проф. русской исторіи:
1) русская исторія (общій курсъ), 4 ч. въ нед., по пятн. и

субб. отъ 9—11 ч.; — 2) о главнѣйшихъ источникахъ и пособіяхъ по русской исторіи (спеціальный курсъ), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 9—11 ч.

Маг. **В. К. Мальмбергъ**, испр. должн. ордин. проф. древне-классической филологіи и археологіи: 1) исторія греко-римскаго искусства (дополнительное чтеніе, бесплатно), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 12—2 ч.; — 2) греческія и римскія частныя древности, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—2 ч.; — 3) практическія занятія (разборъ и толкованіе античныхъ памятниковъ искусства), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 12—2 ч.; — 4) нѣмецкій языкъ (бесплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. **М. Н. Крашенинниковъ**, ордин. проф. древне-классической филологіи и исторіи литературы: 1) исторія греческой литературы, 2 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 3—4 ч.; — 2) Гораций *De arte poetica*, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 4—6 ч.; — 3) Тацитъ *Dialogus de oratoribus*, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 4—6 ч.

Докт. **А. Н. Ясинскій**, ордин. проф. всеобщей исторіи: 1) общій курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 12—2 ч.; — 2) исторія Византіи, 2 ч. въ нед., по четв. и пятн. отъ 1—2 ч.; — 3) практическія занятія по средней исторіи, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 12—2 ч.

Маг-нтъ **Д. Н. Кудрявскій**, испр. должн. экстраордин. проф. нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) введеніе въ языкознаніе (для студентовъ I и II курсовъ), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 9—11 ч.; — 2) начальныи курсъ санскритскаго языка (для студентовъ III курса словеснаго и классическаго отдѣленій), 3 ч. въ нед., по пятн. отъ 10—12 ч. и по субб. отъ 10—11 ч.; — 3) практическія занятія по санскритскому языку (для студентовъ IV курса), 1 ч. въ нед., по субб. отъ 11—12 ч.

Маг. **П. Н. Ардашевъ**, экстраордин. проф. всеобщей исторіи: 1) общій курсъ новой исторіи (XVI—XVII в.), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 4—6 ч.; — 2) исторія Франціи въ XVIII. в. (спеціальный курсъ), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 4—6 ч.; — 3) практическія занятія, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 4—6 ч.; — 4) древняя исторія, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. **Л. К. Мазингъ**, экстраордин. проф. сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій: 1) сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 9—10 ч.; — 2) чтеніе и разборъ памятниковъ южно-

и западнославянскихъ литературъ, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 10—11 ч.; — 3) русскій языкъ, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Маг. **А. М. Придикъ**, доцентъ древне-классической филологіи: 1) Еврипидъ „Ἰππόλυτος“ (практическія упражненія для студентовъ всѣхъ семестровъ), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—12 ч.; — 2) Ксенофонтъ „Ἑλληνικά“ (практическія упражненія для студентовъ всѣхъ семестровъ), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 10—12 ч.

Маг. **В. Ф. Шлютеръ**, приватъ-доцентъ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія и бібліотекаръ: исторія нѣмецкаго языка, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 6—7 ч.

Маг. **Я. И. Лаутенбахъ**, приватъ-доцентъ сравнительнаго языковѣдѣнія и лекторъ латышскаго языка: 1) литовскій языкъ: литовскія народныя пѣсни (даины), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 4—5 ч.; — 2) исторія латышской литературы второй половины XIX вѣка (продолженіе), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—4 ч.

У. Физико-математическій Факультетъ.

Докт. **Б. И. Срезневскій**, ордин. проф. физической географіи и метеорологіи, Деканъ: 1) метеорологія, 3 ч. въ нед., по четв. отъ 1—2 ч. и по субб. отъ 12—2 ч.; — 2) физическая географія, 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—1 ч.; — 3) коллоквиумъ по метеорологіи (бесплатно), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 5—7 ч.

Докт. **Ю. Г. фонъ Кеннель**, ордин. проф. зоологіи: 1) общая зоологія (для студентовъ I курса физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ и для фармацевтовъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—1 ч.; — 2) зоологическія демонстраціи, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи; — 3) практическія занятія по зоологіи (для студентовъ I и II курсовъ), 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. **И. И. Лембергъ**, ордин. проф. минералогіи, объявитъ свои лекціи впослѣдствіи.

Докт. **Г. Г. Тамманъ**, ордин. проф. химіи: 1) неорганическая химія, 5 ч. въ нед. въ первые 4 дня недѣли отъ 9—10 ч. и по вторн. отъ 10—11 ч.; — 2) практическія занятія и аналитическія упражненія, 6 ч. въ нед., по понед., сред., четв., пятн. и субб. 10—11 ч. и по вторн. отъ 11—12 ч.; — 3) физическая химія, ч. II, 2 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 12½—1½ ч.; — 4) коллоквиумъ (необязательно, бесплатно), 1 ч. въ нед., по субб. отъ 12½—1½ ч.

Докт. **Г. В. Левицкій**, ордин. проф. астрономіи: 1) общій курсъ астрономіи, 4 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 12—2 ч.; — 2) практическая астрономія, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 12—2 ч.; — 3) небесная механика (дополнительный курсъ, бесплатно), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 12—1 ч.; — 4) сферическая астрономія (дополнительный курсъ, бесплатно), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 1—2 ч.

Маг. **А. И. Садовскій**, испр. должн. ордин. проф. физики: 1) общій курсъ физики, ч. I, 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли отъ 11—12 ч.; — 2) электричество, магнитизмъ и гальванизмъ (спеціальный курсъ), 4 ч. въ нед., въ первые 4 дня недѣли отъ 9—10 ч.; — 3) практическія занятія по физикѣ (только для студентовъ II курса математическаго отдѣленія), 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи; — 4) физическая лабораторія (практическія занятія только для студентовъ математическаго отдѣленія группы В, числящихся на 6, 7 и 8 семестрахъ), 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Маг. **Н. И. Кузнецовъ**, испр. должн. ордин. проф. ботаники: 1) общій курсъ ботаники (для естественниковъ, агрономовъ, химиковъ, медиковъ и фармацевтовъ 1 семестра), 6 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 10—11 ч. и по пятн. и субб. отъ 9—11 ч.; — 2) курсъ практическихъ занятій по систематикѣ растений, по группамъ, 2 ч. въ нед., по субб. 11—1 ч. и 2—4 ч.; — 3) коллоквиумъ (разборъ новѣйшей и классической литературы по ботаникѣ, бесплатно), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч.

Докт. **В. Г. Алексѣевъ**, ордин. проф. чистой математики: 1) аналитическая геометрія, ч. I, съ упражненіями (для математиковъ и химиковъ 1 семестра), 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 12—2 ч.; — 2) приложенія дифференціального исчисленія къ геометріи, съ упражненіями (для математиковъ 3 семестра), 3 ч. въ нед., по сред. отъ 11—1 ч. и по пятн. отъ 11—12 ч.; — 3) высшая алгебра (для математиковъ 1 и 3 семестровъ), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—1 ч. и по субб. отъ 11—12 ч.

Докт. **Н. И. Андрусовъ**, ордин. проф. минералогіи: 1) историческая геологія, 3 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 9—10 ч.; — 2) динамическая геологія, 3 ч. нед., по четв., пятн. и субб. отъ 9—10 ч.; — 3) практическія занятія по палеонтологіи, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 12—2 ч.; — 4) практическія занятія по динамической геологіи, 1 ч. въ нед., по субб. отъ 11—12 ч.

Докт. **П. П. Граве**, ордин. проф. чистой математики: 1) курсъ введенія въ анализъ съ теоріею опредѣлителей,

4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) интегральное исчисленіе, ч. I (неопредѣленные интегралы, съ практическими занятіями), 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 11—12 ч.

Докт. **А. Н. Стверцовъ**, ордин. проф. зоологіи: 1) общая зоология (для медиковъ, естественниковъ и фармацевтовъ I курса), 6 ч. въ нед., по сред., четв. и пятн. отъ 12—2 ч.; — 2) микроскопія (для естественниковъ), 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи; — 3) демонстраціи по общей зоологіи (безплатно), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Маг-нтъ **С. К. Богушевскій**, испр. должн. экстраордин. проф. сельскаго хозяйства и технологіи: 1) почвовѣдѣніе, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 12—2 ч.; — 2) сельско-хозяйственная экономія, 4 ч. въ нед., по сред. и пятн. отъ 12—2 ч.

Маг. **А. И. Томсонъ**, доцентъ сельскаго хозяйства: 1) частное растеніеводство, 2 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 10—11 ч.; — 2) агрономическая химія, ч. I, 2 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 10—11 ч.; — 3) сельско-хозяйственная технологія, 2 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 10—11 ч.; — 4) практическія занятія для студентовъ агрономіи, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг. **К. Д. Покровскій**, астрономъ-наблюдатель: 1) практическія упражненія по сферической астрономіи, 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 7—8 ч.; — 2) вычисленіе орбитъ (курсъ практическій), 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 7—8 ч.; — 3) основы высшаго анализа (для химиковъ), 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи; 4) элементарная математика (для математиковъ), 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Маг-нтъ **А. Д. Богоявленскій**, приватъ-доцентъ химіи и лаборантъ химическаго кабинета: техническая химія, ч. II (металлургія), 2 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 6—7 ч.

Р. Ф. Гулене, испр. должн. архитектора и преподавателя началъ архитектуры: пропедевтика архитектуры, съ практическими упражненіями, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—5 ч.

VI. Уроки по языкамъ и искусствамъ.

Маг. **Я. И. Лаутенбахъ**, лекторъ латышскаго языка и приватъ-доцентъ сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) латышская грамматика, ч. II (морфологія), 1 ч. въ нед., по понед. отъ 3—4 ч.; — 2) практическія занятія (репетиторій фонетики, чтеніе

и разборъ избранныхъ памятниковъ латышской литературы, переводы и письменныя работы на латышскомъ языкѣ), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 3—5 ч.

А. М. Германъ, лекторъ эстонскаго языка: 1) грамматика эстскаго языка, съ историческими и сравнительными указаніями, 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 1—2 ч.; — 2) синтаксисъ эстскаго языка, 1 ч. въ нед., по субб. отъ 1—2 ч.; — 3) чтеніе и объясненіе избранныхъ статей изъ эстской литературы, 1 ч. въ нед., по субб. отъ 2—3 г.

Канд. А. А. Саме, лекторъ французскаго языка: 1) начальный курсъ французскаго языка, 2 ч. въ нед.; — 2) грамматика французскаго языка, устныя и письменныя упражненія, 1 ч. въ нед.; — 3) чтеніе, переводъ и разборъ нѣкоторыхъ произведеній Мольера, 1 ч. въ нед. Часы будутъ назначены впослѣдствіи.

А. Г. Пунга, учитель гимнастическихъ упражненій: гимнастическія упражненія, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Для обученія механическимъ работамъ предлагаетъ свои услуги испр. должн. университетскаго механика **Б. П. Шульце**.

VII. Принадлежащія къ составу Университета учебныя заведенія и музеи.

Въ клиникахъ будутъ обучать директоры оныхъ, а именно: въ медицинской проф. Васильевъ, въ хирургической проф. Кохъ, въ акушерской и гинекологической проф. Соловьевъ, въ офтальмологической проф. Евецкій, въ клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней проф. Чижъ, въ поликлиникѣ проф. Савельевъ и въ университетскомъ отдѣленіи городской больницы проф. Дегио (терапевтическое отдѣленіе) и проф. Цеге фонъ Мантейфель (хирургическое отдѣленіе).

Университетская бібліотека, которую завѣдываетъ въ качествѣ Директора проф. Пассекъ, открыта въ теченіи семестра ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10—2 ч., а во время вакацій, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, ежедневно отъ 12—2 ч.

Директоромъ музея изящныхъ искусствъ состоитъ проф. Мальмбергъ, **музея отечественныхъ древностей** приватъ-доцентъ Шлютеръ, **астрономической обсерваторіи** проф. Левицкій, **фармацевтическаго института** проф. Кондаковъ, **химическаго**

кабинета проф. Тамманъ, физическаго кабинета проф. Садовскій, математическаго кабинета проф. Алексѣевъ, экономическаго кабинета и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи проф. Богушевскій, минералогическаго кабинета (вак.), геологическаго кабинета проф. Андрусовъ, зоологическаго музея проф. фонъ Кеннель, зоотомическаго кабинета проф. Сѣверцовъ, ботаническаго сада проф. Кузнецовъ, метеорологической обсерваторіи проф. Срезневскій, анатомическаго института проф. Рауберъ, института сравнительной анатоміи проф. Чермакъ, физиологическаго института проф. Курчинскій, патологическаго института проф. Афанасьевъ, гигиеническаго кабинета проф. Хлопинъ, фармакологическаго института проф. Чирвинскій, судебно-медицинскаго института проф. Игнатовскій, коллекціи предметовъ по библейской и церковной археологіи проф. Квачала, статистическаго кабинета проф. Мукке, кабинета оперативной хирургіи проф. Дружининъ.

Задачи для соисканія наградъ на 1902 годъ.

I. Отъ богословскаго факультета:

1. Для соисканія медали Сенатора фонъ Брадке: „Историческій фонъ 55—66 гл. книги пророка Исаи“.
2. „Какія данныя для символа вѣры могутъ быть извлечены изъ пастырскихъ посланій“?
3. „Политика Марка Аврелія по отношенію къ христіанству“. (Вторично).
4. Проповѣдь на текстъ: „Посланіе къ Римлянамъ, гл. 5, ст. 1—11 (съ подробно обоснованною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніяхъ диспозицію)“.

II. Отъ юридическаго факультета:

1. По полицейскому праву: Посредничество въ пріисканіи работы“.
2. По энциклопедіи права: „Сила и право“.

III. Отъ медицинскаго факультета:

1. „Вліяніе діоксифеноловъ (пирокатехина, гидрохинона и резорцина) на азотистый обмѣнъ“.
2. „Дифференціальная діагностика между *bacillus typhi abdominalis* и *bacillus coli communis* (экспериментально)“.
3. „Гистогенезъ экспериментальнаго амилоида“.

Для соисканія медали князя Суворова:

4. „Химическое изслѣдованіе колоцинтина“.
- Для соисканія медали Креславскаго:
5. „Изслѣдовать камфору богульника“.

На 1903 годъ:

Для соисканія медали князя Суворова:

Собрать литературу о сесквитерпенахъ и поли-
терпенахъ“.

IV. Отъ историко-филологическаго факультета.

1. „Отношеніе Критики чистаго разума къ Лейб-
нице-Вольфовской философіи“.
2. „Характеризовать отношеніе Эразма къ идеямъ
гуманизма и реформаціи на основаніи colloquia
familiaria“.
3. „Болтинъ, какъ историкъ“.

На 1903 годъ:

„Характеристика административной дѣятель-
ности провинціальныхъ интендантовъ во Фран-
ціи въ царствованіе Людовика XIV на основаніи
изданной административной переписки эпохи“.

V. Отъ физико-математическаго факультета :

1. По математикѣ: „Геометрическая теорія дифферен-
ціальныхъ уравненій по Софусу Ли“.
2. По химіи: „О зависимости скорости кристалли-
зации отъ температуры“ (вторично) — для соиска-
нія медали Сенатора фонъ Брадке.
3. По метеорологіи: „О радіаціи“.
4. По зоологіи: „Развитіе парныхъ конечностей по-
звоночныхъ животныхъ“.

A. Nikitsky.

Die

geographische Liste

der delphischen Proxenoi.

Mit zwei Tafeln.

Drei Fragmente (A, B, C) einer geographisch geordneten Liste der delphischen Proxenoï hat Haussoullier (BCH. VII, 1883, S. 189 ff.) veröffentlicht. Ob das von mir später (Ath. Mitth. X, 1885, S. 101 ff.) herausgegebene vierte Fragment (D a-b, auf zwei anliegenden Seiten beschrieben) zu derselben Liste gehört, kann ich jetzt nicht behaupten. Der unvollständige Abdruck der Texte A, B, C bei Michel *Recueil* 656 ist wenig brauchbar. Jetzt stehen alle vier Fragmente in dem Baunack'schen delphischen Corpus (bei Collitz GDI. II 2580) vereinigt und sind dadurch der Benutzung zugänglicher geworden. Leider ist die Baunack'sche Behandlung dieser Texte, wie auch vieler anderen, durchaus nicht „mustergiltig“ (Larfeld Berl. ph. Woch. 1899, Sp. 976). B. 1) hat nur einen Theil des D (b) nach dem Abklatsch revidiert, die übrigen aber nach Haussoullier's Copien gegeben, obwohl das Vertrauen den letzteren gegenüber schon nach der Kritik Pomtow's nicht berechtigt war (Beiträge zur Topogr. von Delphi S. 9 f.). Wenigstens A und B konnte er im J. 1889 finden: im J. 1885 sah ich sie auf dem H.'schen Ausgrabungsplatze vor der Polygonalmauer, im J. 1892 waren sie im „Museum“ untergebracht. Ich erwähne das nicht *pro*

1) Abkürzungen: B. = Baunack; H. = Haussoullier; F. = meine „Forschungen auf dem Gebiete der griechischen Inschriften“, mit drei autotypischen Inschriftencopien, Jurjew, 1901 (russisch); St. = meine „Delphisch-epigraphische Studien“, Odessa, 1895 (russisch); JMV. = Journal des Ministeriums der Volksaufklärung (russisch); die chr. L. = die bekannte chronologische Liste der delphischen Proxenoï (s. weiter unten); blossе Zahlen — von 1683 bis 2993 — beziehen sich auf das Baunack'sche Corpus. Andere Compendien, wie GDI., CIGS., N. Jahrb. usw., sind bekannt.

domo mea, nicht deswegen, weil B. den H.'schen Copien grösseren Glauben, als der meinigen, geschenkt zu haben scheint, sondern der Sache selbst wegen, wie es aus dem Weiteren ersichtlich wird. Ebenso ist zu bedauern, dass B. auch in der Erklärung einzelner Stellen der Liste auf dem falschen Standpunkte des französischen Herausgebers stehen bleibt. Dass B. sogar bei der Bearbeitung des letzten Heftes seines Corpus das vorhandene delphische Material noch nicht völlig beherrschte, erkennt man leider auch aus seiner Behandlung unserer Fragmente.¹⁾ Auch in der Auffassung unserer Fragmente weiche ich etwas von B. und wohl auch von Pomtow ab, — der letztere hat sich darüber noch nicht endgiltig ausgesprochen. Darum habe ich mich entschlossen das ganze von mir beschaffene und von Zeit zu Zeit gesammelte Material zur Herstellung der Texte und zur Erklärung derselben, so wie auch zur Reconstruction der Liste zu veröffentlichen. Das geschah vor kurzem in meinen russischen „Forschungen auf dem Gebiete der griechischen Inschriften“ (Jurjew 1901), S. 171—284. Aus dieser der Sprache wegen Vielen schwer zugänglichen Schrift will ich hier den betreffenden Theil in sehr stark verkürzter Bearbeitung vorlegen. Selbstverständlich fällt hier sehr Vieles weg, so z. B. viele nähere Begründungen und Vermuthungen und fast alle polemische Zurechtstellungen²⁾. Den Leser möchte ich bitten, wenn er manche meiner Behauptungen nicht genügend begründet und meine Ausdrucksweise eintönig oder theilweise gar inkorrekt finden wird, mir das nicht übel zu nehmen. Verstehen wird man wohl Alles.

1. Zur Herstellung und Erklärung des Textes.

Die von mir gesehenen Fr. A, B und D (C fand ich nicht wieder) sind auf der beigelegten Tafel nach dem ausgefüllten Abklatsch autotypisch reproducirt (5:1). Die Umschrift mit

1) Z. B., S. 754 in der einleitenden Note spricht er von einer „unedierten“ Inschrift, in welcher der Ausdruck: ἐπειδὴ ἐπανεληθόντες θεοὶ οἱ ἀποσταλέντες ἐπὶ τὴν ἐπαγγελίαν τῶν Πυθίων steht, aber diese Inschrift ist doch schon im J. 1882 ediert (BCH. VI S. 215) und sie steht ja bei B. selbst unter Nr. 2652.

2) Meistens gegen Baunack (s. F. S. 172, 176 f., 178, 184 f., 237—239; 240 f., 248, 259—264, 275 f.).

meinen Ergänzungen steht auf der zweiten Tafel. Zu einzelnen Zeilen sei Folgendes bemerkt ').

AI4—5 (4—5). Möglich [έν Σάρδεσι Ἀπολλ]λωνίδ[η]ς Ἀσ[κλη-
πιάδου] aus 2643 (c. 166 v. Chr.), oder [έν Ζεφυρίῳ Ἀπολλ]λω-
νίδ[η]ς Ἀσ[κληπιοδώρου] aus der chr. L. (Z. 237 ff., 178/7) u. dgl.

AI6 (6). Vgl. in der chr. L. Ἀμύωνιος Ἀμμωνίου Ἀλαβανδεύς
(Z. 188, 185/4) oder Ἀπολλώνιος Δημητρίου Χίος (Z. 174, 186/5).

AI2—3 (9—10). Hier Z. 2/3 haben wir eine der „orientieren-
den Überschriften“ (vgl. B. z. Z.), welche ursprünglich allein in
der Zeile stand. Erst später hat man rechts von der Überschrift
die Aufzeichnung: έν Κρανίοις [ὁ δεῖνα] Θέωνος eingetragen.

AII4 (II). Der Vatersname hiess entweder Δεξιμβρότου oder
Λεωμβρότου, Ἀρχεμβρότου u. dgl. Der Proxenosname ist Καλλιλα
d. h. entweder ist hier eine Frau als Proxenos genannt, oder
haben wir ein Masculinum auf ᾱ. Über diese Masculina — aus
der „Nachbarschaft von Kephallenien“ — vgl. Blass N. Jahrb. b.
1891 S. 558 f., Bechtel zu GDI. III 3025, Dittenberger zu
CIGS. III 521, 649²⁾). Vgl. zu AII16.

AII5 (12). Παλίοις, nicht Παλλέοις, an welchem B. keinen
Anstoss findet: er berichtet nur die H.'sche Nominativform
Πάλλεοι in Παλλεῖς und behauptet, dass „die Bewohner auch in
Delphi wie anderwärts Παλλεῖς hiessen“.

AII10 (17). B.'s Bemerkung zu Z. 5—10 (12—17) über die
identische mit der bei Thuk. II, 30, 2 „von West nach Ost gehende
Reihenfolge“ war voreilig: Same steht schon Z. 4 (11); Same
Z. 8 (15) ist bereits ein Nachtrag; Pronnoi Z. 10 (17) ist noch
später nachgetragen.

1) H. gab durchgehende Zeilenzählung für jedes Fragment, ohne
die Kolumnen zu unterscheiden. B. hat durchgehende Zählung auf alle
vier Fragmente ausgedehnt. Ich zähle die Zeilen jeder Kolumne ge-
sondert. Einklammert werden B.'s Zahlen hinzugefügt. Die Bezeichnung
der Fragmente (A, B, C, D) bleibt die alte. Z. B. wird Fragm. A, Kol. IV,
Zeilen 1—4 kurz so bezeichnet: „AIV1—4 (43—46)“.

2) Die von B. nachgewiesenen Fälle der Mascul. auf ᾱ in Delphi
sind sämtlich zweifelhaft. In 1732 „Φίλων Δικαίας“ und 2606 „Μένωνι καὶ
Φίλωνι τοῖς Πολύτας υἱοῖς“ (vgl. noch BCH. XXII № 103 „Σπινθήρ Φιλίστας“)
sind wohl die Metoiken (aus den Freigelassenen) nach ihren Mutter- (statt
Vater-) namen näher bezeichnet. In 2504 II „Λοκρῶν Πλεισιτέας, Θεομνάστου“
ist wohl ein nicht seltener Steinmetzenfehler (*nominativus pro genitivo*, vgl.
B. zu 2604 und 2685, Dittenberger zu CIGS. III 111); ähnlich ist auch
in 2027 „Ἀριστοκλέα| Εὐξείθεος Δρυπαῖος,“ — am Schluss der Zeile, statt
Ἀριστοκλέας. S. F. 176 f. und XXVIII ff.

AI11 (18). Ich halte es auch für wahrscheinlich, dass hier von der bekannten Insel Aigina die Rede ist, doch angesichts der Homonymien (vgl. Pauly-Wissowa I 477, Grasberger Stud. zu d. gr. Ortsnam. 90 f.) ist die Identität noch nicht erwiesen. F. S. 179 f.

AI13 (20) Ἐν Ἀλὶ Τηρεὺς Θράσωνος. B.'s Zusammenstellung mit Θράσων Τηρέος Ἀλειος der Proxenoiliste aus Kleitor (GDI. I 1189) ist durchaus berechtigt, aber es ist noch nicht ausgemacht, dass „Ἀλὶ = Ἡλιδι“, wie er schreibt. Vgl. z. B. Ἀλκέτας Ἀλικός in GDI. 3339₁₂₀ und Ἀλκέτας zwischen den Ἀλαιοι der betreffenden Liste. F. S. 180 f.

AI14 (21). *M. Cornelius C. f.*, — ob identisch mit dem bekannten aus der Zeit zwischen 171—160 v. Chr.? S. Münzer bei Pauly-Wissowa IV 1280.

AI16 (23). H. und B. schreiben Δάμω(ν) Εὐρυδάμου, d. h. nehmen hier eine Steinmetzenauslassung an. Ich lasse Δαμώ, wie der Stein giebt. Über die Frauen als Proxenoi von Delphi s. 2685 u. 2727, und überhaupt Monceaux *Proxénies* gr. 23, 303. Vgl. noch über die *hospita Praxo* Bergk Philolog. XLII 242, Pomtow Beitr. z. Topogr. v. D. S. 85 f. und N. Jahrb. 1889 S. 566.

AI18 (25). Pomtow (N. Jahrb. 1896 S. 168 f.) wollte den Koronäer Mnason Athanon's Sohn auch in 2626 wiederfinden, also in einem Dekret, welches er c. 223/2 ansetzt (s. N. Jahrb. 1897 S. 847 und bei Pauly-Wissowa IV 2628). Aber seine Ergänzung in 2626 ist nicht zu beweisen und sie wird wohl auch von ihm selbst jetzt nicht mehr aufrecht erhalten (F. S. 186). H. und B. ändern den Vatersnamen Ἀθάνωνος in Ἀθαν(ι)ωνος, — ohne Grund: s. den Namen Ἀθάνων in einer boiotischen Inschrift GDI. I 430 = CIGS. I 3080.

AI15—18 (22—25). B. will alle drei hier genannten Städte dem Peloponnesos zuweisen, aber seine Beweisgründe sind sämtlich hinfällig. Orchomenos und Koroneia halte ich (mit Pomtow N. Jahrb. 1896 S. 618 f.) für boiotisch (über die Namen Καρυσίας, Μνάσων, Ἀθάνων s. *Index* zu CIGS. I, namentlich 2871, 3179; 2992, 2870; 3080). Kleonai ist wohl argolisch (schwerlich phokisch, Plut. *Mulier. virt.* 2). F. S. 184—187.

H. füllt noch unter AI18 (25) eine ganze Zeile mit Punkten aus, obwohl er selbst (S. 191) von Fr. A, freilich nicht sehr klar, sagt: „*complet seulement dans le bas*“ (B. übersetzt: „unteres

Stück nur vollständig“). In der That bleibt ein ziemlich grosser Raum unter Z. 18 frei und nie war dort etwas geschrieben, so dass H.'s Punkte nur eine falsche Vorstellung erwecken können (und vielleicht in B. schon erweckten), dass Kol. II noch weitere Fortsetzung nach unten hatte.

BII₁ (71). Die Zeile steht sehr nahe zur nächstfolgenden, man könnte sagen, liegt auf derselben, was sonst in der Kolumne nicht vorkommt. Vielleicht wurde sie erst später in den zwischen den schon vorhandenen Zeilen gelassenen Raum eingezwängt. Der Schluss der Zeile greift in die nächste Kolumne ein. Die beiden eingreifenden Buchstaben ΟΣ sind zu nahe an einander gesetzt: man wollte wohl unsere Zeile ausser Berührung mit BIII₄ (stammt etwa aus d. J. 196/5) schliessen. Es ist glaublich, dass unsere — eingezwängte — Zeile einen späteren Nachtrag zur folgenden Zeile enthält, nämlich dass Κλ[έων] Εένωνος der Sohn des in der letzteren genannten Xenon ist.

BII₂ (72). Meine nicht unwahrscheinliche Ergänzung [ἐν Κασσανδρεῖα] Εένων Εένωνος entnehme ich der chr. Liste Z. 181, wo Εένων Εένωνος Κασσανδρεύς im Jahre 187/6 als Proxenos verzeichnet ist. Für die Ergänzung spricht nicht bloss die Identität der Personennamen, sondern auch die zeitliche und örtliche Übereinstimmung. Kassandreia (an der Stelle des Potidaia erbaut) wäre hier, zwischen makedonisch-thrakischen Ortschaften, sehr passend. Gegen die Ergänzung könnte nur der etwas knappe Raum der Lücke angeführt werden.

BII₃ (73). H. und B. ergänzen 'Επικράτου[ς], wie in BII₅ (75). Auf dem Stein ist keine Spur irgend eines Zeichens, und das Fehlen des Schluss-σ ist vielleicht nicht zufällig. Meine etwas gewagte Ergänzung [ἐν Πέλλαι 'Ονάσι]μος 'Επικρατ(ίδ)ου stammt aus der chr. Liste Z. 103, wo 'Ονάσιμος 'Επικρατίδου Πελλαῖος unter dem J. 190/89 verzeichnet ist. Lücke, Zeit und Ort stimmen vollkommen zu. Ob das fehlende ΙΔ über der Zeile nachträglich gesetzt worden, vermag ich auf Grund meines Abklatsches nicht nachzuweisen.

BII₄ (74). [.....ω]ν oder [.....ω]ν Με[νί]ππου (bei H. nur — ν.....ππου) — eine Fortsetzung zur Z. 3, also auch aus [Pella?].

BII₅ (75). B.'s [ἐν Ἀβδήρ]οις ist durchaus unsicher.

BII₆ (76). Die Lesung 'Επιγῆθ[η]ς ist wohl zweifellos (bei H. ΓΗΘΙΣ ist nur eine fehlerhafte Majuskelnwiedergabe). Die Verwandtschaft dieses Telesias'Sohnes mit Τελεσίας Στράτωνος

Οἰσυμαῖος, welchem die Proxenie und Theorodokie in 2600 (nach P o m t o w, bei Pauly-Wissowa IV 2631, c. 205/4) erneuert wurde, hat schon B. wohl richtig erkannt (vgl. P o m t o w a. o. S.).

BII7 (77). H. ΠΟΑΕΙ statt ΗΟΑΙ.

BII8 (78). H. giebt für den Ortsnamen ᾠΑΙΤΑΙΣ, aber ein T war hier nicht: der senkrechte Strich ist zu kurz. Ich sehe statt IT ein II, jedenfalls kein N (also B.'s Σάναις unzulässig). Gegen ΚΑΠΑΙΣ spricht der von H. notierte Querstrich vor A. Ich schlage vor: [Σ]άναις. Der Name kommt allerdings nur als ein Volksname vor (St. B., Hesych. u. s. w.), und, wenn es wirklich keine Stadt Namens Σάπαι gab, konnte hier auch der Name des Volkes genannt sein, falls auf seinem Gebiete keine städtische Ansiedelung war (vgl. P o m t o w N. Jahrb. 1897 S. 749). „Zur Zeit des Perseus tritt Ἀβρούπολις ὁ Σαπαίων βασιλεὺς als Freund der Römer und Gegner der Makedonen“ (T o m a s c h e k Die alten Thraker I S. 69, in den Sitz.-Ber. d. ph.-hist. Cl. d. Wien. Akad. 1893, Bd. CXXVIII). — Die Ergänzung Ἀντιγενίδ[ας] Π[ό]λλιος gebe ich nur beispielsweise: die Buchstabenspuren sind nicht sicher.

BII7—8 (77—78) entstanden früher, als die entsprechenden Zeilen rechts, BIII 11—12 (101—102).

BII9 (79). H. gab nur: ἐμ Μ...Δ...Σ Σέλευκος...αιο. Seine Spatienzählung ist sehr ungenau. Aber auch die von mir angegebenen Buchstabenspuren sind eher gefunden, als gesehen. Zu den provisorisch notierten Spuren suchte ich nämlich zwischen makedonisch-thrakischen Ortsnamen einen solchen, der mit M beginnend und etwa 8 Zeichen lang zu jenen Spuren passend wäre. Μόρυλλος war der passendste, und auf dem Abklatsch schien es mir dann möglich fast alle Buchstaben desselben wiederzufinden. B.'s ἐμ Μένδηι oder ἐμ Μενδαίοις ist durchaus unzulässig. Μόρυλλος wird genannt bei Ptolem. III 12, 35; vgl. Plin. H. N. IV 35 *Morylli*. — Der Name Ἀδυκος ist unsicher; statt Ἀ[γν]αίου vgl. noch [Διχ]αίου.

BII10 (80). Ich möchte vorschlagen entweder ἐ[ν] Κ[αρδ]ι[α] Νεᾶς oder ἐ[ν] Κ[άρι]αις Π[αν]έας oder dgl.

BII13 (83). Nach B. ist das H.'sche [ἐν Ἀσσ]άροις unmöglich. Für [Ἀβδ]άροις spricht der nicht seltene auf abderitischen Münzen Name Διονυσᾶς (Head *Thrace* S. 73—75, Beschr. d. ant. Münz. d. Berl. Mus. I S. 109, 115, Mionnet I S. 366 usw.). Bei Ptol. II 4, 7 heisst nur die spanische Stadt Ἀβδαρα.

BII20 (90). Die Zeile entstand wohl früher, als B III 25 (115); sonst hätte der Steinmetz wohl den Zeilenschluss ΝΟΥΣ nicht so breit geschrieben.

Fragm. C sah ich nicht. — Über Mondaia Z. 6 (126) vgl. ausser Latyschew noch Bergk Philolog. XLII 252. — Zu Z. 7 (127) ΦΑΛΕΥΑΙΑ = Φαλάνναι (?) ist bei einer Revision des Steines noch Φαλώρεια oder Φαλανθία (Ptol. III 12, 42) nicht zu vergessen. Zu Ἰππαίτας ebd. vgl. denselben Namen auf Bundesmünzen Thessaliens (Gardner Thessaly S. 5, № 62, Mionnet II S. 5, № 47, vgl. R. Weil Z. f. Num. I 181; Monceaux Rev. arch. XII 316). — Zu Z. 12 (132): ob [ἐν Λαμί?]αι Σώσανδρος? Vgl. in der chr. L. Z. 52 Λύκων Σωσάνδρου Λαμιεύς aus dem J. 196/5. In unserer Zeile wäre es ein Nachtrag aus Lamia, erfolgt später, als 196/5 (der Sohn?); ein noch späterer Nachtrag — AIII13. Lamia wäre neben Narthakion wohl am Platze. Der Name Sosandros kommt auf thess. Bundesmünzen vor (R. Weil Z. f. Num. I 181). — Z. 13 ergänze ich vermuthungsweise [ἐν Ἐλα]τία und denke an die thessalische Stadt dieses Namens.

AIII3 (28). Ἀριστοκράτης Ἀριστάρχου ist vielleicht der Enkel des gleichnamigen Aristokrates in C 1—2, also hier ein späterer Nachtrag (?).

AIII4 (29). Dem [ἐν ..]πειθείωι kann es wohl mit Λαπιθήιος BCH. XV 327 nicht geholfen werden.

AIII5 (30). H. Εὐθύμαχος fehlerhaft statt Εὐρύμαχος.

AIII6 (31) und 15 (40). Sosthenis war doch leicht auch bei Pape-Benseler zu finden.

AIII7 (32). Zu Spercheiai vgl. ἐξ Σπερχεϊᾶν 2038.

AIII8 (33). Ob Ἀπετά mit Ἀφεταί identisch ist, *non liquet*.

AIII9 (34). Das Ἐχινεύς hält man hier für das malische Ἐχίνος oder Ἐχινούς. Doch heisst das letztere auch zu Delphi Ἐχίνος, s. 2667 (vgl. CIGS. I 416, 542).

AIII10 (35). Der Argethier Neoptolemos (ohne Vatersnamen) — ob aus dem athamanischen Fürstenhause?

AIII13 (38). Ein unediertes Dekret aus Lamia für unseren Polyxenos Philon's Sohn hat jetzt (BCH. XXIV 219) A. Wilhelm nachgewiesen. Über Πολύξενος auf thessal. Münzen s. R. Weil Zeit. f. Num. I 181 f.

BIII1—4 (91—94). Wie lang in BIII die Zeilen waren, wissen wir jetzt annähernd sowohl aus BIII15 (105), wie BIII7—10 (97—100). H. und B. haben die Zeilen zu kurz gemessen. Nach

der chr. L. Z. 10—11 wurden im J. 196/5 vier Massalieten mit der Proxenie beehrt; Θεόδωρος Ἡρώνακτος, Κλεόδαμος Καίκου, Κρινᾶς Πυθία, Πυθίας Κρινᾶ. Für H. und B. war an unserer Stelle kein Platz für den drittgenannten, d. h. Krinas, sie nahmen also an, dass derselbe zur Zeit unserer Aufzeichnung bereits gestorben war, und zogen daraus den Schluss, dass unsere Liste einige Jahrzehnte später, als 196/5, aufgesetzt wurde. Aber für diesen vermeintlich gestorbenen Krinas Pythias'S. ist Raum genug und ich setze seinen Namen in Z. 3, d. h. in derselben Ordnung, wie in der chron. L. Alle vier Massalieten wurden hier im demselben J. 196/5 oder bald darauf eingetragen.

BIII6 (96). H. las Χα[ρί]λαος. Meine Lesung Χαίρέλαος ist zweifellos (die Buchstaben sind zwar nicht so klar, wie in meiner Copie). Vgl. Χαίρέλαος Χαλειεύς als Zeuge 1853, im J. 173/2, wohl dieselbe Person. — Über das Chaleion s. jetzt Perdrizet Rev. d. ét. Gr. X 19—23, Colin BCH. XXII 185 f., — die daselbst berührte chronologische Frage müsste noch untersucht werden.

BIII7—10 (97—100). Wie diese Zeilen ergänzt werden müssen, sehen wir jetzt aus dem kürzlich edierten Proxenie-Erneuerungsdekret des J. 175/4, BCH. XXIII 542.

BIII12 (102) f. H. und B. ergänzten irrthümlich Ἀν[τίγο]ντος. Zu Θεοστιάι vgl. Πειθιμένεος Θεοστιέος in 2527, und wohl auch in 2531 ist Λυκίσκου Θεοστιέως (statt Θεοστιέως) zu lesen.

BIII13—14 (103—104). Bei H. ΕΜΕΝΙΔΑ und Ε...Ἰμμενίδα, beidemal unrichtig. Bei mir ist [Πολυ]ῖνίδα aus 2010 (196/5) entlehnt (vgl. noch CIGS. III 331).

BIII 15—17 (105—107). Über die eigenthümliche, hin und her schwankende und mangelnde Behandlung und Datierung der Nachrichten ¹⁾, welche wir über den Laodikäer Philonidas und seine Söhne Philonidas und Dikaiarchos besitzen ²⁾, handle ich ausführlich in JMV. 1900 April und März (wieder abgedruckt in *Commentationes Nikitinianae*, S. Petersburg 1901, S. 23—53).

1) CIA. II 605, CIG. 1693 = GDI. 2677, an unserer Stelle und in dem von Crönert edierten Papyrus, Sitz.-Ber. d. Berl. Akad. 1900, S. 942 ff.

2) Namentlich bei Böckh zu CIG., Bergk Philol. XLII 232, Köhler zu CIA., Haussoullier BCH. VII zu unserer Stelle, Latyschew Ath. Mitth. X 76, Pomtow Beiträge S. 8, ebd. S. 124, in Philolog. 1895 S. 363, N. Jahrb. 1896 S. 619, Philolog. 1898 S. 551 f., Baunack zu GDI. 2677, Crönert a. o., Köhler Sitz. Ber. d. Berl. Ak. 1900 S. 999 f., vgl. noch Usener Rh. Mus. 1900 S. 145 ff.

Die von Pomtow „nach vielem Schwanken ermittelte“ Date des delphischen Proxeniebeschlusses über Dikaiarchos, d. h. das J. 189, welche von Baunack als zweifellos betrachtet wird, ist nach meiner Beweisführung entschieden falsch, weil auf unrichtiger Auffassung unserer Fragmente begründet. „Jetzt nach Crönerts Veröffentlichung kann es keinem Zweifel unterliegen, dass Philonidas' Söhne nicht zu Antiochos III, sondern zu Antiochos IV Epiphanes in nahen Beziehungen standen, also der erwähnte Beschluss nicht aus d. J. 189 stammt, sondern wohl aus d. J. 168/7, dem des Archonten Κλέωνος (so ist das Kyriacsche ΕΛΕΩΝ[ΟΣ] zu verbessern, wie es schon Bergk wollte).

Diese laodikäische Aufzeichnung halte ich an unserer Stelle für später ungehörig eingeschoben. S. weiter unter 6.

BIII18 (108). Zu Μνασι[λας] vgl. CIGS. III 780. — Diese Zeile — wohl weil nach grösserem freien Zwischenraum geschrieben — wurde zufällig nicht vollständig gerade, sondern schräg (nach rechts sich erhebend) gestellt; ihrer schrägen Stellung folgen alle Zeilen unterhalb derselben, ebenso wie auch die drei Zeilen der später eingeschobenen laodikäischen Aufzeichnung oberhalb.

BIII25 (115). Ausser ἐν Ταισίαις Κομ — kann es auch ἐν Ταισίαι Σκομ — gelesen werden. Die Stadt ist sicher mit der von Appianos (Hann. 44) erwähnten nahe zu Rhegion gelegenen Τισία identisch (ἀνὴρ ἐκ πόλεως Τισίας, — „*prius i in ras. ex η et σ ex corr.*“, Mendelssohn; die Einwohner Τισῖται; von hier aus auch St. B. u. Τισία; vgl. noch Diod. Sic. XXVII 2, 13 Τισῖαι — ἐν τῇ Βρεττίᾳ).

AIV 1—3 (43—45) ἐν Ἀλαίᾳ —, ἐν Θέρμοις, —, ἐν Λιπάραι —. Nur einer unrichtigen Voraussetzung über den Inhalt der betreffenden Kolumne ist es zu zuschreiben, dass sowohl H., wie B. diese Städte in dem eigentlichen Hellas finden wollen. Θέρμα halten beide „sicher“ für aitolisch, Ἀλαῖσα H. vermuthungsweise für thessalisch. Das aitolische Thermon war doch keine Stadt oder Kome, — das konnte man längst wissen und jetzt ist es durch Sotiriadis' Ausgrabungen, wie es auch zu erwarten war, festgestellt. An unserer Stelle sind zwei Städte Siciliens und die grösste der liparäischen Inseln genannt.

AIV4 (46). Die Stadt Ἀλπα suche ich in Lokris und identifiere sie mit der ozolischen Ἀλόπη Strabons (IX 427),

von welcher Steph. Byz. (s. v.) sagt: πέμπτη περὶ Δελφούς. Ich vermuthe ferner, dass auch bei Thukyd. III 101 in dem Verzeichniss der Ozoler „Ὀλπαῖοι“ in Ἀλπαῖοι zu ändern ist: die Ursache des Schreibfehlers oder einer flüchtigen Verschlimmbesserung lag wohl darin, dass in den darauf folgenden Kapiteln (Thuc. III 105, 106, 107, 108, 110, 111, 113) das amphiloichische Ὀλπη oder Ὀλπαῖ nicht weniger als elfmal genannt wird. Es ist nicht unwahrscheinlich, dass auch in der ozolischen Inschrift, vermuthlich aus Physkos, CIGS. III 349 Νικόδαμος ἈΠΙΑ nicht mit Dittenberger in Ἀ[α]πα..... zu ändern ist, sondern als [Ἀ]λπαῖος aufzufassen.

AIV5 (47). Κυνιάδαις ist sicher (bei H. war [Ἐ]υνιάδαις). Es ist wohl eine an der aitolischen λίμνη Κυνία gelegene Ortschaft (Strab. X 459). Statt ἐγ Κυνιάδαις ist auch ἐγ Κυνία Δαῖς — möglich.

AIV6 (47). Ἐν Λάφρωι. Es ist zwar ein „neuer“ Ortsname (H. und B.), aber der Ort selbst ist wohl sicher ἐν τῇ Καλυδωνίᾳ zu suchen, etwa eine Kome, die zu Kalydon ebenso gehörte, wie Buttos zu Naupaktos (CIGS. III 357—358 ff. und die Inschriften JMV. 1884 December, die „dem übrigen Europa unbekannt geblieben sind“, — s. Pomtow bei Pauly-Wissowa IV 2679), Kyra zu Physkos (W. Vischer Kl. Schr. I 332, Pomtow N. Jahrb. 1894, S. 694, 842), die Στιεῖς zu Amphissa (W.-F. 209 = 1874) usw. Wir wissen nämlich, dass die laphrischen Götter und Kulte besonders in Aitolien heimisch sind und zwar περὶ τὴν Καλυδῶνα (Strab. X. 459, Paus. IV 31, 7; VII 18, 8 f.). Ich möchte glauben, dass auch das Epitheton Λάφριος ursprünglich nur eine Ortsbezeichnung war, die mit dem Λάφρος oder Λάφρον unserer Zeile in nächster Verbindung steht; alle Deutungen des Epitheton (von Laphrios Kastalios' Sohn oder von ἐλαφρός, Paus. VII 18, 9; oder = Λαφυρία = Ἀγελεία = Ἀητίς, Tzetz. zu Lyc. 356; oder = φιλόξενος, ders. zu 835; oder = Λαφορία = λεωφορία, im Sinne von παμφορία, Ahrens Rhein. Mus. XVII 356, oder als „Göttin der Landstrassen“ Usener Götternamen 190) wären dadurch überflüssig. Über Laphrisches überhaupt s. Höfer bei Roscher Myth. Lex. II 1848 f., Wernicke bei Pauly-Wissowa II 1391, wo unseres Laphros noch keine Erwähnung gemacht worden; zu suppliren ist jetzt noch das Fest Ἀάφρια zu Delphi nach der Labyadeninschrift 2561; ausserdem Ἀρτ[έμιδος] τὰς Λαφρ[ι]ᾶς in O. Kern Inschriften von Magn. 28; als Personenname Λάφριος CIGS. III 447.

Ich will hier einige Worte über den Monat Λαφριαῖος hinzufügen. Er ist nur durch eine Freilassungsurkunde W.-F.243 = 1908 bezeugt, welche folgenderweise datiert ist: Στραταγέοντος τῶν Αἰτωλῶν Ἀλεξάνδρου Καλυδωνίου μηνὸς Λαφριαίου, τῶν δὲ Λοκρῶν ἀγωνοθετέοντος Τελεσάρχου τοῦ Δαμοτέλεος μηνὸς Διωνῶνος, ἐν δ' Οἰανθείαι ἀρχοντος Ἀρμοδάμου μηνὸς | Ἀπελλαίου, ἐν δὲ Δελφοῖς ἀρχοντος Φιλοκράτεος | μηνὸς Ποιτροπίου τοῦ πρώτου. Beide Freilasser sind Οἰανθεῖς. Bürgen — Οἰανθεύς und Στράτιος. Zeugen — je zwei Ἀρσινοεῖς und Οἰανθεῖς, ein Χαλειεύς, fünf Στράτιοι, ein Τριχονεύς. Der delphische Archon Philokrates gehört in das J. 154/3, wie es schon vor Jahren erkannt ist (nicht in das dritte Jahrhundert v. Chr., wie man früher dachte, z. B. Latyschew Über einige äolische und dorische Kalender S. 41, 118, Bergk Philol. XLII 240, E. Reisch *De music. Gr. certam.* 90 und sogar jetzt Niese Gesch. d. gr. und mak. St. II 214). Der aitolische Laphriaos wird in dieser Inschrift — nur in dieser — dem delphischen Poitropios gleichgestellt. Aber sonst entspricht dem Poitropios der aitolische Dios (die Belegstellen — 20-mal vor dem J. 154/3 und 1-mal nach dem J. 154/3 — kann man in Wenders Register zu GDI. finden). Der aitolische Kalender ist fast vollständig und gut bekannt; nicht besetzt ist vorläufig nur die elfte Stelle desselben, die dem delphischen Apellaios entspricht. Er war genau nach dem delphischen reguliert, so dass immer dieselben delphisch-aitolischen Gleichungen wiederkehren. Aus den oben erwähnten, „dem übrigen Europa unbekannten“ Inschriften sieht man, dass auch der Schaltmonat der Aitoler Δῖος ἐμβόλιμος war, wie in Delphi Ποιτρόπιος ὁ δεύτερος. Es ist also unmöglich unsere Gleichung Laphriaos = Poitropios durch irgend eine Intercalationsverschiedenheit zu erklären, wie es einmal Bischoff (*De fastis Graec.* 364) dachte. Ebenso ist es nicht ratsam Laphriaos für einen älteren, Dios für einen jüngeren Namen desselben Monats zu halten (Latyschew a. O.), seitdem wir wissen, dass der Name Dios sowohl vor, wie nach dem J. 154/3 im Gebrauch war. Die unmöglichste Erklärung ist die von Dittenberger zu CIGS. III 357, nach welcher der Laphriaos ein *peculiaris Oeanthensium mensis* sein soll: der hochverdiente Gelehrte hat zufällig nicht bemerkt, dass der oiantheische Monat in derselben Freilassungsurkunde ebenfalls genannt ist: es ist Apellaios (s. o.). Dittenberger musste den Laphriaos aus dem aitolischen Kalender gänzlich eliminieren, da er dachte einen Monatsnamen für die einzige (die 11-e) unbesetzte Stelle desselben

gefunden zu haben und zwar Θυῖος aus CIGS. III 357. In dieser schwer lesbaren Inschrift aus Naupaktos steht nämlich μηνὸς ὙἸΟΥ, also Θυῖου, — so nach Lollings Copie (kein Abklatsch?). Aber bei R. Weil (Ath. Mitth. IV 24) ist hier bloss μηνὸς - - |ΙΟ notiert, in meiner Copie steht: μηνὸς..Υ |ΙΟ..., also ohne Lollings Halbkreis vor Υ und mit einer Lücke für zwei Zeichen, so dass sowohl [Ἀγ][υ][ε]ῖου, wie [Βο][υ][κα][τ]ῖου zu ergänzen möglich wäre. Demnach bleibt die 11-e Stelle des aitolischen Kalenders noch frei. An diese setze ich nun den Laphriaios, so dass er dem delphischen Apellaios entsprechen muss. Man wird mir sagen, wir haben doch in der Freilassungsurkunde die Gleichung: Laphriaios = Poitropios (der 6-e delphische Monat), nicht Apellaios (der 1-e). Das lässt sich aber erklären. Die betreffende Freilassungsurkunde ist keine gewöhnliche, wie fast alle anderen. Bei jeder in Delphi erfolgten Freilassung erscheinen nothwendig einige Delphier, wenn auch nur unter den Zeugen. Hier aber findet sich kein Delphier: Freilasser, Bürgen und Zeugen sind alle, wie wir sahen, Ausländer. Ich meine nun, das der Vertrag selbst über die Freilassung etwas früher (um 5 Monate) am Wohnort der Freilasser abgeschlossen und formuliert wurde, und jene Zeit durch drei nicht-delphische Datierungen bezeichnet ist. Erst später brachte man diesen bereits fertigen Vertrag nach Delphi zur Sanction und Veröffentlichung, — und zu der letzteren allein gehört die delphische Date, so dass sie nicht als synchronistisch den ersteren drei angesehen zu werden braucht. Dass ein Freilassungsvertrag, ausserhalb Delphi zu Stande gekommen, in Delphi nur publiciert werden konnte, ist wohl auch aus 1849, 1931, 1954, 2146 und 1844 ersichtlich. Genauer freilich sollte es heissen, dass im Poitropios nur ἀνεγράφη ἂν ὥνά (vgl. 2097).

Wir erhalten also für die Zeit des Vertrages:

- a) μηνὸς Λαφριαίου unter dem aitolischen Strateg Alexandros,
- b) μηνὸς Δινωνος unter dem lokrischen Agonothet Telesarchos,
- c) μηνὸς Ἀπελλαίου unter dem oiantheischen Archon Harmodamos,
- d) (μηνὸς Ἀπελλαίου unter dem delphischen Archon Philokrates),

und für die Zeit der Veröffentlichung:

μηνὸς Ποιτροπίου unter demselben delphischen Archon 1).

Im J. 154/3 stand das ozolische Lokris nicht mehr unter den Aitolern. Das Erscheinen der lokrischen Bundesdate (Agonothet) neben der aitolischen Bundesdate (Strateg) ist bereits von Dittenberger genügend

Meine Erklärung ist gewaltsam, aber man wird sie wohl annehmen, wenn man noch Folgendes in Betracht zieht. Aus 1901 = W.-F. 236 wissen wir, dass in demselben Philokrates' Jahre im Dadaphorios (der 5-e delphische Monat) = in dem 4-en Monat des lokrischen Jahres der lokrische Agonothet Νικέας Οίανθεύς war. Aus 1908 = W.-F. 243 bei traditioneller Erklärung sollte es folgen, dass in dem nächsten Monat (Poitropios) der Agonothet Telesarchos war! Wann fand also der Wechsel der Agonotheten statt? Zwischen dem 4-en und dem 5-en Monat des Jahres? Oder war Telesarchos ein *suffectus*? Beides wäre wenig wahrscheinlich und nur ein Nothbehelf. Bei meiner Erklärung verschwindet diese Schwierigkeit. Telesarchos' Agonothésie fällt auf 11 Monate vor Philokrates und auf den ersten Monat (Apellaios) des Philokrates; seit dem zweiten delphischen Monat (Bukatios), welcher zugleich der erste lokrische ist, beginnt die Agonothésie des Nikeas. Das ist noch nicht Alles. Für die dem delphischen Poitropios entsprechende Stelle des lokrischen Bundeskalender ist μὴν Διονύσιος bezeugt, 1851 = W.-F. 186. Unsere Urkunde giebt bei traditioneller Behandlung für dieselbe Stelle „μηνὸς Δινωνος“, und man wusste nicht, was zu thun ist: entweder trug man gewaltsam den „Dinon“ aus dem Bundeskalender in den Stadtkalender von Physkos über, oder hielt man Dionysios und „Dinon“ für Nachbarmonate, deren jeder theilweise dem Poitropios entsprechen sollte (s. bei Latyschew und Bischoff), oder identifizierte man Διονύσιος = Δινων (Ad. Schmidt N. Jahrb. 1885, S. 354), oder liess man unsere Urkunde bloß unbenutzt. Bei meiner Erklärung bleibt Dionysios auf seiner Stelle (der 5-en im lokrischen Kalender), und für „μηνὸς Δινωνος“ ist die Stelle (die 12-e) frei. Dazu noch etwas. Bei meiner Erklärung entspricht der oiantheische Apellaios in Delphi nicht dem Poitropios, sondern dem Apellaios und, was noch wichtiger, ebenfalls dem Apellaios in Tolphon und in Chaleion (dabei ist noch zu bemerken, dass auch der nächste Monat sowohl in Oiantheia wie in Chaleion gleichnamig war, nämlich Κάριος,

erklärt (Hermes 1897, S. 182): unsere lokrische Freilasser aus Oiantheia lebten zur Zeit des Vertrages in Aitolien (wohl in Stratos, nach der grossen Zahl der bei der Freilassung befindlichen Stratier zu urtheilen); sie gaben also die Zeit an sowohl nach der an ihrem Wohnort üblichen Art, wie nach der in ihrer Heimath üblichen (und zwar noch doppelt: nach dem lokrischen Bundeseponymos und nach dem oiantheischen Stadteponymos).

s. CIGS. III 331 und BCH. XXII № 2). Schliesslich lässt noch meine Erklärung die unglaublich grosse Mannigfaltigkeit der lokrischen Kalender theilweise beschränken — man war bereit doch anzunehmen, dass in Lokris einerseits zwei Bundeskalender im Gebrauch waren (Namen- und Zahlenkalender) und andererseits noch verschiedene Kalender fast in jeder Einzelstadt! Doch über die Reconstruction dieser Kalender werde ich nächstens sprechen (hier sei es erwähnt, dass für mich wie aus „μηνός Ἀπόλλωνος“ μὴν Ἀπόλλωνος = Ἀπελλαῖος folgt, so auch aus „μηνός Ἀμωνος“ μὴν Ἀμωνος = Πάναμος, — vgl. noch Ἀφάμιος und vielleicht ἀφαμιώται, Ἀμαία, Ἀμάδοκος usw., — weiter, die Lesungen ΔΙΝΩΝΟΣ 1908, ΓΧΑΙΟΥ 1842, ΑΡΑΤΥΟΥ 2097 sind sicher; in 2141 ist nicht mit Haussoullier [Βουκα]τίου, sondern [ΚΟΟΥ]ΤΙΟΥ zu ergänzen).

AIV7 (49). Ἀπόμψωι ist sicher. Unbekannt.

AIV9 (51). Vor ΝΙΚΟ sind etwa 6 Zeichen radirt.

AIV10 (52). Statt ἐν Θαρείδαις (so H. und B.) ist auch ἐν Θάρει Δαῖσ— möglich.

AIV11 (53). Über die physkeische Kome Kyra vgl. oben zu AIV6. Die ozolischen Kyra und Antikyra lagen wohl einander gegenüber. Aber wo?

AIV12 (54). Das ἐν Ποτ[άναι] halte ich nicht für ausgeschlossen, ziehe aber ἐν Ποτ[ιδανίαι] vor, weil ein Potidanier bei den Καφρεῖς als Bürge genannt wird, — s. zur nächsten Zeile.

AIV13 (58). Das B.'sche ἐγ Κα[λυδῶνι] ist unmöglich. Ob ἐγ Κά[φραι] oder ἐγ Κά[φραις] oder Κά[φρωι] zu ergänzen ist, weiss ich nicht. Ich kenne nur das Demotikon Καφρεῖς: dasselbe kommt in zwei aus „den dem übrigen Europa unbekannten“ Inschriften vor. Die Ortschaft, wohl eine Kome, ist wohl ozolisch oder nahe zu Ozolis gelegen. Ob auch bei P o m t o w Philolog. 1899 S. 72 Αἰτωλῶι ἐκ [Καφ]ρᾶν zu lesen ist?

AIV14 (56). Ἐν Πλ[ευρώνι], nicht, wie bei H., ἐν Πλ[υγονεῦσι]. Die Stadt (Kome) der Plygoneer, welche in dem östlichsten Theil der Ozolis an der Grenze des delphischen Gebietes lag, verschwand schon im J. 191/o, bei den Kriegsunternehmungen des M'. Acilius gegen Amphissa; sie wurde wohl durch denselben mit Delphi synoikisiert, und seit dem J. 190 erscheinen die einstmaligen Plygoneer bereits als Delphier. Über die Lage dieser Ortschaft, über ihr letztes Schicksal und über einzelne uns bekannte Plygoneer handle ich ausführlich in JMV. 1900,

October, S. 1—37, auf Grund einer vergleichenden Zusammenstellung des gesammten Materials der Freilassungsurkunden.

AIV15 (57). H. hat richtig entweder ἐμ Με[τάπαι] — aitolisch — oder ἐμ Με[δεῶνι] — akarnanisch — vorgeschlagen: gerade an dieser Stelle haben wir die Grenze zwischen Aitolien und Akarnanien. Oder noch ἐν Με[τάναι]? Vgl. Μετάνιος 2531, wenn es kein Druckfehler für Μετάπιος ist.

AIV17 (59). Ich ergänze ἐν Δάμω[ι?] und denke dabei an die homerischen Erklärer, welche ein Δῆμος Ἰθάκης nachzuweisen bemüht waren (Γ 201, α 103, s. Schol. und Strab. VII 299; Eustath. zu θ 555 S. 1610, 57, zu B 633 S. 306, 43, S. 307, 23; St. Byz. s. v. Δῆμος und Κροκύλειον; Strab. VIII 376; Plin. IV 54). Vielleicht hatten sie doch einen Grund dazu in dem wirklich vorhandenen Δᾶμος, irgendwo in Akarnanien oder auf einer der Nachbarinseln. Diese Erklärung kann noch mehr an Wahrscheinlichkeit gewinnen, wenn es Dörpfeld gelingen wird Ithaka = Leukas zu beweisen. Ich dachte an Δᾶμος = Δῆμος schon vor den Nachrichten über seine Theorie, nämlich in Zusammenhang mit meiner vermuthungsweise aufgestellten Lokalisierung der homerischen (resp. des homerischen Hymnos) Kranoi und Chalkis. Ich halte dieses Chalkis für die bekannte Stadt Aitoliens und das Kranoi suche ich neben dem Heiligthum τοῦ Ἀσκληπιοῦ τοῦ ἐν Κρουνοῖς, welches zuerst von mir und später von Woodhouse entdeckt worden ist und aus welchem die von mir im J. 1884 edierten „dem übrigen Europa unbekannten Inschriften“ und ebenso auch die Woodhouse'schen (CIGS. III 379—387) stammen (s. darüber meinen späteren Aufsatz in JMV. 1896, November). Gerade die nächsten Zeilen unserer Liste führen uns nach Ithaka.

AIV 18—19 (60—61). Beidemale steht ἐν Ἰθάκῃ, aber an der ersten Stelle radiert. Bei H. Z. 18 E..OK oder ἐν.ολκ ist fehlerhaft, resp. ungenau; das B.'sche ἐ[γ Κ]ορ[όντοις] ist unmöglich.

Für Da wiederhole ich in der Umschrift meine Ausgabe aus den Ath. Mitth. X, für Db dieselbe mit sehr unbedeutenden Ergänzungen Baunacks.

Unbedeutendere Abweichungen meiner Copie, resp. Umschrift liess ich hier unerwähnt. Es handelt sich meistens um einzelne Zeichen oder um die Angabe der Lückengrösse u. dgl.

So in AI 1—5 (1—5), 7 (7); AII 1 (8), 8 (15); BII 1 (71), 5 (75), 6 (76), 10 (80), 12 (82), 16—17 (86—87); C 2 (122), 4 (124); A III 1—2 (26—27), 11 (36); B III 20 (110), 22 (112), 23 (113), 27 (117), 29 (119); AIV 2 (44), 21 (63), 22 (64); Db 11 (167).

2. Zur Aufzeichnung.

So oft man über die Zeit unserer Fragmente sprach, so oft sprach man über eine Redaction, über ein Aufsetzen der Liste und mit seltener Einstimmigkeit setzte man diese Redaction etwa in das J. 175 v. Chr. (nur in der letzten Zeit meinte Homolle BCH. XXIII 543, *que la redaction est postérieure d'une génération à cette année, soit contemporaine environ de 150*). Eine geographische Anordnung ist im Allgemeinen freilich unverkennbar, aber wollte man dieselbe auch in einzelnen Kolumnen durchgeführt finden oder „Reiserouten“ nachweisen, so sah man entweder statt einer Ordnung eine Unordnung oder konnte kein Princip in der Anordnung erkennen. Und doch, wenn wir mit einer redigierten oder aufgesetzten Liste zu thun hätten, wäre diese geographische Unordnung völlig unbegreiflich. Solche geographische Listen wurden gewiss aufgesetzt um das Aufsuchen der Proxenoï (resp. Theorodokoi) zu erleichtern und jede Unordnung wäre bei der Benutzung hinderlich. Andererseits nach all dem, was wir von den Delphiern wissen, darf man ihnen nicht solche geographische Unkenntniss zutrauen, dass sie nicht im Stande wären eine Liste streng geographisch durchzuführen. Schon aus diesem Umstande also sollte man nicht von einer Redaction der erhaltenen Texte reden. Bei der Betrachtung meiner Copie für A und B wird man sich gleich überzeugen, dass wir es in dem Erhaltenen nicht mit einer aufgesetzten Liste, sondern mit einer allmählich entstandenen zu thun haben.

a) Sehr oft sehen wir, dass sowohl die Grösse der Buchstaben und die Form derselben, wie der Zeilen- und Zeichenabstand variiert, besonders in A. In AII kann man nach diesem

Indicium folgende Theile unterscheiden: *a)* Z. 2/3 (nur die Überschrift [ἐν Κεφαλλα]νίαι) mit Z. 4—7 (auch Z. 5 ist wohl später in Rasur geschrieben); *b)* Z. 8—9; *c)* Z. 10—13; *d)* Z. 2—3 (d. h. ἐν Κρανίοις [ὁ δεῖνα] Θεωνος); *e)* 14—16; *f)* 17—18. Aber wenn auch die verschiedene Schrift für eine andere Entstehungszeit spricht, doch umgekehrt kann durch die Gleichheit der Schrift die gleiche Entstehungszeit noch nicht bewiesen werden, so dass thatsächlich AII vielleicht noch in mehr Theile zerfällt, die allmählich auf den Stein eingetragen wurden. Ähnliches findet man auch sonst.

b) Wenn eine städtische Aufzeichnung mehr als eine Zeile für sich braucht, wird das Verfahren verschieden. So in AII 7 und 9 wird die fortsetzende Zeile nicht eingerückt, AII 16 wird dieselbe auf ein Spatium eingerückt, BII 14, 15, 17 auf zwei, ebenso BII 2—4, aber BII 8 und 10 ohne Einrücken, BII 22 mit Einrücken auf drei Spatien, BII 28 — auf 1½.

c) Jede städtische Aufzeichnung beginnt eine neue Zeile, so dass ἐν zu Anfang der Zeile stehen muss. Aber BII 13 steht ἐν Ἀμφίσαι nicht am Zeilenanfang und manchmal wird ἐν nicht bei der linken Kolumnengrenze gesetzt, sondern etwas eingerückt, so AIII 11, AIII 12 und 13, AIV 23—25, und es hat doch hier nichts gehindert gleich an der Kolumnengrenze anzusetzen.

d) Durch das Eingreifen einer Zeile in die rechte Nachbarkolumne wird dort die entsprechende später geschriebene Zeile eingerückt, und ihrem Beispiele folgt manchmal die nächste Zeile (oder einige Zeilen), so dass erst weitere Zeilen wieder normal beginnen. So BII 1—6, BII 11—14, AIV 11—15.

e) Es wird nicht schwer durch die eingreifenden Zeilen oder durch gedrängte, resp. gesperrte Schrift oder durch Linierung der Zeilen zu erkennen, ob die Zeilen der linken Kolumne früher, als die entsprechenden der rechten entstanden sind (so AII 8: AIII 14, AIII 3: AIV frei, AIII 9: AIV 9, AIII 11—12: AIV 11—13, AIII 15: AIV frei) oder umgekehrt (so BII 5: BII 1, AIV 17: AIII 17).

f) Eine ausgefüllte Rasur haben wir wohl AIV 5, sonst s. noch AIV 9 und 18.

g) Ein späterer Nachtrag ist nicht unten, sondern rechts daneben gesetzt—AII 2—3, genau wie in der epidaurischen Theorodokoiliste (Cavvadias *Fouilles d'Épidaure* 243 = Baunack Philol. 1895, S. 51 f. = Michel 862). In BII 1 ist der Nachtrag oberhalb der Zeile gesetzt (?).

h) Die Spuren der Liniiierung (auf der Tafel leider nicht überall sichtbar), die mehrmals rechts oder links ausser den Kolumnengrenzen hinausragt, zeigen, dass der Steinmetz nicht immer dachte, dass es einmal auch noch rechts oder links geschrieben werden wird.

i) Zur schrägen Richtung der Zeilen, die von BIII15 (resp. 18) beginnt und in AIV fort dauert, komme ich noch zurück.

k) Orthographische Unregelmässigkeiten: vor den Labialen wird bald $\epsilon\nu$, bald $\epsilon\mu$ geschrieben, dergleichen vor den Gutturalen entweder $\epsilon\nu$, oder $\epsilon\gamma$; das *iota adscriptum* bei α (nicht bei ω) wird manchmal (nicht oft) weggelassen; vgl. noch Ἡρακλεία , BIII21 und Ἡρακλήα AIII17, Νέαι Πόλι BII7 und Ματροπόλει C8. Freilich wird es ebenso unregelmässig auch in anderen einzelnen delphischen Inschriften des II Jahrh. geschrieben.

Es ist also zweifellos, dass jede einzelne Kolumne unserer Fragmente aus einigen zeitlich verschiedenen Stücken besteht. Ich werde das an einem Beispiel, wo wir genauer über die Zeit der Proxenieverleihungen unterrichtet sind, klar stellen. BIII1—4 (Z. 1 ist nicht erhalten) sind die Proxenoï des J. 196/5 aus Massalia genannt. Bilden Z. 2—4 nur eine Fortsetzung einer städtischen Aufzeichnung, so wurden sie regelrecht eingerückt. Wenn aber derselbe Steinmetz zur gleichen Zeit auch die folgende Aufzeichnung Z. 5 einmeisselte, so hätte er sie wohl ohne Einrücken an der Kolumnengrenze begonnen, sie ist aber eingerückt. Die Schrift derselben scheint auch von Z. 2—4 verschieden zu sein. Man wird also geneigt zu glauben, dass Z. 5 später, als Z. 2—4 entstand, und in der That wissen wir, dass die Proxenie des Eleaten Z. 5 erst im J. 179/8 beschlossen wurde. Über Z. 6 kann ich nichts bestimmtes sagen. Dass aber Z. 7—10 alle zusammen gleichzeitig und zwar später, als die vorhergehenden, geschrieben wurden, sieht man beim ersten Einblick in die Copie, und wir wissen jetzt, dass die hier genannten Bürger von Tolphon und Oiantheia thatsächlich gleichzeitig und im J. 175/4 die Proxenie erhielten. Dasselbe also, was die Schreibweise vermuthen lässt, wird durch die successiven Daten der Proxenien bestätigt. — In AII4—7 stehen Proxenoï aus den kephallenischen Städten Same, Pale und Kranioi. Aber Z. 8—9 kommen noch drei Proxenoï aus Same hinzu, Z. 10 erscheint einer aus Pronnos, ebenfalls ein Kephallenier, Z. 14 noch einer aus Same, und Z. 2—3 (rechts) ist noch einer aus Kranioi eingetragen. So wie sie

ist, kann diese Kolumne nicht gleichzeitig nach einem geographischen Entwurf entstanden sein. Sie ist für uns besonders interessant und wichtig, namentlich wegen der erhaltenen Überschrift (Z. 2/3 links). Wir haben volles Recht zu sagen, dass diese Überschrift mit den zunächst ihr folgenden Zeilen 4—7 aus der ursprünglichen, d. h. aus der wirklich nach einem Entwurf aufgesetzten Liste herrührt, aber alles Folgende später in verschiedenen Jahren nachgetragen worden ist. Bevor ich noch weitere Schlüsse daraus ziehen werde, will ich auf den Inhalt unserer Fragmente etwas näher eingehen.

3. Zum Inhalt.

Wenn wir in den erhaltenen Bruchstücken Reste der redigierten Liste vor uns hätten, so würde jede städtische Rubrik wohl den ganzen zur Zeit vorhandenen Bestand der Proxenoï (oder Theorodokoi) dieser Stadt darstellen. Dass das bei uns nicht der Fall ist, sahen wir eben für Kephallenien dasselbe kann man sehen aus den sich wiederholenden Aufzeichnungen ein und derselben Stadt, wie Sosthenis AIII6 und 15 und wohl noch sonst. Ferner sollte man erwarten, dass fast in jeder städtischen Rubrik Repräsentanten verschiedener Familien zum Vorschein kommen. Waren doch die Delphier mit Proxenieverleihung nichts weniger als sparsam. Aber unsere Aufzeichnungen haben ein ganz anderes Aussehen. Wenigstens in 40 Fällen (thatsächlich wohl mehr, als in 50) wird je eine Person genannt; wo mehrere erscheinen, erkennt man leicht entweder Vater und Sohn BII7, C I—2, BIII7—8, 9—10) oder Brüder (AII6—7, 8—9, BII8, 9, 16—17, BIII15—17) oder nahe Verwandte (BII13—15). Nur in fünf Fällen werden entweder Angehörige verschiedener Familien verzeichnet oder bleibt (für uns) die Verwandtschaft unsicher (AII15—16, BII3—4, BIII1—4, AIV18—19 21—22). Dass damit der ganze Bestand an Proxenoï (oder Theorodokoi) in irgend einer Zeit erschöpft werden konnte, möchte

ich kaum glauben. Andererseits sehen unsere Aufzeichnungen genau ebenso aus, wie Auszüge aus einzelnen Proxenie-dekreten. Auch dort wird gewöhnlich je eine Person beehrt (zwar mit den ἑκγονοί, aber ohne Namen), — etwa 200 Fälle; die Nennung des Geehrten und seiner Söhne — c. 10 Fälle; die der Brüder — c. 12 Fälle; den Angehörigen verschiedener Familien wird die Proxenie etwa in 15 Fällen verliehen¹⁾. Es ist also ratsam zu glauben, dass fast jede unsere Rubrik je nach dem entsprechenden Einzeldekret gleich oder nicht viel später aufgeschrieben wurde.

„Delphi's Beziehungen reichten, soweit der Griechen Zunge klang“ (Baunack S. 755). Wenn es delphische Freunde und Gastgeber sogar in ganz verschollenen Ortschaften, wie Kyniadaí, Laphros, Apomphos, Kaphra, Kyra usw. gab, so fehlten solche wohl in keiner grösseren Stadt. Finden wir aber irgendwo in A, B und C (ausgenommen die kephallenische Gruppe, AII2—12) eine mehr oder weniger vollständige Städtenreihe? Fast nirgends. Die Zahl unbedeutender und unbekannter Dörfer ist wohl nicht kleiner, als die der Städte. In BIII6—14 und AIV5—15 haben wir je eine abgegrenzte lokrisch-aitolische Gruppe, aber von der Vollständigkeit der Aufzählung kann nicht mal Rede sein. Das wird nur dann verständlich, wenn wir mit späteren Nachträgen allein zu thun haben.

Wer wurde aber in unsere Liste eingetragen: Proxenoí oder Theorodokoi? Früher war es für alle (auch für Pomtow) eine Proxenoiliste, aber nach der Auffindung der epidaurischen Theorodokoiliste „hat nun Pomtow unsere Liste zuerst (N. Jahrb. 1897, S. 763) als das bezeichnet, wofür Baunack sie seit 1893 hielt, als Liste der θεωροδόχοι der delphischen θεῶροι“ (so Baunack S. 755). Pomtow's Argumentation bleibt noch aus, die Baunack'sche aber (S. 764 f., vgl. 755 und 849 zu № 2677) ist derartig, dass — um kurz und mild zu sagen — seine Beweisgründe sämtlich nicht stichhaltig sind (s. meine F. S. 260—264). Ich halte die neue Auffassung für unrichtig, trotzdem dass sie auch bei Wilhelm (BCH. XXIV 219) und Homolle (BCH. XXIII 543)

1) Das Material der chronologischen Liste lasse ich hier ausser Betracht, weil dort unter ἀρχοντος usw. bald ein Dekret, bald mehrere ausgezogen werden.

Zustimmung gefunden hat. Kurzweg sage ich darüber nur Folgendes.

Die in AIV₁—5 genannten Personen erkannte als Proxenoι schon H. mit Hilfe der chronologischen Liste: es sind hier, wie dort, vier (nicht drei, wie H. meinte, s. o. z. St.) Massaliotai des J. 196/5 und ein Eleatas des J. 179/8. Vermuthungsweise finde ich noch zwei Proxenoι der chr. Liste, die in unserer Liste wiederkehren: einen Pelläer des J. 190/89 in BII₃ und einen Kassandreer des J. 187/6 in BII₂. Diese Übereinstimmung ist freilich nicht einwandsfrei, weil die chron. Liste so kurz ausgezogen ist, dass man nicht weiss, ob die genannten Proxenoι nicht zugleich auch Theorodokoi in den betreffenden Einzeldekreten ernannt waren. Zwingend aber ist, dass die BIII₇—10 genannten Tolphonier und Oiantheer jetzt uns als Proxenoι und nur als Proxenoι urkundlich bezeugt sind. BCH XXIII (im Sommer 1901 erschienen) S. 542 steht ein Dekret aus dem J. 175/4, wo man liest: ἐπειδὴ παραγενόμενος Ἀνδρoσθενίδας Κρινία Τολφώνιος καὶ Ἀριστόμαχος Κρινία Οἰανθεὺς καὶ ποτιπορευθέντες ποτὶ τὰν ἐκκλησίαν ἀνεβέοντο τὰν παππῶιαν¹⁾ προξενίαν καὶ ὥιοντο δεῖν αὐτοῖς ἀναγραφῆμεν τὰν προυπάρχουσαν προξενίαν. δεδῶχθαι τῇ πόλει τῶν Δελφῶν ἀν(αν)εώσασθαι τὰν προξενίαν Ἀνδρoσθενίδαι Κρινία Τολφωνίω καὶ Ἀριστομάχῳ Κρινία Οἰανθεῖ καὶ ὑπάρχειν αὐτοῖς παρὰ τὰς πόλιος καὶ ἐκγόνους προξενίαν, προμαντεῖαν, προεδρίαν, προδικίαν, ἀσυλίαν, ἀτέλειαν, ἀσφάλειαν καὶ τὰ ἄλλα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις εἰδοταί. Ἐγγυος τῆς προξενίας Δεξικράτης Μνασιθέου Δελφός²⁾. Homolle sagt, dass die Personen dieses Dekrets

1) Um den Vater Κρινίας mit dem in BCH. XXIII S. 541 genannten Krinias (das Demotikon fehlt) in Zusammenhang zu bringen, will Homolle das παππῶιαν nicht auf den Grossvater (*grand père*) beziehen und ist geneigt dasselbe mehr unbestimmt aufzufassen, doch ohne jeden Grund. Androstenidas und Aristomachos sind zweifellos Brüder; im J. 175/4 sind sie Bürger verschiedener Städte, aber sie bitten zusammen um die Proxenieerneuerung und zwar beide τὰν παππῶιαν. Sicher wurde die Proxenie einmal gerade ihrem Grossvater — πάππος — verliehen. Sonst konnte man sagen τὰν πάτριον.

2) Die Erwähnung eines ἐγγυος in den delphischen Proxenedekreten kommt hier zum ersten Mal vor. Aus dem Fehlen desselben wollte Pomtow (Philologus 1898, S. 524—563) schliessen, dass die Buleuten in Delphi „lediglich als Garanten der Urkunde, als Vertreter der Stadt“ usw. präscribiert wurden. Der Schluss war voreilig. Hier sind drei Buleuten präscribiert, aber der ἐγγυος Dexikrates gehört nicht zu ihnen.

auch in dem „*catalogue géographique des théarodokes*“ (dort neben Androsthénidas sein Sohn Archidamos, neben Aristomachos sein Sohn Krinias) genannt sind, und meint, dass „*la présence parmi les théarodokes des fils des proxènes de 175 indique, que la rédaction est postérieure d'une génération à cette année, soit contemporaine environ de 150*“. Aber hier kann über eine Redaction doch keine Rede sein: die betreffenden Zeilen — BIII 7—10 — sind zweifellos erst nachgetragen. Dann, sogar die Nachträge können keinesfalls bis ins J. 150 reichen (s. weiter unten). Nach der Eintragung des Eleaten des J. 179/8 (Z. 5) und eines Chaleers (das Jahr ist unbekannt) hat man unsere Tolphonier und Oiantheer Z. 7—10 eingeschrieben und zwar zweifellos alle zu der gleichen Zeit und nebeneinander und auf Grund des Dekrets des J. 175/4, — nebeneinander, weil sie aus Nachbarstädten stammen. Sie sind sicher bald, wenn nicht sogleich, nach dem Zustandekommen des Dekrets eingeschrieben. Die Söhne werden genannt, weil die Proxenie καὶ ἐκγόνοις gegeben war. Schliesslich, was hier das Wichtigste ist, nennt das Dekret fünfmal die *προξενία* — und kein Wort über die Theorodokie. Homolle musste also nicht sich durch die neue Auffassung der Liste verführen lassen, sondern gerade aus diesem Dekret ausdrücklich schliessen, dass diese Auffassung falsch, dass es keine Theorodokoiliste, sondern eine Proxenoiliste ist.

Wie es statistisch nachgewiesen werden kann, resp. sich vermuthen lässt (s. F. S. 31—41), wurde die Theorodokie viel seltener, als die Proxenie, verliehen und zwar niemals Mitgliedern verschiedener Familien und wohl war sie nicht immer erblich. Auf c. 230 Proxeniebeschlüsse kommen nur c. 35 Theorodokiebeschlüsse (verzeichnet F. S. 32 f.). Wenn also unsere Bruchstücke der Liste ABC keine Gesamtzahl der in gewisser Zeit vorhandenen delphischen Freunde und Wohlthäter darstellen, wenn es nur fast ausschliesslich spätere Nachträge der Liste sind, und wenn diese Nachträge allein, obwohl durchaus unvollständig erhalten, erstaunlich grosse Personenzahl aufweisen, so kann man nicht umhin hier nur eine Proxenoiliste zu sehen.

Ich habe bereits S. 21 f. nachgewiesen, dass zwischen den Aufzeichnungen der Liste einerseits und der Masse der Proxenedikrete — nur dieser, nicht der Theorodokiedikrete — andererseits ein vollständiger Parallelismus sich beobachten lässt, namentlich

hinsichtlich des Personenbestandes einzelner Aufzeichnungen, resp. einzelner Dekrete.

Die Theorodokieauffassung kann sich nicht auf AIII16: „ἐν Κυφαίραι ἡ πόλις“ stützen. Es ist zwar bekannt, dass manche Gemeinden auf sich selbst die Sorge über die Aufnahme der Theoren nahmen, aber nicht minder ist es bekannt, dass auch die Proxenie, als blosse Ehrenerweisung, öfters ganzen Gemeinden zu Theil wurde.

Ebenso ist auch die Formel wie ἐν Αἰγίνῃ ὁ δεῖνα sowohl für Theorodokoi, wie für Proxenoι zulässig.

Die Nachweise, dass der Laodikäer Dikaiarchos BIII15 ff. ein Theorodokos war (2677) und der Oisymäer Epigethes BII6 vermuthlich den aus 2600 bekannten Theorodokos Telesias zum Vater hatte, haben keine ausschliessende Beweiskraft für die Theorodokieauffassung, denn es ist unstrittig, dass Dikaiarchos und Telesias zu gleicher Zeit auch Proxenoι waren.

Über das nähere Verhältniss unserer Liste zu der sogenannten chronologischen spreche ich weiter unten.

4. Zur Reconstruction der Liste.

Man nimmt wohl allgemein an, dass alle 4 Fragmente (ABCD) zur selben Liste gehören, doch Niemand hat bis jetzt versucht zu bestimmen, in welcher Ordnung diese Fragmente einmal standen. Schwerlich kann als ein solcher Versuch die B.'sche Aufzählung verschiedener Reiserouten (S. 755) gelten, denn B. steht zwar auf dem Standpunkte einer Redaction, lässt aber durch blosse Wortspielerei als verschiedene Reiserouten z. B. BIII „Ozolisches Lokris, Ätolien, Italien“ und AIV „westliches Mittelgriechenland“ existieren, als ob ozolisches Lokris oder Ätolien kein westliches Griechenland wäre. Jetzt, wenn erstens auch in AIV nicht bloss „westliches Mittelgriechenland“, sondern auch Sicilien von mir (s. o. zu AIV1—3) nachgewiesen

ist und, zweitens, das, was auch ohnehin wahrscheinlich war, nämlich dass solche geographische Listen von Zeit zu Zeit neu aufgesetzt werden mussten, durch Homolle's Mittheilung über eine andere (unedierte) „geographische Proxenoiliste *„en grande partie du IV-me siècle complétée par des additions postérieures“* (BCH. XVIII 181) bestätigt ist, muss man unbedingt vorerst die Frage beantworten, ob alle Bruchstücke aus einer Liste stammen.

Bei mir in der Umschrift und auf der autotypischen Tafel (ausser C) sind B, C und A nicht zufällig in der gegebenen Ordnung übereinander gestellt und zwar so, dass BII, C und AIII eine Kolumne ausmachen, BIII und AIV (= B.'sche verschiedene Reiserouten!) eine andere. Ich meine, sie standen ursprünglich genau ebenso, nur weiss ich nicht, wie weit von einander.

Bei meiner wohl nicht unbegründeten Ansicht, dass wir in BCA fast ausschliesslich Nachträge besitzen, kann eine Wiederholung derselben landschaftlichen Gruppen, wie Ozolisches Lokris, Ätolien, Italien und Sicilien in BIII und in AIV, noch keine Gegeninstanz für die Zusammengehörigkeit B mit A sein. Ich sage noch mehr: gerade diese inhaltliche Übereinstimmung lässt zu allererst vermuthen, wenn keine Indicien dagegen sind, ob nicht BIII und AIV zu einer Kolumne gehören. Vergleichen wir nun den Inhalt der links stehenden Kolumnen in B und A: in BII sehen wir Makedonien und Thrakien, in AIII „östliches Mittelgriechenland,“ wie B. bezeichnet, oder Thessalien und südlich davon liegende Landschaften, — also eine ähnliche Übereinstimmung, wie zwischen BIII und AIV. Ich habe oben schon bemerkt, dass die Zeilen in BIII von Z. 15 an schräg stehen. Nimmt man nämlich an, dass in BII alle Zeilen und in BIII Zeilen 1—14 sämmtlich gleich wagerecht laufen, so erkennt man leicht aus meiner Autotypie, dass in BIII Zeilen 15—30 nicht mehr wagerecht stehen, sondern sich allmählich nach rechts aufheben, etwa im Winkel von 2 Grad (so dass z. B. die Richtungen BIII11 und BIII15 einen Stumpfwinkel von c. 178° bilden und der Abstand z. B. zwischen BIII10 und BIII15 auf einer Länge von 0,12 etwa um 0,004 enger wird). Nun ist das Verhältniss der Zeilenrichtungen zwischen AIII und AIV genau dasselbe, also die schräge Richtung beginnt in BIII15 und setzt sich durch AIV fort. Der Schluss ist klar. Bei der bereits nachgewiesenen inhaltlichen Übereinstimmung wird man doch hier nicht an Zufall

denken. Das Fr. A stand also unter B, — AIV unter BIII. Übrigens, dass A das unterste Stück war, konnte man längst wissen: *vacat* unten nur in AI, II und III. Der Schluss wäre ganz unanfechtbar, wenn wir dazu noch genauer die Kolumnenbreite in B und A überall vergleichen könnten. Leider ist diese Breite für AIV völlig unbekannt, für BIII nur nach den zu ergänzenden Buchstaben bestimmbar. Zu vergleichen sind nur BII = 0,263 und AIII = 0,252. Der Unterschied (nach Abklatsch gemessen) ist zwar nicht so klein, um ganz ignoriert zu werden, doch auch nicht so gross, um gegen das Zusammengehören von BII mit AIII zu sprechen. Wir sehen nach dem Erhaltenen, dass sogar die Zeilen mit EN nicht immer von derselben senkrechten Linie beginnen, sondern manchmal fast unmerklich variieren. Stand nun AIII nicht unmittelbar unter BII, — und unmittelbar übereinander stehen konnten sie nicht schon wegen der Richtung der Bruchlinien —, so wird der Breitenunterschied wie 0,263 — 0,252 = 0,011 durchaus nicht auffallend. Ja, wir wissen zwar nicht, ob alle Kolumnen gleich breit sein mussten, doch ist es nicht unwahrscheinlich. Wir kennen noch die Breite von AII = 0,26. Sie stimmt also beinahe ganz mit BII = 0,263 überein. Über kleinere Schriftverschiedenheiten zwischen B und A brauche ich nichts zu sagen: kommen doch dieselben fast überall vor, auch in einzelnen Kolumnen ein und desselben Bruchstückes.

Fr. C sah ich leider nicht. H.'s Angaben sind bekanntlich oft ungenau. Nach ihm sind B und A 0,26 dick, C — 0,24, also die Dicke ist ziemlich gleich. Gern möchte man die Breite von C genauer wissen. Wo sollte C des Inhaltes wegen stehen? In C finden wir Thessalien und Phthiotis. Also C gehört in die reconstruierte Kol. BII + AIII und stand wohl zwischen BII und AIII. Dann haben wir hier eine vollständige Reihe: Thrakien, Makedonien, Thessalien, Phthiotis und andere südlich von Thessalien liegende Landschaften Mittelgriechenlands. Für BII fanden wir die Breite von 0,263, für AIII — 0,252. Für C giebt H. „*largeur moy.*“ = 0,225 an: ist hier kein Druckfehler? Vgl. 0,252 für AIII. Wir kennen nicht die Umrisse des Fr. C und wissen nicht, wie H. sein „*larg. moy.*“ mass. Nach der Buchstabenzahl der Zeilen in C kann man nichts Zwingendes weder für noch gegen eine Übereinstimmung von C mit BII + AIII sagen. In dieser Hinsicht variieren sogar Nachbarzeilen beträchtlich, so in BII hat eine volle Zeile gewöhnlich 30—35 Zeichen, doch Z. 2 wohl nur 26,

ebenso Z. 3; in AIII meistens 25—27; in C kann man je 25—26 Zeichen für Z. 1, 5, 6 und 13 ausrechnen. Bewiesen werden kann es also nicht, dass C mit B + A zusammengehört und in die Lücke zwischen BII — AIII fallen muss, doch wird es nach dem Gesagten wohl sehr wahrscheinlich.

Eine Planmässigkeit wird im Allgemeinen sowohl für BII + C + AIII, wie für BIII + AIV wohl unverkennbar: Dort eine nördliche Richtung: [Doris], Lokris, Malis, Phthiotis, Thessalien, Makedonien, Thrakien, hier eine westliche: Ozolis, Aitolien, Akarnanien, Italien, Sicilien. Wir sehen zugleich, wie umfangreich diese reconstruirten Kolumnen waren. Was stand nun in der Kol. = BI + AII? Von BI ist fast nichts übrig geblieben, in AII haben wir Kephallenien vollständig und Einzelnes aus Boiotien und Peloponnesos mit rings um dasselbe liegenden Inseln. Ich vermurthe, dass die Kolumne für [Phokis], Boiotien, [Attika], Megaris] und Peloponnesos mit den Nachbarinseln anberaumt war. Über die Kolumne, aus welcher einige Personennamen in AI erhalten sind, lässt sich vorläufig nichts Bestimmtes sagen. Ob die Inselstädte des ägäischen Meeres eine besondere Kolumne für sich hatten oder mit den kleinasiatischen zusammen in einer Kolumne verzeichnet standen, wissen wir nicht. Die Liste hatte nicht weniger, als vier Kolumnen, wahrscheinlich mehr, als vier.

Ob auch das Fr. D hierher gehört? Die Inschrift Da steht auf einer Seite, die etwa 0,10 breit ist, die Db auf der links anliegenden, die 0,25 breit ist. Früher dachte ich, dass Db = 0,25 mit der Dicke des Steines (A und B = 0,26, C = 0,24) zu identificieren sei, und nannte deswegen Db eine Nebenseite, Da — Vorderseite. Aber es ist möglich, dass gerade die abgebrochene Seite Da einmal 0,24 — 0,26 breit war, und dann hätten wir in Db Vorder-, in Da — Nebenseite. Im ersteren Falle sollte Da zu der ersten (von links) Kolumne der Liste gehören, in dem letzteren Db zu der ersten von rechts. Leider wissen wir einerseits nicht bestimmt, was in Db stand (B. vermuthet Epeiros, aber es ist nicht zu beweisen), andererseits bleibt uns die Lage der für Kleinasien bestimmten Kolumne, zu welcher also die Reihe der Städte Da gehören sollte, unbekannt. Ja, ich will jetzt nicht sogar überhaupt die Zugehörigkeit von D zu B+C+A vertheidigen, wenn diese auch nicht unwahrscheinlich ist. Weiter also rede ich nur von der Liste B + C + A.

Die Planmässigkeit der erhaltenen Verzeichnisse ist nur im Allgemeinen erkennbar. Wenn wir dieselben in einzelnen Theilen betrachten, so finden wir neben sehr seltenen ziemlich sorgfältig gruppierten, wenn auch nicht vollständigen Städte-reihen (wie die aus dem Grossgriechenland, BIII 20 ff.) meistens solche Zusammenstellungen, welche wohl nur B. als „Reise-routen“ bezeichnen konnte, die aber in keinem Bäder oder Hendschel's Telegraph Platz fänden, z. B. in BIII 6—14: Chaleion, Tolphon, Oiantheia, Lysimacheia, Thestiai, Amphissa, d. h. etwas wie eine „Reiseroute“ von Konstantinopel nach Belgrad über Neapel — Athen — Rom — Ancona (noch schlimmer in AIII oder C). Nur weil wir in unserer Telegraph- und Blitzzügezeit und bei den bis nach Ostchina oder Südafrika reichenden aus-wärtigen Beziehungen die altgriechischen Raumverhältnisse zu geringfügig betrachten und dabei über die Lage vieler antiker Ortschaften nicht genau unterrichtet sind, ist es begreiflich, wenn auch nicht verzeihlich, wenn man mit ruhigem Gewissen „ein Prinzip der Anordnung“ aufsuchen will, wo bloss eine Un-ordnung ist. Wie diese Unordnung entstanden ist, lässt sich nur bei meiner Annahme späterer Nachträge folgenderweise erklären ¹⁾).

Die geographische Liste, zu welcher unsere B, C, A ge-hören, wurde einmal gewiss aufgesetzt und in einer Reihe Kolumnen veröffentlicht. Diese ursprüngliche Liste wies wohl keine sogar kleinere Unordnung in der Aufzählung der Städte auf. Jede Kolumne umfasste mehrere Landschaften, so wie ich es für BII + C + AIII oder BIII + AIV oder BI + AII nachge-wiesen, resp. vermuthet habe. Demgemäss zerfiel die Kolumne in einige landschaftliche Abtheilungen, deren jede mit einer Überschrift versehen war, z. B. ἐν Φωκίδι (oder ἐμ. Φωκέοις), ἐν Βοιωτίαι usw. (s. das erhaltene [ἐν Κεφαλλά]ναι AII 2/3). Zwischen diesen Abtheilungen wurden Intervalle für spätere Nachträge gelassen. Die Nachträge erfolgten bald einzelweise gleich nach der

1) Nur als ein Curiosum erwähne ich, wie es bei Monceaux *Proxénies grecques* 283 erklärt wird: „cet ordre général est souvent inter-verti, sans doute [!!] par suite d'erreurs et d'omissions; dans l'étude des documents anciens il faut toujours songer à la maladresse et à la sottise du graveur“.

Ernennung neuer Proxenoï, bald nach kleinerer oder grösserer Zeit gruppenweise. Sie wurden in den landschaftlich entsprechenden Intervallen placiert, solange in denselben freier Raum vorhanden blieb. Nach der Ausfüllung der Intervalle setzte man die Nachträge unten, unter der letzten Abtheilung der entsprechenden Kolumne gruppenweise, annähernd in derselben Ordnung, in welcher die Abtheilungen oben stehen. Bei solchen sich wiederholenden Ergänzungen, die an verschiedenen Stellen Platz finden mussten und von verschiedenen Personen ausgeführt wurden, entweder geschah diese oder jene Unregelmässigkeit zufällig oder ergab sich von selbst. Falls auch der Raum unter der entsprechenden Kolumne voll ausgefüllt war, suchte man für einen noch späteren Nachtrag aus dem Bereich der Kolumne Platz in einer der Nachbarkolumnen.

Aus der ursprünglichen Liste ist uns wohl nur eine Abtheilung erhalten, — die mit Überschrift versehene kephallenische, AII_{2/3}—7. Alles, was ausserdem in B + C + A noch steht, möchte ich für Nachträge halten. Wir erwarten nämlich, dass, wenn einige Stücke in B + C + A aus derselben Redaction, wie AII_{2/3}—7, stammten, die Schrift dort und hier die gleiche sein sollte. In der That aber unterscheidet sich die kephallenische Abtheilung nach der Buchstabengrösse sowohl von BII—III und AIII—IV, wie von den weiter unten folgenden Zeilen derselben Kolumne (AII₁₀ ff.). Stimmt nun die Schrift in den letzteren mit derjenigen in BII—III und AIII—IV und haben wir in AII₁₀ ff. zweifellos Nachträge, so müssen wir auch in BII—III und AIII—IV bloss Nachträge anerkennen¹⁾. Wie wir sahen, stehen in BIII 1 ff.

1) In Anbetracht dessen, dass die kephallenische ursprüngliche Abtheilung in ihrer Kolumne so niedrig steht, indem in anderen zwei Kolumnen die Nachträge sehr hoch beginnen, könnte vielleicht Jemand vermuthen, dass AII aus einer Liste stammt, während AIII—IV und BII—III einer anderen Liste angehören. Diese Vermuthung wäre meiner Ansicht nach unzulässig. Wenn wir auch für keinen Proxenos in AII seine Zeit genau bestimmen können, doch gehört der AII₁₄ genannte *M. Cornelius M. f.* wohl sicher der frührömischen Zeit, d. h. der ersten Hälfte des II Jahr. Andererseits aus derselben Zeit sind auch alle Proxenoï in AIII—IV, BII—III, soweit wenigstens ihre Daten uns bekannt sind. Dieser Vergleich ergiebt, dass AII nicht zu einer verschiedener Liste, sondern gerade zu derselben, wie AIII—IV und BII—III, gehören muss.

Proxenoï aus dem J. 196/5 (Massalioten). Wenn es also bereits im J. 196/5, falls noch nicht früher, nachträgliche Aufzeichnungen nothwendig waren, so darf man sagen, dass die Redaction der Liste, resp. der kephallenischen Abtheilung, noch früher, etwa in den letzten Jahrzehnten des III Jahrh. erfolgte. Später ernannte Proxenoï aus Kephallenien trug man ordnungsmässig weiter unten nach, so Z. 8—9, Z. 10. Gleichzeitig, wie ich glaube, wurden auch neue Proxenoï aus [Boiotien, Attika, Megaris], Peloponnesos und den umliegenden Inseln oben in derselben Kolumne in den entsprechenden Abtheilungen nachgetragen. Als nun die Abtheilungen für die Gebiete, in welche Aigina, Zakynthos und AAI gehören, ausgefüllt worden waren, setzte man neue Proxenoï aus den genannten Ortschaften unter die kephallenischen Aufzeichnungen an den Schluss der Kolumne, Z. 11—13, ob alle drei zur selben Zeit, weiss ich nicht zu sagen. Die kephallenische Reihe wurde auf diese Weise unterbrochen. Darum wohl ist ein späterer Nachtrag für Kephallenien Z. 2—3 rechts neben der Überschrift gesetzt, also noch nicht getrennt von der zugehörigen Abtheilung. Noch später setzte man einen Kephallenier weiter unten in der Kolumne, Z. 14, und unter ihn noch zwei Proxenoï aus dem peloponnesischen Kleonai, Z. 15—16. In noch späterer Zeit, solange die Ergänzung der Liste fort dauerte, war wohl Niemand aus Kephallenien nachzutragen, aber die boiotische Abtheilung war sicher ausgefüllt und man setzte zwei Proxenoï aus Boiotien unter die letzte kephallenische Aufzeichnung, Z. 17—18. Somit gehören diese Zeilen zu den jüngsten der ganzen Kolumne. Nach dieser Darlegung ist die kephallenische Abtheilung noch jetzt vollständig mit allen Ergänzungen erhalten. Wir kennen aus einem Einzeldekret des Archonten Menestratos, also, wie es von mir (St. S. 351) und von Pomtow (Philolog. 1899 S. 56 und bei Pauly-Wissowa Sp. 2592, 2638) angenommen ist, des J. 161/0, noch einen Proxenos aus Kephallenien: 2679 — Λέων Δ[αμ]ολέοντος Κράνιος ἐκ Κεφαλλανίας. Dieser Leon erscheint nicht mehr in der kephallenischen Liste. Die Ergänzung der Liste hörte also sicher vor dem J. 161/0 auf.

Wie man sieht, kann man drei Bestandtheile in der Liste unterscheiden: a) die ursprünglichen Gruppen aus der Redactionszeit, b) die früheren Nachträge, d. h. die in den Abtheilungsintervallen, c) die spätesten Nachträge, d. h. die am Schluss

der betreffenden Kolumne. Es ist schon gesagt, dass in BII—III, C und AIII—IV wohl Nichts aus der Redactionszeit erhalten ist. Ob in BII und C nur Schlussnachträge, oder noch Intervallnachträge stehen, weiss ich nicht. In AIII haben wir sicher Schlussnachträge allein, darum auch kommt hier Argethia neben Echineos vor u. dgl. In BIII Z. 1—4 (Massalieten 196/5) und wohl Z. 5 (Eleatas 179/8) sind vielleicht noch Intervallnachträge, d. h. aus der Abtheilung, die für die westlichsten Gegenden (von Delphi) bestimmt und desswegen also die unterste in dieser Kolumne war. Alles Andere in BIII von Z. 6 an und in AIV halte ich für Schlussnachträge. Die Zahl derselben ist zwar sehr gross, doch einigermassen begreiflich: auswärtige Beziehungen der Delphier in der Zeit nach d. J. 179/8 wuchsen wohl besonders nach der westlichen Richtung. Bei grosser Fülle des zu Ergänzenden wurden auch die Nachträge hier gruppenweise vertheilt: so sind, wie ich meine, die Gruppen BIII18—28, AIV1—3, 4—15, 16—25 entstanden.

5. Das Verhältniss zu der chronologischen Liste.

Wenn in der geographischen Liste ebenso, wie in der chronologischen, die *Proxenoï* verzeichnet wurden und wenn fast alle erhaltenen Reste der ersteren annähernd in die gleiche Zeit mit der letzteren fallen, so ist die Frage berechtigt, warum zwischen den beiden Listen nur zwei, resp. vier Übereinstimmungen nachweisbar sind: BIII1—4 (Massalieten 196/5), BIII5 (Eleatas 179/8) und vermuthlich BII2 (Kassandreer 187/6), BII3 (Pelläer 190/89).

Was ist die sogenannte chronologische Proxenoiliste?¹)

1) Der Text bei W.-F. 18, SIG³ 268 und am besten bei Baunack 2581 (manche seine Bemerkung ist freilich unzutreffend und sogar irreführend); das Facsimile zuerst in meinen F. Auf Grund desselben wird in den F. S. 82—162 die Entstehungsgeschichte dieser Liste ausführlich behandelt und dadurch die Mommsen'sche Datierung der Archonten des J. 197/6—169/8 endgiltig bestätigt. Einige andere Ergebnisse meiner Untersuchung der Liste gebe ich kurz oben an.

Es ist eigentlich die kürzeste Art Proxeniedikrete zu publicieren ¹⁾. Statt die fast stereotyp gewordene Formel: Δελφοὶ ἔδωκαν τῷ δέινι προξενίαν, προμαντεῖαν usw. immer wieder anzuführen, begann man in Delphi seit dem J. 197/6 nach der Überschrift „τοῖδε Δελφῶν πρόξενοι“ bloss die Daten und die Namen der neu ernannten Proxenoι zu publicieren: ἀρχοντος — βουλευόντων — ὁ δεῖνα. Anfangs wurde auf diese Art jedes einzelne Dekret gesondert veröffentlicht, so dass wenn 4—5 Proxenieverleihungen in einem Semester stattfanden, das gleichlautende Präscript ebenso viel mal wiederholt wurde. Später verfuhr man noch kürzer, indem man nämlich alle oder fast alle Proxenieverleihungen eines Semesters, obwohl dieselben auf Grund verschiedener und nicht immer gleichzeitiger Dekrete zu Stande gekommen waren, unter einem Präscript anführte (s. chr. Liste Z. 163—167 = 187/6, 206—210 = 182/1, 211—215 = 181/0, 255—262 = 177/6, 291—306 = 170/69, 307—312 = 165/4). Solche kurze Aufzeichnungen wurden entweder gleich nach der entsprechenden Ernennung oder gruppenweise erst nach kleinerer oder grösserer Frist (bis auf einige Jahre) auf einer dazu erwählten Stelle der Polygonal-mauer in Kolumnen aufgeschrieben (dadurch entstand manche chronologische Unordnung). Sie ersetzten die Publication in voller oder kürzerer Fassung, aber wohl nur bei unbedeutenderen Proxenieverleihungen (gegen Bergk Philol. XLII). Ehrendekrete, die den Zeitverhältnissen gemäss mehr oder weniger wichtig schienen, publicierte man wohl nach wie vor gesondert in voller oder kürzerer Fassung, aber nicht in dieser kürzesten, weil diese (dazu noch auf der Polygonal-mauer, die kein ἐπιφανέστατος τόπος war, s. St. S. 103 f.) wohl minder ehrenvoll war, als jene. Mit der Anlegung der chronologischen Liste hörte man also nicht mit Publication der Einzeldekrete auf (gegen Mommsen, Philologus 1901), sondern wurde entweder ein Einzeldekret — voll oder kurz — aufgeschrieben, oder nur eine kurze Aufzeichnung mit

1) Ich unterscheide F. S. 10 folgende Publicationsarten: a) ἄβ (d. h. ἀρχοντος —, βουλευόντων, — das Präscript) — ἔδοξε — ἐπειδὴ — δεδόχθαι + infinitiv., b) ἄβ — ἐπειδὴ — δεδόχθαι + infinitiv., c) ἄβ — ἔδοξε — ἐπειδὴ — infinitiv., d) ἄβ — ἔδοξε — infinitiv., e) ἄβ — ἔδωκαν (ἔδωκεν) — accusativ (προξενίαν, προμαντεῖαν, προεδρίαν, προδικίαν, ἀσυλίαν, ἀτέλειαν, τὰλλα ὅσα κτλ., wie es meistens stereotyp aufgeführt wird) und f) ἄβ — nomina der Proxenoι.

der entsprechenden Date in die Liste eingetragen (gegen Bergk ¹⁾). Die chronologische Liste giebt uns somit durchaus nicht alle in der Zeit zwischen 197/6—169/8 (od. 165/4) neu ernannten Proxenoι, es ist kein vollständiges Verzeichniss ²⁾. Ja, seitdem wir jetzt (mit Hilfe meines Facsimile der Liste) wissen können, dass man manchmal mit proxenischen Publicationen verspätete, wird es nicht unwahrscheinlich, dass manche Dutzend-Proxenie (oder Proxenieerneuerung) auch unpubliciert bleiben konnte, d. h. bloss in dem Protokoll der Beschlussversammlung (resp. im Archiv) eingeschrieben wurde.

Aus der früher angeführten Erwähnung Homolle's wissen wir, dass es wenigstens seit dem IV Jahrh. in Delphi der Gebrauch existierte, die Proxenoι in geographischer Ordnung zu verzeichnen. Solche Verzeichnisse, wie gesagt (oben unter 3), hätten kein *raison d'être* gehabt, wenn sie bloss eine mehr oder weniger zufällige Auswahl der Proxenoι enthielten. Man verzeichnete in denselben bei der Redaction den ganzen Bestand, soweit man denselben kannte, und später trug man daselbst wohl alle neu ernannten Proxenoι und ebenso auch ἐκγονοι der früheren. Wenn also unsere Bruchstücke für die Zeit nach 197/6 viel mehr Namen, als die chr. Liste, aufweisen, so wird es, glaube ich, vollkommen verständlich.

Aber, wird man fragen, wenn das geographische Verzeichniss vollständiger ist, warum denn kommen in ihm aus der Masse der Proxenoι der chron. Liste nur zwei oder vier wieder? Um das zu erklären, muss es erstens gesagt sein, dass viele Proxenoι der chr. Liste nicht ins Bereich der erhaltenen Kolumnen gehören,

1) Das Vorhandensein eines Einzeldekrets 2652 neben der Aufzeichnung in der Liste Z. 54—57 ist nur scheinbar (F. S. 107); das 2799 neben Liste Z. 308 lässt sich erklären (F. S. 107 ff.), wohl ebenso auch das von Pomtow (Philolog. 1898, 552) erwähnte unedierte Dekret neben Liste Z. 274. — Umgekehrt dass die durch Einzeldekrete publicierten Proxenoι nicht in die Liste eingetragen wurden, ist ersichtlich aus dem Fehlen in der letzteren des Tolphoniers Androstenidas und des Oiantheers Aristomachos (s. das Dekret BCH. XXIII 542), des M. Acilius Glabrio (vgl. Pomtow Beiträge S. 118 = GDI. II 2960, S. 928) und vielleicht des Chalkideers Apollophanes (s. das Dekret 2636, vgl. F. S. 111).

2) Leider weiss man bis jetzt nicht, wie viel und welche Einzeldekrete aus dieser Zeit bei den letzten Ausgrabungen zum Vorschein gekommen sind.

zweitens muss man versuchen alle andere Proxenoï jener Liste ebenso geographisch einzuordnen, wie die geographische Liste vermuthlich vertheilt war.

In einer Kolumne = AII standen vermuthlich Phokis, Boiotien, Attika, Megaris, Peloponnesos und die Nachbarinseln. Erhalten ist nur die kephallenische Abtheilung voll und einige späteste Nachträge für Boiotien, Argolis und die Inseln. In der chr. Liste ist nun kein Kephallenier eingetragen. Also hier ist kein Fehlen für die geographische Liste nachweisbar (umgekehrt also gehören alle Kephallenier der geogr. Liste entweder vor d. J. 197/6 oder zum Theil nach d. J. 197/6, nur dass sie in die chr. Liste nicht eingetragen waren).

Für Phokis giebt die chr. Liste 5 Proxenoï (in den J. 197/6, 177/6, 176/5, 175/4, 172/1). In AII erscheint keiner derselben. Sie wurden also wohl noch in dem phokischen Intervall verzeichnet (wenn überhaupt Phokis in dieser Kolumne stand).

Für Athen kennen wir aus der chr. Liste 4 Proxenoï aus den J. 197/6, 191/90, 189/8, 183/2 und einen aus dem Pyrrhos' Jahre = 165/4 (nach meiner und Pomtow's Ansetzung). Die ersteren, wenn das attische Gebiet in diese Kolumne gehört, standen wohl in dem attischen Intervall, der letzte aber konnte sich entweder ebendasselbst befinden, oder gänzlich fehlen, wenn das Ergänzen bereits vor d. J. 165/4 aufhörte.

Aus Boiotien sind in der chr. Liste 18 Proxenoï, darunter 5 aus Koroneia genannt und zwar für d. J. 189/8, 187/6, 186/5, 185/4, 182/1, 180/79, 178/7, 170/69, und ausserdem noch der 19. aus d. J. 165/4. Keiner derselben findet sich in AII. Die ersteren also standen noch in dem boiotischen Intervall, der letzte konnte fehlen, wenn das Ergänzen vor 165/4 aufhörte. Die in AII 17—18 aufgeführten boiotischen Proxenoï fallen wohl in die Zeit zwischen 170/69—165/4.

Aus dem ganzen Peloponnesos verzeichnet die chr. L. neun Proxenoï für d. J. 195/4, 188/7, 181/0, 178/7, 177/6, 176/5 (dazu kommt noch einer aus Patrai aus dem Einzeldekret 2611 für d. J. 171/0) und ausserdem noch 4 für das J. 165/4 aus Megalopolis, Argos und Sikyon. Auch hier also kann man sagen, dass die aus den J. 195/4—171/0 noch in dem peloponnesischen Intervall (oder Intervallen) standen und dass die aus d. J. 165/4 fehlten, weil das Ergänzen vor 165/4 aufhörte. Die

in AII₁₃ (ἐν ΑΑΙ) und 15—16 (aus dem argolischen Kleonai) fallen wohl zwischen 176/5 (resp. 171/0) — 165/4.

Das Zusammenfallen betreffs des J. 165/4 für Athen, Boiotien und Peloponnesos macht wahrscheinlich, dass das Ergänzen nicht erst seit d. J. 161/0 (s. o. S. 31), sondern schon seit 165/4 nicht mehr fortgesetzt wurde.

In der von mir reconstruirten Kolumne BII + C + AIII standen Thrakien, Makedonien, Thessalien mit den südlich (und westlich? Epeiros?) davon liegenden Landschaften.

Für Thrakien und Makedonien giebt die chr. Liste nur einen Pelläer aus d. J. 190/89 und einen Kassandreer aus d. J. 187/6, sonst Niemand. Diese beiden finde ich vermuthungsweise in BII₂ (Kassandreia) und BII₃ (Pella) wieder. Die Reihenfolge in BII ist also nicht chronologisch, d. h. diese Ergänzungen sind nicht gleich nach der je entsprechenden Ernennung eingetragen, sondern beide zusammen erst nach d. J. 187/6. Die Reihenfolge kann aber als eine geographische gelten, d. h. in der Richtung von Delphi, nicht nach Delphi (vgl. BIII 18 ff. und AIV 4 ff.). Wenn nun gleichzeitig mit dem Pelläer und Kassandreer noch Proxenoï aus dem östlichen Lokris, Malis, Phthiotis, Thessalien einzutragen waren, so mussten sie oberhalb des BII₂ stehen, sind also nicht erhalten. Damit erklärt sich das Fehlen bei uns der in der chr. Liste genannten Proxenoï aus der Zeit vor d. J. 186/5: 1 Herakleïotas 191/0, 3 Lamieis 196/5, 1 Demetrius 192/1, 1 Skotussaïos 189/8, 1 Atragios 187/6. Für die J. 186/5—171/0 (16 Jahre!) giebt die chr. Liste nicht einen einzigen Proxenos aus den in Betracht kommenden Landschaften: darf man in derselben ein vollständiges Verzeichniss erblicken?! Es wird also begreiflich, dass die in BII von Z. 4 an noch fortdauernde thrakische Reihe ausserdem manche Proxenoï enthält, die wohl vor und nach d. J. 187/6 ernannt sind. Erst aus d. J. 171/0 wird in der chr. Liste Ἀλεξίς Ἀριστέα Ἡρακλειώτας genannt. Ich vermthe, dass derselbe bei uns oberhalb AIII₁ verzeichnet war, wenn er überhaupt aus dem in die Kolumne gehörigen Herakleia (dem thrachinischen) stammt.

Für die reconstruirte Kolumne BIII + AIV ergibt sich aus der chr. L. für die Zeit vor d. J. 181/0 folgende geographische Reihe, von Delphi an beginnend:

Lokris: 2 Naupaktier (188/7, 187/6);

Aitolien: 1 Trichoneus (187/6);

Akarnanien und Umgegend: 3 Akarnaner (194/3),
1 Leukadier (190/89), 1 Ambrakier (182/1);

Italien (mit Sicilien) und westwärts: 1 Brentesinos
(191/0), 1 Tarantinos (189/8), 1 Rheginos (190/89); 1 Akragantinos
(190/89); 2 Eleatai (188/7), 1 Kanysinos (195/4), 1 Argyrippanos
(191/0), 9 Römer (195 4, 190/89, 189/8) und 4 Massalioten
(196/5).

Bei uns stehen BIII1—4 nur die zuletztgenannten vier. Die anderen standen also oberhalb BIII1 (entweder in Intervall- oder in Schlussnachträgen). Nach dem J. 181/0 kommt hier für uns in Betracht aus der chr. Liste zuerst Dionysios aus Elea d. J. 179/8. Er steht nun unmittelbar nach den Massalioten, BIII5. Chairelaos aus Chaleion BIII6 gehört wohl ungefähr in dieselbe Zeit, wenn meine Identifizierung (z. St.) richtig ist. In der chr. Liste fehlt er ebenso, wie die jetzt aus dem Einzeldekret d. J. 175/4 (BCH. XXIII 542) bekannten Proxenoï aus Tolphon und Oiantheia. Die letzteren stehen bei uns BIII7—10.

Aus der Zeit 178/7—165/4 (13 Jahre!) giebt die chr. L. nur einen Proxenos, der für unsere Kolumne in Betracht kommen könnte: „Νίκανδρος Μεγιστάτεος Ῥωμαίου“ d. J. 173/2 mit einem exceptionellen Vermerk: εἰμεν δὲ αὐτῷ γὰρ καὶ οἰκίας ἐνκτησιν (Z. 279 f.). Dass die chr. Liste hier unmöglich vollständig gewesen sein kann, ist mehr als wahrscheinlich. Die geographische Liste giebt hier selbstverständlich viele Namen. Aber warum fehlt in ihr gerade dieser Nikandros? Es ist möglich, dass er in der Lücke zwischen BIII—AIV verloren gegangen ist. Möglich auch, dass er in unsere Kolumne gar nicht gehört, d. h. nicht unter der Rubrik ἐν Ῥώμῃ genannt werden konnte, wenn er nämlich nicht in Rom wohnhaft oder thätig war. Aus seinem griechischen Namen ist es wohl zu schliessen, dass er ein echter Grieche, in Griechenland geboren und in einer griechischen Stadt ansässig war; das römische Bürgerrecht erlangte er vielleicht für Verdienste um die Römer in den Kriegsjahren der ersten Decennien des II Jahrh. Er konnte sagen: *civis Romanus sum*, aber man weiss nicht, in welcher Stadt er lebte¹⁾.

1) Wollte er sich etwa in Delphi als ein Metoikos niederlassen und darum war ihm das Enktesisrecht wichtig? Vgl. den₂ Vermerk. Metoiken erhalten in Delphi ἐγκτήσις: 2607, 2606, 2647.

Zwischen der Fülle der Proxenoï der chr. Liste und der seltenen Wiederkehr derselben in der geographischen lässt sich also kein Widerspruch feststellen.

6. Zur Zeit der letzten Nachträge.

Man hat gewöhnlich aus der Erwähnung der Stadt Mylai AIII₁₂, die nach Livius XLII 54 im J. 171 durch Perseus zerstört wurde, schliessen wollen, dass die Redaction der Liste nicht nach d. J. 171 angesetzt werden darf. Aber erstens wissen wir nicht, ob die Stadt nicht sogleich durch die Römer wiederhergestellt worden war. Zweitens, kann das J. 171 bei meiner Ergänzungsauffassung als *terminus ante quem* bloss für die vorhergehenden Zeilen in AIII dienen.

Wegen Kephalleniens, glaube ich (s. o. S. 31), steht es fest, dass seit d. J. 161/0 keine Nachträge erfolgten. Aus anderen Indicien (s. o. S. 36) vermuthete ich, dass es bereits seit d. J. 165/4 der Fall war. Wenn Jemand Grenzpunkte für solche Verzeichnisse durch historische Vorgänge erklären will, der kann glauben, dass der Schlusspunkt mit den nach der Pydnaschlacht erfolgten Veränderungen griechischer Verhältnisse zusammenfiel (die Auflösung des aitolischen Bundes fällt zwischen Juli — November d. J. 166). Dass die letzten Nachträge, geschweige denn die „Redaction“, bereits „um d. J. 175“ fallen, ist jetzt höchst unwahrscheinlich, seit wir wissen, dass BIII 7—10 (nach BCH. XXIII 542) nicht früher, als im zweiten Semester d. J. 175/4, erfolgten. Waren doch noch sehr viele Proxenoï (sowohl in den erhaltenen Kolumnenstücken BIII 11—30 und AIV 1—25, wie in der Lücke zwischen BIII—AIV und wohl unterhalb AIV) erst nach d. J. 175/4 eingeschrieben. Schwerlich konnten dieselben bloss in drei — vier Jahren 174—171 ernannt werden. Zwar finden wir in BIII + AIV weder Agatharchos aus Tauromenion (bekannt aus dem Einzeldekret 2610, d. J. 168/7), noch Nikostratos aus Ankona (—2612, d. J. 167/6), aber diese beiden waren wohl bereits aus der Zahl der zuletzt ergänzten und standen wahrscheinlich unterhalb AIV. Wir haben nämlich AIV Z. 4—15 eine Reihe lokrisch-aitolischer Nachträge, Z. 16—25 wiederum

eine Reihe für Akarnanien, und erwarten noch eine Reihe für weiter westwärts liegende Gebiete, d. h. für Italien mit Sicilien. — Wenn die Zahl der BIII₁₁ (resp. 18) ff. und AIV_{1—25} genannten Proxenoι sogar für 3—4 Jahre zu gross ist, desto unwahrscheinlicher ist, dass so viele Proxenieernennungen in einem oder in zwei Jahren erfolgten. Wie lässt sich aber die unverkennbare Gruppierung sowohl BIII₁₈ ff., wie AIV_{1—25} erklären? Ich meine, dass wir hier, wie auch BII_{2—3} (s. oben), nicht mit den sogleich nach Ernennung erfolgten Nachträgen zu thun haben, sondern mit solchen, die erst nach einiger Zeit zusammen eingeschrieben wurden. War nun die Zahl derselben ziemlich gross, so setzte man sie begreiflich nicht in zeitlicher, sondern in geographischer Ordnung nacheinander und wohl mit gewisser Trennung der Gebiete. Eine Trennung dieser Art erkenne ich zwischen BIII₁₃ (NOΣ) und 18: nachdem die italisch-sicilische Reihe BIII_{1—5} durch Nachträge aus Chaleion Z. 6, Tolphon Z. 7—8, Oiantheia Z. 9—10, Lysimacheia Z. 11, Thestiai Z. 12—13 unterbrochen wurde, eine andere von Korkyra an beginnende italische Reihe wurde nicht sogleich Z. 14 usw., sondern erst nach einem freien Zwischenraum gesetzt (jetzt Z. 18 ff.). Ähnliche Trennungen sind auch zwischen AIV_{3—4} und 15—16 erkennbar, wohl in Zusammenhang mit eingreifenden Zeilen der links stehenden Kolumne (AIII₃ und 15). Wenn es richtig ist, dass zur Zeit, als BIII₁₈ geschrieben wurde, der Raum oberhalb derselben noch unbesetzt war, dann konnte die Vorlinierung für dieselbe viel leichter in schräger Richtung erfolgen (s. o. S. 11 und 26).

Wie sind aber die Proxenoι BIII_{15—17} aus dem syrischen Laodikeia Philonidas und Dikaiarchos in die westliche Kolumne gekommen? Wenn sie zu den letzten Jahren unserer Liste gehören, dann kann man sagen: zur Zeit ihrer Ernennung war die entsprechende asiatische Kolumne wohl gänzlich besetzt und man setzte diese Proxenoι an einer ungehörigen Stelle, wo nur ein freier Raum vorhanden war. Dikaiarchos' Proxeniedekret (s. o. zu BIII₁₅ ff.) gehört wohl in das J. 168/7; dasjenige für Philonidas, welches uns nicht erhalten ist, konnte in derselben Zeit zu Stande gekommen sein. Somit entpuppt sich diese laodikeische Aufzeichnung als einer der spätesten Nachträge¹⁾.

1) Dass BIII_{15—17} später und Z. 18. ff. früher entstanden, aber nicht umgekehrt, vermute ich darum, weil die Ausfüllung der asiatischen

Es blieb nun noch eine schmale unbeschriebene Stelle zwischen BIII₁₃ (NOΣ) und 15, kaum für zwei Zeilen genügend. Dort setzte man eine amphissäische Aufzeichnung und zwar offenbar des Raummangels wegen so, dass man gegen sonstigen Gebrauch zuerst den in Z. 13 nach NOΣ noch freien Raum ausnutzte und nur den Schluss der Aufzeichnung in Z. 14 übertrug. Ich möchte dieselbe für die späteste der ganzen Kolumne halten, d. h. sie erfolgte wahrscheinlich schon nach der gänzlichen Ausfüllung der Kolumne. Diese Ausfüllung wird um so wahrscheinlicher, weil wir auch ohnehin sehen, dass die Schriftfläche in dieser Kolumne weiter nach unten reicht, als in AI, AII und AIII¹⁾. Die Ausfüllung, die ich also für AIV und für die asiatische Kolumne vermuthe, kann eben, als eine Ursache angesehen werden, weshalb eine weitere Ergänzung unserer Liste aufhörte. Ja, wenn die Redaction derselben in die letzten Decennien des III Jahrh. fällt, wenn die spätesten Nachträge etwa bis ins J. 166 reichen, so verstrichen bereits etwa 50 Jahre, also ein Zeitraum, nach welchem eine solche Liste kaum brauchbar bleiben konnte: waren doch sehr viele der ursprünglich in derselben verzeichneten Proxenoï um d. J. 166 nicht mehr am Leben.

7. Allgemeine Schlussbemerkungen.

Eine Aufzeichnung in unserer, so wie in jeder anderen ebenso geordneten, Liste halte ich (gegen B. zu 2677, S. 849)

Kolumne je später, desto wahrscheinlicher ist. Dazu noch ist der Zwischenzeilenraum zw. Z. 17 und 18 etwas enger, als sonst oben und unten, was sich leichter erklären lässt, wenn Z. 17 erst später erschienen, als umgekehrt. Freilich sind diese Indicien nicht zwingend, doch jedenfalls ist die Pomtow-Baunacksche Datierung des Dekrets für Dikaiarchos, d. h. das J. 189/8, für diese Stelle mehr als unwahrscheinlich: stehen doch schon Z. 7—10 Nachträge aus dem J. 174.

1) Der auf der Tafel abgebildete Abklatsch ist in AI—III unten abgeschnitten, d. h. dort blieb noch mehr Raum unausgenutzt, als es auf der Tafel erscheint.

nicht für eine Ehrenerweisung, wenigstens für keine direkte. Der Zweck derselben war sicher ein praktischer, d. h. für jeden, wer es brauchte (nicht für Beamten allein, die konnten auch für sich im Amtshause eine Liste führen, — gegen Monceaux *Prox.* S. 282 f.), Erkundigungen über Proxenoï aus dieser oder jener Stadt zu erleichtern. Die Vollständigkeit ist für solche Listen wohl eine nothwendige Voraussetzung. Was speciell das uns erhaltene in BCA anbetrifft, nur jetzt, als dasselbe fast ausschliesslich für einen (nicht grösseren) Theil der etwa zwischen d. J. 196/5—166 erfolgten Nachträge erkannt worden ist, können wir uns annähernd vorstellen, wie fast unglaublich reich an Städte- und Personennamen diese Liste in ihrer vollständigen Gestalt gewesen war, wie ausgedehnt also die Beziehungen Delphi's in dem III—II Jahrh. waren. Die ursprüngliche von den Delphiern wohl streng geographisch geordnete und mit Bezirksüberschriften versehene Liste könnte eine sehr hohe Bedeutung für die Bereicherung unserer geographischen Kenntnisse der ganzen alten Welt haben. Das, was jetzt erhalten, resp. publiciert worden ist, hat nur eine mässige und relative Bedeutung in dieser Hinsicht, weil wir nur selten grössere und zusammenhängende Städte- oder Dörferketten hier unterscheiden können. Zwar auch so giebt das Erhaltene manchen neuen Namen oder lässt manchen verschollenen Ort erkennen, aber für die Lagebestimmung der Ortschaften, die sonst noch nicht lokalisiert werden können, bleibt immerhin noch ein zu breiter Raum; derselbe wird vermindert, wo wir eine grössere Gruppe der gleichzeitig eingetragenen Städte vor uns haben; zerfällt aber das in einer Kolumne erhaltene in kleinere und zeitlich verschiedene Gruppen, so müssen wir uns mit der Erkenntniss begnügen, dass die fragliche daselbst genannte Ortschaft sich irgendwo in dem Bereich der von der Kolumne umfassten Gebiete befand, dieser Bereich aber ist immer ein sehr grosser. Hoffentlich sind jetzt bei den Ausgrabungen noch einige Bruchstücke der ursprünglichen Liste oder deren Nachträge zum Vorschein gekommen, und hoffentlich wird es nicht schwer sein, dieselben in den von mir entworfenen Gesamtplan *mutatis mutandis* einzuordnen. Dann wird man wohl manchen alten Verkehrsweg, eine *ἑρὰ ὁδός* oder Handelsrichtung, genau bestimmen können, denn sicherlich hatten die Delphier das Verzeichniss der Städte nicht nach Luftlinien geordnet. Vorläufig aber wäre es rathsamer die geographische Bedeutung des Erhaltenen nicht zu

überschätzen. Chronologisch kann dasselbe bei meiner Auffassung etwas wichtiger sein, wenn man die einzelnen Bestandtheile sorgfältig in zeitlicher Hinsicht unterscheiden wird: es wird wohl manchen neugefundenen Ehrenbeschluss, wenn er kopf- oder fusslos erhalten ist, etwas genauer bestimmen lassen, falls nur der Name des Geehrten in unserer Liste wiederkehrt, — genauer, sage ich, als es bei der allgemeinen bis jetzt üblich gewesenen Date aller Bruchstücke — „etwa 175 vor Chr.“ — der Fall war.

Berichtigungen.

S. 19 Z. 7 v. unt. lies AII₅ statt AIV₅.
 S. 21 Z. 3 v. unt. „ BIII₁₈ „ AIV₁₈.
 S. 22 Z. 19 v. ob. „ AIV₄ „ AIV₅.
 S. 23 Z. 3 v. ob. „ BIII₁ „ AIV₁.
 Copie BIII₁₅ „ TAI_{III} „ TAI_{II}.

Umschrift AII₆—7 sind die letzten Interpunctuationszeichen umzustellen.
 Leichtere Versehen wolle man selbst berichtigen.

2580 A.B.D.

D.b.

D.a.

B.i.

B.ii.

B.iii.

A.i.

A.ii.

A.iii.

A.iv.

Da.

1 'Εν . . λ [_____]
 'Ε[ν] Κό[υ]μαι [_____]
 'Εν 'Ερυσ[ο]ραϊς [_____]
 'Εν Κλα[ς]τομ[ε]ναϊς [_____]
 5 'Εν Μυρ[ο]ναι Η [_____]
 Πρωτο[ς] [_____]
 'Εν 'Ελ[α]ίαι [_____]
 'Εν Περγ[ά]μω [_____]
 'Εν Πιτάν[αι] [_____]
 10 'Εν Κόν[αι]ς [_____]
 'Εν 'Ατάρ[ναι] [_____]
 . . βα[ς] [_____]
 'Εν 'Ασσ[ω]ι [_____]
 'Εν 'Ατραμ[υ]τίωι [_____]
 15 'Εν 'Αντά[ν]δρωι [_____]
 [. . . _____]
 'Εν Γαργά[ροις] [_____]
 'Εν 'Αμαξενώ[ι] [_____]
 'Εν Δαρ[ισ]αί [_____]
 20 [_____]

Db.

1 Ἐν σ. νι. ς, Κλεουσθῆνη[ς]
 [Ἐν] ΛΕΙΑΙ Τιμόθεος.
 [Ἐν] ι. Εὐρύδαμος Ξενοφώντος.
 5 Ἐν Ἀργεσθαί (?) Τιμόκριτος.
 Ἐν . θ . . . τείασι Θέρσαν Γοργέ[λου].
 [Ἐν] ξενος Φιλωνί[δα ?].
 [Ἐν] ι. Δίκαιος Εὐνόστ[ου ?].
 [Ἐν] ΔΙ Πολίτας Πύρρου.
 10 [Ἐν] μμ . . κος Ἀρρα[βαίου ?].
 [Ἐν] ιων Πένκιος.
 [Ἐν] σ? σανδρος Φιλίππου
 [κ?] αἱ Δημήτριος Φιλίππου.
 [Ἐν] _ΛΛΓωτ[ά]δας Πυρρίου.
 15 [Ἐν] ο . . κα Μενέστρατος

 [Ἐν] τιος Νεοπολίεμο[υ].
 [Ἐν] ὶθον Πόλυος.
 [Ἐν] Θ) εὐφλος Θεουφιλου.
 20 [Ἐν] ΔΙ Γοργίας.
 [Ἐν]] ΑΙΟΙΑ

AI.

1 [Ἐν —————] ἡς Λευκί-
[που, —————] έους, Λεύκιππος
[τοῦ δεῖνος].
[Ἐν —————] λωνιδ[α?]ς Ἀσ-
5 [—————].
[Ἐν —————] ώνιος καὶ Ἀνυτος
7 [—————] ος.

AII.

1	 vos.	[E
2/3	[Eν Κεφαλλήναι·	Eν Κρανίοις
	Θέωνος.	E
4	E[ν Σ]άμαι αλλίλα ΔΙ..μβρότο[υ].	9 E
5	Eν Παλίοις Νικέας	Όρθαγόρα.
5	Eν Κρανίοις	Άρίστων, Σατυρίων.
	Δαμόφιλος	Δαμοφώντος.
	Eν Σάμαι	Τιμαίος, Ξενόλαο
	Φρυνίων	Τ:μομάχου.
10	Eμ Πρώννοι, Ευάνδρος	Eπιχάρεις.
	Eν Αίγιναι	Τιμόδαμος Τιμολάου.
	Eν Ζακύνθα	Εουθός
	Eν Αλι	Τ:εύς Θράσωνος.
	Eν Σάμαι	Μαρκος Κορνήλιος Γαίου.
15	Eν Κλεωναί	Μέντωρ
	Δαμώ	Εδρυδάμου.
	Eν Όρχομεν<ι>	Καφίσιας.
18	Eν Κορωνέι	Μ]νάσων
		Αθάνωνος.

BII.

1 [.] α, Κλ[έων] Ξένων
[Ἐν Κασσανδρείᾳ]? Ξένων Ξένωνος. 5
[Ἐν Πέλλαι? Ὀνάσι]μος Ἐπικράτ(ιδ)ου.
[.]ω]ν Με[ν]ίππου.
5 [Ἐν]οις Ἀντινικίδης Ἐπικράτους.
[Ἐν Ο]ΰβουαι Ἐπιγῆθ[η]ς Τελεσίτου. 10
Ἐν Νέαι Πόλι Φίλων, Ἀπολλωνίδης Φίλων
Ἐν [Σ]άπαις(?) Ἀντιφάνης, Ἀντιγενί[δ]ας Π[ό]λλι
Ἐμ Μορύλλοις[?] Ἀδωνος? Σέλευκος Ἀ[γν?]αίου.
10 Ἐ[ν] Κ? α Νεᾶς? Σόλωνος.
Ἐν [Α]κάνθωι Ἀλέξανδρος Ἀλεξάνδρου. 15
Ἐν Ὀλ[ύ]και . . . οφάνης [Τ]ελεσί[α?].
Ἐ[ν] Ἀβδ[ε]ραίοις[?] Διονυσᾶς Διονυσσοδώρου,
Διονυσόδωρος Νυμφοδώρου,
15 Εὐφαντος Διονυσᾶ.
[Ἐμ Μ]αρω[ν]εῖαι Ἀκεστος, Καλλικρατίδης,
[Ἐ]πίγονος Διονυσᾶ.
[Ἐν . . . Κ]ράτιππος Καλλίππου.
.
20 [Ἐν] τοφάνους.

BIII.

1 [Ἐν Μασσαλαῖαι]
 [Θεόδωρος Ἡρώων[ακτος,]
 Κλ[εό]δημος Καίκο[υ, Κρινᾶς Πυθία],
 νωνος. Πυθίας Κρινᾶ.
 5 Ἐν Ἑλέαι Διονύσιος [Αηγέτου].
 Ἐγ Χαλαίωι Χα[ιρέ]λα[ος.].
 Ἐν Τολφῶνι Ἀνδροσθ[ενίδας Κρινία],
 Ἀρχίδαμος Ἀνδροσθ[ενίδα].
 Ἐν Οἰανθέαι Ἀριστόμ[αχος Κρινία],
 10 Κρινίας Ἀριστομέ[χου].
 τωνος. Ἐν Λυσισμαχείᾳ Ἀρισ[.].
 λλιτος. Ἐν Θεσσατίας Ἀν[.]-
 του. νος. Ἐν Ἀμφίσαι Ἐ[. Πολυ]-
 ξενίδα.
 15 Ἐν Λαοδικαίαι τᾷ π[οτὶ θαλάσσαι Φιλων]-
 δας Φιλωνίδα καὶ ὁ ἀ[δελφὸς αὐτοῦ]
 Δικαίταρχος Φιλωνί[δα].
 Ἐγ Κορκύρα Μνασί[λας,],
 19 Λαδέκτας Λεω[.].
 Ἐν Τάραντι Νε[.].
 25 Ἐν Ἡρακλείαι Ἡρα[.].
 τεος Οὐταλη[.].
 Ἐμ Πετηλαίαι Οφαλ[.].
 Ἐν Λοκροῖς Φιλω[.].
 30 Ἐν Τασιταίς Κομ[.].
 Ἐν Ῥηγίωι Μύσκο[ς.].
 Ἐμ Μεσσάναι Λα[.].
 νας, Λεόκων Λα[.].
 . . . ΔΙ. ΝΩΡ [.].
 30 Ι ΔΙΙ

C.

1 [Εν Ἀρ]ιστοκρά[της]
[Ἀρ]ιστάρχου, Ἀρ[ισ]στα[ρχος?].
[Εν Γυρ]ῶνι Μυρτίλος Στ? — —
 ου.
5 [Εν Λ]αρ[?]σα[?] Φιλοκράτης Γ — —.
Ἐν [Μ]ονδαία Περδίκκας — —?
[Εν] Φαλ[άνν]αι Ἰππαίτας — —?
Ἐμ Μαιτροπόλει Κύδας Εὐθηωνος.
Ἐν Ὁρθοίς = IBΥΣ — — — —.
10 Ἐ[ν Ν]αρθ[α]κίωι Ἀλαθέας Ἀπολλω-
[ν]ίδας.
[Εν Λαμ?]αι Σώσανδρος — — — —?
Ἐν Ἐλατίε? Ἀλ[έ]ξανδρος Ἀρχιδάμ[ου].
Ἐν Κρ[α]νν[ῶ]νι Μαρσ[ύ]α[ς] Φα — —
 Λ — — — —
15 ΙΣ.Ρ — —
16

AIII.

1	[Εν ου.	
	[. Ο. ΩΟ . . .	
	[Εν] Δ Α Ι	Ἀριστοκράτης
	[Εν . . .] πειθείωι	Δίων Τίμωνος.
5	[Εν Ὑπ]άται	Εὐρύμαχος
	[Εν Σ]ωσθενίδι	Νικέας Φ
	Ἐν Σπερχαίαις	Μένων
	Ἐν Ἀπαταί	Ἐπικράτης Νι
9	Ἐν Ἐχινεῳι	Φιλίνος Με
	Ἐν Ἀργεθίαι	Νεοπτόλεμος.
	Ἐν Ἑλατίαις	Στροφφής
	Ἐμ Μυλαῖς	Πτολεμαῖος
	Ἐν Λαμίαι	Πολύβιος Φ
	Ἐν Σκαρφελαί	Ἀριστόβουλος
15	Ἐν Σωσθενίδι	Φιδίας
	Ἐν Κυφαίραις	Ἄ πόλις.
17	Ἐν Ἡρακλήῃ	Τιμόθεος Ἐδ

AIV.

1	Ἐν Ἀλαλάσῃ Διο	—	—
	Ἐν Θέρμοις Ν	—	—
3	Ἐν Διπάραι Αι	—	—
	Ἀριστάρχου.		
4	Ἐν Ἀλπαι Λύσω[ν	—	—
	νος. Ἐγ Κυνιάδαις		
6	Ἐν Ἀάφραι Τιμ	—	—
	ου. Ἐν Ἀπόμφωι	—	—
	Ἐγ Καλλιπόλι	—	—
	εως. ΝΙΚΟ	—	—
10	Ἐν Θαρσεΐδαις	—	—
	κνδρου. Ἐν Κύραι	—	—
	νουλου. Ἐν Ποτ[ιδαν]αι?	—	—
	Ἐγ Κιάφραι	—	—
	ς. Ἐμ Πάλευρωνι	—	—
	υρρία. Ἐμ Με[τά]παι?	—	—
	Ἀγρολέωνος.		
16	Ἐμ Φοιτί[αις	—	—
	ος. Ἐν Δάμω[ι]	—	—
	Ἐ[ν] Ἰθάκ[αι	—	—
	Ἐν Ἰθάκ[αι	—	—
20	Ἐν Δευκ[ίδι	—	—
	Ἐν Θυρ[ρε]ωι	—	—
	Ἐμ Μ. λ[	—	—
	Ἐγ Γ[	—	—
	Ἐν[]	—	—
25	Ἐ[ν]	—	—

Глава V.

Болѣзненные разстройства чувствованій.

Душевная болѣзнь всегда состоитъ изъ разстройствъ ума, чувствованій и воли, и потому разстройства чувствованій наблюдаются при всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ; у каждаго душевно-больнаго непременно должны быть измѣненія въ сферѣ чувствованій.

Болѣзненные разстройства могутъ состоять въ ослабленіи и усиленіи чувствованій; ослабленіе или усиленіе чувствованій мы наблюдаемъ у каждаго больнаго; у однихъ этотъ симптомъ выраженъ сильнѣе, у другихъ слабѣе. Кромѣ ослабленія и усиленія чувствованій, у душевно-больныхъ бываетъ патологическое усиленіе пріятныхъ чувствованій, преобладаніе радостнаго, пріятнаго настроенія, и патологическое усиленіе непріятныхъ чувствованій, преобладаніе мрачнаго, грустнаго настроенія.

Мы мало понимаемъ патологическое разстройство чувствованій, состоящее въ ихъ извращеніи; извращеніе чувствованій состоитъ въ томъ, что у больнаго вызываетъ пріятное чувство то, что у здороваго вызываетъ непріятное, и наоборотъ.

Усиленіе и ослабленіе чувствованій можетъ быть совмѣстно съ измѣненіемъ настроенія, и съ извращеніемъ чувствованій. Вообще ослабленіе и усиленіе чувствованій есть симптомъ душевнаго разстройства, а измѣненіе настроенія и извращеніе чувствованій наблюдается лишь у нѣкоторыхъ больныхъ.

Пониженіе чувствованій бываетъ гораздо чаще и имѣетъ большее значеніе, чѣмъ ихъ повышеніе; ослабленіе чувствованій наиболѣе существенное явленіе душевной болѣзни.

Ослабленіе чувствованій въ большей или меньшей степени наблюдается почти при всякомъ психическомъ разстройствѣ, но вслѣдствіе крайней трудности изслѣдованія и оцѣнки этого явленія, ослабленіе высшихъ чувствованій мы часто не замѣчаемъ. Религіозныя, эстетическія и интеллектуальныя чувствованія бываютъ болѣе или менѣе ослаблены у всѣхъ душевныхъ больныхъ; можетъ быть, только нѣкоторые больные, страдающіе психоистеріей составляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Только хорошо зная субъекта, мы можемъ подмѣтить ослабленіе этихъ чувствованій уже въ продромальномъ періодѣ душевной болѣзни, и даже при тяжкихъ нервныхъ болѣзняхъ. Не зная хорошо больного, мы не можемъ оцѣнить насколько у него ослаблены болѣзнію эти высшія чувствованія. Я имѣлъ возможность убѣдиться, что высшія чувствованія слабѣютъ очень рано, при *Dementia e laesione cerebri organica*; притупленіе этихъ чувствованій составляетъ самый ранній симптомъ; его можно подмѣтить уже при значительномъ склерозѣ мозговыхъ resp. височныхъ артерій. Старость у многихъ ведетъ къ притупленію этихъ чувствованій, и чѣмъ ранѣе тупѣютъ эти чувствованія, тѣмъ ранѣе наступаетъ старость. Недоразвитіе, недостаточность, тупость религіозныхъ, эстетическихъ и интеллектуальныхъ чувствованій составляетъ непремѣнный симптомъ врожденнаго слабоумія, и чѣмъ тупѣе эти чувствованія, тѣмъ значительнѣе слабоуміе. Нужно однако оговориться, что мы не обладаемъ средствами для опредѣленія состоянія этихъ чувствованій, и поѣтому поневолѣ приходится руководиться лишь опытомъ, навыкомъ.

Громадное практическое значеніе имѣетъ слабость, т. е. недоразвитіе и притупленіе нравственныхъ чувствованій; для меня несомнѣнно, что слабость нравственныхъ чувствованій составляетъ непремѣнный симптомъ всякой душевной болѣзни, вообще всякой болѣзни головного мозга. Всякій душевно больной, и даже почти всѣ соматически больные становятся эгоистами; ихъ „я“ выступаетъ на первый планъ и заслоняетъ болѣе или менѣе все остальное. Лишь немногія, богато одаренныя натуры, и во время болѣзни, сохраняютъ любовь къ ближнимъ, — сохраняютъ высшіе духовные интересы; только у этихъ немногихъ и во время болѣзни, не все вниманіе сосредоточивается на ихъ „я“ и его интересахъ. Болѣзнъ не только душевная, но и соматическая, настолько понижаетъ духовные интересы, и такъ фиксируетъ все вниманіе на грубо-эгоистическихъ

интересахъ, что ослабленіе нравственныхъ чувствованій должно проявляться при всякой болѣзни, должно быть основнымъ симптомомъ патологической, несовершенной организаціи ¹⁾).

Нравственныя чувствованія всегда сочетаны съ представленіями, и обнимаютъ не только отношенія къ ближнимъ, но также и къ собственному самоусовершенствованію; нравственныя чувствованія нельзя понимать иначе, какъ въ связи съ другими сложными явленіями, каковы вниманіе, фантазія и т. п. Сочувствіе страданіямъ и радостямъ ближнихъ есть только простѣйшее нравственное чувство; дѣйствительно нравственными чувствованіями заслуживаютъ быть названными лишь тѣ, которыя вызываются непосредственно только вредомъ и пользою, испытываемыми другими. Что вредно для другого, вызываетъ у него чувство страданія — можетъ вызывать и у насъ также страданіе, хотя при этомъ наши непосредственные интересы и не задѣты; то же самое слѣдуетъ сказать и о сорадости, счастіи ближняго.

Вотъ когда у человѣка возникаютъ такимъ образомъ, чувствованія, только тогда можно сказать, что у него имѣются нравственныя чувствованія. Только при высокомъ развитіи психической жизни можетъ развиваться такое вполне безкорыстное сочувствіе къ радостямъ и страданіямъ ближнихъ. Только при высокомъ развитіи, элементарныя т. е. эгоистическія чувствованія теряютъ свое преимущественное значеніе; человѣкъ уже ищетъ высшихъ наслажденій, болѣе прочныхъ, участвуя въ счастіи ближнихъ находитъ чувствованія удовольствія, не считаетъ себя одного цѣлымъ міромъ, а лишь однимъ изъ многихъ. Для того, чтобы быть способнымъ испытывать чувствованія въ гармоніи съ чувствованіями ближнихъ, нужно высокое развитіе духовной жизни, существованіе понятій объ отечествѣ, обществѣ, такъ какъ сочувствіе, чуждое собственныхъ интересовъ, переносится на согражданъ, когда выработано понятіе объ отечествѣ; и лишь когда выработалась идея о человѣкѣ вообще, тогда только возможно сочувствіе ко всѣмъ людямъ.

Вообще сочувствіе, чуждое всякаго эгоизма, самъ по себѣ чувство очень слабое, и мало лицъ, которые готовы

1) Интересующимся этимъ вопросомъ могу указать на мою работу, Нравственность душевно-больныхъ (Вопросы Философіи 1891. Труды IV-го Съезда Общества Русскихъ Врачей).

испытывать непріятныя чувствованія, чтобы сохранить отъ нихъ ближняго. Состраданіе становится живою силою, потому что обычно его укрѣпляетъ чувствованіе удовольствія, вызываемое общей похвалой, одобреніемъ за подвиги милосердія; наконецъ оно становится сильнѣе и потому, что мы сами одобряемъ эти поступки.

Одно изъ главныхъ нравственныхъ чувствованій — это любовь къ справедливости и отвращеніе къ несправедливости; когда любовь къ справедливости становится сильнымъ чувствованіемъ, человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, стремится руководиться справедливостью, и такимъ образомъ, нравственныя чувствованія обогащаются новымъ — чувствованіемъ справедливости.

Нравственныя чувствованія развиты у людей въ весьма различной степени; всюду есть высоко-нравственные люди, и къ сожалѣнію, не мало глубоко безнравственныхъ; и мы не имѣемъ какой либо мѣрки, какого либо масштаба для опредѣленія нормальной и ненормальной нравственности. Но эмпирически, путемъ навыка, мы однако научаемся отличать ненормальное или патологическое недоразвитіе нравственныхъ чувствованій. Еще легче подмѣчается притупленіе или ослабленіе нравственныхъ чувствованій, вызванное болѣзью; не трудно замѣтить разницу между нравственною дѣятельностью до заболѣванія и нравственною распущенностью во время болѣзни. Если честный человѣкъ сталъ нагло лгать, и даже красть, сдержанный благовоспитанный человѣкъ ругаться и драться, хорошій семьянинъ проводить время въ публичныхъ домахъ, мягкій семьянинъ тиранить жену и дѣтей — очевидно, что съ субъектомъ произошла глубокая перемѣна, обусловленная болѣзью¹⁾.

Гораздо труднѣе опредѣлить какую степень недоразвитія нравственныхъ чувствованій слѣдуетъ считать патологической, ненормальной; вѣдь мы не можемъ признавать всякаго, стоящаго въ нравственномъ отношеніи ниже средняго уровня, больнымъ. Поэтому приходится считать больными лишь тѣхъ, у кого недоразвитіе нравственныхъ чувствованій далеко отстало отъ

1) Я наблюдалъ прогрессивнаго паралитика, первое проявленіе болѣзни котораго состояло въ томъ, что онъ наканунѣ Рождества весь день провелъ въ публичномъ домѣ и не расплатился тамъ за пиво и гостинцы.

нормы, у кого нравственныя чувствованія на много слабѣе, чѣмъ у средняго уровня. Уже въ дѣтствѣ такія дѣти отличаются отъ сверстниковъ своею жестокостію по отношенію къ животнымъ, отсутствіемъ привязанности къ родителямъ и близкимъ, грубостію, невоспріимчивостію ко всему прекрасному, а главное, лживостію.

Всѣ мѣры исправленія, всѣ педагогическіе приемы оказываются неэффективными, и такія нравственно тупыя дѣти рѣзко отличаются отъ своихъ сверстниковъ, на которыхъ тѣ-же мѣры исправленія оказываютъ желательное вліяніе. Съ годами нравственная тупость все болѣе и болѣе усиливается, и наконецъ, въ періодъ полового созрѣванія достигаетъ своего крайняго развитія. Ложь, воровство, жестокость, нелѣпыя выходки, безобразные кутежи такихъ лицъ такъ ясно доказываютъ ихъ нравственное слабоуміе, что даже ихъ родители и близкіе не могутъ ужиться съ ними. Обыкновенно они совершаютъ преступленія, ихъ исключаютъ изъ школы, они не могутъ, даже при болѣе протекціи, быть терпимы на службѣ, и почти всегда спускаются все ниже и ниже по общественной лѣстницѣ. Они крадутъ мелкія суммы, чтобы имѣть на что покутить, нарушаютъ общественный порядокъ, заводятъ дружбу съ мошенниками и проститутками, не могутъ заниматься какимъ нибудь дѣломъ. Если даже у такого больного и нѣтъ стремленія къ спиртнымъ напиткамъ, они заводятъ дружбу съ кутилами, проводятъ время въ трактирахъ и въ публичныхъ домахъ.

Всѣ усилія ихъ близкихъ и ихъ учителей, объяснить имъ гнусность ихъ поведенія остаются безплодными, потому что они не чувствуютъ отвращенія ко лжи, къ пороку; нравственно-прекрасное не вызываетъ у нихъ пріятныхъ чувствованій; они не чувствуютъ отвращенія къ своимъ дурнымъ поступкамъ, они не имѣютъ привязанности къ кому либо, не имѣютъ сочувствія къ чужимъ страданіямъ. Для нихъ нѣтъ другой цѣли въ жизни, какъ грубая физическія наслажденія; и они не понимаютъ, и главное, не чувствуютъ восхищенія передъ добромъ, и отвращенія къ злу. Нѣкоторымъ нравственно слабоумнымъ даже доставляетъ удовольствіе дѣлать зло ближнимъ; страданія ближнихъ имъ пріятны, ихъ радуютъ. Понятно, что при нравственномъ слабоуміи всегда бываютъ болѣе или менѣе рѣзкія разстройства умственной дѣятельности.

Чувствованія индивидо-соціальныя — любовь, ненависть, злоба, самолюбіе, тщеславіе, гордость и т. д. ослабѣваютъ при

многихъ душевныхъ болѣзняхъ. Особенно легко замѣтить ослабленіе любви къ членамъ семьи въ началѣ душевной болѣзни; больной не радуется успѣхомъ дѣтей, не сочувствуетъ огорченіямъ жены и т. д.; съ развитіемъ болѣзни это равнодушіе къ своей семьѣ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Я наблюдалъ больнаго, которому сообщили о смерти его дочери, лѣтъ 18, имъ горячо прежде любимой; больной слегка прослезился и этимъ все кончилось. Чѣмъ болѣе ослаблены эти глубокія, сильныя у большинства чувствованія, тѣмъ хуже предсказаніе. Само собою разумѣется, что полная утрата этихъ чувствованій указываетъ на тяжкое неизлѣчимое состояніе; одному параноику сообщили о смерти его единственной 5 лѣтней дочери; онъ совершенно равнодушно замѣтилъ, что онъ не понимаетъ зачѣмъ ему говорить о такихъ пустякахъ.

Недоразвитіе этихъ чувствованій наблюдается у всѣхъ лицъ, страдающихъ врожденнымъ слабоуміемъ, у нѣкоторыхъ лицъ, съ патологической организаціей нервной системы. Эти лица не любятъ, или любятъ очень слабо своихъ родителей и родныхъ; если такой субъектъ вступаетъ въ бракъ, то не любитъ, или любитъ очень слабо, свою жену, своихъ дѣтей. Извѣстно напр. какъ Жанъ-Жакъ-Руссо былъ равнодушенъ къ своимъ дѣтямъ. Слабость семейныхъ чувствованій составляетъ очень часто причины безбрачія и дурныхъ супружескихъ отношеній лицъ съ патологической организаціей нервной системы. Дѣти такихъ лицъ рѣдко пользуются хорошимъ уходомъ и удовлетворительнымъ воспитаніемъ; понятно, что мать съ недостаточно развитой любовью къ дѣтямъ, не можетъ достаточно о нихъ заботиться. Безчувственность женщины къ своимъ дѣтямъ слѣдуетъ считать безспорнымъ проявленіемъ патологической организаціи; и конечно общество обязано спасти этихъ несчастныхъ дѣтей отъ жестокости и безпечности больной матери; многіе алкоголики отличаются безчувствіемъ къ своимъ дѣтямъ.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ дѣтей со временемъ сами будутъ душевно-больными, или по меньшей мѣрѣ, ненормальными — понятно, что у родителей, настолько ненормальныхъ, что у нихъ недоразвита даже любовь къ дѣтямъ, должно быть не мало душевно-больныхъ и ненормальныхъ дѣтей. Обыкновенно душевную болѣзнь, преступность, безнравственность дурно воспитанныхъ дѣтей, объясняютъ именно дурнымъ

воспитаніемъ, забывая, что уже жестокость и небрежность по отношенію къ дѣтямъ, доказываетъ или болѣзнь, или патологическую организацію родителей, что у больныхъ родителей часто и дѣти бываютъ больными.

Ослабленіе другихъ индивидо-соціальныхъ чувствованій не имѣетъ такого большаго практическаго значенія, и потому ослабленіе ихъ, а также и недоразвитіе, замѣчаются не такъ легко. Напримѣръ очень не легко прослѣдить, ослабѣли или нѣтъ у даннаго лица тщеславіе и гордость. Слѣдуетъ лишь обращать вниманіе на ослабленіе чувствованія стыда, такъ какъ ослабленіе этого чувствованія составляетъ весьма важный признакъ душевной болѣзни. Чѣмъ менѣе стыдится больной, а особенно больная, тѣмъ менѣе надеждъ на выздоровленіе; такъ какъ женщины вообще стыдливѣе мужчинъ, то ослабленіе стыдливости у душевно-больныхъ женщинъ, и легче наблюдается, и имѣетъ болѣе серьезное значеніе. Понятно, что крайнее половое возбужденіе можетъ и у женщинъ ослабить или нейтрализовать стыдливость, но все таки, даже и въ крайнемъ половомъ возбужденіи, не вполне слабоумная душевно-больная, еще сохраняетъ свою женственность.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть объ эгоистическихъ чувствованійхъ — страха, любви къ собственности; чаще мы наблюдаемъ ослабленіе этихъ чувствованій; можно лишь удивляться безстрашію большинства душевно-больныхъ; напр. они вовсе не боятся буйствующихъ больныхъ, остаются равнодушными, когда горитъ помѣщеніе и т. п. Безспорно, что у большинства душевно-больныхъ ослаблена любовь къ собственности, къ своему дому, къ мѣсту, въ которомъ они жили, и потому многіе душевно-больные не скучаютъ при помѣщеніи въ больницу, но своему дому и своей обстановкѣ.

Пониженіе чисто физическихъ, или тѣлесныхъ чувствованій, составляетъ признакъ тяжелой душевной болѣзни. Наконецъ, полное угасаніе этихъ чувствованій указываетъ на временное или окончательное угасаніе душевной жизни.

Ослабленіе половыхъ чувствованій наблюдается очень часто, и составляетъ одинъ изъ самыхъ постоянныхъ симптомовъ душевной болѣзни. Насколько я могъ убѣдиться у значительнаго большинства душевно-больныхъ, и у лицъ съ патологической организаціей нервной системы, эти чувствованія болѣе или менѣе ослаблены.

Лишь при нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ, напр. при

маніи половыя чувствованія усилены; вообще же, при душевныхъ болѣзняхъ, онѣ ослаблены.

Насколько я могъ убѣдиться, почти у всѣхъ лицъ съ патологической организаціей нервной системы, половыя чувствованія ненормальны; чаще всего бываетъ ослабленіе половыхъ чувствованій. Эта вялость половыхъ чувствованій является главной причиной того, что такія лица не вступаютъ въ бракъ, — ничѣмъ не жертвуютъ для удовлетворенія своихъ желаній. Понятно, такія лица не способны къ любви, въ истинномъ значеніи этого слова; они довольствуются грубыми половыми сношеніями, или даже не имѣютъ этихъ сношеній — ихъ половыя чувствованія такъ слабы, что они не употребляютъ тѣхъ усилій, которыя необходимы, чтобы добиться успѣха; и страхъ заразиться венерической болѣзнію, такъ сказать, нейтрализуетъ ихъ слабое половое желаніе. Слабость половыхъ чувствованій настолько частый и важный признакъ патологической организаціи, что во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ необходимо обратить вниманіе на половую жизнь. Эти лица неспособны къ любви, и, почти безъ исключенія, эгоисты и ипохондрики; всѣ ихъ помыслы, всѣ ихъ стремленія направлены къ сохраненію своего здоровья и своего благополучія.

Ослабленіе половыхъ чувствованій наблюдается при многихъ душевныхъ болѣзняхъ; чѣмъ тяжелѣе состояніе больного, тѣмъ рѣзче ослабленіе половыхъ чувствованій. Даже при тѣхъ болѣзняхъ, при которыхъ половыя чувствованія кажутся повышенными, напр. при маніи, въ начальныхъ періодахъ прогрессивнаго паралича и кататоніи, при истеріи, въ сущности происходитъ, если не ослабленіе, то притупленіе половыхъ чувствованій. Дѣйствительно маньяки, нѣкоторые паралитики, истерички безъ всякаго стыда удовлетворяютъ свои половыя желанія, и если не могутъ имѣть естественныхъ половыхъ сношеній, мастурбируютъ. Но во первыхъ у нихъ сравнительно быстро наступаетъ притупленіе половыхъ чувствованій, и быстро наступаетъ истощеніе, а во вторыхъ половыя чувствованія, такъ сказать, упрощаются, грубѣютъ. У нихъ половыя чувствованія всецѣло становятся физическими; больные не способны къ любви, и имъ ничего не нужно, кромѣ половыхъ сношеній. При невозможности половыхъ сношеній, они кокетничаютъ, ухаживаютъ, туалетомъ и поведеніемъ стараются обратить на себя вниманіе, но все это у нихъ гораздо грубѣе и

пошли, чѣмъ было до болѣзни. Однимъ словомъ высшія чувствованія, входящія въ составъ половыхъ чувствованій, всегда при душевной болѣзни притупляются.

Общезвѣстно, что при тяжкихъ душевныхъ болѣзняхъ ослабѣваютъ, и даже совершенно исчезаютъ чисто тѣлесныя чувствованія — голодъ и жажда. Нѣкоторые больные или совершенно не страдаютъ отъ голода и жажды, или страдаютъ такъ мало, что даже не заявляютъ о своемъ желаніи ѣсть и пить. Пища не доставляетъ нѣкоторымъ больнымъ удовольствія и они кушаютъ только, когда ихъ къ тому принуждаютъ, при чемъ не обнаруживаютъ неудовольствія, если пища дурна, и удовольствія, если она хороша. Полное притупленіе столь важныхъ чувствованій, конечно, можетъ быть только при тяжкихъ душевныхъ болѣзняхъ, но ослабленіе этихъ чувствованій, какъ извѣстно, наблюдается у очень многихъ душевно-больныхъ, и даже вообще при мрачномъ настроеніи духа, при тяжеломъ горѣ. Извѣстныя изслѣдованія проф. Павлова выясняли намъ громадную роль психической жизни въ актахъ пищеваренія, и теперь клиницисты должны изучить какъ измѣняются чувствованія голода при разныхъ болѣзняхъ.

Чувствованіе боли, какъ универсальное, сохраняется при душевныхъ болѣзняхъ, конечно, если не поражены периферическіе нервы; можетъ быть, исключеніе составляетъ только истерія, но мы не знаемъ, отчего зависитъ истерическая аналгезія. Ослабленіе или притупленіе чувствованія боли, бываетъ лишь у больныхъ въ безсознательномъ состояніи, или при самомъ тяжкомъ пораженіи головного мозга, т. е. въ послѣднемъ періодѣ прогрессивнаго паралича и слабоумія вслѣдствіи органическаго пораженія мозга, у идіотовъ. Нѣкоторые душевно-больные, напр. меланхолики, кататоники не реагируютъ на боль, но это не доказываетъ, что они ея не чувствуютъ; нѣкоторые больные по выздоровленіи рассказываютъ, что они чувствовали боль, но не оборонялись отъ нея потому, что полагали необходимымъ переносить боль (докторъ колеть-значитъ такъ нужно) или были не въ силахъ обороняться и т. п. Только при тяжелой душевной тоскѣ можетъ быть ослабленіе болевой чувствительности, но я не думаю, что-бы даже въ такомъ состояніи была полная утрата болевой чувствительности. Вообще притупленіе болевой чувствительности, психическаго или центральнаго характера, указываетъ на тяжелое мозговое страданіе, и должно считаться весьма дурнымъ

симптомомъ, но, конечно, нужно убѣдиться, что болевая чувствительность дѣйствительно притуплена, что периферическіе нервы не повреждены, а это иногда очень трудно.

Полная потеря болевой чувствительности указываетъ на безсознательное состояніе, напр. эпилептическій припадокъ, или коматозное состояніе.

Такъ какъ только при истеріи болевая чувствительность бываетъ болѣе или менѣе ослаблена или даже совершенно утрачена, при сохраненіи другихъ чувствованій, аналгезія можетъ служить весьма цѣннымъ признакомъ для дифференціального распознаванія; аналгезія, конечно, если нѣтъ измѣненій въ периферическихъ нервахъ, указываетъ на истерію.

Такимъ образомъ всѣ чувствованія въ большей или меньшей степени оказываются ослабленными при душевныхъ болѣзняхъ.

Усиленіе или повышеніе чувствованій при душевныхъ болѣзняхъ бываетъ гораздо рѣже, чѣмъ ихъ ослабленіе.

Высшія чувствованія никогда не усиливаются съ развитіемъ душевной болѣзни; исключеніе можетъ быть, составляетъ, лишь психистерія, такъ какъ у истеричныхъ дѣйствительно, иногда наблюдаются весьма сильныя эстетическія чувствованія.

Только низшія, эгоистическія чувствованія усиливаются у душевно-больныхъ и усиленіе можетъ быть весьма значительнымъ. Злоба, ревность, страхъ — вотъ чувствованія, усиленіе которыхъ у душевно-больныхъ имѣетъ большое практическое значеніе.

Злобность и гнѣвливость нѣкоторыхъ душевно-больныхъ дѣлаетъ ихъ крайне опасными; есть больные, которымъ доставляетъ безконечное наслажденіе злѣть своихъ родныхъ, врачей, другихъ больныхъ; особенно часто это наблюдается при нравственномъ слабоуміи. Гнѣвливость нѣкоторыхъ душевно-больныхъ доходитъ до того, что всякое противорѣчіе, всякое неисполненіе ихъ желаній, вызываетъ взрывы неудержимаго гнѣва. Такое усиленіе чувствованія гнѣва особенно часто бываетъ у эпилептиковъ и хроническихъ алкоголиковъ; члены семейства алкоголиковъ ужасно страдаютъ отъ злобности этихъ больныхъ. Усиленіе ревности бываетъ у хроническихъ алкоголиковъ и у параноиковъ.

Крайнее развитіе этихъ чувствованій наблюдается у многихъ лицъ съ патологической организаціей нервной системы; крайняя злобность, крайняя гнѣвливость даютъ серьезное

основаніе предполагать патологическую организацію, дають основаніе ожидать развитія, въ будущемъ, душевной болѣзни. Крайняя, нелѣпая ревность также указываетъ на патологическую организацію нервной системы, но крайне трудно отличить патологическую ревность отъ нормальной; для меня несомнѣнно, что ревность чувствованіе вполне нормальное, и слабость этого чувствованія, а также его отсутствіе, наблюдается у очень многихъ душевно-больныхъ.

Боязливость составляетъ частый симѣтомъ нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзней; особенно часто она бываетъ у эпилептиковъ. Чаше всего наблюдается безотчетный страхъ; больные, способны понимать свое состояніе, говорятъ, что ихъ страхъ, ихъ боязнь, безотчетны, не мотивированны, или мотивированны очень слабо. То больной боится умереть, хотя и знаетъ, что онъ не страдаетъ опасной болѣзью, то онъ боится, что умрутъ его дѣти, то онъ боится разориться, то наконецъ вообще несчастія; это чувствованіе можетъ быть такъ сильно, что больной ужасно страдаетъ, плохо спитъ, дурно ѣстъ, не можетъ ничѣмъ заниматься. Душевное мученіе можетъ быть такъ велико, что больной постоянно плачетъ, и даже, въ порывѣ отчаянія, лишаетъ себя жизни. Другіе больные мотивируютъ переживаемый ими страхъ — они ожидаютъ казни, смерти своихъ близкихъ, разоренія, потери мѣста и т. п.; въ припадкѣ полного отчаянія, мучимые безотчетнымъ страхомъ, больные мечутся по комнатѣ, бьются головою объ стѣну, кричатъ. Вообще страхъ можетъ быть очень силенъ и совершенно безотчетенъ, можетъ соединяться съ печалью и доводить до отчаянія.

Наивысшаго напряженія боязнь достигаетъ при предсердечной тоскѣ (*anxietas praecordialis*). Предсердечной тоской называютъ приступъ сильной тоски и страха; при этомъ больной ощущаетъ тягостное давленіе и стѣсненіе въ подложечной ямкѣ. Такъ какъ тоска и безотчетный страхъ, вмѣстѣ съ ожиданіемъ чего-то ужаснаго, достигаютъ невыносимой степени, сочетаніе представленій разстраивается, сознаніе темнѣетъ; при самыхъ тяжелыхъ приступахъ предсердечной тоски возникаютъ обманы чувствъ. Въ зависимости оттого съ какою внезапностью, наступаетъ приступъ и какой силы онъ достигаетъ, предсердечная тоска выражается или инстинктивными, безцѣльными движеніями, или порывистыми, едва-ли вполне сознательными поступками, смутно мотивированными; больной

стремится всѣми способами освободиться отъ невысосимаго для него состоянія; онъ мечется, бросается по сторонамъ, ломаетъ все, что попадаетъ ему подъ руку. Больные даже совершаютъ преступленія — убійство, нанесеніе ранъ, самоизуродованіе, самоубійство — въ припадкѣ предсердечной тоски. Поступки, совершенные въ состояніи предсердечной тоски, оказываютъ какъ-бы критическое, разрѣшающее вліяніе на приступъ.

Предсердечная тоска бываетъ при истеріи, эпилепсіи, меланхоліи, хроническомъ алкоголизмѣ, при старческомъ слабоуміи.

Намъ еще не вполне понятна связь между болѣзнями сердца и усиленіемъ чувствованія страха, но несомнѣнно, что при заболѣваніяхъ сердца развивается боязливость, безотчетный страхъ. Еще менѣе намъ извѣстно о связи между страхомъ и разстройствомъ въ автоматическихъ узлахъ сердечной мышцы и въ чувствительныхъ волокнахъ сердечнаго сплетенія, принадлежащихъ блуждающему и симпатическому нерву. Однако несомнѣнно, что страхъ и болѣзнь сопровождаются и тяжелыми ощущеніями въ области сердца, и измѣненіями въ дѣятельности сердца.

Я обратилъ вниманіе на то, до сихъ поръ не изученное обстоятельство, что повышенная боязливость, немотивированный страхъ бываетъ у лицъ, болѣе двухъ лѣтъ практиковавшихъ *coitus interruptus*, а также у лицъ, мастурбировавшихъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Поэтому я допускаю связь, теоретически болѣе чѣмъ вѣроятную, между половыми злоупотребленіями и повышенной боязливостью.

Усиленіе половых чувствованій наблюдается рѣже, чѣмъ ихъ ослабленіе; крайне рѣдко бываютъ усилены высшія половыя чувствованія; такое состояніе наблюдается у истеричныхъ, у лицъ съ патологической организаціей нервной системы, и при томъ у женщинъ, чаще чѣмъ у мужчинъ. Такія особы цѣлыми днями думаютъ о любимомъ человѣкѣ, пишутъ ему обширныя письма, увѣрены, что любимы взаимно, и что только внѣшнія препятствія мѣшаютъ ихъ счастью, не кушаютъ съ горя, худѣютъ, плохо спятъ; понятно, что онѣ готовы на все жертвы, и не останавливаются ни передъ чѣмъ.

Гораздо чаще наблюдается усиленіе грубыхъ половых чувствованій, и при томъ лишь на короткое время. Я не берусь рѣшать, кто мастурбируетъ больше — душевно-больные мужчины или душевно-больныя женщины; понятно, что послѣднія

лучше скрываютъ свой онанизмъ, и потому судить о томъ, насколько онъ частъ у душевно-больныхъ женщинъ очень трудно. Насколько настоящее и длительное усиленіе половыхъ чувствованій рѣдко у душевно-больныхъ, можно судить потому, что открытыя нападенія на женщинъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ не случаются; и даже въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ больные пользуются большей свободой, случаи беременности необычайно рѣдки.

Какъ часто бываетъ усиленіе половыхъ нисшихъ чувствованій у лицъ съ патологической организаціей, я не знаю; дѣйствительно нѣкоторые лица съ патологической организаціей предаются необузданному разврату, но я думаю, не вслѣдствіе крайне сильныхъ половыхъ чувствованій, а вслѣдствіе слабости высшихъ чувствованій; не имѣя никакихъ интересовъ, лишены стыда, они развратничаютъ отъ бездѣлія. Если и бываетъ врожденное усиленіе нисшихъ половыхъ чувствованій — то крайне, крайне рѣдко. Сколько я могъ убѣдиться настоящіе развратники надѣлены слабыми половыми чувствованіями; поэтому они ищутъ все новыхъ и новыхъ возбужденій.

Нисшія половыя чувствованія бываютъ усилены при истеріи и у нѣкоторыхъ больныхъ; это усиленіе достигаетъ невѣроятнаго развитія; нѣкоторыя больныя настолько тяготятся этой аномаліей, что просятъ ихъ лечить; одинъ истерикъ увѣрялъ меня, что онъ сдѣлался морфинистомъ, потому что половыя желанія его беспокоили такъ сильно, что онъ прибѣгалъ къ морфію для ихъ подавленія.

Вообще состояніе половыхъ чувствованій заслуживаетъ внимательнаго изученія; я не сомнѣваюсь, что половая жизнь и ея неправильности, оказываютъ громадное вліяніе на здоровье нервной системы и на всю душевную жизнь; также я не сомнѣваюсь, что мы очень мало знаемъ о состояніи половыхъ чувствованій у нашихъ больныхъ.

Усиленіе чувствованія собственности бываетъ лишь при старческомъ слабоуміи, и вообще при старческомъ распадѣ душевной дѣятельности; больные постоянно заботятся и волнуются по поводу имущества, боятся его потерять, страстно желаютъ его сохранить и увеличить. Сначала это кажется нормальной скупостью, но съ ослабленіемъ умственныхъ силъ любовь къ собственности проявляется черезъ чуръ нелѣпо: больные крадутъ малоцѣнные вещи, аккуратно сохраняютъ не имѣющіе никакой цѣны предметы, по ночамъ не спятъ, чтобы

ихъ не обокрали, всѣхъ подозрѣваютъ въ посягательствѣ на ихъ собственность и т. п.

Этимъ больнымъ доставляетъ большое удовольствіе пріобрѣтеніе денегъ и вещей; они радуются даже, если имъ дарятъ совсѣмъ ненужную для нихъ вещь. Утрата денегъ и даже вещей имъ ненужныхъ доставляетъ имъ глубокое огорченіе. Такъ какъ всѣ чувствованія у этихъ больныхъ притуплены, то желаніе пріобрѣтать богатство и боязнь его лишиться наполняютъ всю ихъ жизнь; ничто другое ихъ не интересуетъ.

Интересно, что это усиленіе чувствованія собственности бываетъ только при старческомъ слабоуміи; вообще у всѣхъ душевно-больныхъ это чувство ослаблено, и лишь весьма немногіе больные, и то иногда, обнаруживаютъ любовь къ собственности, дорожатъ своими вещами и деньгами; столкновения изъ за вещей между больными вообще рѣдки и лишь немногіе больные, съ искреннимъ огорченіемъ, расстаются съ своими вещами. Сколько я могъ подмѣтить относительно чаще эпилептики обнаруживаютъ нѣкоторый интересъ къ своей собственности и дорожатъ своими вещами, но вообще многіе эпилептики крайне мелочны и педантичны, любятъ до излишества порядокъ и точность въ самыхъ ничтожныхъ пустякахъ.

Какъ самостоятельныя болѣзненные измѣненія въ сферѣ чувствованій, заслуживаютъ особаго изученія, мрачное и болѣзненно повышенное настроеніе.

Настроеніе это есть сумма, или равнодѣйствующая всѣхъ чувствованій въ данное время; такъ какъ постоянно мы испытываемъ нѣсколько чувствованій, какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ, то настроеніе наше мѣняется отъ того, какія чувствованія преобладаютъ въ данное время. Особенно сильное чувство измѣняетъ настроеніе, и потому человѣкъ, потерявшій свое состояніе, будетъ имѣть дурное настроеніе, хотя-бы всѣ остальные условія остались неизмѣненными. Наоборотъ человѣкъ, у котораго больной желудокъ вызываетъ непріятныя чувствованія, можетъ имѣть хорошее настроеніе, когда онъ получилъ желаемое имъ мѣсто. Такъ какъ сильныя, измѣняющія все настроеніе, чувствованія переживаются не часто, то настроеніе слагается изъ многихъ слабыхъ чувствованій, и всю жизнь, или, по крайней мѣрѣ, очень долго, у каждаго изъ насъ, настроеніе остается одно и тоже. Съ возрастомъ, перемѣной обстановки, настроеніе мѣняется; особенно большое вліяніе на настроеніе оказываютъ болѣзни; понятно, что не-

пріятныя чувствованія, вызываемыя больными органами, значительно измѣняютъ настроеніе. Здоровые, живущіе въ хорошихъ условіяхъ, лица имѣютъ хорошее настроеніе, но болѣзнь можетъ сдѣлать ихъ настроеніе дурнымъ.

Мы не рѣдко сами не знаемъ отчего зависитъ наше настроеніе, такъ какъ оно слагается изъ суммы, въ отдѣльности, слабыхъ чувствованій; вѣроятно большую роль играютъ чувствованія, вызываемыя дѣятельностью органовъ пищеваренія, затѣмъ чувствованія вызываемыя процессомъ дыханія, и наконецъ, чувствованія, соединенныя съ воспріятіями. Извѣстно, что здоровые люди имѣютъ хорошее настроеніе послѣ принятія пищи, когда находятся на свѣжемъ воздухѣ, въ ясный солнечный день и т. п. Тяжелая мало-питательная пища, непосильная работа, дурной воздухъ всегда и у всѣхъ вызываютъ дурное настроеніе. Мы не знаемъ отчего зависятъ различія въ настроеніи людей; есть лица, у которыхъ преобладаетъ хорошее настроеніе, и наоборотъ не мало субъектовъ, надѣленныхъ дурнымъ настроеніемъ духа; насколько я могъ подмѣтить лица, надѣленные здоровыми органами пищеваренія, полнокровные, обладаютъ хорошимъ настроеніемъ духа; малокровные люди, съ плохимъ пищевареніемъ, обыкновенно имѣютъ дурное настроеніе духа.

У душевно-больныхъ бываетъ болѣзненно мрачное, и болѣзненно повышенное настроеніе духа.

Болѣзненно мрачное настроеніе духа имѣетъ различныя степени; начиная съ фізіологическаго дурнаго настроенія духа до полного отчаянія можно пристѣдить рядъ переходныхъ состояній. Обычно, мрачное расположеніе духа у больного объясняется какимъ либо несчастіемъ; умеръ родственникъ, была служебная непріятность, были неудачи въ дѣлахъ и т. п.; самъ больной и его близкіе увѣрены, что дурное настроеніе духа произошло именно отъ пережитой непріятности, забывая, что прежде даже болѣе крупныя непріятности не вызывали такого измѣненія настроенія. Но съ теченіемъ времени мрачное настроеніе не ослабѣваетъ, какъ то бываетъ при всякомъ фізіологическомъ измѣненіи настроенія, а наоборотъ все усиливается, и наконецъ достигаетъ такой степени, что уже болѣе наблюдательные родственники начинаютъ догадываться. Больной постоянно находится въ мрачномъ настроеніи духа, его ничто не радуетъ; онъ не испытываетъ пріятныхъ чувствованій. Сонъ и аппетитъ, понятно, разстраиваются, больной не можетъ

работать, не может переносить общества; все вызываетъ въ немъ непріятныя чувствованія.

Чѣмъ обусловливаются тѣ непріятныя чувствованія, сумма которыхъ составляетъ мрачное настроеніе духа? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мрачное настроеніе духа обусловлено непріятными чувствованіями, вызываемыми дѣятельностью всѣхъ внутреннихъ органовъ; по всей вѣроятности всѣ процессы въ организмѣ измѣняются болѣзнію настолько, что вызываютъ непріятныя чувствованія. Наблюдательные больные говорили мнѣ, что они сами не понимаютъ, почему они чувствуютъ себя такъ дурно; но они испытываютъ всегда неясныя, непріятныя чувствованія; кушать имъ непріятно, двигаться имъ непріятно, работать имъ непріятно, думать имъ непріятно и т. п., однимъ словомъ все сочтано съ непріятными чувствованіями.

Въ другихъ случаяхъ, мрачное настроеніе обусловлено, главнымъ образомъ, крайне сильною душевною болью, безотчетнымъ, немотивированнымъ мрачнымъ чувствованіемъ. Насколько можно судить по рассказамъ больныхъ, это крайне тяжелое чувствованіе напоминаетъ печаль, похоже на печаль. Наболѣе наблюдательные больные говорили мнѣ, что это тяжелое, щемящее чувствованіе хотя и похоже на печаль, но неизмѣримо превосходитъ по своей интенсивности все что пришлось пережить раньше; это неизвѣстное здоровымъ, чувствованіе, или, правильнѣе говоря, чувствованія, по словомъ наблюдательныхъ больныхъ, похоже также на страхъ; къ печали присоединяется неясный безотчетный страхъ чего-то дурнаго съ будущемъ. Эти мучительныя чувствованія, называются душевною болью, постоянно мучать больного, постоянно наполняютъ все его сознаніе; онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ этого гнетущаго чувствованія. Наблюдательные больные передавали мнѣ, что они въ началѣ болѣзни, безуспѣшно пробовали себя успокоивать соображеніемъ о томъ, что въ дѣйствительности ничего нѣтъ, вызывающаго столь тяжелое печальное чувствованіе; столь все напрасно они пытались развлечься, чѣмъ либо заняться. Душевная боль можетъ достигать такой силы, что больные изнемогаютъ отъ страданія, худѣютъ, теряютъ сонъ и аппетитъ. Душевная боль терзаетъ больныхъ не менѣе физической, въ чемъ можно убѣдиться, наблюдая больныхъ; по своему внѣшнему виду, они похожи на лицъ, испытывающихъ тяжкую физическую боль.

Почти у всѣхъ больныхъ, по утрамъ, настроеніе хуже,

чѣмъ вечеромъ; въ легкихъ случаяхъ вечеромъ настроеніе бываетъ даже нормальнымъ. Въ тяжелыхъ случаяхъ ночью больные страдаютъ болѣе всего; понятно, что мрачное настроеніе духа и бессонница должны по ночамъ причинять много страданій этимъ несчастнымъ больнымъ; по ночамъ всегда усиливается страхъ. Больные обыкновенно засыпаютъ подъ утро, спятъ мало и, проснувшись, чувствуютъ себя очень дурно; на первый планъ выступаетъ чувствованія слабости, разбитости, вялости. Когда состояніе больныхъ улучшается, по вечерамъ они чувствуютъ себя удовлетворительно; по утрамъ же мрачное настроеніе духа держится еще нѣкоторое время.

Болѣзненно - повышенное настроеніе духа составляетъ прямую противоположность болѣзненно - мрачному настроенію духа. Больные чувствуютъ себя лучше, чѣмъ до болѣзни; настроеніе духа у нихъ прекрасное. Все имъ кажется прекраснымъ и пріятнымъ, все сочетается съ пріятными чувствованіями, почему они ищутъ все новыхъ воспріятій, стремятся къ дѣятельности. Больному доставляютъ больше, чѣмъ прежде удовольствія ѣда, прогулка, работа, общество и т. п.; поэтому онъ избѣгаетъ покоя и бездѣятельности. Наблюдательные больные говорили мнѣ, что они сами удивлялись, почему они чувствовали себя прекрасно, почему все вызывало у нихъ пріятныя чувствованія; напр. больной, которому прежде вовсе не доставляло замѣтнаго удовольствія пить чай, заболѣвъ, пьетъ чай съ большимъ удовольствіемъ. Эта безотчетная радость можетъ достигать до такой степени, что больные утопаютъ въ блаженствѣ, хотя внѣшняя обстановка можетъ не способствовать такому настроенію. Больной, запертый въ комнатѣ для беспокойныхъ больныхъ, слѣдовательно почти всегда, неудобной, утопаетъ въ блаженствѣ, безконечно счастливъ, чувствуетъ себя лучше чѣмъ когда либо въ жизни. Его лицо, вся его фигура выражаетъ счастье, радость; онъ поетъ, смѣется, говоритъ безъ умолку; онъ чувствуетъ себя вполне здоровымъ, здоровѣе чѣмъ когда либо, онъ чувствуетъ себя сильнымъ, ловкимъ, умнымъ; половыя чувствованія усилены. И дѣйствительно больной граціозенъ, ловокъ, остроуменъ, оживленъ; по блеску глазъ можно убѣдиться, что у него половое возбужденіе. Наблюдательные больные говорили мнѣ, что они чувствовали себя безконечно счастливыми; въ сознаніи не было непріятныхъ чувствованій. Настроеніе духа у больныхъ такъ хорошо, они такъ счастливы, что на нихъ мало вліяетъ

обстановка; они мало и на короткое время сердятся, когда не исполняютъ ихъ желаній, легко прощаютъ обиды и оскорбленія, и вообще обращаютъ мало вниманія на непріятности, неизбѣжныя при ихъ положеніи. Даже тяжкія физическія страданія мало вліяютъ на ихъ настроеніе; я наблюдалъ маньяка, умершаго отъ гнойнаго воспаленія брюшины; только наканунѣ смерти я замѣтилъ измѣненіе въ его настроеніи, но и въ день смерти онъ еще смѣялся и распѣвалъ любовные романсы; ни разу онъ не пожаловался на боль и недомаленіе.

Больные, страдающіе періодической смѣной двухъ настроеній (циркулярное помѣшательство) описываютъ болѣзненно-повышенное настроеніе, именно, какъ полную противоположность болѣзненно подавленному; разница лишь въ томъ, что при болѣзненно повышенномъ настроеніи нѣтъ какого либо пріобладающаго пріятнаго чувствованія, а всѣ впечатлѣнія сочетаны съ пріятными чувствованіями, дѣятельность всѣхъ органовъ вызываетъ пріятныя чувствованія, слѣдовательно нѣтъ чувствованія, противоположнаго душевной боли.

Мы еще не можемъ объяснить этихъ патологическихъ измѣненій настроенія; мнѣ кажется, что наиболѣе вѣроятно токсическое происхожденіе этихъ измѣненій настроенія. Мы не знаемъ, какой именно ядъ измѣняетъ настроеніе, не знаемъ къ какому классу онъ относится, гдѣ и какъ онъ вырабатывается. Вѣроятно же всего, что измѣняющіе настроеніе токсины вырабатываются въ самомъ организмѣ; эти токсины, нужно думать, суть продукты всего метаморфоза. При циркулярномъ помѣшательствѣ мы всегда наблюдаемъ рѣзкое измѣненіе во всемъ организмѣ, соответствующее измѣненію настроенія. Когда у больнаго настроеніе становится мрачнымъ, онъ худѣетъ, хирѣетъ, цвѣтъ лица становится землистымъ, глаза кажутся тусклыми, мускулатура становится вялой. Все состояніе измѣняется вмѣсто съ измѣненіемъ настроенія; когда у больнаго настроеніе повышено, онъ полнѣетъ, имѣетъ здоровый бодрый видъ; цвѣтъ лица здоровый, глаза блестятъ, мускулатура становится напряженной. Однимъ словомъ больной физически измѣняется не меньше чѣмъ психически. Трудно, и даже невозможно допустить, чтобы такое существенное и значительное измѣненіе во всемъ организмѣ, могло происходить безъ всякой физической причины, а таковой можетъ быть только измѣненіе метаморфоза, самоотравленіе. Я рѣшительно не согласенъ съ мнѣніемъ, что состояніе организма измѣняется

отъ перемѣны настроенія, отъ психологическихъ причинъ. Чувствованія, какъ пріятныя, такъ и непріятныя, составляющія настроеніе, именно обусловлены состояніемъ организма, процессами въ организмѣ, дѣятельностью всѣхъ органовъ.

Своеобразное разстройство чувствованій составляетъ неустойчивость или измѣнчивость настроенія. Есть больные — особенно часто это наблюдается при истеріи — у которыхъ настроеніе измѣняется безъ достаточнаго основанія, при томъ крайне быстро, и главное, если не всегда, то очень часто, достигаетъ крайняго напряженія. Мы хотя и не вполнѣ, знаемъ отчего зависитъ настроеніе, знаемъ причины перехода отъ одного настроенія къ другому у нормальныхъ лицъ. У нѣкоторыхъ больныхъ настроеніе измѣняется не такъ, какъ у здоровыхъ, а безъ всякаго повода, или по самому ничтожному поводу; прекрасное, даже повышенное настроеніе, вдругъ вслѣдствіи ничтожнаго повода, напр. потому что подано невкусное блюдо, смѣняется усиленно мрачнымъ. Такое измѣненіе настроенія можетъ происходить и безъ всякаго внѣшняго повода; по крайней мѣрѣ, окружающіе при самомъ внимательномъ отношеніи, не могутъ подмѣтить причинъ измѣненія настроенія. Самое ничтожное обстоятельство является толчкомъ для измѣненія настроенія, между тѣмъ какъ серьезныя дѣла, иногда, вовсе не вліяютъ на настроеніе. Понятно, какъ тяжело уживаться съ такимъ субъектомъ, какъ окружающимъ тяжело угождать такимъ больнымъ. Никто не въ силахъ угодить такому больному; онъ огорчается по всякому поводу и также, повидимому, безпричинно настроеніе его улучшается.

Почти всегда у такихъ больныхъ настроеніе бываетъ рѣзче выражено, чѣмъ у здоровыхъ людей, т. е. у нихъ всегда или крайне радостное, или весьма мрачное настроеніе; того ровнаго, средняго или обычнаго настроенія, которое чаще всего бываетъ у здоровыхъ людей, у нихъ или не бываетъ совершенно, или оно бываетъ сравнительно рѣдко. У однихъ чаще бываетъ усилено повышенное настроеніе духа; они очень веселы, всѣмъ довольны; мрачное настроеніе бываетъ у нихъ сравнительно рѣдко, и появляется безъ достаточнаго повода. У другихъ же, наоборотъ, чаще бываетъ болѣзненно мрачное настроеніе духа, и повышенное настроеніе лишь рѣдко замѣняетъ собою меланхолическое настроеніе.

Такая неустойчивость или измѣнчивость настроенія указываетъ на то, что у этихъ лицъ чувствованія, входящія въ

составъ настроенія, вызываются соматическими процессами; напротивъ, чувствованія, сочетанныя съ умственной жизнью, очень слабы, и потому настроеніе мало зависитъ отъ того, что воспринимаетъ и что думаетъ больной.

Недоразвитіе и ослабленіе высшихъ чувствованій неизбежно ведетъ къ неустойчивости настроенія; нисшія чувствованія, опредѣляющія настроеніе у этихъ больныхъ, неустойчивы, быстро возникаютъ, и быстро исчезаютъ. Больные легко сердятся, огорчаются, радуются; сравнительно ничтожное обстоятельство вызываетъ рѣзкій переходъ отъ одного настроенія къ другому. Конечно всѣ эти быстрыя смѣны настроенія крайне тягостны для окружающихъ, и истерички, алкоголики, причиняютъ много горя и безпокойства своимъ близкимъ.

Повышенная интенсивность чувствованій, конечно, нисшихъ — вмѣстѣ съ неустойчивостью настроенія обуславливаетъ легкое возникновеніе аффектовъ.

Аффектъ это нарушеніе теченія представленій; нарушеніе производится тѣмъ, что въ сознаніе вторгается воспріятіе, рѣже представленіе, сочетанное съ сильнымъ, почти всегда, нисшимъ чувствованіемъ. Обычно нарушеніе состоитъ въ томъ, что происходитъ задержка въ теченіи представленій; оно обусловлено не самимъ воспріятіемъ, а сочетаннымъ съ нимъ сильнымъ чувствованіемъ. Слѣдовательно не воспріятія, а чувствованія вызываютъ аффекты. При всѣхъ аффектахъ въ ихъ началѣ, все сознаніе завладѣвается этимъ воспріятіемъ, и соединеннымъ съ нимъ чувствованіемъ; всѣ остальные представленія и чувствованія вытѣсняются изъ сознанія. Такъ начинаются всѣ аффекты — гнѣвъ, изумленіе, горе, радость, испугъ и т. д., всѣ они вызываются воспріятіемъ и рѣдко представленіемъ и, сочетаннымъ съ нимъ сильнымъ чувствованіемъ, которое и овладѣваетъ болѣе или менѣе всецѣло, сознаніемъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи, напр. при гнѣвѣ, испугѣ, внезапная задержка смѣняется крайне быстрой смѣной представленій, стоящихъ въ связи съ воспріятіемъ, вызвавшимъ аффектъ; представленія этѣ иногда мѣняются съ такой быстротой, что не успѣваютъ достигнуть полной ясности. При другихъ, напр. печали, одно или нѣсколько представленій надолго завладѣваютъ сознаніемъ и не допускаютъ въ сознаніе воспріятій и представленій, не стоящихъ съ ними въ связи.

Очевидно, что аффекты могутъ вызываться только сильными чувствованіями, имѣющими непосредственное, и важное отношеніе къ нашей личности. Чѣмъ болѣе имѣетъ значенія въ этомъ смыслѣ чувствованіе и сочетанное съ нимъ воспріятіе, тѣмъ сильнѣе аффектъ, и потому самый сильный аффектъ это страхъ; онъ обусловленъ представленіями о потери того, что для насъ дороже всего, т. е. потерѣ жизни.

Нарушеніе въ теченіи представленій можетъ быть такъ сильно, что мы уже не можемъ овладѣть смѣной представленій; помимо нашей воли представленія смѣняются съ крайней быстротой, сознаніе не успѣваетъ ихъ сочетать между собою и появляется потемнѣніе сознанія. Мимолетное помраченіе, или потемнѣніе сознанія бываетъ почти всегда при сильныхъ аффектахъ страха и гнѣва; самый здоровый человѣкъ вслѣдствіи внезапнаго испуга впадаетъ въ столь сильный аффектъ, что сознаніе, хотя-бы на короткій моментъ, помрачается, почему о пережитомъ сохраняется смутное воспоминаніе.

Мы вообще не въ силахъ вполне подавить, или устранить аффектъ; но здоровый, хорошо воспитанный человѣкъ — въ концѣ концовъ, овладѣваетъ теченіемъ представленій, направляетъ теченіе представленій, изгоняетъ изъ сознанія овладѣвшее имъ воспріятіе. Эта борьба длится болѣе или менѣе долго, болѣе или менѣе тяжела въ зависимости отъ силы аффекта и отъ силы воли лица, впавшаго въ аффектъ.

Аффекты выражаются значительными измѣненіями въ всемъ организмѣ; при стеническихъ аффектахъ наступаетъ повышенное мышечное напряженіе, при астеническихъ, напротивъ, ослабленіе этого напряженія; пораженный астеническимъ аффектомъ становится неподвижнымъ, или, по крайней мѣрѣ, его движенія вялы, не энергичны; такъ бываетъ при аффектахъ страха и печали. Аффекты гнѣва могутъ служить типомъ стеническихъ аффектовъ.

Аффекты сопровождаются измѣненіями въ кровообращеніи и дыханіи; при стеническихъ аффектахъ сердцебіеніе учащается, сосуды лица и головы или переполняются кровью, или наступаетъ блѣдность, дыханіе учащается, хотя въ началѣ аффекта иногда происходитъ замедленіе или даже остановка дыханія. При астеническихъ аффектахъ сердцебіеніе и дыханіе замедляются, тѣло покрывается холоднымъ потомъ. Понятно, что эти измѣненія въ кровообращеніи и дыханіи могутъ вести,

или правильнѣ говоря, сопровождаться болѣе или менѣе полной потерей сознанія.

Очевидно, что крайне трудно провести черту, раздѣляющую нормальные аффекты отъ патологическихъ; въ сущности всякій сильный аффектъ состояніе ненормальное, хотя каждому приходится пережить нѣсколько разъ въ жизни это ненормальное для насъ состояніе. Аффектъ измѣняетъ всего человѣка, и самый миролюбивый человѣкъ въ состояніи сильнаго аффекта можетъ совершить дѣяніе, крайне дурное по его собственному убѣжденію. Конечно, воспитаніе, высшія нравственныя стремленія помогаютъ намъ владѣть собою, и потому такъ рѣдко порядочные люди совершаютъ преступныя дѣянія въ состояніи аффекта.

У душевно-больныхъ, у лицъ, съ патологической организаціей нервной системы, аффекты возникаютъ легко, по ничтожному поводу, и достигаютъ такой интенсивности, что признаются уже патологическими аффектами. Особенно легко возникаютъ патологическіе аффекты у алкоголиковъ, у эпилептиковъ, у лицъ съ патологической организаціей нервной системы. Чаше всего патологической интенсивности достигаютъ аффекты гнѣва, злобы, затѣмъ аффектъ испуга. Патологическіе аффекты гнѣва имѣютъ большое практическое значеніе, такъ какъ въ гнѣвѣ больные, и лица съ патологической организаціей нервной системы, совершаютъ преступленія.

Мы можемъ считать патологическими тѣ аффекты, при которыхъ сознаніе совершенно помрачается, и движенія становятся произвольными; патологическій аффектъ отличается отъ нормальнаго и своею продолжительностью — именно онъ длится нѣсколько часовъ.

Патологическій аффектъ проявляется или въ формѣ неистовства — или въ формѣ полного отупѣнія, т. е. полной временной задержкѣ психической дѣятельности, или-же въ формѣ спутанности или безсвязности. При патологическомъ аффектѣ могутъ быть обманы чувствъ. Такимъ образомъ патологическій аффектъ въ сущности, есть кратковременное помѣшательство, вызванное какимъ либо сильно повліявшемъ на субъекта обстоятельствомъ; оскорбленіе, испугъ могутъ конечно вызвать такое скоропроходящее помѣшательство лишь у больныхъ, напр. эпилептиковъ, или у лицъ съ патологической организаціей нервной системы, т. е. у лицъ съ крайне возбудимымъ, неустойчивымъ головнымъ мозгомъ. У вполне

здорового человека не можетъ быть патологическаго аффекта, т. е. или буйства, или отупѣнія, или спутанности въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Поэтому всѣ увѣренія подсудимыхъ, что они ничего не помнятъ о содѣянномъ, что они вслѣдствіи злобы и гнѣва были въ полномъ безпамятствѣ, не заслуживаютъ довѣрія, если нѣтъ какихъ либо признаковъ ихъ патологической организаціи. Патологическій аффектъ можетъ развиваться лишь на патологической почвѣ.

Конечно имѣются переходныя степени отъ легкаго аффекта до вполне патологическаго и потому сужденіе о томъ — былъ-ли аффектъ нормальнымъ или патологическимъ, требуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, тщательнаго изслѣдованія.

Патологическій аффектъ черезъ нѣсколько часовъ и даже дней оканчивается возвращеніемъ къ нормальному состоянію. Но случается, хотя и крайне рѣдко, что онъ переходитъ и въ хроническое душевное расстройство, или даже непосредственно ведетъ къ упадку умственныхъ способностей и состоянію глубокаго неизлѣчимаго слабоумія. Я лично не видѣлъ такихъ случаевъ, но Krafft-Ebing утверждаетъ, что такіе случаи бываютъ.

Извращенія чувствованій составляютъ мало понятное намъ явленіе; мы не понимаемъ какъ, почему, раздраженія для всѣхъ пріятныя т. е. полезныя у нѣкоторыхъ больныхъ вызываютъ непріятныя чувствованія, и наоборотъ непріятныя, т. е. вредныя раздраженія, вызываютъ у нихъ пріятныя чувствованія. Въ самомъ дѣлѣ какъ можно объяснить, что больной доставляетъ крайне пріятныя чувствованія кушать землю; когда больной не позволяли кушать землю, она страдала.

Большое практическое значеніе имѣютъ только извращенія половыхъ чувствованій. Самое частое извращеніе это уранизмъ и трибадія; половыя чувствованія у этихъ лицъ извращены т. е. имъ доставляетъ наслажденіе ухаживать, цѣловать, имѣть coitus съ субъектами своего пола; coitus съ лицами другаго пола соединенъ съ слабыми пріятными чувствованіями, или даже съ непріятными.

Безспорно, что врожденное извращеніе половыхъ чувствованій можетъ быть только у больныхъ, у лицъ съ патологической организаціей нервной системы. Извращеніе половыхъ чувствованій составляетъ симптомъ, признакъ патологической организаціи, и до сихъ поръ еще никто не видѣлъ здороваго ураниста, съ врожденнымъ извращеніемъ половыхъ чувсто-

ваній. Да и нельзя допустить, чтобы такая грубая, рѣзкая ненормальность могла быть у здороваго человѣка. Общеизвѣстно, что прежде между моряками было не мало уранистовъ, что на востокъ не мало лицъ, вполне здоровыхъ, пользуются мальчиками для половых сношеній. Продолжительное половое воздержаніе, т. е. задержка выдѣленія половых желѣзъ, конечно, можетъ вызывать значительное измѣненіе въ нервной системѣ, и слѣдовательно извращеніе половых чувствованій. Теперь, когда судна часто заходятъ въ порты, педерастія во флотѣ неизвѣстна. Педерастія на востокъ обусловлена неравнобѣрнымъ распредѣленіемъ женщинъ. Продолжительный развратъ также можетъ вызвать патологическое состояніе нервной системы, и извращеніе половых чувствованій, но такіе случаи очень рѣдки, какъ то доказываетъ уголовная статистика.

Врожденное извращеніе половых чувствованій можетъ быть только у лицъ съ патологической организаціей нервной системы; такіа лица уже очень рано обнаруживаютъ это извращеніе чувствованій; они не любятъ общества дѣвушекъ, и напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ проводятъ время въ общества подростковъ. Они никогда не обращаютъ вниманія на особъ другого пола, не ухаживаютъ; къ собственному удивленію они замѣчаютъ, что имъ нравятся мальчики, что имъ доставляетъ сильное наслажденіе обнимать, цѣловать мальчиковъ. Если по совѣту друзей, или потому что сами считаютъ это полезнымъ, или необходимымъ, они пробуютъ совершать нормальный coitus, то онъ имъ или не удается, или крайне непріятенъ, или доставляетъ очень мало удовольствія. Понятно, чѣмъ непріятнѣе нормальный coitus, тѣмъ полнѣе извращеніе, тѣмъ пріятнѣе сближеніе съ лицами другого пола. Нѣкоторые уранисты, зная какъ преступны и безнравственны ихъ желанія, успѣшно съ ними борются, и или ограничиваются рѣдкими нормальными половыми сношеніями, или ведутъ аскетическій образъ жизни.

Чѣмъ труднѣе удовлетвореніе извращенныхъ желаній, чѣмъ строже нравственныя требованія, тѣмъ менѣе педерастовъ; напротивъ тамъ, гдѣ пассивныхъ педерастовъ много, гдѣ царствуетъ нравственная распушенность, тамъ не мало и активныхъ педерастовъ. У насъ, активныхъ педерастовъ очень мало, хотя уранистовъ, по всей вѣроятности, столько-же, сколько въ Парижѣ и Лондонѣ.

Трибадія у насъ почти неизвѣстна; насколько я знаю,

въ Парижѣ, есть нѣсколько сотенъ трибадокъ, предпочитающихъ половыя сношенія съ проститутками нормальному coitus. Понятно, что ввиду пассивной роли женщины при coitus извращеніе половыхъ чувствованій у женщинъ остается неизвѣстнымъ даже имъ самимъ. Только вполне самостоятельныя и крайне распущенныя женщины могутъ удовлетворять свои извращенныя желанія. Я не думаю, что-бы педерасты и трибадки могли возбуждать какое либо состраданіе; желанія, какъ нормальныя, такъ и извращенныя, должны быть сдерживаемы, если онѣ безнравственны. Громадное большинство лицъ съ извращенными половыми чувствованіями сдерживаютъ свои безнравственныя желанія т. е. мужчины не живутъ половой жизнью или ограничиваются крайне рѣдкими coitus, а трибадки исполняютъ свои супружескія обязанности, хотя, при этомъ, не испытываютъ пріятныхъ чувствованій.

Мазохизмомъ и Садизмомъ Krafft Ebing назвалъ крайне рѣдкія извращенія половыхъ чувствованій; мазохизмомъ онъ назвалъ извращеніе, состоящее въ томъ, что у мужчины вызываются пріятныя чувствованія нанесеніемъ ранъ, побоями, розгами; безъ этихъ раздраженій не появляется половое возбужденіе; вообще мужчинѣ пріятно грубое съ нимъ обращеніе, пассивная роль, рабство.

Садизмомъ называется извращеніе болѣе понятное: половое возбужденіе усиливается, когда мужчина причиняетъ страданіе женщинѣ, наноситъ ей раны, мучитъ ее. Можетъ быть тутъ мы имѣемъ дѣло съ атавизмомъ: coitus у нѣкоторыхъ животныхъ соединенъ съ борьбой; совершается послѣ побѣды надъ противниками. Мазохизмъ не имѣетъ практическаго значенія; садизмъ можетъ вести къ преступленію, но эта аномалія такъ рѣдка, что я не знаю ни одного такого процесса въ нашей судебной хроникѣ. Понятно, что оба извращенія бываютъ только у лицъ съ патологической организаціей, и у субъектовъ, продолжительнымъ развратомъ, расшатавшимъ свою нервную систему.

Также крайне рѣдко извращеніе, называемое содоміей; этимъ лицамъ доставляетъ величайшее наслажденіе coitus съ животными; я наблюдалъ одного душевно-больнаго, предпочитавшаго coitus съ свиньей, и другаго съ курицами. Понятно, что у здороваго человѣка не можетъ быть такого грубаго извращенія. Крайне неразвитыя лица, имѣющія постоянно дѣло съ животными напр. пастухи, конюхи, не имѣя возможности

нормально удовлетворять свои желанія, совершаютъ coitus съ кобылами и коровами; они сами понимаютъ, что дѣлають дурно, и такой coitus не доставляетъ имъ полного наслажденія.

Гораздо большее значеніе имѣетъ извращеніе, часто бывающее при старческомъ слабоуміи — стремленіе имѣть половыя сношенія съ дѣтьми; можно объяснять преступленія стариковъ легкостью овладѣть ребенкомъ, но я не думаю, чтобы такое объясненіе было вѣрно. Старики, имѣющие полную возможность, и при томъ совершенно безнаказанно, пользоваться проститутками, съ большою опасностью совершаютъ безнравственные акты съ дѣвочками 6—12 лѣтъ. Такое-же извращеніе бываетъ у душевно-больныхъ; я наблюдалъ одного алкоголика, лишившаго невинности двухъ своихъ падчерицъ (8 и 10 лѣт.); какъ самъ больной, такъ и его жена увѣряли, что онъ крайне рѣдко имѣлъ сношенія съ женою.

У стариковъ, страдающихъ ослабленіемъ душевныхъ силъ, бываетъ извращеніе половыхъ чувствованій, состоящее въ томъ, что нормальный coitus и вообще половое сближеніе не доставляетъ имъ пріятныхъ чувствованій; половое сближеніе и coitus съ дѣвочками, напротивъ, доставляетъ имъ очень сильныя, пріятныя чувствованія. Такъ какъ у здороваго нормальнаго человѣка такихъ чувствованій быть не можетъ, то такое отношеніе къ женщинамъ и дѣтямъ должно быть разсматриваемо, какъ извращеніе. Конечно только старики, у которыхъ ослаблены нравственные и вообще высшія чувствованія, осуществляютъ свои извращенныя желанія. Такое-же извращеніе бываетъ у лицъ, долгимъ развратамъ испортившихъ свое здоровье. Сколько я могъ подмѣтить, опьяненіе можетъ также вести къ этому извращенію; часто эти мерзкія преступленія совершаются въ пьяномъ видѣ. Другія извращенія или очень рѣдки, или не имѣютъ практическаго значенія, и потому о нихъ нѣтъ надобности говорить. Всякое извращеніе чувствованій даетъ намъ право предполагать патологическое состояніе нервной системы, и потому всѣ такія лица должны быть тщательно изслѣдованы, хотя бы всѣ ихъ считали вполне здоровыми. Необходимо замѣтить, что нѣкоторые уранисты обладаютъ хорошими умственными способностями.

Глава VI.

Болѣзненные разстройства воли.

Весьма трудно описать разстройства воли, во первыхъ, потому что ученіе о волѣ безспорно наименѣе разработанный отдѣлъ психологіи, во вторыхъ, потому что изучать разстройства воли крайне трудно. Особенно въ наше время ученіе о волѣ отличается неопредѣленностью, и наши воззрѣнія на волю не отлились въ ясную форму.

Изучать разстройства воли у душевно-больныхъ крайне трудно, такъ какъ въ каждомъ психическомъ актѣ всегда участвуютъ и чувствованіе и умственная дѣятельность и воля, а потому выдѣлить волю, опредѣлить разстройство воли даже въ поступкахъ больныхъ очень трудно. Самый дикій поступокъ, самое странное поведеніе можетъ зависѣть отъ разстройствъ умственной дѣятельности, отъ разстройствъ чувствованій. Если больной лежитъ неподвижно въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, это еще не значитъ, что у него ослаблена воля; онъ можетъ оставаться неподвижнымъ и потому, что ему тяжела, непріятна всякая перемѣна, и потому что онъ слышитъ голосъ, запрещающій ему двигаться.

Разстройства воли составляютъ очень важный симптомъ душевныхъ болѣзней уже потому, что воля развивается сравнительно позже и достигаетъ своего полного развитія въ періодѣ половой зрѣлости. Слѣдовательно почти при всѣхъ эндогенныхъ душевныхъ болѣзняхъ воля не достигаетъ своего полного развитія, и при всѣхъ экзогенныхъ душевныхъ болѣзняхъ разрушается ранѣе и сильнѣе, чѣмъ другіе психическіе процессы, потому что вообще позже пріобрѣтенное утрачивается ранѣе и полнѣе.

Такимъ образомъ при всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ должно

быть ослабленіе воли, или вслѣдствіе ея недоразвитія, или вслѣдствіе ея распада. Дѣйствительно у всѣхъ душевно-больныхъ воля ослаблена, что доказывается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что душевно-больными легко управлять, что здоровые всегда подчиняютъ себѣ душевно-больныхъ. Только при поверхностномъ наблюденіи, можетъ казаться, что у нѣкоторыхъ больныхъ воля усилена или повышена.

Ослабленіе воли при душевныхъ болѣзняхъ состоитъ въ томъ, что мотивы настоящаго полнѣе опредѣляютъ поведеніе, чѣмъ мотивы будущаго. Душевно-больной не можетъ руководиться сложными, возвышенными, отдаленными мотивами настолько-же, какъ здоровый. Поведеніе душевно-больнаго зависитъ отъ чувствованій и мыслей, занимающихъ его сознаніе въ данный моментъ; та сумма мотивовъ, которая руководила поведеніемъ субъекта до заболѣванія, уменьшается въ большей или меньшей степени, и потому поведеніе не такъ послѣдовательно, не такъ настойчиво, какъ прежде. Душевно-больной не можетъ преслѣдовать отдаленныхъ цѣлей, всѣ свои поступки согласовать съ заранѣе опредѣленнымъ планомъ. Говорятъ, что нѣкоторые больные съ большой настойчивостью и хитростью готовятъ и осуществляютъ побѣгъ изъ больницы, нападеніе на своихъ воображаемыхъ враговъ и т. п. Уже не говоря о томъ, что почти всегда больные такъ мало настойчивы въ осуществленіи своихъ плановъ, что лишь крайне рѣдко дѣло кончается успѣхомъ, это ничуть не доказываетъ усиленія воли. Въдѣ больные стремятся лишь къ тому, что желаютъ въ данное время, т. е. больной лишь потому съ нѣкоторой настойчивостью готовится побѣгъ, что въ данное время ему непріятно пребываніе въ больницѣ, въ данное время эти мотивы подкрѣпляются непосредственными непріятными чувствованіями. Дѣйствительно нѣкоторые больные напр. параноики съ сутяжническомъ бредомъ, обнаруживаютъ настойчивость, съ большой смѣлостью добиваются приѣма у высокопоставленныхъ лицъ, подають во всѣ инстанціи жалобы, и не устають вести безконечные процессы. Но однако и у этихъ больныхъ нельзя признать усиленія воли, потому что опять - таки они дѣйствуютъ лишь подъ явлініемъ мотивовъ настоящаго, и потому ничѣмъ другимъ, кромѣ своего бреда, они не занимаются; кромѣ того у нихъ выпадають всѣ задерживающіе мотивы: стыдъ, опасеніе за свою судьбу, заботы о семьѣ и т. п.

Вообще въ поведеніи и поступкахъ душевно-больныхъ не выражается вся личность, все я настолько-же, на сколько это происходитъ у здоровыхъ. Поведеніе, и главные, важные поступки здороваго опредѣлены всею духовной личностью всѣмъ я; всѣ убѣжденія, вѣрованія, чувствованія человѣка опредѣляютъ его дѣятельность, и потому каждый важный поступокъ опредѣляется большою суммой мотивовъ; чѣмъ болѣе выражена душевная болѣзнь, тѣмъ менѣе сумма мотивовъ, опредѣляющая поступки. При тяжелой душевной болѣзни, поступки всецѣло опредѣляются лишь однимъ мотивомъ: больной хватается пищу, когда хочетъ ѣсть, дерется, когда онъ сердитъ, ложится, когда хочетъ отдохнуть и т. п. Это уже крайнее ослабленіе воли, и въ такомъ состояніи дѣйствія больного похожи на рефлексы, вызванные внѣшними и внутренними раздраженіями.

Такъ какъ поведеніе душевно-больныхъ опредѣляется не всею личностью, не всѣмъ я, то мотивы настоящаго, опредѣляющіе поведеніе, легче, проще осуществляются, чѣмъ у здороваго. Значеніе воспитанія, привычекъ, образа жизни, убѣжденій и вкусовъ уменьшается настолько, что тяжело-больной высокообразованный аристократъ мало отличается отъ необразованнаго простолюдина, почему тяжело больные безъ замѣтнаго неудобства помѣщаются въ одно отдѣленіе, къ какому бы классу общества они не принадлежали. Въ этихъ отдѣленіяхъ всѣ больные ведутъ себя настолько одинаково, что по поведенію иногда нелегко отличить аристократа отъ чернобродчаго. Воля этихъ больныхъ опредѣляется простыми, физическими мотивами, и борьба мотивовъ или отсутствуетъ, или ослаблена въ крайней степени.

Особенно легко прослѣдить распадъ воли при прогрессивномъ параличѣ, такъ какъ эта болѣзнь равномерно разрушаетъ всѣ процессы какъ соматическіе, такъ и психическіе. Больной все болѣе и болѣе подчиняется непосредственнымъ мотивамъ; напр. благовоспитанный больной на парадномъ обѣдѣ, захотѣвъ кушать креветки, безъ церемоніи съѣдаетъ всѣхъ креветки, поданные на столъ для всѣхъ гостей. Если-бы онъ это сдѣлалъ у себя дома, можно было бы объяснить такой поступокъ сильнымъ голодомъ и разсѣянностью, но благовоспитанный человѣкъ никогда не ускользаетъ отъ власти привычки настолько, что-бы на парадномъ обѣдѣ быть до такой степени не вѣжливымъ. Паралитикъ все болѣе и болѣе подчиняется

непосредственнымъ мотивамъ, все меньше и меньше становится сумма мотивовъ, опредѣляющихъ поступки; напр. почтенный семьянинъ цѣлуетъ на улицѣ знакомую барышню — ему хотѣлось ее поцѣловать, у ней такія пухленькія губки; гуманный врачъ бьетъ пациента, не пожелавшаго, чтобы ему было произведено подкожное впрыскиваніе и т. п. Очевидно, что эти больные дѣлали то, что имъ хотѣлось въ данную минуту, и мотивы, до болѣзни, опредѣлявшіе ихъ поведеніе, уже потеряли свою власть.

У душевно-больныхъ непремѣнно выпадаетъ въ большей или меньшей степени, промежуточный актъ между раздраженіемъ и поступкомъ, почему такъ легко предвидѣть ихъ поведеніе, такъ рѣдко не удается предупредить вредныя дѣйствія душевно-больныхъ.

Вслѣдствіи ослабленія воли при душевныхъ болѣзняхъ, душевно-больные невмѣняемы; по отношенію душевно-больныхъ непримѣнимы уголовныя наказанія; на нихъ не вліяютъ, по крайней мѣрѣ, въ той-же степени, какъ на здоровыхъ, угрозы наказаній; почему примѣненіе послѣднихъ по отношенію душевно-больныхъ, ненужная жестокость. Эта истина настолько очевидна, что даже, не зная психіатріи, Пушкинъ вполне категорически формулировалъ невмѣняемость душевно-больныхъ.

„Надъ нимъ всѣхъ воленъ; Богъ его не судить.“

Какъ ни ясно, и несомнѣнно само по себѣ положеніе, что душевно-больные невмѣняемы, и не подлежатъ наказанію за совершенныя ими вредныя для общества, или отдѣльныхъ его членовъ, дѣянія, до сихъ поръ еще не найдены критерій, опредѣляющій, почему собственно душевно-больные невмѣняемы.

Юристы такъ опредѣляютъ причины невмѣняемости: „не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое по недостаточности умственного развитія, или по болѣзненному разстройству умственной дѣятельности, или по безсознательному состоянію, не могло во время учиненія дѣянія, понимать свойство и значеніе совершеннаго, или руководить своими поступками“.

Не трудно доказать, что такое толкованіе неправильно, и предложенныя критеріи несостоятельны. Нѣкоторые душевно-больные понимаютъ и свойство и значеніе совершеннаго, и тѣмъ не менѣе они невмѣняемы; они отлично знаютъ, что воровать, драться запрещено, знаютъ, что за это нака-

зываютъ, и знаютъ даже гораздо лучше, чѣмъ необразованные крестьяне, какъ именно наказываютъ. Несомнѣнно, что многіе душевно-больные достаточно понимаютъ свойство и значеніе своихъ поступковъ, и потому даже не дѣлаютъ того, что можетъ имѣть для нихъ дурныя послѣдствія, и весьма умѣло злоупотребляютъ своими правами больныхъ; нѣкоторые больные прямо заявляютъ, что они могутъ дѣлать все, что имъ хочется, потому что они невмѣняемы. Слѣдовательно то, что больной понималъ свойство и значеніе своего дѣянія, еще вовсе не даетъ права считать его вмѣняемымъ.

Еще болѣе несостоятеленъ второй критерій „или не могло руководить своими поступками“, такъ какъ есть душевно-больные, которые также могутъ руководить своими поступками, какъ и здоровые, и потому не причиняютъ вреда себѣ, но наносятъ его только лицамъ имъ непріятнымъ. При томъ-же этотъ критерій вообще очень неясенъ, и можетъ толковаться неправильно. Вѣдь и многія лица, вполне здоровыя, совершаютъ преступленія только потому, что не могутъ руководить своими поступками въ моментъ преступленія, и глубоко сожалеютъ потомъ о содѣянномъ, упрекаютъ себя за то, что не могли руководить своими поступками. Кто-же не знаетъ, сколько вреда каждый причиняетъ себѣ самому, именно потому что не можетъ руководить своими поступками; и потому говорить о невозможности руководить своими поступками, какъ о критеріи невмѣняемости, рѣшительно нельзя.

Еще менѣе состоятеленъ критерій невмѣняемости, состоящій въ томъ, что невмѣняемыми признаются дѣянія, совершенныя въ безсознательномъ состояніи, или въ состояніи расстройства душевной дѣятельности, ведущія къ уtratѣ свободной воли. Вообще лучше не затрагивать вопроса о свободной волѣ, такъ какъ это вопросъ чисто метафизическій; несомнѣнно, что каждый какъ здоровый, такъ и больной поступаетъ по мотивамъ, имѣющимъ въ сознаніи, и потому душевно-больной также несвободенъ, какъ и здоровый.

Понятно, что у здоровыхъ вообще мотивовъ больше, борьба мотивовъ сложнѣе и продолжительнѣе, но вѣдь и здоровый въ моментъ аффекта, подъ вліяніемъ сильной страсти дѣйствуетъ въ силу немногихъ мотивовъ, и о свободной воли не можетъ быть и рѣчи. У душевно-больнаго часто поступки опредѣлены однимъ внезапно возникшимъ чувствованіемъ, но поступки нѣкоторыхъ душевно-больныхъ обусловлены весьма

продолжительными размышленіями, сложными мотивами, и ничуть не отличаются, по своей мотивировкѣ, отъ поступковъ здоровыхъ. Въ концѣ концовъ и душевно-больные не могутъ совершать дѣяній, совершенно противныхъ, совершенно чуждыхъ всей ихъ психической организаціи, за исключеніемъ лишь случаевъ полного распада душевной жизни, когда впрочемъ и невозможны преступления, требующія хотя-бы нѣкоторой сообразительности. Напримѣръ далеко не всякій душевно-больной можетъ нанести ударъ сзади, также какъ и не всякій здоровый способенъ на эту подлость.

Вообще всѣ попытки установить психическій критерій для опредѣленія невмѣняемости были и будутъ неудачны, потому что такого критерія нѣтъ и быть не можетъ, и потому возможно лишь руководиться опредѣленіемъ невмѣняемости, высказаннымъ мною еще въ 1884 г.¹⁾ и разработаннымъ криминальной антропологіей. Душевно-больные нуждаются въ леченіи и призрѣніи; они могутъ быть опасны для общества, если послѣднее о нихъ недостаточно заботится, и потому, чтобы оградить себя отъ вредныхъ дѣйствій душевно-больныхъ, мы должны ихъ лечить и призрѣвать. Это аксіома для всѣхъ вполне ясная.

Поэтому, если душевно-больной совершаетъ вредное для общества дѣйствіе, единственнымъ средствомъ предохранить общество отъ другого подобнаго дѣянія — это лечить больного, или въ случаѣ его неизлѣчимости, помѣстить его въ заведеніе для душевно-больныхъ для призрѣнія. Душевно-больной, совершившій убійство, долженъ быть помѣщенъ въ больницу для леченія, гдѣ онъ можетъ выздороветь, и такимъ образомъ въ будущемъ сдѣлаться не только невреднымъ, но даже и полезнымъ членомъ общества. Мы должны его лечить, а не наказывать, просто потому что, благодаря леченію онъ можетъ выздороветь; если-же онъ будетъ заключенъ въ тюрьму, мы совершимъ вредную жестокость, состояніе больного въ тюрьмѣ ухудшится, и онъ въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ находиться на попеченіи общества.

Душевно-больного, совершившаго убійства, нельзя помѣщать въ тюрьму, даже, если онъ понималъ свойство и значеніе имъ совершеннаго, и могъ руководить своими поступками,

1) Достоевскій какъ психопатологъ. Русскій Вѣстникъ. 1884.

потому что помѣщеніе такого больного въ тюрьму, ничего кромѣ вреда и больному, и тюрьмѣ, и обществу не принесетъ. Больного слѣдуетъ помѣстить въ больницу, не потому, что онъ не понималъ свойства и значенія совершеннаго дѣянія, и не могъ руководить своими поступками, а потому что лечение можетъ быть ему полезно, и предохранить общество отъ вредныхъ дѣйствій больного. Для общества, и для больного рѣшительно безразлично, понималъ-ли больной свойство и значеніе дѣянія и могъ-ли руководить своими поступками, обладалъ-ли онъ свободной волей или нѣтъ, но важно опредѣлить, что гарантируетъ общество отъ повторенія такихъ дѣяній, и еще важнѣе опредѣлить, какимъ путемъ можно такъ измѣнить поведеніе даннаго лица, чтобы онъ не былъ опасенъ для общества. Очевидно, что единственное средство измѣнить поведеніе больного, и предохранить общество — это лечить и призрѣвать его должнымъ образомъ, въ случаѣ его неизлѣчимости.

При такомъ пониманіи невмѣняемости душевно-больныхъ, не можетъ уже быть сомнѣній относительно того, на какой срокъ должны быть помѣщаемы душевно-больные, обвиненные въ совершеніи преступленій, такъ какъ пребываніе ихъ въ больницѣ всецѣло обусловлено ихъ болѣзнію, а не свойствомъ совершеннаго ими дѣянія. Такъ какъ больной помѣщается въ больницу и для леченія, и въ видахъ общественной безопасности, то и выписка его изъ больницы должна быть всецѣло обусловлена состояніемъ его здоровья. То-есть больной, совершившій убійство, долженъ быть выписанъ изъ больницы, когда онъ выздоровѣетъ, что можетъ послѣдовать черезъ нѣсколько недѣль, напр. при маніи, или когда по своему состоянію, онъ уже не можетъ быть опасенъ для общества, что тоже можетъ послѣдовать скоро напр. при прогрессивномъ параличѣ. Наоборотъ больной, совершившій самое ничтожное преступленіе напр. нарушеніе общественной тишины, мелкую кражу, если состояніе его того требуетъ, долженъ оставаться въ больницѣ всю жизнь; напр. больной страдающій психопатіей въ началѣ болѣзни нарушилъ общественную тишину; при помѣщеніи въ больницу, выясняется, что болѣзнь прогрессируетъ, и потому больной становится опаснымъ для окружающихъ, почему было-бы неблагоприятно его выписать, и тѣмъ подвергнуть общество опасности.

Болѣзнь обвиняемаго опредѣляетъ необходимость помѣ-

щенія его въ больницу; болѣзнь должна опредѣлять продолжительность леченія и его способы.

Такимъ образомъ единственнымъ критеріемъ невмѣняемости должна быть болѣзнь, и вытекающая изъ нея потребность леченія. Конечно леченіе нужно понимать широко; вѣдь и въ состояніи неизлѣчимыхъ больныхъ, вслѣдствіи леченія, наступаетъ значительное улучшеніе; при разумномъ леченіи буйный, неопрятный, съ дурными привычками, больной становится, правда не всегда, покойнымъ, опрятнымъ, вполне сдержаннымъ.

Задачи врача при такомъ пониманіи невмѣняемости весьма опредѣленны; онъ долженъ выяснить, боленъ ли обвиняемый, и какъ больной подлежитъ ли леченію, или-же нѣтъ.

Не менѣе очевидно, что душевно-больные не могутъ распоряжаться своимъ имуществомъ и потому надъ личностью и имуществомъ душевно-больнаго должна быть учреждаема опека. Нѣтъ никакой возможности установить критерій, указать признакъ душевной болѣзни, на основаніи котораго можно было-бы всегда опредѣлить какіе именно больные не могутъ распоряжаться своимъ имуществомъ. Несомнѣнно, что, правда немногіе, душевно-больные недурно ведутъ свои дѣла, а нѣкоторые вполне психически здоровые самымъ беспутнымъ образомъ разоряются. Поэтому, и при освидѣтельствovanіи для опредѣленія способности больнаго управлять своимъ имуществомъ, слѣдуетъ, по моему убѣжденію руководиться лишь соображеніемъ о пользѣ больнаго. Очевидно, что больной нуждается въ леченіи и уходѣ, что занятія дѣлами могутъ быть вредны для его здоровья, что онъ можетъ злоупотреблять предоставленной ему свободой. Интересы больнаго вполне совпадаютъ съ интересами лицъ, его любящихъ, и наконецъ, съ интересами общества. Своевременно начатое леченіе, а при неизлѣчимости болѣзни, разумный уходъ, безспорно могутъ принести только пользу больному, и тѣмъ самымъ и его близкимъ, и обществу. Большинство душевно-больныхъ не могутъ разумно распоряжаться своимъ имуществомъ, очень часто поддаются вліянію корыстолюбивыхъ родственниковъ, которые, пользуясь слабостью воли больнаго, обираютъ его. Понятно, что неразумное управленіе имуществомъ причиняетъ вредъ и самому больному, лишая его возможности пользоваться хорошимъ уходомъ и привычнымъ ему комфортомъ. Для психіатра несомнѣнно, что управленіе имуществомъ не по

силамъ душевно-больному, и что для управленія дѣлами необходимо полное психическое здоровье, и потому доказанная душевная болѣзнь требуетъ наложенія опеки надъ имуществомъ и личностью больного.

Далеко не такъ просто обстоитъ дѣло при рѣшеніи вопроса о законности духовныхъ завѣщаній, составленныхъ лицами, страдавшими душевной болѣзнію. Само собою разумѣется, что духовное завѣщаніе лица, много лѣтъ страдавшаго неизлѣчимою душевной болѣзнію, не можетъ возбуждать сомнѣній. Нельзя того-же сказать о духовномъ завѣщаніи лицъ, страдавшихъ излечимыми и періодическими душевными болѣзнями, и умершихъ отъ какой либо соматической болѣзни. Безспорно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, передъ смертью, можетъ быть вслѣдствіе соматической болѣзни, наблюдается удивительное проявленіе сознанія и вообще улучшеніе психическаго состоянія. Это явленіе, съ удивительной прозорливостью, изобразилъ Шекспиръ; умирающій король Лиръ поражаетъ насъ своимъ душевнымъ могуществомъ. Духовное завѣщаніе, составленное умирающимъ душевно-больнымъ, конечно, если душевная болѣзнь не разрушила окончательно душевныя силы больного, можетъ быть вполне разумнымъ, можетъ дѣйствительно выражать, волю этого лица. Поэтому для сужденія о законности духовнаго завѣщанія, составленнаго душевно-больнымъ, главнымъ матерьяломъ должно служить показаніе врача, пользовавшаго больного и вообще показанія лицъ, выдавшихъ больного въ день составленія завѣщанія.

Алкоголики, морфинисты, больные, страдающіе органическимъ пораженіемъ мозга, меланхолики, маньяки, и даже больные, страдающіе эпилептическими и истерическими психозами, уже не говоря о лицахъ, страдающихъ періодическими психозами, наконецъ больные, страдающіе старческимъ слабоуміемъ, могутъ вполне разумно и согласно съ ихъ желаніями и взглядами, бывшими еще до болѣзни, составить духовное завѣщаніе. Но въ такихъ случаяхъ необходимо доказать, что во время составленія духовнаго завѣщанія, состояніе больного настолько улучшилось, что онъ могъ выразить намѣренія и желанія, выработанныя еще въ то время, когда онъ былъ здоровъ.

Необходимо имѣть ввиду, что многія духовныя завѣщанія пишутся лицами, душевныя силы которыхъ крайне ослаблены болѣзнію. Въ самомъ дѣлѣ измученный тяжкой продолжительной

болѣзнію, боящійся приближающейся смерти, завѣщатель часто не располагаетъ уже ни ясностью мысли, ни спокойствіемъ духа, необходимыми для совершенія столь важнаго юридическаго акта. Больной съ высокой температурой, мучимый болями, п страхомъ смерти, едва-ли обладаетъ полной „свободой воли“, почему, иногда ловкіе родственники и насилуютъ ослабленную болѣзнію волю больного. Однако такіа духовныя завѣщанія даже не возбуждаютъ сомнѣній. Если признавать дѣйствительными духовныя завѣщанія лицъ вполне здоровыхъ психически, многія духовныя завѣщанія могли-бы возбуждать сомнѣнія. Соматическая болѣзнь, вѣдь, также вліяетъ на дѣятельность коры головного мозга, вызываетъ расстройства ума, чувствъ и воли.

Поэтому при обсужденіи дѣйствительности духовнаго завѣщанія, необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, принимать во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, тщательно изучить болѣзнь завѣщателя. Во многихъ случаяхъ свѣдѣнія о состояніи больного оказываются недостаточны; если имѣются письма больного, записки его, или вообще какія либо писанныя или диктованныя имъ бумаги, онѣ могутъ помочь эксперту выяснить состояніе больного во время совершенія духовнаго завѣщанія. При неимѣнии необходимыхъ данныхъ, благо-разумнѣе всего отказаться отъ дачи заключенія.

Такъ какъ патологическое расстройство воли составляетъ непремѣнный признакъ всякой душевной болѣзни, то всѣ душевно-больные своимъ поведеніемъ отличаются отъ здоровыхъ настолько, что очень часто только по странностямъ больного, по его поведенію, можно заключать о его состояніи. Нѣкоторые больные упорно скрываютъ свои идеи бреда, скрываютъ даже свое настроеніе, но по ихъ поведенію, по нѣкоторымъ ихъ поступкамъ, окружающіе съ большимъ правомъ заподозрѣваютъ душевную болѣзнь. Вообще слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что нѣкоторые душевно-больные могутъ разсуждать такъ разумно, могутъ такъ остроумно оправдывать свои странные поступки, что никогда нельзя отрицать душевной болѣзни, только потому что испытуемый разсуждаетъ, повидимому, вполне разумно. Въ самомъ дѣлѣ развѣ мы можемъ судить объ умственной дѣятельности лица, поговоривъ съ нимъ даже нѣсколько часовъ; при томъ-же испытуемый можетъ говорить лишь о томъ, что находитъ удобнымъ, и уклониться отъ темъ, ему не нравящихся. Поэтому всегда нужно съ величайшимъ

вниманієм слѣдить за поведеніемъ какъ больныхъ, такъ и лицъ, состояніе которыхъ подлежитъ изслѣдованію; измѣненія въ поведеніи всегда дають наиболѣе цѣнный матерьялъ для сужденія о психическомъ здоровьи.

Почти всѣ душевно-больные, по своему поведенію, образу жизни, поступкамъ, болѣе или менѣе выдѣляются изъ той среды, въ которой они живутъ; неспособность жить такъ, какъ живутъ другіе — всегда выдѣляетъ душевно-больнаго. Они не могутъ приспособиться къ средѣ, не могутъ жить такъ, какъ другіе, не уживаются въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ ихъ ближніе. Конечно, этимъ-же отличаются и люди, по своимъ способностямъ, выше средняго уровня; талантливые, энергическіе люди тоже не уживаются въ условіяхъ, удовлетворяющихъ большинство, но они идутъ впередъ, создаютъ лучшія условія, или, по крайней мѣрѣ, устраиваются лучше, чѣмъ ихъ ближніе. Душевно-больные и лица, съ патологической организаціей нервной системы, наоборотъ, не могутъ удержаться въ томъ положеніи, какое занимали до болѣзни, или которое занимали ихъ родители.

Чѣмъ рѣзче выражена патологическая организація, тѣмъ ниже общественное положеніе занимаетъ субъектъ, и очень большая разница въ общественномъ положеніи дѣтей и родителей даетъ основаніе предполагать патологическую организацію нервной системы. Затѣмъ эти лица, обыкновенно, не достигаютъ совершенства ни въ одной профессіи, часто мѣняють занятія, и всегда занимають второстепенныя должности, и даже, если занимаются простымъ ремесломъ, напр. плотничествомъ, то работаютъ плохо и подъ чѣмъ-либо руководствомъ. Очень немногіе устраиваются самостоятельно; обычно родители, родные, супруги, наконецъ начальство заботится о нихъ, помогаетъ имъ, почему иногда, напр. при хорошей протекціи, они и занимають хорошія мѣста, но ихъ лишь терпятъ; ввиду ихъ малой полезности, за нихъ работаютъ другіе.

Особенно рѣзко измѣняется поведеніе лицъ, заболѣвающихъ пріобрѣтенной душевной болѣзнію; заболѣвающій уже не можетъ работать какъ прежде, и если онъ работалъ самостоятельно, окружающіе замѣчаютъ очень рано, что его работа становится небрежной; онъ дѣлаетъ много упущеній, работа не спорится.

Заболѣвающій и ведетъ себя иначе, чѣмъ до заболѣванія; понятно, вначалѣ измѣненіе въ поведеніи заболѣвающаго объясняется какими-либо побочными обстоятельствами, напр. не-

пріятностями, неудачами, нервами. Даже хорошіе наблюдатели, очень часто, ошибаются въ объясненіи причинъ перемѣны поведенія заболѣвшаго; они увѣрены, что больной становится раздражителенъ, неуживчивъ вслѣдствіи непріятностей, упуская изъ виду, что непріятности обусловлены именно болѣзнію больного, т. е. тѣмъ, что онъ сталъ плохо работать, сдѣлался менѣе сдержанъ, недостаточно внимательно вникалъ въ свои отношенія къ окружающимъ. Однимъ словомъ, больной становится неудобенъ и даже невозможенъ въ обществѣ, т. е. въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ, до болѣзни, онъ хорошо уживался. Онъ или нарушаетъ установленныя формы жизни, т. е. ссорится, дерется, небреженъ въ одеждѣ, нарушаетъ приличіе, напр. въ пьяномъ видѣ является въ семейный домъ, или-же удаляется изъ общества, запирается у себя дома, или уединяется въ свою комнату, за неимѣніемъ ея, въ наиненѣе посѣщаемое мѣсто въ квартирѣ, и даже уходитъ изъ дому, прячется въ лѣсу и т. п.

Душевно-больной не можетъ жить въ обществѣ, не можетъ подчиняться требованіямъ общежитія, и потому чѣмъ социальная жизнь болѣе развита, тѣмъ менѣе удобны въ обществѣ душевно-больные. Живущій въ деревнѣ мелкій собственникъ при заболѣваніи душевной болѣзнію становится неудобенъ, если онъ ужъ очень грубо нарушаетъ требованіе общежитія, напр. дерется; жена, или братъ ведетъ за него хозяйство, самъ-же больной можетъ сидѣть въ своей комнатѣ, или гулять по окрестностямъ въ небрежномъ туалетѣ, и даже пѣть пѣсни, валяться по землѣ и т. п. Чиновникъ, учитель, рабочій на фабрикѣ, при заболѣваніи душевной болѣзнію въ городѣ положительно нетерпимъ. Поэтому общественное призрѣніе душевно-больныхъ, съ развитіемъ социальной жизни, дѣлается все болѣе и болѣе необходимымъ, и потому въ мало культурной странѣ душевно-больныхъ не замѣчаютъ, а въ цивилизованныхъ, ихъ всегда оказывается очень много.

Такъ какъ всѣ душевно-больные асоциальны, то чѣмъ сложнѣе социальныя отношенія, тѣмъ труднѣе ихъ содержать дома, тѣмъ болѣе они обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ больше о нихъ заботятся.

Сравнительно немногіе больные опасны для общества, вслѣдствіи своей несдержанности; большинство-же лишь болѣе или менѣе неудобно. Такъ какъ у душевно-больныхъ воля ослаблена, ихъ поступки обусловлены чувствованіями, соче-

танными съ впечатлѣніями, или возникающими органически; слѣдовательно нѣтъ возможности предвидѣть ихъ поведеніе. Оно вполне зависитъ отъ обстановки, отъ случайныхъ обстоятельствъ. Поэтому почти ни за одного душевно-больнаго нельзя ручаться, что онъ не сдѣлаетъ ничего вреднаго, и самый покойный, добродушный душевно-больной можетъ совершить вредный для общества поступокъ, или подъ вліяніемъ случайнаго раздраженія, или подъ вліяніемъ здороваго, подучившаго его сдѣлать вредный поступокъ, напр. поджогъ.

Хотя вслѣдствіи ослабленія воли, почти всякій душевно-больной можетъ быть опаснымъ, линію очень немногіе душевно-больные опасны для окружающихъ по самому свойству ихъ патологическаго состоянія; дѣйствительно опасны лишь нѣкоторые эпилептики, параноики и алкоголики. Многіе душевно-больные становятся опасными лишь вслѣдствіи дурнаго съ ними обращенія; при умѣломъ уходѣ многіе бывшіе опасными больные, становятся вполне миролюбивыми; за всю свою дѣятельность я наблюдалъ всего лишь нѣсколько, дѣйствительно опасныхъ, больныхъ.

Душевно-больные уже потому, не смотря на ослабленіе воли, такъ рѣдко ссорятся съ окружающими, что они совершенно безучастны къ общимъ интересамъ, къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ. Душевно-больные самыхъ различныхъ мнѣній уживаются вполне мирно между собою, и никогда не интересуются какимъ либо общимъ дѣломъ. Душевно-больные никогда сообща не совершаютъ нападений, а тѣмъ болѣе преступленій, и если душевно-больной участвуетъ въ преступной шайкѣ, то всегда имъ руководятъ здоровые, которые лишь пользуются услугами больнаго. Поэтому вообще душевно-больные такъ легко подчиняются лицамъ, за ними ухаживающимъ.

Самое обычное вредное дѣяніе душевно-больныхъ — это нанесеніе ударовъ и легкихъ ранъ; въ громадномъ большинствѣ эти дѣянія не предумышлены, и совершаются въ состояніи раздраженія, часто по самому ничтожному поводу. Именно потому и опасны душевно-больные, что нельзя предвидѣть, что вызоветъ у нихъ раздраженіе, что подвинетъ ихъ на нападеніе. Миролюбивый больной, долго спокойно переносившій самое грубое обращеніе, вдругъ, вслѣдствіе того, что ему отказали въ ничтожной просьбѣ, наноситъ побои, и даже тяжкія раны. Понятно, что возбужденные больные, съ повышенной двигательною сферой, часто ломаютъ мебель, дерутся,

когда имъ мѣшаютъ дѣлать то, что они хотятъ; эти больные обычно сердятся на лицъ, за ними ухаживающихъ, потому что они лишаютъ ихъ свободы, почему столкновенья въ такихъ случаяхъ далеко не рѣдки. Къ счастью такія состоянія вообще не продолжительны.

Нанесеніе тяжкихъ ранъ и убійства, если принять во вниманіе число душевно-больныхъ, вообще совершаются рѣдко, и потому что для совершенія этихъ преступленій необходимы и энергія и сообразительность, и потому что, конечно, и душевно-больные, все-же, понимаютъ ужасъ этихъ дѣяній. Убійства, совершаемыя душевно-больными, отличаются своею ненужностью или случайностью; крайне рѣдко онѣ подготовлены; обычно совершившій убійство, больной даже не пытается скрыть слѣдовъ своего дѣянія, не пытается остаться ненаказаннымъ. Напротивъ они или сами заявляютъ о содѣянномъ, или по меньшей мѣрѣ, не отпираются. Вообще злодѣянія, совершаемыя здоровыми, или по крайней мѣрѣ, не душевно-больными, по существу отличаются отъ преступленій, совершаемыхъ душевно-больными. Послѣдніе никогда не убиваютъ изъ часто корыстныхъ цѣлей. То же слѣдуетъ сказать и о поджогахъ, совершаемыхъ душевно-больными; обычно они поджигаютъ изъ злобы, или же импульсивно.

Преступленія, совершаемыя душевно-больными по своей обстановкѣ, по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, рѣзко отличаются отъ обычныхъ преступленій, за исключеніемъ конечно тѣхъ случаевъ, когда больные совершаютъ преступленіе подъ руководствомъ здороваго; понятно, что они первые попадаютъ въ руки правосудія, а здоровые принимаютъ всѣ мѣры, и иногда, съ успѣхомъ, чтобы избѣжать наказанія.

Несомнѣнно, что самоубійство среди душевно-больныхъ гораздо чаще, чѣмъ среди психически здоровыхъ; если даже допустить, что половина самоубійцъ лица психически больныя и ненормальныя, то и тогда окажется, что самоубійство среди душевно-больныхъ въ нѣсколько сотъ разъ чаще, чѣмъ среди здоровыхъ. Мы не знаемъ, какъ часто самоубійство среди душевно-больныхъ, пользующихся свободой; оно должно быть чаще, чѣмъ среди душевно-больныхъ, лечащихся въ заведеніяхъ. При самомъ лучшемъ присмотрѣ самоубійства все такъ случаются, и всѣ принимаемыя мѣры оказываются недостигающими цѣли. Чаще всего самоубійство происходитъ подъ влияніемъ сильной тоски и отчаянія, т. е. при меланхоліи; больные съ попытками

на самоубійство нуждаются въ самомъ тщательномъ надзорѣ. Понятно какъ трудно предотвратить несчастіе, если больной въ теченіи нѣсколькихъ недѣль стремится покончить съ жизнью.

Нѣкоторые душевно-больные кончаютъ самоубійствомъ по непонятнымъ намъ мотивамъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя даже предполагать возможности самоубійства; больные или по совершенно намъ неизвѣстнымъ мотивамъ, или вслѣдствіи внезапно возникшаго отчаянія, злобы, рѣшаются на самоубійство. Одинъ маньякъ былъ снятъ съ петли, и потомъ сознался, что онъ хотѣлъ покончить съ собою, потому что ему было очень скучно и досадно, что его держали въ изоляціонной комнатѣ.

Самый обычный способъ самоубійства душевно-больныхъ, лечащихся въ заведеніяхъ — это смерть черезъ повѣшеніе, что объясняется тѣмъ, что этотъ способъ имъ наиболѣе доступенъ.

Слабоумные крайне рѣдко совершаютъ самоубійство.

Самоизувѣченіе почти всегда указываетъ на душевную болѣзнь; если даже и допустить, что подъ вліяніемъ изувѣрства, здоровые люди и подвергаютъ себя изувѣченію, то такіе случаи такъ рѣдки, что самоизувѣченіе можетъ считаться проявленіемъ душевной болѣзни. Мотивомъ самоизувѣченія обыкновенно бываютъ идеи бреда или обманы чувствъ, а также импульсы; болѣе или менѣе значительная аналгезія облегчаетъ этимъ несчастнымъ исполненіе ихъ намѣренія. Едва-ли можно допустить, чтобы душевно-больной съ вполне сохранившейся чувствительностью могъ оторвать себѣ genitalia, откусить языкъ, вырвать ногти и т. п.

Понятно, что нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ удивительныя выходки, которыя иногда продѣлываютъ больные. Чувствованія, умственная дѣятельность и воля — все это такъ измѣняется, что больной можетъ совершить самый удивительный, самый непонятный поступокъ.

Большинство душевно-больныхъ страдаетъ ослабленіемъ или уменьшеніемъ произвольной дѣятельности, и поэтому они бездѣятельны, то-есть, предпочитаютъ всему покой. Если этихъ больныхъ не понуждать гулять, чѣмъ нибудь заниматься, они цѣлые дни проводятъ или въ постели, или у себя въ комнатѣ, въ полной бездѣятельности. Можно даже удивляться, какъ молодые, вполне здоровые физически, психически-больные ничуть не тяготеютъ своею бездѣятельностью, и даже не выражаютъ желанія чѣмъ-либо заняться, чѣмъ-либо развлечься. Только настойчивый и разумный уходъ спасаетъ такихъ

больныхъ отъ ранняго одряхленія, обусловливаемаго недостаточностью движенія.

Въ хорошо организованныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, многихъ больныхъ приучаютъ къ регулярному труду. Осмотрѣвъ очень много заведеній для душевно-больныхъ, я составилъ себѣ заключеніе, что при самомъ настойчивомъ и самомъ умѣломъ уходѣ за душевно-больными, далеко не всѣ душевно-больные могутъ работать, и что трудъ душевно-больныхъ мало продуктивенъ. Отдавая должную дань уваженія психіатрамъ, положившимъ много труда на приученіе больныхъ къ работѣ, я не раздѣляю оптимизма тѣхъ товарищей, которые надѣются на большую продуктивность этого труда. Едва-ли трое работающихъ душевно-больныхъ могутъ сработать столько, сколько одинъ здоровый; поѣтому ожидать, что трудъ душевно-больныхъ можетъ хотя сколько нибудь значительно, сокращать расходы по содержанію заведенія, по моему мнѣнію, нѣтъ основанія.

Занятія, особенно полевые, конечно, очень полезны для многихъ душевно-больныхъ; регулярный трудъ не только предохраняетъ душевно-больнаго отъ ранняго одряхленія, но весьма полезенъ въ смыслѣ перевоспитанія больнаго.

Полная бездѣятельность, крайняя апатія вообще свойственны слабоумнымъ больнымъ; ослабленіе или разрушеніе воли у этихъ больныхъ ведетъ къ тому, что они уже не способны къ какой либо дѣятельности; лишь давно приобрѣтенныя и прочныя привычки, до нѣкоторой степени, управляютъ ихъ поведеніемъ.

Меньшинство больныхъ, напротивъ, охотно чѣмъ либо занимается; эти больные охотно берутся за всякую работу. Понятно, что трудъ этихъ больныхъ мало продуктивенъ, вслѣдствіе ихъ суетливости и непостоянства; они берутся за работу имъ не по силамъ, работаютъ невнимательно, имъ скоро надоѣдаетъ монотонная работа.

Вообще душевно-больные не могутъ работать такъ регулярно и такъ много, какъ здоровые; какъ извѣстно, лица съ патологической организаціей нервной системы, почти всегда мѣняютъ профессіи, не могутъ приспособиться къ какой-либо работѣ; имъ все скоро надоѣдаетъ, они скоро устаютъ.

Изученіе душевно-больныхъ, лицъ съ патологической организаціей нервной системы, преступниковъ по натурѣ и проституттокъ, приводитъ къ заявленію, что регулярный, настойчивый трудъ пріятенъ только здоровымъ. Совершенство организаціи

измѣряется способностью къ труду, то-есть чѣмъ совершеннѣе организація, тѣмъ болѣе способенъ человѣкъ къ труду; чѣмъ сильнѣе потребность къ труду, тѣмъ совершеннѣе организація.

Нерѣшливость и нечистоплотность многихъ больныхъ вполне объясняется притупленіемъ чувствованій; эти проявленія болѣзни иногда дѣлаютъ крайне тягостнымъ присутствіе больныхъ въ ихъ семьяхъ. При неумѣнии ухаживать за душевно-больными, родные не могутъ заставить больныхъ соблюдать самыя элементарныя требованія опрятности и чистоплотности, почему нѣкоторые больные, и по своему туалету, и по своей манерѣ ѣсть, и по нечистоплотности, становятся невозможны въ семьѣ; ихъ тогда запираютъ въ отдѣльную комнату или чуланъ, гдѣ они становятся еще болѣе ужасны. Только умѣлый уходъ можетъ предупредить, и даже прекратить, эти проявленія болѣзни.

Особенно тягостно несовѣмъ понятное желаніе нѣкоторыхъ больныхъ мазать стѣны, мебель и даже себя каломъ; такое желаніе бываетъ у больныхъ, страдающихъ прогрессивнымъ параличемъ, слабоуміемъ вслѣдствіе органическаго пораженія мозга, старческимъ слабоуміемъ, кататоніей; даже при хорошемъ уходѣ, иногда очень нелегко отъучить больныхъ отъ этой быстро развивающейся привычки. При неумѣломъ уходѣ эта привычка развивается у больныхъ и при другихъ, кромѣ выше-названныхъ, душевныхъ болѣзняхъ. Желаніе пачкать и пачкаться каломъ даетъ основаніе для дурнаго прогноза. При дурномъ уходѣ, особенно если больныхъ кормятъ недостаточно, можетъ даже, правда лишь у немногихъ больныхъ, развиться привычка ѣсть свой собственный калъ и пить мочу; прежде такихъ больныхъ было больше; теперь, что конечно зависитъ отъ ухода, такіе случаи крайне рѣдки.

Такъ какъ почти каждый слабоумный можетъ сдѣлаться неряхой и нечистоплотнымъ, то эту возможность всегда нужно имѣть въ виду, и потому слѣдуетъ всегда настойчиво пріучать всякаго больного къ порядку, настойчиво не допускать даже малѣйшихъ уклоненій отъ заведеннаго порядка. Сколько я могъ убѣдиться, больныя женщины вообще гораздо опрятнѣе и чистоплотнѣе больныхъ мужчинъ.

Какъ я уже говорилъ выше, патологическія разстройства воли изучены нами мало, и несовѣмъ понятны, особенно ввиду неустановившагося опредѣленія воли. Можетъ быть, было бы правильнѣе озаглавить эту главу — болѣзненные разстройства произвольной дѣятельности, такъ какъ здѣсь мы должны раз-

смотрѣть вообще патологическія измѣненія произвольной дѣятельности, не задавались вопросомъ отчего, въ концѣ концовъ, зависятъ эти разстройства.

Прежде чѣмъ перейти къ разстройствамъ произвольной дѣятельности, необходимо описать весьма своеобразное патологическое явленіе — навязчивыя состоянія. По моему мнѣнію, это явленіе, главнымъ образомъ, зависитъ отъ ослабленія воли, уже недостаточной управлять ходомъ нашихъ мыслей и вообще смѣной психическихъ состояній. Воля направленная внутрь есть вниманіе, направленная наружу управляетъ нашими движеніями, подчиняетъ ихъ себѣ. Ослабленіемъ вниманія т. е. воли слѣдуетъ объяснять навязчивыя идеи, навязчивыя состоянія и импульсы; слѣдовательно прежде всего слѣдуетъ изложить именно эти патологическія явленія. Наконецъ, удобнѣе описывать эти явленія въ главѣ, посвященной разстройствамъ воли и въ дидактическомъ отношеніи; такимъ образомъ еще ярче выступаетъ различіе между идеями бреда и навязчивыми представленіями.

Затѣмъ слѣдуетъ описать хотя главнѣйшія болѣзненные разстройства дѣятельности, тѣ, по крайней мѣрѣ, которыя чаще наблюдаются и лучше изучены. Само собою разумѣется, что мы можемъ здѣсь, остановиться на тѣхъ измѣненіяхъ произвольной дѣятельности, которыя зависятъ отъ пораженія мозговой коры.

Навязчивыми идеями, или насильственными представленіями, называются представленія и мысли, возникающія въ сознаніи больного помимо его воли, и даже желанія, остающіяся въ сознаніи слишкомъ долго, несмотря на желаніе больного отъ нихъ избавиться, изгнать ихъ изъ своего сознанія. Навязчивыя идеи обыкновенно обладаютъ болѣзненною напряженностью.

Навязчивыя идеи возникаютъ или вполне самостоятельно т. е. безъ всякаго повода: самъ больной не понимаетъ, какъ, почему данная мысль пришла ему въ голову, или вслѣдствіи какого либо событія, повліявшаго на больного, напр. убійства, драки и т. п.

Гораздо чаще навязчивыя идеи возникаютъ безъ всякаго повода, или, если онѣ появляются послѣ какого либо происшествія, случайно заинтересовавшаго больного, то связь между происшествіемъ и навязчивыми идеями чисто случайная.

Навязчивыя идеи, въ строгомъ смыслѣ слова, бываютъ

только у душевно-больныхъ и у лицъ съ рѣзко выраженной патологической организаціей нервной системы. У здоровыхъ нѣкоторыя представленія и мысли иногда надолго завладѣваютъ сознаниемъ; какая нибудь поразившая насъ картина, слово, мысль надолго остаются въ сознаниі, часто возвращаются, но всегда мы можемъ освободиться отъ этихъ воспоминаній и думать о чемъ либо другомъ. Сколько я могъ изслѣдовать, зачаточныя навязчивыя идеи у здоровыхъ бываютъ въ состояніи крайней усталости, когда вслѣдствіе крайняго утомленія, намъ трудно мыслить произвольно.

У больныхъ навязчивыя идеи приобрѣтають удивительную, непонятную намъ стойкость; больной рѣшительно не можетъ изгнать изъ сознанія эти представленія, не можетъ ни о чемъ думать, не можетъ чѣмъ либо заниматься. Все сознаніе наполнено этими представленіями и идеями; онѣ приобрѣтають живость и яркость, сочетаны съ живыми чувствованіями. Больной скоро убѣждается въ непонятной ему власти надъ нимъ этихъ идей, и въ своемъ безсиліи бороться съ ними; онѣ убѣждается, что не можетъ отъ нихъ освободиться, что онѣ остаются въ его сознаніи, и исчезаютъ изъ него помимо его воли.

Сознаніе своего безсилія, убѣжденіе въ безграничномъ могуществѣ навязчивыхъ идей, вызываетъ мрачное тоскливое настроеніе духа, душевное томленіе; сознавая свое безсиліе, и желая избавиться отъ навязчивыхъ идей, больной все-же употребляетъ всѣ свои усилія изгнать изъ сознанія эти идеи; усилія остаются безплодными, но борьба истощаетъ силы больного и вліяетъ на его настроеніе.

Особенно тягостны и даже мучительны навязчивыя идеи въ первое время своего появленія; онѣ пугаютъ больного, изнемогающаго въ безплодной съ ними борьбѣ. Потомъ нѣкоторые, а можетъ быть и многіе больные, такъ сказать, привыкають къ своимъ навязчивымъ идеямъ, свыкаются съ мыслью, что борьба съ ними безплодна и терпѣливо ждутъ ихъ исчезновенія, зная по опыту, что онѣ исчезнутъ сами, что никакого вреда присутствіе ихъ не причиняетъ.

Отношеніе больныхъ къ своимъ навязчивымъ идеямъ, бываетъ различное; если этѣ идеи не содержатъ въ себѣ ничего непріятнаго для больного, появляются не часто, и не очень долго остаются въ сознаніи, интеллигентные больные вполне мирятся съ своимъ положеніемъ, и даже не обращаются къ врачебной помощи. Если навязчивыя идеи, по своему

содержанію, противны больному, если онѣ очень стойки, и остаются по нѣскольکو часовъ, а то и цѣлыми днями въ сознаніи, больной тяжко страдаетъ; особенно мучительно это патологическое состояніе необразованнымъ больнымъ: они увѣрены, что находятся во власти діавола, завладѣвшаго ихъ душою; бесплодность борьбы съ навязчивыми идеями создаетъ у нихъ убѣжденіе въ собственной грѣховности, въ невозможности избавиться отъ власти діавола.

Я думаю, что навязчивыя идеи бываютъ чаще у женщинъ, и чаще въ первой половинѣ жизни; онѣ нерѣдко бываютъ въ климатерическомъ періодѣ и при томъ, насколько я могъ подмѣтить, у дѣвушекъ чаще, чѣмъ у женщинъ; также онѣ бываютъ у беременныхъ. Появленіе навязчивыхъ идей возможно лишь при недоразвитіи или ослабленіи воли, при недоразвитіи и слабости вниманія; память и фантазія у нѣкоторыхъ психопатовъ, страдающихъ навязчивыми идеями, значительно выше средняго уровня.

Содержаніе навязчивыхъ идей весьма разнообразно, и нѣтъ никакой возможности классифицировать навязчивыя идеи. Иногда это отрывочныя воспоминанія о пережитомъ, напр. больной постоянно припоминаетъ фразу, услышанную имъ со сцены; фраза подолгу остается въ сознаніи, хотя не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ больному; иногда это какое нибудь слово или отдѣльныя, несвязанныя между собою слова. Иногда навязчивыя идеи состоятъ изъ сужденій, съ которыми больной несогласенъ, и даже онѣ ему омерзительны; напр. у человѣка, вѣрующаго, навязчивыя сужденія состоятъ изъ фразъ отрицанія, или даже ругательныхъ по отношенію къ божеству. Этѣ навязчивыя идеи очень мучительны; больной хочетъ молиться, но вмѣсто молитвы, сознаніе его занято фразами, содержащими богохульство. Иногда навязчивыя идеи состоятъ изъ удивительно нелѣпыхъ сужденій, столь нелѣпыхъ, что больные не хотятъ говорить о нихъ; напр. одинъ больной, человѣкъ интеллигентный, говорилъ мнѣ, что долго онъ не могъ освободиться отъ слѣдующей нелѣпой фразы: разбитое яйцо составляетъ всемірную исторію. Также очень тяжелы для больныхъ навязчивыя идеи эритического содержанія; грязныя сцены, самыя циническія выраженія, занимаютъ собою все сознаніе больного.

Наименѣе мучительны для больныхъ навязчивыя идеи въ формѣ вопросовъ; въ сознаніи больныхъ возникаютъ вопросы,

которые ничуть ихъ не интересуютъ, и разрѣшать которые они не думаютъ — что такое человѣкъ? сколько верстъ до луны? что лучше вино или вода и т. п.; большинство такихъ вопросовъ не разрѣσιμο по существу, и напрасно больные, въ началѣ болѣзни, надѣясь освободиться отъ навязчиваго вопроса какимъ либо отвѣтомъ, придумываютъ отвѣты на возникающіе въ сознаніи вопросы; напр. у больного, доказавшаго себѣ, что вино лучше воды, возникъ вопросъ: что лучше вино или пиво? когда онъ доказалъ себѣ, что вино лучше пива, возникъ вопросъ: какое вино самое лучшее и т. д.

Я думаю, что о самыхъ нелѣпыхъ навязчивыхъ идеяхъ, мы и не узнаемъ: такъ больнымъ стыдно и гадко о нихъ вспоминать, что они и не рассказываютъ намъ о этихъ навязчивыхъ идеяхъ.

Навязчивыя идеи иногда составляютъ лишь часть патологическихъ явленій, которыя слѣдуетъ называть навязчивыми или насильственными состояніями. При навязчивыхъ состояніяхъ идеи отступаютъ на второй планъ, а на первый планъ выступаетъ безпричинное, ничѣмъ не оправдываемое, непобѣдимое душевное волненіе. Понятно существуетъ рядъ переходныхъ формъ отъ чистыхъ навязчивыхъ идей до насильственного душевнаго волненія.

При такъ называемомъ бредѣ сомнѣнія (*folie du doute*) у больного совершенно самопроизвольно возникаетъ сомнѣніе, сочетанное съ тяжкимъ душевнымъ волненіемъ, или, правильнѣе говоря, томленіемъ. Больной бросилъ письмо въ почтовый ящикъ; вдругъ у него возникаетъ сомнѣніе, что онъ невѣрно написалъ адресъ, что онъ не приклеилъ марки и т. п.; это сомнѣніе сочетано съ интенсивнымъ душевнымъ томленіемъ. Въ такихъ случаяхъ, какъ въ томъ меня увѣряли интеллигентные больные, въ сущности предметъ сомнѣнія не имѣетъ большаго значенія, и если судьба даннаго письма даже безразлична для больного, волненіе не прекращается. Напрасно больной успокоиваетъ себя, что ему въ сущности все равно, дойдетъ ли письмо, что, наконецъ, очень легко написать другое письмо, томленіе не прекращается. Очевидно, что сомнѣніе въ такихъ случаяхъ служитъ лишь предлогомъ для немотивированнаго томленія. Больной, чтобы окончательно успокоить себя, пишетъ другое письмо, тщательно пишетъ адресъ, и бросаетъ въ ящикъ; томленіе не прекращается — является сомнѣніе, что онъ неправильно назвалъ лицо, кому писалъ письмо и т. п.

Въ тяжелыхъ случаяхъ эти навязчивыя состоянія, связанныя съ сомнѣніями, лишаютъ больныхъ покоя, отравляютъ имъ жизнь; сомнѣнія возникаютъ по всякому поводу; больной постоянно сомнѣвается, заперъ-ли онъ денежный шкафъ, наружную дверь своего дома, вѣрно-ли онъ сосчиталъ деньги, не сдѣлалъ-ли онъ ошибокъ въ своей работѣ и т. д. Всѣ усилія убѣдить себя въ полной неосновательности своего безпокойства ни къ чему не приводятъ, больной не можетъ правильно работать, постоянно сомнѣвается и беспокоится.

Въ легкихъ случаяхъ больные, такъ сказать, свыкаются съ своими сомнѣніями, убѣждаются въ ихъ полной неосновательности.

При неврастеніи, обусловленной *coitus reservatus*, какъ я въ томъ часто убѣждался, обычны навязчивыя состоянія, характеризующіяся навязчивыми идеями въ формѣ предположеній. Больной безъ всякаго основанія предполагаетъ, что домъ сгоритъ, что онъ самъ разорится, что жена его умретъ; это предположеніе сочетано со страхомъ, безпокойствомъ, душевнымъ томленіемъ. Если какое нибудь обстоятельство даетъ хоть малѣйшее обстоятельство для такого предположенія, навязчивое состояніе достигаетъ крайней интенсивности. Напр. жена идетъ на вокзалъ встрѣчать мужа, обѣщавшаго пріѣхать съ даннымъ поѣздомъ; на этомъ поѣздѣ мужъ не пріѣхалъ; хотя больная хорошо знаетъ, что мужа могли задержать дѣла, что слѣдующій поѣздъ придетъ черезъ часъ, у ней возникаютъ предположенія: мужъ умеръ, тяжело заболѣлъ и т. п.; вмѣсто съ этимъ предположеніемъ возникаетъ тяжелое душевное волненіе. Напрасно больная разумными доводами пытается убѣдить себя въ полной неосновательности этихъ предположеній — онѣ возникаютъ опять, и съ прежней силой. Только раціональное леченіе устраняетъ это состояніе.

Особаго упоминанія заслуживаютъ навязчивыя состоянія въ формѣ боязни открытыхъ мѣстъ, боязни закрытыхъ мѣстъ.

У нѣкоторыхъ больныхъ развиваются тоска и боязнь на открытыхъ мѣстахъ, на площадяхъ, на безлюдныхъ улицахъ; хотя больной ясно понимаетъ, что никакой опасности онъ не подвергается, онъ не можетъ перейти черезъ площадь, или по крайней мѣрѣ, для того, чтобы это сдѣлать, онъ долженъ наперечъ всѣ свои силы. Напрасно онъ употребляетъ всѣ свои силы, чтобы побороть мучающій его страхъ, напрасно онъ убѣждаетъ себя, что его боязнь не имѣетъ ни малѣйшаго

основанія, онъ переживаетъ мучительную тоску. Это патологическое состояніе выражается измѣненіемъ пульса; больной или обвивается холоднымъ потомъ, или холодѣетъ отъ страха. Какъ только больной перешелъ площадь, онъ успокаивается и удивляется, почему это онъ беспокоится изъ за такихъ пустяковъ, но воспоминаніе о пережитомъ все-же вызываетъ тяжелое душевное состояніе. Это навязчивые состояніе называются агорафобіей (agoraphobia).

Клаустрофобіей (claustrophobia) называется такое же навязчивое состояніе, вызванное закрытымъ пространствомъ.

Понятно, что такія навязчивыя состоянія могутъ быть весьма разнообразны; напр. боязнъ покраснѣть, боязнъ сконфузиться, боязнъ пожара и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ играетъ не малую роль, при возникновеніи этихъ безъотчетныхъ страховъ и самовнушеніе, а можетъ быть и внушеніе, а потому нерѣдко этимъ больнымъ помогаетъ нравственная дисциплина, приученіе владѣть собою.

Вообще насильственные состоянія, возникающія самопроизвольно, гораздо тяжелѣе, чѣмъ вызываемыя какимъ либо обстоятельствомъ; напр. страхъ покраснѣть, боязнъ открытыхъ пространствъ гораздо легче поддаются леченію, чѣмъ самопроизвольно возникающія навязчивыя состоянія, сочетанныя съ навязчивыми идеями. Послѣднія возникаютъ на болѣе патологической почвѣ, чѣмъ первыя.

Навязчивыя состоянія могутъ имѣть характеръ желаній; у больныхъ возникаютъ весьма сильныя, крайне жгучія желанія, нелѣпыя, безнравственныя, или опасныя, по мнѣнію самихъ больныхъ. Больные сами удивляются почему, какимъ образомъ, возникло данное желаніе; послѣднее возникло внезапно, ничуть не подготовлено предъидущимъ душевнымъ состояніемъ. Такъ какъ больной отлично понимаетъ нелѣпость, или даже безнравственность желанія, онъ употребляетъ всѣ усилія подавить въ себѣ это желаніе, избавиться отъ него, не исполнить его. Эта борьба еще болѣе усиливаетъ душевное томленіе больного, и въ зависимости отъ степени болѣзни, отъ воспитанія и развитія, заканчивается или побѣдой „я“ больного, или побѣждаетъ навязчивое желаніе.

Такія желанія бываютъ или вполне нелѣпы напр. купецъ, прочитавъ въ газетахъ о томъ, что одна дѣвочка, упала въ выгребную яму, вдругъ испытываетъ жгучее желаніе узнать имя этой дѣвочки; хотя онъ отлично понимаетъ, что ему

рѣшительно все равно, какъ зовутъ несчастную, онъ не спитъ всю ночь, мучимый тяжелой внутренней борьбой. Но насильственные желанія могутъ быть безнравственны и преступны; напр. одна барышня пожелала обрѣзать у своей сестры косу, и даже исполнила это желаніе, хотя понимала всѣ дурныя для себя послѣдствія этого акта.

Теперь считаютъ навязчивыми, желанія лицъ съ извращеніемъ половыхъ чувствованій, но едва-ли можно признавать насильственными, или навязчивыми половыя желанія, въ томъ же смыслѣ, какъ мы понимаемъ вообще навязчивыя идеи и состоянія. Дѣло въ томъ, что половыя желанія могутъ быть очень сильны, и потому могутъ по своей интенсивности, быть насильственными или навязчивыми, но возникновеніе ихъ обусловлено соматическими процессами, и потому ихъ нельзя смѣшивать съ настоящими навязчивыми желаніями. Нѣтъ никакой причины, никакого основанія желать отрѣзать косу у любимой сестры, еще менѣе обусловлено желаніе узнать имя пострадавшаго ребенка, но вполне обусловлено половое желаніе, какъ нормальное, такъ и извращенное.

Близкое родство навязчивыхъ желаній съ навязчивыми идеями доказывается тѣмъ, что эти состоянія могутъ быть совмѣстно и одно можетъ зависѣть отъ другаго; при боязни прикосновенія т. е. при навязчивыхъ идеяхъ, состоящихъ въ томъ, что больной считаетъ, что прикосновеніе его оскверняетъ, бываетъ обыкновенно навязчивое желаніе умываться. Больные, хотя и понимаютъ, что прикосновеніе къ мебели, посуды и т. п. не можетъ ихъ запачкать, все таки не могутъ подавить въ себѣ навязчивой идеи, что эти прикосновенія оставляютъ слѣды; вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ является навязчивое желаніе мыться. У однихъ больныхъ на первый планъ выступаетъ страхъ прикосновенія, у другихъ желаніе умываться, и вообще очищать себя отъ прикосновенія. Постоянныя омовенія могутъ быть даже мучительны для больныхъ; я зналъ одну даму очень кокетливую, страдавшую страхомъ прикосновенія съ желаніемъ омовенія. Частыя (она умывала руки въ день разъ тридцать) омовенія портили кожу рукъ; она пробовала всевозможныя воды, вытирала руки миндальными отрубями и т. п., и все же кожа рукъ портилась. Больная увѣряла меня, что не удовлетворить желанію чистить руки, для нея такъ мучительно, что она готова лучше портить руки; она волновалась, не могла ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься до тѣхъ поръ, пока не

утирала руки, почему мало по малу она прекратила бывать у знакомыхъ и наконецъ почти не выходила изъ дому.

Дѣйствія больныхъ могутъ быть насильственными или навязчивыми, т. е. больные противъ воли и желанія, совершаютъ поступки, потому что не могутъ ихъ не совершать. Такія дѣйствія или поступки называются импульсивными. Понятно, не всегда легко отличить исполненное навязчивое желаніе отъ настоящаго импульсивнаго акта; наконецъ у больного импульсивный актъ можетъ быть соединенъ съ навязчивымъ желаніемъ. Напр. мать, выбросившая своего ребенка изъ окна, едва-ли можетъ точно рассказать о тѣхъ психическихъ процессахъ, которыя окончились этимъ ужаснымъ актомъ. Едва-ли тутъ было только одно навязчивое желаніе, такъ какъ трудно допустить, что мать не нашла въ себѣ достаточно силъ, чтобы не исполнить такого желанія. Разъ она увѣряетъ, что у ней дѣйствительно было желаніе, ей непонятное, и для нея мучительное, выбросить ребенка, нужно думать, что тутъ не было чистаго импульсивнаго акта. Сами больные не понимаютъ, какъ и почему они совершаютъ импульсивные акты; они даже не желали сдѣлать даннаго дѣйствія; напр. больной вдругъ вырываетъ у себя ноготь на большимъ пальцѣ ноги; даже при аналгезіи, трудно объяснить этотъ актъ идеей бреда, или желаніемъ; вырвать весь ноготь очень не легко; больной не объясняетъ своего поступка; онъ говорилъ, что онъ это сдѣлалъ „такъ“, „такъ пришлось“ и т. п. Едва-ли онъ самъ могъ объяснить себѣ этотъ импульсъ.

Необразованные больные объясняютъ и навязчивыя желанія, и импульсивные акты, діавольскимъ навожденіемъ, электричествомъ; болѣе интеллигентные больные увѣряли меня, что они удивляются своимъ навязчивымъ желаніямъ и импульсивнымъ актамъ, что въ ихъ душѣ что то творится, имъ совсѣмъ чуждое и непонятное; ихъ что то тянетъ, что то толкнетъ.

Импульсивные акты весьма разнообразны; наибольшее практическое значеніе имѣютъ импульсивное пьянство, импульсивные поджоги, импульсивное воровство, и наконецъ импульсивное самоубійство. Нейропатъ, вообще не пьющій, или пьющій мало, вдругъ безъ всякаго видимаго повода начинаетъ пить, потому что не можетъ побороть свое стремленіе къ пьянству; опьяненіе не доставляетъ ему удовольствія, и онъ самъ удивляется почему его „потянуло“ къ вину. Импульсивные поджоги, почти исключительно, совершаются нейропатами

и больными въ періодъ полового созрѣванія; они сами не понимаютъ, зачѣмъ они совершаютъ такое ужасное преступленіе, не понимаютъ какая сила подвинула ихъ на это дѣяніе. Для насъ совершенно неясна связь между половымъ созрѣваніемъ и импульсами къ поджогу. Я думаю, что импульсивное воровство можно допускать только въ тѣхъ случаяхъ, когда украденное не нужно, и укравшій человекъ со средствами.

Вообще у психически здоровыхъ импульсивныхъ актовъ быть не можетъ; для признанія импульсивности поступковъ, нужно представить несомнѣнныя доказательства болѣзненнаго состоянія; только у больныхъ, у лицъ съ тяжело-патологической организаціей нервной системы, могутъ быть импульсивные акты. Нельзя отрицать, что разумное воспитаніе можетъ, въ значительной степени, вліять даже на этихъ лицъ; напротивъ распущенность способствуетъ появленію импульсивныхъ актовъ, потому что дурно воспитанныя, нравственно распущенныя лица мало борются съ своими стремленіями, привыкаютъ дѣлать все, что захочется. Такъ какъ больные чувствуютъ значительное облегченіе, совершивъ поступокъ, то для нихъ выгоднѣе, удобнѣе не бороться съ навязчивыми дѣйствіями, если даже они и могутъ противостоять импульсу. Только тяжело-больные, безусловно не могутъ бороться съ импульсами, и потому ихъ импульсивныя дѣйствія вполнѣ не зависятъ отъ личности, отъ „я“ больного.

Наивысшимъ проявленіемъ ослабленія воли или, даже можетъ быть ея полнымъ отсутствіемъ, мы должны считать автоматизмъ.

Автоматизмъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ полной подчиненности больного внѣшнимъ вліяніямъ, при отсутствіи проявленія собственной его воли. вмѣстѣ съ автоматизмомъ у этихъ больныхъ, обыкновенно наблюдается восковая гибкость (*Flexibilitas cerea*); ихъ членамъ можно придавать любое положеніе, при чемъ больные не обнаруживаютъ ни малѣйшаго сопротивленія; больные остаются въ приданномъ имъ положеніи

1) Въ работѣ „Объ импульсивныхъ актахъ“ (Вѣстникъ Судебной Медицины 1893 г.) я описалъ студента, совершившаго не менѣе четырнадцати поджоговъ; на одномъ пожарѣ смертельно ушибся его другъ, на другомъ пострадало его собственное имущество; наконецъ онъ поджогъ домъ, гдѣ жили его родители.

необычайно долго, во всякомъ случаѣ дольше, чѣмъ можетъ здоровый человѣкъ оставаться въ такомъ-же положеніи; больные или сами измѣняютъ приданное имъ положеніе, или-же члены ихъ падаютъ отъ изнеможенія. Автоматизмъ наблюдается при тяжкихъ заболѣваніяхъ — при истеріи, при кататоніи, при галлюцинаторномъ помѣшательствѣ, и наконецъ въ состояніи глубокаго гипноза.

Подражательный автоматизмъ наблюдается гораздо рѣже — почти исключительно при истеріи; онъ состоитъ въ томъ, что больной продѣлываетъ или повторяетъ движенія другого лица; врачъ поднимаетъ руку, то же дѣлаетъ и больной, врачъ дотрагивается до кончика своего носа, то же продѣлываетъ и больной. Какъ мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, больные умышленно повторяютъ движенія, съ какою то непонятною цѣлью, такъ что едва-ли можно считать это явленіе настоящимъ автоматизмомъ.

Родственнымъ автоматизму явленіемъ, мы должны считать эхололію (Echolalia), т. е. произвольное повтореніе услышанныхъ больнымъ словъ; особенно въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ эхололіи, больные весьма отчетливо повторяютъ слова и даже фразы на совершенно неизвѣстномъ имъ языкѣ.

Вмѣстѣ съ автоматизмомъ часто бываетъ стереотипія, явленіе, повидимому, родственное автоматизму; по всей вѣроятности, стереотипія можетъ быть только при полномъ угнетеніи воли. Стереотипія состоитъ въ часто повторяющейся, и на долго устанавливающейся одной и той-же формѣ мышечныхъ движеній. Больные удерживаютъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, дней и даже недѣль, одно и то же положеніе тѣла, не смотря на его неудобство; если пытаются измѣнить это положеніе, больные оказываютъ сопротивленіе, иногда очень сильное. Больные то стоятъ въ углу въ разѣ принятой позѣ, то неподвижно лежатъ на кровати, при чемъ иногда всѣ члены ихъ такъ напряжены, что больного можно перенести на другое мѣсто, ничуть не измѣнивъ состоянія его членовъ. Въ мускулатурѣ лица также наблюдается крайнее напряженіе, больные не произносятъ ни одного слова, не отвѣчаютъ ни на какіе вопросы (Mutacismus). Этотъ упорный мутацизмъ можетъ длиться нѣсколько мѣсяцевъ. Достоинно особаго вниманія, что больные оказываютъ лишь пассивное сопротивленіе, такъ что даже при сопротивленіи, они не проявляютъ активной дѣятельности. Когда такого больного подвергаютъ искусствен-

ному кормленію, онъ не оказываетъ активного сопротивленія, остается неподвижнымъ; трудно сказать, пріятно или непріятно больному это насиліе надъ нимъ; по выраженію лица нельзя заключить о ихъ чувствованіяхъ въ данную минуту.

Стереотипныя движенія весьма однообразны; это почти исключительно ненужные, безсмысленные акты; больные то прыгаютъ, то ходятъ съ необыкновенною точностью, какъ маятникъ изъ угла въ уголъ, то гримасничаютъ, то кувыркаются; нѣкоторые больные повторяютъ нѣсколько тысячъ разъ подрядъ одно и то-же движеніе, напр. поднимаютъ и опускаютъ руку, дѣлаютъ одну и ту же гримасу и т. п. Обыкновенно, больные оказываютъ сильное, но пассивное сопротивленіе, если имъ мѣшаютъ продолжать уже начатую серію стереотипныхъ движеній; напр. для того, чтобы помѣшать больному кувыраться черезъ голову, нужно, чтобы четыре человѣка его крѣпко держали; какъ только они выпускаютъ его изъ рукъ, онъ продолжаетъ кувыраться.

Стереотипія въ области рѣчи состоитъ въ томъ, что больные одно и то же слово, или одну и ту же фразу, нерѣдко совершенно безсмысленную, повторяютъ много разъ, иногда даже нѣсколько тысячъ разъ подрядъ. Это явленіе называется вербигерація (verbiggeratio); повтореніе одного и того-же слова или фразы въ письмѣ, бываетъ очень рѣдко.

Автоматизмъ и стереотипія наблюдается только при тяжкихъ душевныхъ расстройствахъ, внезапно возникаютъ, и также внезапно исчезаютъ, повидимому, совершенно независимо отъ внѣшнихъ условій. Нужно думать, что эти явленія обусловлены самостоятельнымъ возбужденіемъ головного мозга, причина котораго намъ остается неизвѣстной. Какъ я думаю, эти явленія зависятъ отъ самоотравленія, продукты котораго раздражаютъ головной мозгъ и, такимъ образомъ, вызываютъ автоматизмъ, стереотипію и вербигерацію. Какимъ образомъ происходятъ эти явленія въ состояніи глубокаго гипноза, мы рѣшительно не понимаемъ, но несомнѣнно, что онѣ возникаютъ лишь при глубокомъ угнетеніи воли.

У больныхъ, страдающихъ вторичнымъ слабоуміемъ, много привычныхъ, или приобрѣтенныхъ, по привычкѣ, движеній. Когда эти больные страдали острой душевной болѣзнію, какъ то меланхоліей, кататоніей, острымъ безсмысліемъ и т. д., то подъ вліяніемъ обмановъ чувствъ, идей бредъ, и наконецъ импульсивно, они совершали опредѣленные движенія, напр.

затыкали уши, стояли вытянувшись, махали руками и т. п.; затѣмъ обманы чувствъ и идеи бреда исчезли, но обусловленные ими движенія вошли въ привычку, и больной уже по привычкѣ, безъ всякой причины и цѣли, совершаетъ заученныя движенія, объяснить значеніе которыхъ онъ не можетъ. Больной, страдающій меланхоліей, вслѣдствіе своего мрачнаго настроенія, говоритъ тихо и медленно, ходитъ, согнувшись, съ опущенной головой. Когда меланхолія перешла во вторичное слабоуміе, привычка держать себя согбеннымъ, говорить медленно, укрѣпилась настолько, что слабоумный больной въ теченіи всей своей жизни имѣетъ жесты и видъ меланхолика. Точно также и въ теченіе маніи можетъ образоваться привычка держать себя, остающаяся на всю жизнь.

Очень часто мы не понимаемъ значенія движеній, поведенія и позъ вторично-слабоумныхъ именно потому, что причины ихъ движеній и жестовъ уже не существуетъ, а осталась лишь приобрѣтенная въ теченіи острой болѣзни привычка. Вслѣдствіе крайняго ослабленія воли, больной уже не можетъ отвыкнуть отъ приобрѣтенныхъ привычкой движеній и жестовъ, не можетъ выработать чего либо новаго, соотвѣтствующаго его настоящему психическому состоянію.

Также могущественно вліяніе привычки на все поведеніе; больной, привыкшій валяться цѣлые дни въ кровати, въ теченіи многихъ лѣтъ сохраняетъ эту привычку; точно также крайне прочна привычка къ неряшливости и нечистоплотности. Понятно, что слабоумные больные уже не могутъ руководиться правилами, почему привычка приобрѣтаетъ надъ ними громадную власть. Всѣ убѣжденія и совѣты измѣнить поведеніе остаются безсильными, потому что для больнаго легче, удобнѣе жить такъ, какъ онъ привыкъ. Онъ уже не имѣетъ достаточно силъ, чтобы измѣнить привычки, слѣдовать правиламъ и предписаніямъ.

Это обстоятельство имѣетъ большое практическое значеніе; для того, чтобы больные не усвоили себѣ дурныхъ привычекъ, необходимо уже въ теченіе острыхъ психозовъ, противодействовать развитію такихъ привычекъ, необходимо заблаговременно приучать больныхъ къ порядку, къ разумной дѣятельности, опрятности, и чистоплотности. Хорошія привычки имѣютъ такую-же власть, какъ и дурныя, а потому всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы больные приобрѣтали хорошія привычки. Благоустроенныя заведенія для душевно-

больныхъ оказываютъ громадное вліяніе на поведеніе вторично-слабоумныхъ, и пациенты такихъ заведеній отличаются отсутствіемъ дурныхъ привычекъ, столь частыхъ у больныхъ, уходъ за которыми былъ неудовлетворителенъ.

Полное угнетеніе воли бываетъ при крайнемъ неистовствѣ, когда больные совершаютъ цѣлый рядъ движеній, обусловленныхъ, нужно думать, непосредственнымъ раздраженіемъ психомоторныхъ центровъ. Такіе больные, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ, находятся въ непрерывномъ движеніи; движенія этихъ больныхъ имѣютъ видъ цѣлесообразныхъ и обдуманыхъ; больные прыгаютъ, кувыркаются, кричатъ, стучатъ руками по стѣнамъ и т. п. Движенія непрерывны, быстро слѣдуютъ однѣ за другими; больные не мотивируютъ своихъ дѣйствій; въ ихъ состояніе и невозможно мотивировать совершаемыя движенія, которыя уже не подчинены волѣ. Независимость этихъ движеній отъ воли доказывается и тѣмъ, что никто не можетъ произвольно совершать такую массу движеній; воля не можетъ обусловить такіа непрерывныя движенія и всегда симулянты, желая изображать буйство неистовыхъ, весьма быстро отказываются отъ своего намѣренія, такъ какъ и имъ самимъ и наблюдающимъ за ними лицамъ, очевидно ихъ неумѣніе продѣлывать все то, что продѣлываютъ больные.

Эти движенія могутъ считаться автоматическими, и по своей непрерывности, ловкости, продолжительности, они рѣзко отличаются отъ произвольныхъ.

Безспорно, что при этомъ больные проявляютъ изумительную ловкость, неутомимость и даже силу. Неловкіе, слабые и даже пожилые больные совершаютъ такіа ловкія движенія, проявляютъ, при этомъ такую силу и неутомимость, что можно лишь удивляться запасу ихъ силъ; безспорно, что до болѣзни эти больные при всемъ желаніи не могли двигаться такъ много, такъ долго, дѣлать такіе ловкіе прыжки. Когда этимъ больнымъ мѣшаютъ совершать такіа движенія, они оказываютъ сильное сопротивленіе, и только нѣсколько сильныхъ мужчинъ могутъ удерживать больного.

Едва-ли можно допустить нарастаніе силы при непосредственномъ возбужденіи психомоторныхъ центровъ, да нѣтъ и надобности въ такомъ допущеніи, такъ какъ и энергія, и ловкость движеній вполне объясняется анэглезіей; больные не чувствуютъ утомленія, не испытываютъ того жгучаго непріят-

наго чувствованія, которое переживаютъ здоровые, когда напрягаютъ сильно и долго свои мускулы.

Эти больные, очевидно, не испытываютъ непріятныхъ чувствованій, когда совершаютъ движенія, требующія крайняго напряженія всей мускулатуры, не испытываютъ утомленія, послѣ продолжительной работы мускулатуры. Какъ-бы мы не объясняли это явленіе, несомнѣнно, что при отсутствіи непріятныхъ чувствованій, вызываемыхъ у здоровыхъ энергическими и сильными движеніями, больные могутъ проявлять и необычайную для нихъ силу и удивительную неустойчивость.

Анаглезія проходитъ при наступленіи улучшенія въ состояніи больныхъ, и тогда больные чувствуютъ крайнее изнеможеніе, полную разбитость; это изнеможеніе длится почти такъ-же долго, какъ длился періодъ автоматическихъ движеній. Сами больные удивляются, какъ они могли совершать всѣ эти движенія, какъ могли такъ долго безъ всякаго отдыха находиться въ постоянномъ движеніи; они не понимаютъ, почему они длились, зачѣмъ совершали движенія. Нѣкоторые больные даже не помнятъ объ этомъ періодѣ болѣзни; тѣ же больные, которые помнятъ хотя отчасти о пережитомъ, говорили мнѣ, что ими длилась какая-то сила, что они двигались, когда даже не хотѣли двигаться.

Понятно, что между произвольными движеніями маньяка, у котораго ускорена смѣна представленій, и чисто автоматическими движеніями, существуетъ рядъ переходныхъ степеней; при быстрой смѣнѣ представленій облегченъ переходъ представленій въ движенія, что также указываетъ на ослабленіе воли. Маньякъ сейчасъ-же приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе; быстро переходитъ отъ одного поступка къ другому, но эти дѣйствія все-же имѣютъ характеръ волевыхъ. При нарастаніи болѣзни движенія безъ соотвѣстнаго представленія дѣлаются все чаще, и наконецъ движенія принимаютъ характеръ автоматическихъ.

Ввиду громаднаго значенія рѣчи въ нашей душевной жизни — Р. Janet говоритъ вполне вѣрно „l'homme n'est l'homme qu'en tant qu'il parle“, разстройства рѣчи имѣютъ большое значеніе¹⁾. Вообще мы должны обращать вниманіе не только на то, что говорить больной, но и какъ онъ говорить.

1) Principes de Metaphysique. Vol. II. p. 126.

Нужно замѣтить, что условія пользованія живою рѣчью суть слѣдующія: слышаніе словъ, произносимыхъ другими; пониманіе словъ, т. е. пониманіе того, что онѣ означаютъ, для чего необходимо ихъ узнаваніе, почему слова на чужомъ языкѣ нами не понимаются; сочетаніе представленія, обозначеннаго словомъ съ другими имѣющимися у насъ представленіями; воплощеніе представленія, составляющаго отвѣтъ на услышанное нами, въ слово; превращеніе звуковыхъ образовъ въ соотвѣтственныя имъ двигательныя представленія; иннервация мускуловъ, необходимая для произнесенія словъ.

Ввиду такой сложности рѣчи, ея разстройства должны быть и разнообразны и многочисленны.

Идіоты или совершенно не обладаютъ никакой рѣчью, или обладаютъ болѣе или менѣе несовершенной; вся ихъ рѣчь иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ жестовъ и сочленованныхъ звуковъ, которыми они выражаютъ испугъ, голодъ и т. п.

При менѣе тяжкомъ идиотизмѣ, рѣчь развивается настолько, что больные могутъ повторять отдѣльныя слова; они, какъ эхо, повторяютъ послѣднее слово изъ фразы, вблизи ихъ произнесенной, совершенно не понимая, что значитъ повторенное ими слово.

Идіоты, способные къ нѣкоторому развитію, усваиваютъ рѣчь, состоящую изъ нѣсколькихъ словъ, обозначающихъ самые обыденные предметы; они произносятъ это слово, когда нуждаются въ данномъ предметѣ.

При тяжкомъ врожденномъ слабоуміи, запасъ словъ оказывается весьма ограниченнымъ; больные не знаютъ словъ, обозначающихъ абстрактныя понятія; они могутъ заучить эти слова, но не могутъ понять, что они обозначаютъ, и потому скоро забываютъ слова, лишенныя для нихъ значенія. Фразы у такихъ больныхъ, всегда очень коротки, состоятъ изъ двухъ, много четырехъ словъ; только съ большимъ трудомъ, они запоминаютъ сложныя фразы, и легко ихъ забываютъ.

Самое частое разстройство въ формѣ рѣчи, это измѣненіе ея темпа, т. е. ускореніе и замедленіе рѣчи.

Замедленіе рѣчи наблюдается гораздо чаще, чѣмъ ея ускореніе. Большинство слабоумныхъ говоритъ медленно, отрывочно, съ большими паузами. Понятно, что больные съ малымъ запасомъ представленій, съ ослабленной сочетательной дѣятельностью представленій, говорятъ медленно и отрывочно. Нѣкоторые больные въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ограничи-

ваются лишь краткими односложными отвѣтами на предлагаемые имъ вопросы, и сами заговариваютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, т. е. когда они голодны, когда у нихъ что-либо болитъ. Уже изъ этого видно, какъ необходимъ разумный уходъ даже за слабоумными больными; при неумѣломъ уходѣ нѣкоторые слабоумные больные, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совершенно отвыкаютъ говорить, и потомъ отъ нихъ нельзя добиться даже односложныхъ отвѣтовъ.

Нѣкоторые больные говорятъ не только медленно, но и пропуская слова, неправильными фразами, понять смыслъ которыхъ можно, лишь зная этихъ лицъ. Полная утрата рѣчи при вторичномъ слабоуміи указываетъ на полный распадъ душевной жизни.

Замедленіе рѣчи наблюдается при меланхоліи; чѣмъ тяжелѣе заболѣваніе, тѣмъ медленнѣе, монотоннѣе и тише говорить больной.

Полное молчаніе (*Mutacismus*) при очевидной возможности говорить, наблюдается у меланхоликовъ, параноиковъ и кататониковъ; оно обусловлено или крайне мрачнымъ настроеніемъ, отчаяніемъ, или обманами чувствъ и идеями бреда, или наконецъ крайней апатіей. Нѣкоторые меланхолики, по выздоровленіи, заявляли мнѣ, что они молчали, потому что чувствовали себя такъ дурно, что говорить имъ было тяжело. Вполнѣ понятно, что подъ вліяніемъ угрожающихъ обмановъ чувствъ, больные подолгу молчатъ; больные слышатъ голоса, запрещающіе имъ говорить.

Наименѣе понятно полное молчаніе при кататоніи; по-видимому у этихъ больныхъ воля настолько угнетена, что они даже не могутъ произвести усилія, необходимаго для произнесенія словъ. Упорное молчаніе больного, не страдающаго тяжелой меланхоліей, и слабоуміемъ, даетъ намъ право предполагать идеи бреда или обманы чувствъ. Такъ какъ у большинства больныхъ, молчавшихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, развивается вторичное слабоуміе, то причина молчанія намъ остается неизвѣстной.

Понятно, что молчаніе больныхъ крайне затрудняетъ ихъ изслѣдованіе, и нерѣдко лишаетъ насъ возможности понять состояніе больного. Молчаніе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ можетъ быть обусловлено только бредовыми идеями.

Ускореніе рѣчи наблюдается гораздо рѣже, чѣмъ ея замедленіе; оно бываетъ вообще при психическомъ возбужденіи.

Ускоренная, но вполне правильная рѣчь наблюдается лишь при маніи и истеріи; больные говорятъ быстро, красиво, правильно, съ интонаціей. При значительномъ ускореніи рѣчи у маньяковъ и истеричныхъ, а у другихъ больныхъ и вообще при ускореніи, всегда утрачивается ея правильность. При сильномъ возбужденіи прекращается всякое грамматическое соединеніе словъ въ предложенія.

Вообще ускоренная рѣчь душевно-больнаго рѣзко отличается отъ ускоренной рѣчи опытныхъ ораторовъ и артистовъ, неправильностью построенія, отсутствіемъ паузъ.

Гораздо рѣже мы наблюдаемъ патетическую рѣчь; она характерна для параноиковъ въ состояніи экстаза; особенно патетична рѣчь параноиковъ съ религіозными идеями бреда. Такая рѣчь можетъ даже производить впечатлѣніе и вліять на простодушныхъ слушателей. Параноикъ, считающій себя пророкомъ, говоритъ съ пафосомъ, рѣчь его течетъ плавно, сопровождается выразительными мимикой и жестами; въ тонѣ голоса звучитъ глубокое убѣжденіе. Нѣкоторые больные удивляли меня своею неутомимостью; болѣе часа они могутъ говорить громко, выразительно, и въ ихъ голосѣ не замѣчается утомленія.

Тривиальной рѣчью называютъ рѣчь, похожую на дѣтскую, уснащенную разными уменьшительными именами; обыкновенно больные, говорящіе тривиальною рѣчью, измѣняютъ свой голосъ, какъ-бы разыгрываютъ и весьма неудачно, роль ребенка.

Синтакстическіе недостатки дикціи наблюдаются у параноиковъ и вторично слабоумныхъ. Они состоятъ въ неупотребительной разстановкѣ словъ, въ спряженіи существительныхъ, или же въ онуканіи всякаго склоненія и спряженія; больные самымъ фантастическимъ образомъ строятъ фразы изъ глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи и именъ существительныхъ. Такая рѣчь можетъ показаться бессмысленнымъ наборомъ словъ, но вслушиваясь въ то, что говоритъ больной, мы находимъ, что больной лишь своеобразнымъ образомъ высказываетъ мысли, не лишенные содержанія.

Нѣкоторые больные вырабатываютъ новыя слова, которыми и пользуются долгое время; обыкновенно больной придумываетъ всего лишь нѣсколько словъ; чаще однако они лишь употребляютъ слова въ другомъ смыслѣ, или пользуются

собственными именами для обозначенія предметовъ. Трудно объяснять механизмъ этого явленія.

Многіе душевно-больные пишутъ также какъ и здоровые, и, просматривая ихъ переписку, невозможно составить представленіе о ихъ болѣзни. Поэтому вполне разумная и правильная по формѣ переписка лица вовсе не доказываетъ его психическаго здоровья.

Нѣкоторые больные пишутъ также неправильно, какъ и говорятъ; въ ихъ письмѣ отражается ихъ душевное состояніе.

Наиболѣе характерно писаніе паралитиковъ; пропускъ буквъ, слоговъ, фразъ часто встрѣчается въ написанномъ этими больными; вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются повторенія, ненужныя отступленія. Все письмо написано часто весьма небрежно, иногда на клочкѣ бумаги; почеркъ размашистъ, неразборчивъ, строки неровны; часто нѣкоторые слова подчеркнуты, написаны крупными буквами.

Маньяки пишутъ очень быстро, и потому неразборчиво, разгонисто, любятъ вычурныя выраженія, восклицательные и вопросительные знаки. Странныя выраженія, намеки, подчеркиванія, не у мѣста стихи, и даже собственнаго произведенія, цвѣтистость рѣчи, и страшное многословіе характерно для параной и для лицъ, съ патологической организаціей нервной системы.

Lombroso обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые лица съ патологической организаціей нервной системы, обладаютъ удивительною страстью писать безконечно длинныя разсужденія, и вмѣсто нѣсколькихъ фразъ, которыми можно вполне выразить всѣ ихъ мысли, исписываютъ цѣлыя страницы. У насъ, по понятнымъ причинамъ, нѣтъ еще литературы такихъ лицъ, называемыхъ французскими психіатрами высшими выраждающими, но въ Германіи и Италіи я видѣлъ цѣлыя коллекціи брошюръ и книгъ, написанныхъ высшими вырождающими, т. е. лицами съ патологической организаціей нервной системы и параноиками. Эти творенія отличаются поразительнымъ многословіемъ, вычурностью и даже оригинальничіемъ; то книга по формату отличается отъ обыкновенныхъ; напр. шириною въ три вершка, или наоборотъ въ ширину съ полъ-аршина, и въ длину не болѣе четверти, то книга напечатана на красной бумагѣ; то книга напечатана различными шрифтами: нѣсколько словъ напечатаны мелкимъ шрифтомъ, нѣкоторые слова самымъ крупнымъ, нѣкоторые слова

обыкновеннымъ и т. д., слова, на которыя авторъ хотѣлъ обратить вниманіе напечатаны буквами, стоящими другъ отъ друга далеко и т. п. Такія лица особенно охотно пишутъ по философіи, о „тайныхъ“ наукахъ (окультизмъ, спиритизмъ и т. п.) и о политикѣ. Само собою разумѣется, что по содержанію эти сочиненія свидѣлствуютъ о болѣзни ихъ авторовъ.

Писанія слабоумныхъ по своей безсодержательности, ошибкамъ, бѣдности мысли обнаруживаютъ распадъ душевныхъ силъ ихъ авторовъ, хотя конечно и больной, пораженный глубокимъ слабоуміемъ, можетъ написать нѣсколько строкъ вполне правильно, если кто-либо будетъ ему помогать въ этой работѣ.

Поэтому еще разъ считаю необходимымъ замѣтить, что по рукописямъ очень трудно судить о состояніи больныхъ; правильно и разумно написанное письмо не можетъ служить доказательствомъ психическаго здоровья писавшаго, и только явныя отступленія въ формѣ написаннаго указываютъ на болѣзнь писавшаго. Ввиду того, что по крайней мѣрѣ, пока у насъ лишь очень немногіе хорошо грамотны, писанія больныхъ не имѣютъ большаго значенія; остается прибавить, что, какъ я въ томъ неоднократно убѣждался, у насъ особенною страстью къ многописанію отличаются малоучившіеся больные.

Особенно большое значеніе имѣетъ изслѣдованіе рукописей при обсужденіи вопроса о дѣйствительности духовнаго завѣщанія вслѣдствіи болѣзни завѣщателя; изученіе рукописей покойника иногда даетъ цѣнный матерьялъ для сужденія о состояніи его здоровья.

Мы еще такъ мало знаемъ законы мимики, что разстройства послѣдней не поддаются описанію. Вообще почти у всѣхъ душевно-больныхъ мимика разстроена. Чаше бываетъ недостаточность мимики, и вообще выразительныхъ движеній. При глубокомъ слабоуміи, мимическія движенія такъ слабы и недостаточны, что даже тяжелыя физическія страданія не сопровождаются измѣненіемъ мимики; ни по выраженію лица, ни по выразительнымъ движеніямъ, нельзя судить о томъ, что чувствуетъ больной. Лицо, неподвижное какъ маска, не измѣняетъ своего выраженія ни при свиданіи больного съ родными, ни при физическихъ страданіяхъ. Въ менѣ тяжелыхъ случаяхъ сильныя раздраженія нѣсколько измѣняютъ выраженіе лица, сопровождаются слабыми мимическими движеніями; на

лицѣ больного замѣчается вялая улыбка, лицо имѣетъ довольное выраженіе, когда больному даютъ его любимое блюдо; невкусное лекарство вызываетъ слабую гримасу.

Вообще у слабоумныхъ мимическія движенія слабы, и лицо поражаетъ отсутствіемъ выраженія, тупостью; такъ какъ только сильныя удовольствія и страданія сопровождаются мимическими движеніями, то обычно, лицо больного неподвижно. При нѣкоторомъ навыкѣ, по выраженію лица, по слабости мимическихъ движеній, можно узнавать слабоумныхъ больныхъ.

Мимика меланхолика весьма своеобразна; вся фигура, а особенно выраженіе лица, свидѣтельствуетъ о мрачномъ настроеніи больного; одного взгляда на больного достаточно, чтобы судить о его настроеніи. Чѣмъ тяжелѣе меланхолія, тѣмъ выразительнѣе мимика больного, и на нѣкоторыхъ больныхъ нельзя смотрѣть равнодушно, такъ ясно запечатлѣно на ихъ лицѣ ихъ страданіе. Когда меланхолія переходитъ въ вторичное слабоуміе, измѣняется и мимика больныхъ; лицо больныхъ все меньше выражаетъ страданіе; выраженіе вида становится глупымъ, взглядъ „пустымъ“.

Усиленная мимика наблюдается въ состояніяхъ возбужденія, и при повышенномъ настроеніи духа. Особенно жива и выразительна мимика при истеріи; иногда выразительность лица, быстрая смѣна выраженій различныхъ душевныхъ состояній удивляетъ наблюдателя. Особенно обращаетъ вниманіе усиленіе мимики у необразованныхъ, грубыхъ людей; болѣзнь совершенно преобразуетъ ихъ лица, дѣлаетъ ихъ выразительными и даже красивыми.

Повышенное настроеніе духа сопровождается соответственной мимикой; вся фигура, выраженіе лица свидѣтельствуютъ о хорошемъ настроеніи больного; лицо больного выражаетъ блаженство.

Такъ какъ нѣкоторые больные скрываютъ свои идеи бреда, и даже совершенно ничего не говорятъ о своемъ состояніи, мы должны обращать особое вниманіе на мимику больныхъ, чтобы хотя отчасти понять, что чувствуетъ, и что думаетъ больной. Внимательное наблюденіе мимики больныхъ необходимо и для того, чтобы открыть симуляцію, а слѣдовательно имѣть большое значеніе по отношенію ко всѣмъ испытуемымъ больнымъ. Весьма немногіе настолько владѣютъ своею мимикой, чтобы произвольно и надолго измѣнять выраженіе лица, а потому несоотвѣтствіе мимики съ заявленіями больного даетъ

намъ возможность уличить симулянта. Симулянтъ, изображающій меланхолика, не можетъ придать своему лицу и всей фигурѣ выраженія, характернаго для меланхоліи; также не можетъ симулянтъ, изображающій маньяка, придать выраженію своего лица подвижность и благодушіе. Мнѣ чаще всего приходилось видѣть симулянтовъ, изображавшихъ слабоуміе, но выраженіе ихъ лица настолько противорѣчило той роли, которую они разыгрывали, что не трудно было убѣдиться въ симуляціи. Конечно, не легко, если даже это и возможно, придать лицу ту тупость, ту невыразительность, которыя характерны для слабоумія. Я думаю, что вполне невозможно по произволу измѣнять выраженіе глазъ; печальный взглядъ меланхолика, живой, искрящійся маньяка, „пустой“ слабоумнаго, такъ своеобразны, что едва-ли можно обмануть врача, изучившаго выраженіе глазъ душевно-больныхъ. Къ сожалѣнію ни описать, ни передать на фотографіи характерныхъ выраженій глазъ нельзя; ихъ нужно изучать въ клиникахъ.

Глава VII.

Разстройства организма при душевныхъ болѣзняхъ.

Соматическія измѣненія при душевныхъ болѣзняхъ, до сихъ поръ, намъ извѣстны очень мало; хотя несомнѣнно, что при душевныхъ болѣзняхъ должны быть опредѣленныя, стоящія въ связи съ психическими разстройствами, соматическія измѣненія, но онѣ недоступны нашимъ методамъ изслѣдованія. Всѣ попытки опредѣлить измѣненія пульса, состава мочи, желудочнаго сока и т. п. остались почти безъ результата. Мы знаемъ, что въ организмѣ при душевныхъ болѣзняхъ происходятъ глубокія измѣненія, потому что у душевно-больныхъ вѣсъ значительно измѣняется, и пока изъ всѣхъ соматическихъ измѣненій, намъ доступно лишь опредѣленіе состоянія вѣса.

Вѣсъ даетъ намъ весьма цѣнныя указанія о состояніи больныхъ. У многихъ больныхъ вѣсъ не измѣняется, и если наблюдаются небольшія колебанія, то онѣ всецѣло зависятъ отъ внѣшнихъ причинъ т. е. отъ питанія, образа жизни больного и т. п. Если вѣсъ не измѣняется, то обыкновенно при этомъ состояніе больного остается неизмѣненнымъ; понятно, что при врожденномъ слабоуміи вѣсъ не измѣняется: душевное состояніе больного остается неизмѣннымъ.

Паденіе вѣса свидѣтельствуетъ о развитіи болѣзни, о нарастаніи патологическаго процесса; чѣмъ быстрее падаетъ вѣсъ, тѣмъ острѣе развивается болѣзнь; въ нѣкоторыхъ случаяхъ больные теряютъ до 10 ф. въ недѣлю, несмотря на удовлетворительное, и даже усиленное, питаніе. Обычно большія потери въ вѣсѣ бываютъ при отказѣ отъ пищи, бессонницѣ

буйствѣ и крайне мрачномъ настроеніи духа, но у нѣкоторыхъ больныхъ уменьшается вѣсъ, въ силу внутреннихъ, неизвѣстныхъ намъ причинъ. Самое прекрасное питаніе и полный покой, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, напр. прогрессивномъ параличѣ и истеріи не могутъ остановить паденія вѣса. Если паденіе вѣса зависитъ только отъ недостаточнаго принятія пищи, нѣтъ основанія опасаться за исходъ, но если, не смотря на всѣ принятія мѣры, вѣсъ постепенно падаетъ, предсказаніе ухудшается. Я думаю, что опасность достигаетъ крайней степени, если больной теряетъ половину своего вѣса, напр. если больной, вѣсившій до болѣзни 200 фунтовъ, теряетъ 100 фунтовъ, слѣдуетъ ожидать смертельнаго исхода. Исключеніе изъ этого правила я наблюдалъ лишь при истеріи.

Поднятіе вѣса, особенно постепенное въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, указываетъ, или на улучшеніе, или, по крайней мѣрѣ, на остановку въ развитіи процесса. Особенно ясно громадное значеніе этого явленія въ случаяхъ удачнаго примѣненія антисифилитическаго леченія; послѣ назначенія такого леченія, замѣчается наростаніе вѣса, и затѣмъ становится очевиднымъ улучшеніе въ состояніи больного. Хотя вообще поднятіе вѣса указываетъ на улучшеніе въ состояніи больного, наростаніе вѣса не можетъ считаться вѣрнымъ признакомъ поправленія, потому что при переходѣ острой душевной болѣзни въ вторичное слабоуміе, обычно наблюдается наростаніе вѣса; необходимо тщательное наблюденіе, чтобы выяснить значеніе наростанія вѣса. Если больной тупѣетъ, умственная жизнь гаснетъ, выраженіе лица становится глупымъ, поднятіе вѣса указываетъ на переходъ во вторичное слабоуміе.

У вторично слабоумныхъ вѣсъ вообще мѣняется мало, и потому взвѣшиваніе не имѣетъ большаго значенія. Однако взвѣшиваніе, по возможности, разъ въ недѣлю, даже неизлѣчимыхъ больныхъ необходимо для того, чтобы слѣдить за соматическимъ состояніемъ этихъ больныхъ. Дѣло въ томъ, что громадное большинство неизлѣчимыхъ больныхъ, не могутъ относиться внимательно къ своему здоровью, и потому не заявляютъ врачу о болѣзненныхъ ощущеніяхъ, ими испытываемыхъ, почему очень трудно своевременно замѣчать у нихъ развивающіяся соматическія болѣзни. При систематическомъ взвѣшиваніи, врачъ всегда можетъ своевременно подмѣтить измѣненія въ соматическомъ состояніи; если вѣсъ въ теченіи недѣли упалъ на три фунта, а тѣмъ болѣе, если такое-же

паденіе повторилось и въ слѣдующую недѣлю, объективное изслѣдованіе обнаруживаетъ причины такого паденія; въ случаѣ, если изслѣдованіе не обнаруживаетъ причины паденія вѣса, необходимо больного подвергнуть тщательному наблюденію, и даже перевести его въ наблюдательное отдѣленіе. Поэтому необходимо взвѣшивать еженедѣльно всѣхъ больныхъ и обращать большое вниманіе на состояніе ихъ вѣса.

Самыя большія колебанія вѣса наблюдаются при истеріи; паденіе вѣса въ теченіи нѣсколькихъ недѣль на 50⁰%, а также его значительное поднятіе, въ теченіи сравнительно короткаго періода времени, не имѣютъ особаго значенія при этой болѣзни; по крайней мѣрѣ, мы не понимаемъ этого значенія. Вѣсъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неудержимо падаетъ, при чемъ состояніе больной представляется вполне удовлетворительнымъ; точно также наростаніе вѣса, иногда, не соответствуетъ общему состоянію. Такъ что, вышеизложенное относительно измѣненій вѣса, оказывается вѣрнымъ далеко не во всѣхъ случаяхъ истеріи. Необходимо замѣтить, что при поступленіи очень бѣдныхъ больныхъ въ благоустроенную больницу, вѣсъ подымается даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда состояніе больныхъ не улучшается; поднятіе вѣса объясняется сравнительно хорошей пищей; долго голодавшіе больные въ первое время пребыванія въ больницѣ ѣдятъ гораздо лучше, чѣмъ дома.

Соматическія измѣненія въ связи съ душевной болѣзнію наблюдаются лишь при нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ; при другихъ напротивъ никакихъ разстройствъ въ соматической сферѣ не бываетъ. Слѣдовательно всѣ душевныя болѣзни могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: первую составляютъ душевныя болѣзни, при которыхъ бываютъ и соматическія разстройства; вторую составляютъ душевныя болѣзни, при которыхъ никакихъ соматическихъ разстройствъ не бываетъ. Уже при поверхностномъ осмотрѣ заведенія душевно-больныхъ, можно прити къ заключенію, что большинство душевно-больныхъ, имѣетъ видъ физически здоровыхъ и меньшинство физически больныхъ или, по меньшей мѣрѣ, хилыхъ и истощенныхъ.

При врожденномъ и вторичномъ слабоуміи и паранойе никакихъ физическихъ разстройствъ не бываетъ; конечно и у этихъ больныхъ могутъ быть соматическія болѣзни, но онѣ не стоятъ въ связи съ душевнымъ недугомъ. При дурномъ уходѣ и недостаточномъ питаніи, эти больные имѣютъ болѣзненную видъ, но при хорошемъ уходѣ и удовлетворительномъ

питаніи, по своему физическому здоровью, они не отличаются отъ психически здоровыхъ. Больные, страдающіе тяжкимъ слабоуміемъ, могутъ пользоваться удовлетворительнымъ здоровьемъ, лишь при очень хорошемъ уходѣ: они не могутъ заботиться о себѣ, недоѣдаютъ и объѣдаются, нечистоплотны, подвергаютъ себя вредному дѣйствию холода, почти всѣ очень лѣнны и мало подвижны. Такимъ образомъ у больныхъ этой группы нѣтъ соматическихъ разстройствъ, параллельныхъ психическимъ; они могутъ быть вполне здоровы и достигаютъ глубокой старости.

Прогрессивный параличъ, слабоуміе вслѣдствіе органическаго пораженія мозга, старческое слабоуміе, острый бредъ, хроническій алкоголизмъ, меланхолія, манія, первичное излечимое слабоуміе, острое безсмысліе, періодическіе психозы, эпилептическое и истерическое помѣшательство суть болѣзни, при которыхъ всегда вмѣстѣ съ психическими разстройствами происходятъ и соматическія. Послѣднія нами изучены очень мало, что конечно прежде всего объясняется крайней трудностью изслѣдовать физическое состояніе душевно больныхъ. Соматическія измѣненія при душевныхъ болѣзняхъ намъ представляются однообразными; они трудно уловимы и не поддаются описанію.

Опытный психіатръ уже по наружному виду больного часто отгадываетъ болѣзнь, но пока еще никто не описалъ ясно и убѣдительно соматическія измѣненія при душевныхъ болѣзняхъ. Безспорными доказательствами соматическихъ разстройствъ у всѣхъ этихъ больныхъ служатъ паденіе вѣса и общій видъ. При взвѣшиваніи этихъ больныхъ всегда оказывается, что ухудшеніе психическаго состоянія совпадаетъ съ паденіемъ вѣса; какъ-бы хорошо мы не кормили больныхъ, но вѣсъ всегда падаетъ параллельно съ ухудшеніемъ психическаго состоянія. Можно конечно спорить, что наступаетъ ранѣе паденіе вѣса или ухудшеніе психическаго состоянія, или-же поднятіе вѣса и улучшеніе психическаго состоянія, но этотъ вопросъ не разрѣшитъ при современныхъ методахъ изслѣдованія. Извѣстно, что иногда у больного вѣсъ начинаетъ прибывать, когда еще не замѣтно никакого улучшенія его душевнаго состоянія; и только спустя нѣсколько недѣль мы дѣйствительно убѣждаемся, что больному лучше; въ другихъ случаяхъ поднятіе вѣса наблюдаемъ позже того, какъ мы замѣтили улучшеніе психическаго состоянія. Измѣненія вѣса

на сколько я могъ убѣдиться у всѣхъ больныхъ, за исключеніемъ истеричныхъ, соотвѣтствуютъ измѣненіямъ психическаго состоянія, хотя намъ и непонятны законы, отъ которыхъ зависятъ эти измѣненія.

Вмѣстѣ съ всѣмъ измѣняется и общій видъ больныхъ; я понимаю, насколько неопредѣленно выраженіе „общій видъ“, но я не знаю болѣе опредѣленнаго выраженія; по общему виду также можно судить о состояніи больныхъ. Во первыхъ, по общему виду, въ большинствѣ случаевъ, можно отличить прогрессивный параличъ и слабоуміе вслѣдствіи органическаго пораженія мозга, отъ всѣхъ другихъ болѣзней. У первыхъ цвѣтъ, и выраженіе лица свидѣтельствуютъ о глубокомъ упадкѣ питанія, рѣзкомъ, тяжкомъ пораженіи всей нервной системы. Я увѣренъ, что только путемъ навыка можно научиться дѣлать это различіе, и потому настоятельно совѣтую обращать вниманіе на общій видъ больныхъ; кто послѣдуетъ этому совѣту, тотъ скоро научится различать по общему виду больныхъ, страдающихъ прогрессивнымъ параличемъ и *dementia e laesione cerebri organica*. Также своеобразенъ общій видъ больныхъ, страдающихъ эпилептическимъ помѣшательствомъ и истерическимъ помѣшательствомъ; кто обращалъ вниманіе на общій видъ больныхъ, тотъ въ большинствѣ случаевъ, отличить эпилептика отъ истерика.

Менѣе своеобразенъ общій видъ при другихъ душевныхъ болѣзняхъ, но всѣ они, за исключеніемъ больныхъ, страдающихъ маніей, имѣютъ истощенный, угнетенный видъ. При маніи и вообще при возбужденіи душевно-больные выглядятъ даже лучше, чѣмъ до заболѣванія; цвѣтъ лица этихъ больныхъ свѣжій, здоровый, щеки покрыты румянцемъ, глаза блестятъ, вся фигура, дышетъ здоровьемъ. Возбужденные больные, можно сказать, красивы.

Сонъ у слабоумныхъ вообще вполне нормаленъ; у больныхъ, страдающихъ острыми душевными болѣзнями, наблюдаются различныя разстройства сна. У нѣкоторыхъ больныхъ сонъ болѣе продолжителенъ чѣмъ у здоровыхъ; но это разстройство наблюдается рѣдко; при излечимомъ слабоуміи, кататоніи, при прогрессивномъ параличѣ, при *dementia e laesione cerebri organica*, при періодическомъ помѣшательствѣ, наблюдается продолжительный сонъ; то же самое слѣдуетъ сказать про истерію.

Безсонница составляетъ тяжелый и частый симптомъ

многихъ душевныхъ болѣзней. Больные, страдающіе запойнымъ бредомъ, обыкновенно страдаютъ весьма упорной бессонницей; нѣкоторые больные совершенно теряютъ сонъ, и по нѣсколько сутокъ подъ рядъ, не смыкаютъ глазъ. При мани и меланхоли сонъ обыкновенно разстроенъ; больные спятъ мало, поверхностно, поздно засыпаютъ, и часто просыпаются. Также бессонница наблюдается и при другихъ болѣзняхъ; вообще бессонница бываетъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ тяжелѣе душевная болѣзнь. Съ ухудшеніемъ состоянія больного, обыкновенно наблюдается и ухудшеніе сна.

Въ продромальномъ періодѣ многихъ душевныхъ болѣзней всегда сонъ бываетъ разстроенъ; старческому слабоумію обыкновенно предшествуетъ въ теченіи долгаго времени упорная бессонница.

Такъ какъ упорная бессонница нерѣдко бываетъ въ продромальномъ періодѣ многихъ душевныхъ болѣзней, то появленіе бессонницы у субъекта, прежде хорошо спавшаго, всегда указываетъ на необходимость самаго тщательнаго изслѣдованія. Недостаточный сонъ, часто повторяющаяся бессонница бываютъ у многихъ нейропатовъ, неврастениковъ и вообще у нервныхъ субъектовъ. Эти лица уже съ молодости жалуются на дурной сонъ, и этотъ симптомъ въ такихъ случаяхъ не можетъ возбуждать большихъ опасеній. Совершенно другое значеніе имѣетъ этотъ симптомъ, если онъ появляется у лица, прежде спавшаго удовлетворительно; особенно грозное значеніе онъ имѣетъ у лицъ, перенесшихъ сифилисъ. Если у лица, прежде спавшаго хорошо, развивается упорная бессонница, необходимо тотчасъ-же приступить къ настойчивому леченію. Полный покой, улучшенное питаніе, гидротерапія, снотворныя во многихъ случаяхъ, оказываютъ хорошее дѣйствіе.

Бессонница, у лицъ, перенесшихъ сифилисъ, уступаетъ только специфическому леченію. Еще болѣе грозное значеніе имѣетъ бессонница, соединенная съ неудержимою потребностью спать нѣсколько разъ въ теченіи дня; эти больные спятъ въ теченіи ночи отъ двухъ до пяти часовъ, и при томъ, не подъ рядъ, а съ большими перерывами, затѣмъ въ теченіи дня засыпаютъ на нѣсколько минутъ два три раза; они засыпаютъ во время занятій, среди разговора, за обѣдомъ и т. п. Этотъ симптомъ чаще всего бываетъ въ продромальномъ періодѣ прогрессивнаго паралича, слабоумія вслѣдствіе органическаго пораженія мозга, и старческаго слабоумія.

Необходимо замѣтить, что многіе больные не сообщаютъ сами врачу о своей безсонницѣ, и потому врачъ всегда долженъ самъ разспросить больного о состояніи его сна. Чѣмъ медленнѣе развивается болѣзнь, тѣмъ болѣе исподволь развивается и безсонница; больной свыкается съ безсонницей и не заявляетъ о ней врачу; слѣдовательно въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ этотъ симптомъ остается, какъ-бы, незамѣченнымъ.

Ослабленіе и потеря аппетита рѣдкій и непродолжительный, но крайне тяжелый симптомъ душевной болѣзни. Онъ бываетъ обыкновенно въ продромальномъ и первомъ періодѣ болѣзней второй группы, за исключеніемъ прогрессивнаго паралича и *dementia e laesione cerebri organica*. При двухъ послѣднихъ болѣзняхъ упорнаго, продолжительнаго отказа отъ пищи не бываетъ; конечно возбужденные больные ѣдятъ мало, но всегда можно выбрать время, когда паралитикъ покушаетъ достаточно, и мнѣ ни разу не приходилось прибѣгать къ искусственному кормленію при этихъ болѣзняхъ. При другихъ болѣзняхъ второй группы отказъ отъ пищи можетъ быть такъ упоренъ, что необходимо искусственное кормленіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказъ отъ пищи длится цѣлыми мѣсяцами, и даже болѣе года. Ослабленіе аппетита очень частый симптомъ въ началѣ болѣзни, и вообще при острыхъ тяжелыхъ психозахъ.

Вообще-же душевно-больные имѣютъ хорошій аппетитъ и во всѣхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, больные охотно и много кушающіе, составляютъ значительное большинство. Многіе больные неразборчивы въ пищѣ и очень легко примиряются съ пищей, которой-бы не стали кушать до болѣзни. Лишь очень рѣдко наблюдается настоящее усиленіе аппетита; такіе больные набрасываются съ жадностью на все съѣстное и трудно ихъ насытить, не рискуя нарушить правилъ діэтики.

Въ сожалѣнію пока мы такъ мало знаемъ о соматическихъ расстройствахъ, параллельныхъ психическимъ, что всѣ изслѣдованія о пульсѣ, дыханіи и температурѣ имѣютъ только чисто научный интересъ, но не имѣютъ практическаго значенія. То же самое слѣдуетъ сказать и объ изслѣдованіи мочи у душевно-больныхъ. Несомнѣнно, что усвоеніе измѣняется при нѣкоторыхъ психическихъ болѣзняхъ; во первыхъ при подавленномъ и мрачномъ настроеніи, усвоеніе происходитъ иначе, и во всякомъ случаѣ, недостаточно, во вторыхъ усвоеніе измѣняется при

прогрессивномъ параличѣ. Но пока мы не знаемъ, въ чемъ состоятъ эти измѣненія и отъ чего, собственно, они зависятъ.

Разстройства отдѣлительныхъ функцій мало изучены; еще менѣе изучено ихъ значеніе, и потому здѣсь можно ограничиться лишь краткимъ перечисленіемъ этихъ разстройствъ. Эти разстройства бывають лишь при острыхъ психозахъ; при врожденномъ и вторичномъ слабоуміи, ихъ, обыкновенно, не бываетъ.

Отдѣленіе слезъ у меланхоликовъ обыкновенно уменьшено, или даже, совершенно прекращено; этотъ симптомъ имѣетъ значеніе потому, что отдѣленіе слезъ при плачѣ у меланхоликовъ восстанавливается не ранѣе начала выздоровленія.

Отдѣленіе слюны у меланхоликовъ бываетъ болѣе или менѣе уменьшено, и увеличено у нѣкоторыхъ маньяковъ. Особенно увеличивается отдѣленіе слюны при кататоніи; просто невѣроятно, сколько слюны отдѣляютъ нѣкоторые кататоники. Пока мы еще не знаемъ, чѣмъ объяснить эти явленія, т. е. не знаемъ зависитъ ли усиленное отдѣленіе слюны отъ возбужденія корковыхъ центровъ слюноотдѣленія, или-же отъ раздраженія *chorda timpani*.

Понятно какое большое значеніе имѣють измѣненія въ количествѣ и качествѣ мочи; къ сожалѣнію всѣ изслѣдованія въ этомъ направленіи пока не дали точныхъ и цѣнныхъ результатовъ. Весьма вѣроятно, что при меланхоліи и вообще при подавленномъ состояніи, количество мочи уменьшено, но такъ какъ это объясняется тѣмъ, что эти больные пьютъ мало, то фактъ, самъ по себѣ, не имѣетъ значенія.

Менструаціи часто разстроены у больныхъ, страдающихъ острыми психозами, хотя какой либо опредѣленной и постоянной связи между душевными болѣзнями и разстройствами менструацій найти до сихъ поръ не удалось. Едва-ли можно сомнѣваться, что между душевно-больными гораздо больше, чѣмъ между здоровыми, женщинъ, страдающихъ женскими болѣзнями, и уже поэтому разстройства менструацій душевно-больныхъ должны быть очень часты. При всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ, сопровождающихся значительнымъ истощеніемъ, бываетъ или полная задержка менструацій или болѣе или менѣе значительное уменьшеніе мѣсячныхъ отдѣленій; когда соматическое состояніе улучшается, менструаціи возвращаются, и вообще становятся такими, какими были до болѣзни. Отъ психическаго состоянія менструаціи, повидимому, зависятъ мало; улучшеніе психи-

ческаго состоянія, если при этомъ соматически больная не поправляется, обычно не сопровождается измѣненіями въ менструаціяхъ. Наоборотъ улучшение физическаго состоянія, при ухудшеніи психическаго, т. е. при развивающемся слабоуміи, почти всегда сопровождается возстановленіемъ менструацій.

Во время менструацій, даже вполнѣ правильныхъ, психическое состояніе почти всегда болѣе или менѣе ухудшается, и потому я считаю необходимымъ почти всѣхъ больныхъ, страдающихъ острыми психозами, во время менструацій, оставлять въ постели. При врожденномъ и вторичномъ слабоуміи менструаціи, если нѣтъ женскихъ болѣзней, протекаютъ правильно, и оказываютъ замѣтное вліяніе на психическое состояніе лишь у немногихъ женщинъ.

Хотя у душевно-больныхъ женскія болѣзни встрѣчаются и чаще, чѣмъ у психически здоровыхъ, гинекологическое леченіе лишь, въ исключительныхъ случаяхъ, оказываетъ благотворное вліяніе на психическую болѣзнь, что, по всей вѣроятности, зависитъ и оттого, что это леченіе не часто бываетъ успѣшнымъ. Можетъ быть, со временемъ, когда гинекологическое леченіе будетъ болѣе совершенно, чѣмъ теперь, оно будетъ имѣть большіе значенія въ психіатріи. Пока-же, я думаю, вообще слѣдуетъ прибѣгать къ гинекологическому изслѣдованію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда къ тому имѣются прямыя показанія; предварительно необходимо возбудить полное довѣріе больной. Начинать леченіе слѣдуетъ, или при крайней необходимости, или-же при увѣренности въ благопріятномъ результатѣ. Вообще гинекологическое изслѣдованіе, а тѣмъ болѣе безрезультатное леченіе, производитъ такое дурное дѣйствіе на больныхъ, что прибѣгать къ нимъ можно лишь при крайней необходимости. Въ этомъ отношеніи врачъ долженъ быть крайне остороженъ и безконечно деликатенъ; *sapienti sat*.

Анатомическіе признаки вырожденія (*stigmata*) имѣютъ громадный теоритическій интересъ, но въ практическомъ отношеніи, они не имѣютъ большаго значенія.

Понятно, что рядомъ или, вмѣстѣ съ психическими аномаліями, должны быть, какъ анатомическія, такъ и соматическія вообще; причины, производящія уклоненія въ строеніи, а потому и функціяхъ головного мозга, должны производить уклоненія въ строеніи и функціяхъ другихъ органовъ. Вырожденіе или, какъ я назвалъ-бы, ухудшеніе какъ породы,

такъ и отдѣльныхъ лицъ, непременно должно состоять въ уклоненіяхъ строенія и функцій всего организма, и въ томъ числѣ головного мозга.

Вырожденіе изучается весьма недавно; только Morel обратилъ вниманіе психіатровъ на это явленіе, и потому не удивительно, что мы еще мало знаемъ о признакахъ вырожденія, не понимаемъ значенія и взаимной связи этихъ признаковъ. Lombroso и его школа обогатила науку весьма цѣнными изслѣдованіями о вырожденіи, но увлеченія этой школы неблагоприятно повліяли на развитіе ученія о вырожденіи.

Аномаліи могутъ быть какъ психическія, такъ и анатомическія; или вслѣдствіи болѣзни родителей, или вслѣдствіи неблагоприятныхъ условий, развитіе индивидуума происходило неправильно, и потому въ его организмѣ имѣются уклоненія, и даже уродства. Такъ какъ мы не знаемъ законовъ развитія уклоненій, не знаемъ почему именно происходятъ тѣ или другія уклоненія, мы не понимаемъ ихъ значенія; вообще мы можемъ допускать, что психическія аномаліи параллельны анатомическимъ, что у лица, имѣющаго анатомическія уклоненія, должны быть и психическія, и наоборотъ. Но, конечно, возможны анатомическія уклоненія, безъ психическихъ, также какъ возможны психическія уклоненія безъ анатомическихъ; въ самомъ дѣлѣ, почему невозможны уклоненія только въ строеніи головного мозга, или уклоненія во всемъ организмѣ за исключеніемъ головного мозга.

Кромѣ того громадное значеніе имѣетъ степень уклоненія; сильныя уклоненія указываютъ на ненормальность индивидуума, незначительныя уклоненія, напр. небольшая голова, повышенная фантазія, не даютъ права для какихъ либо заключеній.

Наконецъ весьма важно число уклоненій; если у субъекта одно незначительное уклоненіе, оно можетъ не имѣть никакого значенія, но если у него нѣсколько большихъ уклоненій, едва-ли такое лицо можетъ считаться нормальнымъ.

Такъ какъ степень уклоненій не можетъ быть опредѣлена объективными методами, а слабыя уклоненія могутъ и не считаться, то произволъ наблюдателей не имѣетъ границъ; тамъ, гдѣ одни наблюдатели констатируютъ рѣзко выраженное вырожденіе, другіе находятъ лишь неимѣющую значенія ненормальность. Понятно, что тутъ неизбѣжны разногласія и возможны увлеченія; какъ извѣстно, весьма почтенные изслѣдователи убѣждены, что у врожденныхъ преступниковъ много

признаковъ вырожденія, другіе не менѣе солидные наблюдатели утверждаютъ, что врожденныхъ преступниковъ нѣтъ, и что преступники ничѣмъ, біологически, не отличаются отъ честныхъ людей.

Для практическихъ цѣлей анатомическіе признаки вырожденія не могутъ имѣть значенія и потому, что грубые, рѣзкіе признаки бываютъ обыкновенно у тяжело-больныхъ, распознаваніе состоянія которыхъ вообще не представляетъ трудностей, а слабо-выраженныя уклоненія подмѣчаются и правильно оцѣниваются лишь весьма опытными наблюдателями.

Анатомическіе признаки вырожденія крайне многочисленны и разнообразны и потому намъ извѣстны далеко не всѣ; заслуживаютъ перечисленія слѣдующіе признаки. Чаще всего наблюдаются аномаліи въ строеніи черепа; изъ нихъ типичны слѣдующія уклоненія: микроцефалія (малоголовіе); макроцефалія (общее увеличеніе объема головы); плагиоцефалія (косоголовіе); скафоцефалія (лодкообразная голова); оксипцефалія (голова, сдавленная сзади и очень высокая); акроцефалія (голова удлинненная въ направленіи темени съ очень наклоннымъ назадъ лбомъ); платицефалія (голова очень низкая, плоская); трахицефалія (круглая голова); клиноцефалія (голова съ сѣдлообразнымъ вдавливаніемъ на вершинѣ); сфеноцефалія (клинообразная голова); тригоноцефалія (голова, передняя часть которой похожа на треугольникъ, обращенной вершиной впередъ).

Кромѣ того голова бываетъ иногда слишкомъ длинная, или слишкомъ широкая. Размѣры черепа на живыхъ установлены слѣдующіе.

Горизонтальная наибольшая окружность черепа (*circumferentia horisontalis*) на высотѣ наружнаго затылочнаго бугра и надпереносья, средняя у мужчинъ 55 сент., у женщинъ 53.

Наибольшій продольный діаметръ (*diameter antero-posterior maxima*); для опредѣленія его нужно найти двѣ самыя отдаленныя точки на черепѣ; у мужчинъ 18; у женщинъ 17,5.

Наибольшій поперечный діаметръ (*diameter transversus maximum*); опредѣляется нахожденіемъ двухъ наиболѣе отдаленныхъ точекъ въ поперечникѣ; у мужчинъ 16; у женщинъ 14,5.

Только значительныя уклоненія, и при томъ, когда размѣры головы не соотвѣтствуютъ вообще размѣрамъ всего тѣла, могутъ имѣть значеніе.

О формѣ головы, о ея длинѣ по отношенію къ ширинѣ, мы можемъ судить по величинѣ показателя (*Index cranii*);

для того, чтобы узнать величину показателя даннаго черепа, нужно наибольшій его поперечный діаметръ помножить на 100, и произведеніе раздѣлить на наибольшій продольный діаметръ. Величина показателя служитъ основаніемъ для дѣленія череповъ на долихоцефалическія (*dolichocéphales*) — показатель до 77,76; мезотицефалическія (*mesoticephales*) — показатель отъ 77,77 до 77,79; брахиоцефалическія (*brachiocephales*) — показатель болѣе 80. Чаше принимаютъ только два типа — долихицефановъ съ показателемъ до 80, и брахиоцефановъ болѣе 80.

Только рѣзкія уклоненія отъ типа могутъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Также многочисленны анатомическіе признаки вырожденія на лицѣ: сильно развитыя надбровныя дуги, и лобныя пазухи¹⁾ покатый лобъ, рѣзкій прогнатизмъ, неправильности въ строеніи зубовъ; зубы верхней челюсти поставлены неправильно; внутренній алвеолярный край образуетъ выступающій валикъ; отсутствіе втораго прорѣзыванія зубовъ; слишкомъ глубокое, узкое или слишкомъ плоское и широкое, или сплющенное съ одной стороны небо; валикообразный небный шовъ. Ассиметрія лица вообще можетъ разсматриваться какъ признакъ вырожденія, если достигаетъ значительной степени. Признаками вырожденія считаются: *coloboma iridis* или *chorioideae*, альбинизмъ, пятна на радужной оболочкѣ, *retinitis pigmentosa*, аномаліи соска; ненормальное расположеніе и крайняя величина или малость ушей, непосредственный переходъ ушной сережки въ кожу щеки въ видѣ валикообразной складки, рудиментарное образованіе ушей, приросшая сережка; слишкомъ большой или слишкомъ малый ротъ, заячья губа, волчья пасть, гипертрофія нижней губы.

Не столь многочисленны анатомическіе признаки вырожденія на конечностяхъ и туловищѣ: чрезмѣрно высокій, и весьма малый ростъ, длинныя руки (обхватъ значительно больше роста; короткія руки, сколько я могъ убѣдиться, напротивъ, свидѣтельствуютъ о правильной организаціи) перепона между пальцами и лишнее число пальцевъ; гипертрофія подкожной клѣтчатки; послѣдній признакъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе,

1) Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ этихъ признаковъ нужно имѣть ввиду антропологическія особенности народности, къ которой принадлежитъ больной.

чѣмъ ранѣ онъ проявляется; чрезмѣрное развитіе мускулатуры и крайне слабое развитіе мускулатуры; пигментація кожи, не свойственная народности, къ которой принадлежит субъектъ; темносмуглая кожа у нѣмца или вполне бѣлая кожа у румына, если конечно не объясняется примѣсю крови, должны разсматриваться какъ признаки вырожденія; крайне обильныя волосы и крайняя бѣдная растительность; нетипическая окраска волосъ — напр. борода темнѣе волосъ на головѣ. Не мало аномалій наблюдается въ строеніи и функціяхъ половыхъ органовъ: крайне малый половой членъ, *phymosis* при отсутствіи гипертрофіи *praeputium*, *epi-hypospadias*, *anorchidia*, *micro-monorchidia*, гермафродизмъ, *uterus bicornis*, отсутствіе *uteri*, отсутствіе *vaginae*, отсутствіе *mammarum*; наконецъ женственный типъ у мужчины, и мужской типъ у женщины; у мужчинъ съ женственнымъ типомъ нерѣдко бываетъ чрезмѣрное развитіе грудныхъ желѣзы (гинекомастія). Весьма большое значеніе имѣетъ отсутствіе, или слишкомъ большое развитіе щитовидной желѣзы. Голосъ у вырождающихся иногда ненормаленъ, напр. у мужчинъ сохраняется до старости дѣтскій голосъ, а у женщинъ бываетъ грубый, низкій.

Я обращалъ особенное вниманіе на время появленія сѣдины у вырождающихся и пришелъ къ заключенію, что у этихъ лицъ волосы сѣдѣютъ очень поздно, т. е. начинаютъ сѣдѣть послѣ пятидесяти лѣтъ; вообще волосы на головѣ у этихъ лицъ сохраняются очень поздно, но на лицѣ у нихъ волосъ мало; борода рѣдкая, состоитъ изъ короткихъ волосъ.

Очевидно, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ признаковъ вырожденія обусловлены болѣзнями во время внутреутробной жизни, и въ раннемъ дѣтствѣ. Особенно большое значеніе имѣетъ англійская болѣзнь, и вѣроятно многія отклоненія въ формѣ головы и лица, являются слѣдами перенесенной англійской болѣзни, слѣдовательно могутъ и не имѣть вліянія на психическую жизнь. Определить вліяніе англійской болѣзни на неправильности въ формѣ черепа, къ сожалѣнію, совершенно невозможно, такъ какъ даже въ образованныхъ семьяхъ нельзя получить точныхъ свѣдѣній о томъ, была-ли у пациента эта болѣзнь, и какіе слѣды она оставила.

Слѣдовательно, мы еще не вполне точно знаемъ, какія изъ выше перечисленныхъ признаковъ слѣдуетъ считать проявленіями патологической или, по крайней мѣрѣ, ненормальной организаціи, и какія суть послѣдствія случайнаго заболѣванія,

мало или даже совершенно не повліявшаго на развитіе центральной нервной системы.

Мы, пока, не знаемъ, какіе признаки вырожденія имѣють большое значеніе, и какіе напротивъ не имѣють значенія, вообще мы мало знаемъ относительнаго значенія всѣхъ признаковъ вырожденія. Напримѣръ, насколько я могъ подмѣтить, ожирѣніе въ періодѣ полового созрѣванія всегда служитъ доказательствомъ тяжкаго вырожденія, но пока это наблюденіе еще не провѣрено и не доказано.

Ввиду такихъ несовершенствъ ученія о вырожденіи, необходима крайняя осторожность при сужденіи о признакахъ вырожденія; нѣсколько признаковъ вырожденія у одного лица могутъ служить подтвержденіемъ, а не доказательствомъ патологической организаціи. Если у субъекта имѣются психическія проявленія такой организаціи, или даже душевная болѣзнь, то признаки вырожденія могутъ служить подтвержденіемъ того, что данное лицо дѣйствительно вырождающееся, но присутствіе однихъ анатомическихъ признаковъ еще не доказываетъ душевной болѣзни, или даже болѣзненности субъекта, такъ какъ безспорно, хотя и крайне рѣдко, признаки вырожденія бываютъ у лицъ вполне нормальныхъ. Также несомнѣно, что у лицъ, страдающихъ эндогенными душевными болѣзнями, правда лишь въ исключительныхъ случаяхъ, не бываетъ признаковъ вырожденія.

Анатомическіе признаки вырожденія были изучены лишь у душевно-больныхъ и преступниковъ; какъ часто, и какіе именно признаки вырожденія бываютъ у здоровыхъ, не было изучено съ достаточною полнотою и точностью. Изученіе преступниковъ привело нѣкоторыхъ изслѣдователей къ заключенію, что у преступниковъ по натурѣ, или врожденныхъ преступниковъ, весьма часто наблюдаются признаки вырожденія. Нельзя отрицать, что и по своей внѣшности, нѣкоторые преступники отличаются отъ честныхъ людей; что между преступниками много вырождающихся, можно считать доказаннымъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о проституткахъ.

Вообще ученіе о вырожденіи имѣетъ громадное научное значеніе, но въ практическомъ отношеніи мы можемъ пользоваться лишь весьма немногимъ, и при томъ съ большою осторожностью. Увлеченія, весьма возможны вслѣдствіи невозможности точно измѣрять и опредѣлять признаки вырожденія, подрываютъ довѣріе къ психіатріи, и потому крайне нежелательны.

Глава VIII.

Классификація душевныхъ болѣзней.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что при современномъ состояніи психіатріи, раціональная классификація душевныхъ болѣзней совершенно невозможна; невозможно даже полное перечисленіе всѣхъ формъ психическаго разстройства. И дѣйствительно, во всѣхъ учебникахъ приводятся собственныя классификаціи, и нѣтъ двухъ авторовъ, пользующихся одной и той-же классификаціей; относительно нѣкоторыхъ формъ душевныхъ болѣзней существуютъ разногласія, т. е. одни психіатры признаютъ нѣкоторыя формы, напр. кататонію, другіе-же, напротивъ увѣрены, что такихъ формъ душевнаго разстройства нѣтъ. Наконецъ, даже общепризнанныя формы душевныхъ болѣзней, напр. параноя, прогрессивный параличъ, понимаются далеко не одинаково, и потому нельзя пользоваться отчетами разныхъ психіатрическихъ, для сужденія о частотѣ заболѣванія данной формой; напр. большое число меланхоликовъ по отчету психіатрическаго заведенія еще не доказываетъ, что эта форма наблюдалась тамъ часто, такъ какъ большое число этихъ больныхъ въ отчетѣ, можетъ быть зависить лишь оттого, что врачи заведенія понимаютъ эту болѣзнь очень широко. Особенно велико различіе въ пониманіи даже установленныхъ формъ психическаго разстройства между психіатрами различныхъ странъ, и напр. англійскіе психіатры далеко не такъ регистрируютъ больныхъ, какъ нѣмецкіе.

Поэтому теперь статистическія данныя о частотѣ различныхъ формъ психическаго разстройства не могутъ быть

использованы для научныхъ цѣлей; только цифры о частотѣ прогрессивнаго паралича имѣютъ нѣкоторое значеніе.

Ввиду практическихъ цѣлей, однако, крайне желательно пользоваться какой-либо одной классификаціей, при чемъ, конечно, необходимо одинаково понимать принятыя въ этой классификаціи, формы.

Большой извѣстностью у насъ пользуется классификація Krafft - Ebing, ввиду того, что учебникъ психіатріи этого извѣстнаго психіатра распространенъ у насъ, больше чѣмъ учебники другихъ авторовъ.

Krafft-Ebing всѣ формы душевныхъ болѣзней дѣлитъ на шесть отдѣловъ, а именно, I отдѣлъ: психоневрозы; II отдѣлъ: психическія вырожденія; III отдѣлъ: помѣшательство какъ послѣдствіе конституціональныхъ неврозовъ; IV отдѣлъ: хроническія отравленія; V отдѣлъ: органическія болѣзни мозга съ преобладаніемъ психическихъ симптомовъ; VI отдѣлъ: состоянія психическаго недоразвитія.

Несовершенство такого дѣленія явствуетъ уже изъ многочисленности отдѣловъ и ихъ несимметричности; напр. нельзя ставить рядомъ, по значенію, IV и V отдѣлы. Кромѣ того совершенно произвольно отдѣлены II-ой и VI-ой отдѣлы, весьма близкіе между собою; едва-ли можно сомнѣваться, что психическія вырожденія и состоянія психическаго недоразвитія, если и не тождественны, то отличаются лишь количественно, а не качественно.

Krafft-Ebing опредѣляетъ психоневрозы слѣдующими признаками: 1. болѣзнь не вытекаетъ изъ всей организаціи, 2. болѣзнь развивается вслѣдствіи временнаго къ ней расположенія, 3. болѣзнь можетъ окончиться выздоровленіемъ; рецидивы бываютъ рѣдко, 4. болѣзни протекаютъ типически, 6. нѣтъ наклонности къ періодичности, 7. здоровье и болѣзнь по времени рѣзко разграничены между собою и представляются противоположными состояніями индивидуума.

Все это слѣдуетъ считать доказаннымъ, и пока мы не имѣемъ лучшаго опредѣленія психоневрозовъ.

Въ I отдѣлѣ Krafft-Ebing включаетъ слѣдующія болѣзни:

1. Меланхолія.
2. Манія.
3. Первичное излѣчимое слабоуміе.
4. Галлюцинаторное или чувственное помѣшательство.
5. Вторичное сумашествіе и вторичное слабоуміе.

А. М. Придикъ.

Шестая рѣчь Исея.

Исслѣдованія въ области
аттической генеалогіи и аттического
гражданскаго права.

*Посвящаю памяти
дорогой, незабвенной
матери.*

ВВЕДЕНИЕ.

Habent sua fata libelli. И наша диссертация, какъ говорится, можетъ спѣть про это свою пѣсенку. По окончаніи магистерской диссертации мы сначала приступили къ труду исторіографическаго содержанія, затѣмъ начали обрабатывать документы касающіеся отпущенія рабовъ на волю, а наконецъ задумали написать подробную исторію и систему аѣинскаго гражданскаго права. Ни одного изъ задуманныхъ нами трудовъ, однако, не удалось окончить. Въ первомъ и третьемъ случаяхъ мы еще не успѣли и собрать всего матеріала, какъ уже появились сочиненія посвященныя тѣмъ же предметамъ. Что же касается втораго случая, то мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ своего новаго коллеги А. В. Никитскаго, только что прибывшаго въ Юрьевъ, узнали, что онъ обрабатываетъ эту же матерію и что у него кромѣ всего собраннаго имъ матеріала есть еще множество неизданныхъ документовъ, списанныхъ имъ самимъ въ Дельфахъ и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Греціи. При такого рода обстоятельствахъ пришлось отказаться отъ всѣхъ этихъ работъ и приступить къ новому труду. Мы, однако, успѣли настолько заинтересоваться аѣинскимъ гражданскимъ правомъ, что, найдя по прочтеніи преобладающаго сочиненія французскаго юриста Beauchet, что оно за нѣкоторыми

лишь исключеніями *mutatis mutandis* больше ничего какъ весьма полезная компиляція, мы рѣшили не бросать этой интересной темы, а отложивъ ее только на нѣкоторое время, покамѣстъ обработать нѣкоторыя части этой матеріи въ нѣсколько иномъ видѣ. Для диссертациі, именно, матерія эта послѣ появленія въ свѣтъ упомянутаго сочиненія по разнымъ причинамъ оказалась неудобной. Всѣ сочиненія, посвященныя изложенію вопросовъ греческаго гражданскаго права, какъ извѣстно, отличались полнымъ отсутствіемъ всякой системы; лучшимъ образцомъ такого безсистемнаго сочиненія можетъ служить извѣстное руководство Hegmann-Thalheim'a, въ которомъ авторы расплываются въ частности, не объединенныхъ никакой общей мыслью. Этому неестественному и ненормальному положенію дѣлъ нужно было разъ на всегда положить конецъ и мы намѣревались привести весь этотъ неупорядоченный и разбросанный матеріалъ въ стройную систему. Beauchet опередилъ насъ. Такъ какъ здѣсь не пришлось придумать какой-нибудь новой системы, а просто примѣнить къ греческому праву систему римскаго права и зависящихъ отъ него современныхъ правъ, то само собою разумѣется, что попытка Beauchet должна была съ перваго же приѣма увѣнчаться успѣхомъ. Въ частности, конечно, онъ могъ ошибиться и дѣйствительно ошибся, такъ какъ не обратилъ должнаго вниманія на нѣкоторые моменты, по отношенію къ которымъ греческое право существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ правъ¹⁾ — но въ общемъ новая

1) Такъ напр. онъ раздѣлилъ свое четырехтомное сочиненіе на слѣдующіе три отдѣла: *droit de famille* (т. I и II), *droit de propriété* (т. III) и *droit des obligations* (т. IV), но говорить о рабахъ во второмъ томѣ (*droit de famille*), между тѣмъ какъ извѣстно, что по понятіямъ древнихъ Грековъ рабъ считался вещью (κτῆμα) и поэтому о рабахъ слѣдовало говорить въ третьемъ томѣ и т. п.

систематическая обработка этого предмета съ чисто внѣшней стороны была бы вполнѣ излишней: намъ пришлось бы только исправлять ошибки предшественника. Что же касается, съ другой стороны, самого изложенія, то сочиненіе это, какъ мы уже замѣтили, компиляція. Авторъ весьма подробно излагаетъ всѣ мнѣнія, произнесенныя другими учеными за или противъ того или другого воззрѣнія. Такъ какъ многое уже съ нѣкоторыхъ поръ можетъ считаться общепринятымъ, то намъ пришлось бы повторять то, что уже подробно резюмировано въ этомъ сочиненіи. Во всѣхъ остальныхъ и довольно многочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ мы не могли бы соглашаться съ воззрѣніями Beauchet, намъ пришлось бы критически разбирать мнѣнія этого ученаго — или, точнѣе, его источниковъ, такъ какъ новыхъ, собственныхъ воззрѣній въ этомъ сочиненіи весьма мало —, такъ что наше сочиненіе въ концѣ концовъ походило бы скорѣе на рецензію на сочиненіе Beauchet, чѣмъ на самостоятельное сочиненіе. Новая обработка этой матеріи, какъ мы ниже увидимъ, является настоятельной потребностью, но, на нашъ взглядъ, въ виду всего вышеизложеннаго врядъ ли можетъ считаться удобной темой для докторской диссертациі. Поэтому, какъ уже было нами замѣчено, мы отложили эту работу на нѣкоторое время и приступили къ детальной обработкѣ этой матеріи съ нѣсколько иной точки зрѣнія.

Извѣстно, что къ числу важнѣйшихъ источниковъ принадлежатъ рѣчи аттическихъ ораторовъ, въ особенности рѣчи Исея, частныя рѣчи Демосѣена и приписанныя послѣднему т. н. псевдо-демосѣеновскія рѣчи. Какую важную роль играютъ эти рѣчи видно изъ того обстоятельства, что всѣ научныя сочиненія, посвященные аттическому гражданскому праву, переполнены цитатами изъ упомянутыхъ рѣчей. Однако не слѣду-

еть предполагать, что всѣ авторы подробно изучили эти рѣчи. Напротивъ — цитаты эти обыкновенно просто заимствуются у предшественника и такимъ образомъ, такъ сказать, по наслѣдству переходятъ съ Сидора да на Ивана. Добросовѣстные ученые также обыкновенно довольствуются тѣмъ, что открываютъ упомянутого оратора и прочитываютъ данный параграфъ или нѣсколько параграфовъ, или въ самомъ благопріятномъ случаѣ пробѣгаютъ всю рѣчь. Если бы всѣ рѣчи были обработаны въ родѣ нашей диссертациі, то отъ такого отношенія къ дѣлу большаго вреда быть не могло. Но въ томъ то и дѣло, что наша диссертациа представляетъ первую попытку такого монографическаго изслѣдованія отдѣльной рѣчи. Покуда не будутъ такимъ образомъ подробно изслѣдованы всѣ вышеупомянутыя рѣчи, авторы по прежнему будутъ строить неправильные выводы вслѣдствіе того, что будутъ или вносить то, чего вовсе не содержится въ источникѣ или неправильно толковать выраженія источника, такъ какъ не изучили его цѣликомъ. Что добросовѣстный ученый долженъ стараться дѣлать выводы не на основаніи отдѣльно взятыхъ выраженій, а въ зависимости отъ мѣста и значенія ихъ въ общей связи — общепризнано, однако, къ сожалѣнію, не особенно многіе соблюдаютъ этого похвальнаго правила. Такое монографическое изслѣдованіе, правда, невозможно безъ точнаго знанія какъ вообще греческаго и остальныхъ гражданскихъ правъ, такъ и остальныхъ источниковъ. Но одно не исключаетъ другого. Такое явленіе вообще замѣчается во всѣхъ историческихъ наукахъ. Чтобы написать напр. Исторію Греціи, нужно предварительно тщательно и монографически изучить исторію cadaго изъ многочисленныхъ греческихъ государствъ въ отдѣльности; но чтобы быть въ состояніи написать такую монографію, нужно сначала осно-

вательно ознакомиться съ общегреческой исторіей и съ аналогичными явленіями въ другихъ греческихъ государствахъ. Для этого нужно, конечно, имѣть общія сочиненія по греческой исторіи, но только не слѣдуетъ забывать, что всѣ сообщенные въ такихъ сочиненіяхъ результаты останутся до тѣхъ поръ нѣкоторымъ образомъ проблематичными, пока не будутъ основаны на тщательномъ изученіи каждого государства въ отдѣльности. Равнымъ образомъ такія общія сочиненія à la Beauchet, разумѣется, весьма полезны, но считать ихъ послѣднимъ словомъ науки до тѣхъ поръ будетъ невозможно, пока всѣ источники — какъ надписи, такъ и рѣчи — не будутъ тщательно и подробно изслѣдованы въ отдѣльности. Такое монографическое изслѣдованіе составляетъ *condicio sine qua* попъ всѣхъ отраслей нашей науки. Отъ составителя общаго сочиненія по данному предмету такого кропотливаго труда, конечно, ожидать нельзя — въ противномъ случаѣ онъ никогда не могъ бы окончить своего сочиненія, такъ какъ монографическое изслѣдованіе всѣхъ источниковъ не подѣ силу одному человѣку. Но что такія монографіи крайне необходимы, въ этомъ, кажется, и сомнѣнія быть не можетъ. Мы надѣемся, что и нашъ трудъ подтвердитъ правильность этого воззрѣнія.

На основаніи вышеизложенныхъ мотивовъ мы рѣшились приступить къ подробному изслѣдованію рѣчей Исея, такъ какъ въ нихъ затрагиваются почти всѣ вопросы гражданского права. Тщательно собравъ весь матеріалъ и предварительно изучивъ какъ греческое, римское и современныя гражданскія права, такъ и всѣ вышеупомянутыя рѣчи Исея, Демосѣена и Псевдо-Демосѣена, мы приступили къ монографической обработкѣ отдѣльныхъ рѣчей Исея. Начали мы съ шестой рѣчи, одной изъ интереснѣйшихъ этого знаменитаго

аеинскаго оратора и адвоката, прославившагося именно своими рѣчами, произнесенными по дѣламъ о наслѣдствѣ (*κληρικοί λόγοι*). Шестая рѣчь заинтересовала насъ, однако, не только потому, что сюжетъ ея интересенъ и что въ ней сохранилось весьма много цѣннаго матеріала для возстановленія аттическаго гражданскаго, въ особенности семейнаго и наслѣдственнаго права — рѣчь эта заинтересовала насъ также потому, что содержитъ цѣлый рядъ весьма трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, имѣющихъ отчасти даже первостепенную важность. Множество ученыхъ, изучавшихъ аттическое гражданское право, поломало голову надъ этими запутанными вопросами, но врядъ ли одинъ изъ этихъ вопросовъ можетъ сегодня считаться окончательно рѣшеннымъ, т. е. нѣтъ еще такого рѣшенія, которое могло бы считаться общепринятымъ. Этой, именно, рѣчью мы намѣревались сначала заняться, а затѣмъ хотѣли еще прибавить смотря потому одну или нѣсколько рѣчей. Противъ ожиданія матеріалъ, доставляемый шестой рѣчью, оказался до того обширнымъ и богатымъ, что пришлось ограничиться одной этой рѣчью.

Обратимся теперь къ источникамъ, которыми мы могли воспользоваться при составленіи настоящаго труда. Источники эти придется раздѣлить на двѣ категоріи: на филологическіе и на юридическіе. Дѣленіе это не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто бы мы отличали сочиненія, написанныя филологами, отъ сочиненій, составленныхъ юристами. Такое дѣленіе было бы вполнѣ неестественно, тѣмъ болѣе, что юристы написали также сочиненія чисто филологическаго содержанія, и наоборотъ. Къ первой категоріи мы причисляемъ всѣ изданія и переводы рѣчей Исея и комментарій Шёманна, ко второй всѣ сочиненія, посвященные вопросамъ аттическаго гражданскаго права,

хотя бы они и были написаны филологами. Начнемъ съ первой категоріи.

Среди важнѣйшихъ греческихъ авторовъ нѣтъ, быть можетъ, другого, котораго такъ мало обрабатывали, издавали, переводили, изучали и читали, какъ именно Исея. Всѣ попытки немногихъ ученыхъ, посвятившихъ такъ или иначе свое время изученію этого автора, возбудить въ остальныхъ ученыхъ и читающей публикѣ интересъ къ этому интересному автору, оставались тщетными. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Мы думаемъ, что единственно возможнымъ и мыслимымъ объясненіемъ можетъ служить только слѣдующее: рѣчи Исея нельзя было ни читать, ни издавать, ни переводить безъ точнаго знанія аттического гражданскаго права, а много ли есть филологовъ, для которыхъ эта трудная и запутанная матерія не была бы *terra incognita*? Вотъ почему рѣчи Исея не читались, да и теперь не читаются въ гимназіяхъ и университетахъ, и почему имя Исея такъ рѣдко встрѣчается въ библіографическихъ указателяхъ, какъ напр. въ извѣстной *Bibliotheca philologica classica*.

Такъ какъ мы въ предлагаемомъ изслѣдованіи интересовались главнымъ образомъ содержаніемъ этой рѣчи, а текстъ прибавили только по совѣту нѣкоторыхъ друзей и товарищей, то мы не станемъ подробно критиковать прежнихъ изданій рѣчей этого оратора. Мы и не имѣемъ въ виду дать новой его рецензіи. Послѣ тщательныхъ сличеній важнѣйшихъ рукописей, сдѣланныхъ въ прежнія времена Беккеромъ и Добсономъ, а въ новѣйшее время Шенклемъ и Бюрманномъ, такая рецензія врядъ ли могла бы дать особенно много новыхъ результатовъ. Если къ тому еще прибавить, что въ ближайшемъ будущемъ появится изданіе знаменитаго Бласса, то новая рецензія врядъ ли могла бы считаться вполне цѣлесообразной. Достаточно бу-

детъ, поэтому, вкратцѣ указать только важнѣйшія изданія и переводы; болѣе подробныя библиографическія указанія мы намѣреваемся дать въ Приложеніи I.

О старыхъ изданіяхъ мы здѣсь распространяться не станемъ, такъ какъ они сегодня никакого значенія болѣе не имѣютъ и такъ какъ о нихъ все болѣе или менѣе важное можно найти у Шёманна (*praefatio*, стр. VII сл.); изъ прежнихъ изданій мы назовемъ лишь J. J. Reiske, *Oratores Graeci* vol. VII Lipsiae 1773. Всѣ эти изданія уже потому для насъ особеннаго значенія не имѣютъ, что не имѣли возможности воспользоваться рукописью А. Эта рукопись (*codex Crippsianus A*, saec. XIII; она находится въ Британскомъ музеѣ: Burney 95, *plut.* CLXD) была куплена въ Аѳонскомъ монастырѣ Ватопедѣ и въ началѣ прошлаго (XIX) столѣтія поступила въ Британскій музей. Важность ея была уже тогда замѣчена, но что всѣ наши рукописи были списаны съ этой, именно, рукописи, этого тогда никто еще не подозрѣвалъ. Jm. Bekker (*Oratores Attici* vol. III, Oxford 1822), G. Dobson (*Oratores Attici* vol. IV, London 1828), G. Schoemann (*Isaei orationes* XI, Gryphiswaldiae 1831), Baiter & Sauppe (*Oratores Attici* fasc. III, Turici 1840), C. Müller (*Oratores Attici*, Paris 1847 vol. I), C. Scheibe (*Isaei orationes*, Lipsiae 1860) всѣ воспользовались этой рукописью; но всѣ они приписывали не менѣе важное значеніе и остальнымъ рукописямъ и пользовались ими какъ самостоятельными источниками, между тѣмъ какъ онѣ на самомъ дѣлѣ для насъ никакого значенія не имѣютъ. Изданія Беккера, Шёманна, Зауппе и Шейбе весьма важны, такъ какъ въ нихъ находится множество цѣнныхъ конъектуръ; но такъ какъ основа была не совсѣмъ прочная, то не удивительно, что многіе результаты въ концѣ концовъ оказались не менѣе шаткими. Если изданіе Шёманна теперь еще служитъ настольной книгой, то

этимъ онъ обязанъ исключительно своему комментарію. Другого комментарія нѣтъ и по этому всѣмъ волей-неволей приходится пользоваться имъ. Мы и не думаемъ умалять важности этого сочиненія. Напротивъ — это чудный комментарій, который не только въ свое время могъ считаться образцовымъ, но который и сегодня еще не утратилъ своего значенія. Однако не слѣдуетъ забывать, что съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 70 лѣтъ, что наука наша, въ особенности во второй половинѣ прошлаго столѣтія, сдѣлала значительный шагъ впередъ, такъ какъ имѣла возможность пользоваться новымъ матеріаломъ и новыми источниками, недоступными и неизвѣстными Шёманну при появленіи этой книги. Сочиненіе Мейера и Шёманна *Der Attische Process* было въ свое время преважнымъ сочиненіемъ; но врядъ ли оно пользовалось бы сегодня такимъ большимъ авторитетомъ, еслибы не было подновлено Липсіусомъ. Но чтобы не казалось, что мы собираемся *ῥαυτὴν Ἀθῆναζε φέρειν*, мы не станемъ подробно доказывать, какъ далеко мы съ тѣхъ поръ ушли въ наукѣ. Достаточно будетъ указать на то, что къ 1831 году успѣлъ появиться только первый томъ *Corpus'a Inscr. Graecarum* Бёка; сколько послѣ этого найдено преважныхъ документовъ (указываемъ, кромѣ аттическихъ, напр. также на такъ называемое гортинское право, которое при возстановленіи аттического гражданского права играетъ не менѣе важную роль), сколько появилось изслѣдованій въ области толкованія документовъ, вставленныхъ въ рѣчи аттическихъ ораторовъ, сколько прибавилось новыхъ свѣдѣній по государственному устройству Аѳинъ по открытіи въ 1891 году *Ἀθηναίων πολιτεία* Аристотеля, какая существенная разница между новѣйшими изслѣдованіями, посвященными изученію аттического гражданского права и резюмированными въ толстомъ, четырехтомномъ сочиненіи

Бошэ, и жиденькими брошюрами и трактатами и случайными замѣчаніями временъ Шёманна — каждому специалисту и безъ того хорошо извѣстно. Вслѣдствіе этого не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что комментарий Шёманна, не смотря на всѣ хорошія качества его, не можетъ не считаться нѣсколько устарѣлымъ и что онъ, поэтому, также нуждается въ обновленіи. Обновленіемъ этого комментарія, хотя въ совершенно другомъ видѣ, является наша диссертация и слѣдующіе затѣмъ выпуски того-же труда. Матеріалъ нами уже собранъ для всѣхъ рѣчей.

Итакъ всѣ прежнія изданія потому не могли считаться образцовыми, что пренебрегли двумя фундаментальными правилами и основами всякой разумной филологической критики: они, во-первыхъ, не воспользовались тщательно сдѣланными сличеніями рукописи А, а, во-вторыхъ, не потрудились уяснить себѣ въ точности, въ какомъ именно отношеніи другъ къ другу находятся различныя рукописи Исея. Рукопись А¹⁾ была впервые тщательно сличена въ 1881 году одновременно двумя учеными, Шенклемъ и Бюрманномъ. Н. Schenkl опубликовалъ результаты своего сличенія въ журналѣ Wiener Studien III 1881, стр. 195—208 „Die Ueberlieferung der Reden des Isaeus im Codex Crippsianus.“ Н. Buermann сличилъ эту рукопись дважды, сначала въ 1881 году независимо отъ Шенкля, а затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ провѣрилъ свое сличеніе, пользуясь при этомъ сличеніемъ Шенкля. Результаты были имъ опубликованы въ журналѣ Hermes XVII 1882 стр. 385 сл. и XIX 1884 стр. 325 сл. („Zur

1) Ср. также статьи В. К. Эрнштедта въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 т. 202 сл. „Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга“; о рукописи А онъ подробно говоритъ въ т. 202 стр. 116 сл. Ср. также Antiphontis orationes ed. V. Jernstedt, СПб. 1880 praef. стр. XXVII сл.

Textkritik des Isaios“) и въ изданіи рѣчей Исея „Isaei orationes ed. H. Buermann, Berlin 1883“ (ср. также praefatio къ этому изданію). Бюрманъ первый доказаль, что кромѣ рукописи Ambrosianus Q, содержащей, впрочемъ, только первыя двѣ рѣчи, всѣ остальные рукописи никакого значенія не имѣютъ, такъ какъ онѣ всѣ списаны съ А, такъ что А является, такимъ образомъ, нашимъ единственнымъ источникомъ. Характеръ этой рукописи, всѣ ея достоинства и всѣ многочисленныя недостатки, весьма хорошо изложены Бюрманомъ. Что же касается сличенія этой рукописи, то слѣдуетъ замѣтить, что самоувѣренность, съ которой онъ утверждаетъ „cum proxima aestate denuo librum inspexerim, quae aliter ac reliqui enotavi, rectius me legisse confido“, не вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такой специалистъ, какъ Блассъ (Bursian's Jahresber. т. 30, 1882, стр. 237), счелъ себя обязаннымъ замѣтить по поводу сличенія Шенкля слѣдующее: „Enthält eine sehr genaue und sorgfältige Collation des Crippsianus. Wir sind seitdem durch Buermann's Collation noch weiter unterrichtet worden; Buermann hat seine erste Vergleichung mit Hinzuziehung der Schenkl'schen nochmals nach dem Originale revidiert. Gleichwohl möchte Schenkl's Arbeit immer noch nicht völlig entbehrlich gemacht worden sein, da an den corrigirten Stellen der Handschrift die Lesung des Ursprünglichen oft sehr zweifelhaft ist. Während B. im wesentlichen nur 2 corrigirende Hände unterscheidet, von denen er die eine für möglicherweise identisch mit der des Schreibers der Handschrift hält, ist Schenkl in seinen Unterscheidungen viel subtiler, vgl. seine Bemerkungen zu V 39. 42 S. 197. 201 f., an welchen Stellen B. nur den corr. 1 erkennt. Falsche Identificirung der Hände ist in der That bei solchen Correcturen ebenso leicht möglich wie falsche Unterscheidung“. Такъ какъ Блассъ по отношенію къ Исею самъ не читаль этой

рукописи, а по отношенію къ Антифону (ср. Jernstedt l. c. стр. XXX bis terve selectos locos obiter inspexit Frid. Blass) не разъ ошибся (ср. Ернштедтъ l. c. т. 202, стр. 122 сл.) и такъ какъ сдѣланное Ернштедтомъ сличеніе (ср. Jernstedt l. c. „denique ego a. 1876 Andocidem Isaeum etc. contuli ad editiones Teubnerianas“) не опубликовано, то лѣтомъ 1898 года мы съѣздили въ Лондонъ и сличили всѣ мѣста, гдѣ Шенкль и Бюрманъ расходятся въ своихъ чтеніяхъ. Такъ какъ этихъ спорныхъ мѣстъ было не мало и намъ, притомъ, пришлось присоединяться то къ Шенклю то къ Бюрману, то было бы весьма неудобно здѣсь сообщить результаты нашего сличенія. Но такъ какъ эти результаты понятнымъ образомъ будутъ интересовать читателей предлагаемаго труда, то мы намѣреваемся опубликовать означенные результаты въ Приложеніи II. Послѣ этой краткой дигрессіи вернемся опять къ изданію Бюрмана. Изданіе это всецѣло основано на рукописи А. Но въ этой рукописи, какъ уже было нами замѣчено, не мало погрѣшностей, такъ что издатель обязательно долженъ прибѣгать къ конъектурамъ и разнымъ другимъ цѣлебнымъ средствамъ. Бюрманъ въ этомъ отношеніи обнаружилъ такую осмотрительность и осторожность, которой не могутъ похвастаться его изслѣдованія въ области греческаго права; въ своемъ изданіи онъ по мѣрѣ возможности одинаково воздерживается какъ отъ насильственнаго искаженія текста, такъ и отъ чрезмерной осторожности. Догадки его подчасъ даже весьма остроумны. Что касается чужихъ конъектуръ, то онъ обыкновенно къ нимъ относится съ такою же осторожностью и предусмотрительностью, какъ къ своимъ собственнымъ. Что не смотря на то и въ этомъ изданіи встрѣчаются такія поправки или такой консерватизмъ, съ которыми согласиться нельзя, и что выборъ чужихъ конъектуръ не всегда удаченъ, что

сличеніе его не совсѣмъ точно — это можетъ удивить только того, кому неизвѣстно, что *errare humanum est*. Если такимъ образомъ подвести общій итогъ всему сказанному, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изданіе Бюрмана несомнѣнно лучшее изъ появившихся до сихъ поръ изданій. Что въ ближайшемъ будущемъ ожидается изданіе Бласса, уже было нами выше замѣчено.

Что касается переводовъ, то и въ этомъ случаѣ мы указываемъ на Приложение I, гдѣ читатель найдетъ подробное обозначеніе заглавій. На латинскій языкъ рѣчи Исея были переведены Reiske и C. Müller'омъ; переводъ Müller'a не особенно отличается отъ перевода Reiske. На англійскій языкъ рѣчи Исея перевелъ W. Jones London 1779 with prefatory discourse, notes crit. and hist. and a commentary. Этого перевода въ Юрьевѣ нѣтъ. Такъ какъ книга эта устарѣла, то мы въ 1898 году въ Берлинѣ въ королевской библіотекѣ списали только комментарий, которымъ, поэтому, могли воспользоваться въ Юрьевѣ при обработываніи нашей рѣчи; и комментарий, впрочемъ, значительно устарѣлъ. Schoemann перевелъ рѣчи Исея на нѣмецкій языкъ. Переводъ этотъ появился въ 1830 году, стало быть за годъ до появленія вышеупомянутаго комментарія, но тѣмъ не менѣе еще не особенно устарѣлъ. Что же касается французскихъ переводовъ, то переводъ аббата Auger ровно ничего не стоитъ. Въ 1875 году юристъ E. Caillemet перевелъ девятую рѣчь (*περὶ τοῦ Ἀστυφίλου κλήρου*) и снабдилъ ее краткимъ комментариемъ. Въ 1876 году филологъ L. Mou, въ своей докторской диссертации, озаглавленной *Étude sur les plaidoyers d'Isée*, резюмируя содержаніе рѣчей Исея, обыкновенно почти дословно передавалъ слова этого оратора, и весьма часто просто переводилъ его; переводъ этотъ, правда, часто довольно свободенъ, но содержаніе во всякомъ

случаѣ передается вполнѣ точно. Наконецъ остается еще указать на новѣйшій переводъ юриста Дареста: *Les plaidoyers d' Isée traduits en français avec arguments et notes par R. Dareste avec la collaboration de B. Haussoullier, Paris 1898.* Оссулье филологъ, и тотъ и другой пользуются большою извѣстностью, поэтому отъ этой совмѣстной работы извѣстнаго юриста съ извѣстнымъ филологомъ можно было смѣло ожидать важныхъ результатовъ. На самомъ же дѣлѣ ожиданія наши не оправдались: мы открыто сознаемся, что, прочитавши эту книгу, мы были нѣсколько разочарованы. Перевести эти рѣчи было не трудно, такъ какъ переводчики могли воспользоваться остальными переводами, въ особенности хорошимъ переводомъ Шёманна. Не удивительно, поэтому, что книга эта заключаетъ въ себѣ хорошій, легко понятный и большею частью довольно точный переводъ этихъ рѣчей; введенія и примѣчанія съ юридической точки зрѣнія большей частью также удовлетворительны. Но что касается филологической стороны этой книги, то нужно сознаться, что съ этой точки зрѣнія ее нельзя не назвать довольно посредственной. Оссулье, очевидно, весьма небрежно прочелъ переводъ Дареста, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ нами въ предлагаемой диссертаци. До какой степени небрежно Оссулье относился къ взятому на себя труду, явствуётъ уже изъ одного того обстоятельства, что, „la traduction“, какъ переводчики сами замѣчаютъ, „a été faite sur le texte donné par Scheibe, Leipzig, Teubner, 1860“. Дарестъ могъ, конечно, не знать новѣйшаго изданія. Но что филологъ не воспользовался новѣйшимъ и притомъ лучшимъ критическимъ изданіемъ, просто непростительно. Многихъ ошибокъ не было бы въ этомъ переводѣ, еслибы они воспользовались изданіемъ Бюрмана. Итакъ оказывается, что сносныхъ переводовъ

есть два (переводы Шёманна и Дареста), но что ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться вполне удовлетворительнымъ, первый потому, что съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 70 лѣтъ, а второй вслѣдствіе небрежности Оссулье. Никому не совѣтуемъ полагаться единственно на одинъ изъ этихъ переводовъ: нужно непременно и повсюду сличать эти переводы съ греческимъ оригиналомъ.

Перейдемъ теперь къ юридическимъ источникамъ т. е. къ такимъ источникамъ, въ которыхъ говорится объ аттическомъ гражданскомъ правѣ. Мы здѣсь, разумѣется, не можемъ да и не намѣреваемся привести и разбирать всѣ сочиненія, посвященныя этому предмету, не потому, что ихъ имѣется безсмѣтное количество — аттическое гражданское право до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не особенно интересовало ученыхъ — но потому что нѣкоторыя сочиненія (какъ напр. Meier-Schoemann-Lipsius „Der Attische Process“, Hermann-Thalheim „Griechische Rechtsalterthümer“ и т. п.) и безъ того каждому ученому хорошо извѣстны, такъ что и словъ тратить по пустому не стоитъ, другія же не такъ важны, чтобы имъ удѣлять особое мѣсто въ общемъ введеніи. Заглавія важнѣйшихъ сочиненій мы приведемъ въ Приложеніи I. Здѣсь мы сначала дадимъ краткую, общую характеристику всѣхъ трудовъ, посвященныхъ изученію аттическаго гражданского права, а затѣмъ прибавимъ нѣсколько словъ по поводу двухъ новѣйшихъ трудовъ.

Изученіе греческаго права несравненно труднѣе изученія римскаго права. Основнымъ источникомъ для изученія римскаго права, какъ извѣстно, служить сборникъ права, составленный при императорѣ Юстиніанѣ и извѣстный подъ названіемъ Corpus iuris civilis. Чтобы изучать римское право, достаточно настолько ознакомиться съ латинскимъ языкомъ, чтобы быть въ

состояніи читать этотъ сборникъ. Къ тому чтеніе этого сборника значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что появилось и теперь еще появляется безчисленное количество болѣе или менѣе подробныхъ руководствъ, въ которыхъ вся матерія изложена до того подробно и наглядно, что ознакомиться съ содержаніемъ римскаго права можно и безъ знанія латинскаго языка. Мы говоримъ — ознакомиться, не больше, ибо научное изученіе и преподаваніе этого предмета безъ знанія латинскаго языка невозможно и немыслимо. Наука не признаетъ никакихъ посредниковъ и т. н. Eselsbrücken¹⁾, она требуетъ, чтобы всякій обязательно былъ въ состояніи самъ пользоваться источниками. Кто этого требованія исполнить не можетъ, того нельзя назвать ученымъ.

Это, именно, обстоятельство — незнаніе или, точнѣе, недостаточное знаніе греческаго языка было причиною тому, что юристы такъ мало изучали греческое право. Греческаго *corpus iuris* нѣтъ. Все, что намъ извѣстно о греческомъ правѣ, почерпнуто изъ рѣчей аттическихъ ораторовъ, изъ греческихъ надписей и изъ замѣтокъ греческихъ схолиастовъ, лексикографовъ и грамматиковъ. Чтобы быть въ состояніи изучать греческое право, нужно весьма хорошо и основательно знать греческій языкъ, такъ какъ на современные языки переведены только упомянутыя рѣчи, да и переводы эти далеко не совсѣмъ точны. Но одно точное знаніе греческаго языка также еще не особенно много помогаетъ. Чтобы быть въ состояніи вполнѣ точно и вѣрно понимать и толковать упомянутыя рѣчи, надписи и замѣтки, нужно быть филологомъ. Неудиви-

1) Нѣмцы, какъ извѣстно, этимъ словомъ обозначаютъ всякое пособіе, съ помощью котораго устраняется необходимость самостоятельной работы со стороны учащихся.

тельно, поэтому, что греческое право долгое время обрабатывалось исключительно филологами. Однако это послѣднее обстоятельство понятнымъ образомъ имѣло и свои невыгодныя стороны. Филологи знали столь же мало о юриспруденціи, сколько юристы о греческой филологіи. И вмѣсто того, чтобы возстановить государственное право, уголовное право, гражданское право и т. д., они нанизывали одну замѣтку за другой на одну нитку и весь этотъ конгломератъ замѣтокъ, не объединенныхъ ни единствомъ плана, ни общей идеей и не приведенныхъ въ систему, называли древностями. Филологія безъ древностей, повидимому, немыслима. Куда не посмотришь, все древности да древности, государственныя, правовыя, частныя, богослужебныя, сценическія и военныя древности. Когда это мы наконецъ дойдемъ до того, что избавимся отъ этихъ неизбѣжныхъ, примитивныхъ и неестественныхъ древностей и начнемъ говорить о правахъ государственномъ, уголовномъ, гражданскомъ, о сценическомъ искусствѣ, о военномъ дѣлѣ и т. д.! Чтобы осуществить это желаніе, придется отказаться отъ всѣхъ теперешнихъ руководствъ и составить новыя, систематическія сочиненія. Но развѣ такое требованіе можетъ считаться несправедливымъ? Мы этого не думаемъ, напротивъ — мы не понимаемъ, къ чему напр. постоянно переиздаются и обновляются руководства Негманн'а; къ чему нашивать на ветхую ткань новыя заплаты, если можно лучше написать новое, самостоятельное, систематическое сочиненіе?

Итакъ юристы, за нѣкоторыми лишь исключеніями, пренебрегали этимъ предметомъ, а филологи невѣрно принимались за дѣло. Между тѣмъ дѣло можетъ пойти на ладъ только тогда, когда юристы и филологи согласятся дружно подавать другъ-другу руку и общими силами примутся за обработку этой трудной матеріи.

Ошибки и промахи будутъ, конечно, встрѣчаться у тѣхъ и у другихъ, такъ какъ изъ юриста все-таки не выйдетъ настоящій филологъ и наоборотъ — ибо, чтобы сдѣлаться таковымъ, понадобилось бы не мало времени —, но представители той или другой науки не должны забывать, что *errare humanum est* и что поэтому надо снисходительно относиться къ ошибкамъ, сдѣланнымъ представителями чужой науки. Когда мы приступили къ обработыванію предлагаемой диссертациі, мы, какъ уже было нами замѣчено, предварительно по мѣрѣ возможности изучили греческое, римское и нѣкоторыя современныя права. Сдѣлали ли и мы въ своей диссертациі ошибки и промахи, судить, конечно, не намъ. Но если юристы найдутъ такіе промахи, то просимъ ихъ благосклонно относиться къ нашему труду, помня, что *errare humanum est* и что мы на поприщѣ юриспруденціи автодидакты; *in difficillimis et voluisse sat est*.

Въ новѣйшее время, впрочемъ, положеніе, въ которомъ находилось изученіе греческаго гражданскаго права, значительно улучшилось благодаря именно тому обстоятельству, что юристы наконецъ опомнились и энергично принялись за обработываніе этой интересной, но трудной матеріи. Во Франціи, правда, юристы принялись за это дѣло уже гораздо раньше: Dareste, Caillemer, Perrot, Barilleau, Guiraud обогатили нашу литературу рядомъ весьма интересныхъ и важныхъ монографій. За ними потомъ послѣдовали нѣмецкіе и австрійскіе юристы, напр. Н. F. Hitzig, Schulin, Hruza, Mitteis и др. Съ другой стороны филологи старались не отставать отъ юристовъ и пользуясь идеями, высказанными юристами, они одарили науку не менѣе важными и интересными трудами. Имена такихъ ученыхъ, какъ напр. Fustel de Coulanges и Foucart во Франціи, Buermann, Haf-

ter, Lipsius, Philippi, Schulthess, Thalheim и др. въ Германіи, всѣмъ филологамъ и юристамъ, занимавшимся этимъ предметомъ, хорошо извѣстны. Почва такимъ образомъ была нѣкоторымъ образомъ хорошо подготовлена, и если не мало еще оставалось работы, то все-таки настало время систематически обработать и объединить весь этотъ богатый, но разбросанный матеріалъ. Подобная работа, помимо разныхъ другихъ выгодъ, могла имѣть большой успѣхъ и въ томъ отношеніи, что ознакомляла постороннихъ лицъ съ достигнутыми до сихъ поръ результатами и могла привлечь новыхъ сотрудниковъ, вслѣдствіе разныхъ мнимыхъ и фактическихъ трудностей до сихъ поръ по возможности избѣгавшихъ соприкосновенія съ этой интересной матеріей.

Первую попытку такой систематизаціи греческаго или, точнѣе, аттическаго гражданскаго права представляетъ сочиненіе французскаго юриста Ludovic Beauchet, *Histoire du droit privé de la république athénienne* Paris 1897, т. I: LIII + 541 стр.; т. II: 552 стр.; т. III: 747 стр.; т. IV: 575 стр.; всего, стало быть, 2468 страницъ большаго формата in 8°! Всѣ эти четыре тома появились одновременно въ 1897 году. Если съ этимъ сочиненіемъ сравнить 183 страницы извѣстнаго руководства Hermann-Thalheim'a, то читателю будетъ еще яснѣе, до какой степени подробно изложена эта матерія у Beauchet. Каковы же достоинства этого сочиненія? Такъ какъ трудъ этотъ неоднократно уже критиковался — указываемъ главнымъ образомъ только на важнѣйшія рецензіи, а именно слѣдующія три: R. Dareste, въ *Journal des savants* 1897 стр. 338—349 и 393—404; H. F. Hitzig, въ *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte* т. XVIII, Romanistische Abtheilung, Weimar 1897, стр. 146—196; B. Keil, въ *Berliner philologische Wochenschrift* 1899 (XIX) стр. 979—991 —, такъ

какъ мы, далѣе, сами уже коснулись этого сочиненія въ самомъ началѣ этого введенія и такъ какъ намъ, наконецъ, неоднократно придется критиковать Beauchet въ самой диссертации, то мы здѣсь можемъ удовольствоваться двумя-тремя словами. Сочиненіе это, какъ уже было нами замѣчено, больше ничего, какъ подробная, добросовѣстная и безпристрастная компиляція. Лучшаго сопоставленія достигнутыхъ до сихъ поръ результатовъ и придумать нельзя. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, нельзя не похвалить автора. Единственная опасность, въ этомъ отношеніи, состоитъ только въ томъ, что нѣкоторые менѣе добросовѣстные ученые перестанутъ обращаться къ источникамъ Beauchet и будутъ довольствоваться тѣмъ, что резюмировано этимъ авторомъ. Что же касается научной стороны этого сочиненія, то авторъ заслуживаетъ меньшей похвалы. Диспозиція, какъ мы видѣли, за нѣкоторыми лишь исключеніями, безупречна: но тутъ важна только сама идея, такъ какъ группировать весь матеріалъ *mutatis mutandis* по примѣру римскихъ *Institutiones* было не трудно, такую работу могъ столь же хорошо сдѣлать любой филологъ. Отъ юриста же можно и нужно было ожидать, что онъ всѣ разбираемые здѣсь вопросы значительно подвинетъ впередъ. Между тѣмъ мы затрудняемся назвать хоть одинъ вопросъ, о которомъ можно было бы сказать, что изложеніе Beauchet представляло бы шагъ впередъ. Beauchet рабски зависитъ отъ своихъ предшественниковъ или, точнѣе, отъ своего ближайшаго предшественника. Опровергая мнѣнія другихъ ученыхъ онъ не только пользуется исключительно доводами и возраженіями того ученаго съ которымъ соглашается, но даже рабски пользуется его диспозиціей, такъ что характеръ этого сочиненія совершенно измѣняется, смотря по тому, пользуется ли онъ въ данномъ случаѣ сочиненіями либо Schul-

thess'a, либо Hruza, либо Hitzig'a и т. д. Равнымъ образомъ, какъ онъ счелъ возможнымъ, не измѣнивши ни слова, цѣликомъ перепечатать свою статью „De la polygamie et du concubinat à Athènes въ Nouvelle revue historique de droit français et étranger 1895 и отдѣльно Paris 1896, онъ въ первомъ томѣ идетъ по стопамъ юриста Hruza (семейное право) и филолога Hafter'a (эпиклеры), во II томѣ: филологовъ Schulthess'a (опека) и младшаго Foucart'a (отпущеніе на волю), въ III томѣ: юристовъ Hitzig'a (ипотечное право) и Schulin'a (духовное завѣщаніе) и филологовъ Meier - Schoemann - Lipsius (стр. 600 сл. = Att. Process стр. 605 сл.) и т. д. Если авторы эти пользуются надписями, то и у него цитуются надписи; если другіе авторы, какъ напр. Hruza, не пользуются надписями, то для него надписи какъ будто и не существуютъ; если же авторы, которыми онъ воспользовался, пользовались надписями, но сочиненія ихъ сами уже устарѣли, то и у Beauchet встрѣчаются такія цитаты, которыя невольно заставляютъ читателей улыбаться, ср. напр. т. II стр. 6 сл., гдѣ родосскія надписи цитуются по Foucart'у Inscr. inéd. de Rhodes и Corp. inscr. Graec. Voeckh'a, между тѣмъ какъ въ 1895 году появилось отличное изданіе Hiller'a von Gaertringen: Inscriptiones Graecae insularum maris Aegaei I. Inscr. insul. Rhodi etc. У Schulthess'a особая глава (гл. VII), озаглавленная „Vormundtschaftsklagen“. Въ исторіи гражданскаго права не мѣсто говорить о процессахъ и такъ какъ остальные источники о процессахъ не говорятъ, то и у Beauchet въ остальныхъ частяхъ этого сочиненія о процессахъ не говорится. Schulthess, который говорилъ вообще объ опекахъ надъ малолѣтними и котораго, поэтому, интересовали также процессы, возникавшіе по дѣламъ объ опекахъ, съ полнымъ правомъ прибавилъ эту главу. Beauchet же, который, какъ мы видѣли, о

процессахъ не говорить, не смотря на то перенялъ всю эту седьмую главу Schulthess'a. Что Beauchet, далѣе, до того рабски зависитъ отъ своихъ предшественниковъ, что, резюмируя ихъ мнѣнія, обыкновенно почти дословно пользуется ихъ же словами, въ особенности, если это французы — объ этомъ намъ пришлось неоднократно говорить въ самой диссертаци. Если къ этому еще прибавить, что новыхъ, самостоятельныхъ идей и мнѣній въ этомъ сочиненіи почти нѣтъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое мы себѣ составили въ 1897 году по прочтеніи этого сочиненія и которое теперь можетъ считаться общепринятымъ, что книга Beauchet никогда не утратитъ своего значенія, такъ какъ болѣе удобной справочной книги и пожелать нельзя, но что, съ другой стороны, сочиненіе это нельзя назвать ни исторіей гражданскаго права — такъ какъ постепенное развитіе отдѣльныхъ учрежденій автора нисколько не интересуетъ —, ни систематическимъ изложеніемъ этой матеріи — такъ какъ авторъ до того расплывается въ частностяхъ и до того увлекается воспроизведеніемъ и опроверженіемъ чужихъ мнѣній (при помощи чужихъ же мнѣній), что читатель подчасъ просто не знаетъ, къ чему именно клонится его аргументація. Еслибы книга Beauchet была короче и авторъ строго формулировалъ какъ мнѣнія остальныхъ ученыхъ, такъ и свое собственное мнѣніе, то въ результатѣ вышло бы несравненно болѣе полезное сочиненіе.

Намъ остается еще вкратцѣ остановиться на другомъ сочиненіи: O. Müller, Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger- und Eherechts, въ Jahrbücher für classische Philologie, Supplement XXV, Leipzig 1899, стр. 661—866. Такъ какъ и объ этомъ сочиненіи неоднократно приходилось говорить въ нашей диссертаци, то здѣсь можно удовольствоваться краткой ха-

рактистикой этого сочиненія. Müller въ 1895 году (ср. Neue Philologische Rundschau XV 1895 № 26 стр. 415) самъ указалъ на это сочиненіе и при этомъ случаѣ сказалъ: „Die herrschende Lehre ist revisionsbedürftig, sie harrt einer unbefangenen, mit streng histor.-philol. Methode geführten Untersuchung“. Можно ли примѣнить эти слова къ упомянутому сочиненію Мюллера? Что на поприщѣ правъ гражданскаго и семейнаго не мало оставалось спорныхъ вопросовъ, не подлежитъ сомнѣнію, такъ что въ этомъ отношеніи сочиненіе его нельзя назвать бесполезнымъ или лишнимъ. Что касается, далѣе, метода изслѣдованія, то методъ этотъ дѣйствительно можетъ быть названъ строгимъ историко-филологическимъ методомъ, такъ какъ онъ строго различаетъ отдѣльные періоды и, начиная съ IV вѣка, о которомъ мы, понятнымъ образомъ, имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, мало по малу путемъ обратныхъ заключеній углубляется въ болѣе древнія времена. Диспозиція его слѣдующая: I: Die Zeit nach 403; III: 411—403; IV: 451—411; V: Vor 451 (508—451, с. 581—508, 632—с. 581). Если же спросить, дѣйствительно ли сочиненіе его можно назвать безпристрастнымъ и дѣйствительно ли изслѣдованіе ведется безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, то на нашъ взглядъ, этого нельзя сказать объ этомъ сочиненіи. Безпристрастнымъ сочиненіе это, на примѣръ, нельзя назвать потому, что Мюллеръ, который неоднократно говоритъ о тѣхъ же вопросахъ, какъ и Beauchet, ни разу не цитуетъ его, не смотря на то, что сочиненіе Мюллера появилось два-три года спустя. Что же касается предвзятыхъ мнѣній, то таковыхъ не мало, и притомъ эти предвзятые мнѣнія именно и являются фундаментами всѣхъ конструкцій и теорій Мюллера. Такъ напр. онъ увѣренъ, что словомъ *νόθος* исключительно обозначается дитя, происшедшее отъ брака Аѳинянина съ чужестранкой. Если отвергнуть

это толкованіе — а въ неправильности этого толкованія сомнѣваться нельзя —, то отъ множества остроумныхъ конструкцій ровно ничего не остается. Или Мюллеръ, далѣе, приписываетъ важное значеніе 411 году и слѣдующему затѣмъ періоду 411—403. На самомъ дѣлѣ 411 годъ является вполне проблематичнымъ и опредѣленъ имъ путемъ довольно сомнительной аргументаціи. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, такъ какъ въ нашей рѣчи не говорится ни о правѣ гражданства, ни о V столѣтіи, поэтому мы только вкратцѣ укажемъ на то, что онъ на этомъ шаткомъ фундаментѣ строить всевозможныя остроумныя, но не менѣе шаткія гипотезы. Что касается труднаго и запутаннаго вопроса о бигаміи или законномъ конкубинатѣ — о чемъ въ диссертациіи придется подробно говорить — то Мюллеръ полагаетъ, что этотъ ларчикъ просто открывается; однако, ключъ, которымъ онъ вездѣ пользуется (расторженіе предшествующаго брака), на самомъ дѣлѣ самая обыкновенная еомка. Такимъ образомъ можно устранять какія угодно трудности. Нужно, однако, отдать автору справедливость и сознаться, что въ его сочиненіи и не мало такихъ результатовъ, съ которыми нельзя не соглашаться. Вообще въ этомъ сочиненіи много новыхъ, самостоятельныхъ и интересныхъ идей, которыя, если имъ и не удалось рѣшить всѣхъ проблемъ, по крайней мѣрѣ имѣли ту выгоду, что освѣтили эти спорные вопросы съ разныхъ новыхъ сторонъ и этимъ не мало способствовали разъясненію этихъ вопросовъ. Рѣшать эти проблемы придется теперь другимъ ученымъ. На сколько онѣ соприкасаются съ нашей рѣчью, и мы со своей стороны потрудились принести свою лепту. Удалось ли намъ рѣшить тотъ или другой спорный вопросъ, судить, конечно, не намъ.

Пора уже, однако, приступить къ толкованію на-

шей рѣчи. Мы еще разъ повторяемъ, что избрали эту рѣчь потому, что въ ней множество весьма трудныхъ и запутанныхъ, но далеко еще не рѣшенныхъ вопросовъ. Фактъ этотъ, на первый взглядъ, можетъ показаться страннымъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не можетъ удивить того, кому извѣстно, какою, по правдѣ сказать, скудостью, проблематичностью и неясностью отличаются наши источники по отношенію къ антическому гражданскому праву. Остановимся, напри- мѣръ, на данной рѣчи Исея. Исей подробно и обстоятельно излагаетъ все дѣло и поэтому, казалось бы, не могло бы быть никакого сомнѣнія. Однако ни Исея, ни другихъ древнихъ ораторовъ — не исключая, конечно, и Демосѣена — нельзя сравнивать съ современными адвокатами. Вотъ что замѣчаетъ по этому поводу вышеупомянутый Beauchet¹⁾: „с'est avec une réserve extrême que l'on peut user de ces discours composés par des logographes qui, malgré leur talent, n'hésitaient à speculer sur l'ignorance des juges, à dénaturer au besoin les dispositions de loi qu'ils invoquaient, ou tout au moins à les paraphraser tellement pour les besoins de la cause . . . qu'il est presque impossible, sous l'étalage d'une argumentation suspecte et intéressée, de discerner la véritable disposition de la loi. . . . Nous ne pouvons donc utiliser qu'avec une grande discrétion les documents ou les renseignements que les orateurs nous fournissent, et nous devons toujours craindre de tomber dans quelque piège destiné aux héliastes.“ Однако то, что Бошэ здѣсь сообщаетъ о толкованіи законовъ, равнымъ образомъ относится и къ изложенію самого предмета иска. Какими хитростями и уловками пользовались древніе Аѣиняне для пріобрѣтенія открывшагося богатаго на-

1) Ср. Beauchet, l. c., I, préface, стр. XXXI сл.

слѣдства, явствуеть изъ многихъ рѣчей древнихъ ораторовъ. Весьма типично, въ этомъ отношеніи, то, что сообщаетъ Исей въ четвертой рѣчи *περὶ τοῦ Νικοστράτου κλήρου* §§ 7 сл. Когда умеръ Никостратъ, рассказываетъ Исей, то откуда ни возьмись явились всевозможные просто неимовѣрные претенденты на оставленное умершимъ имущество. Люди, которыхъ онъ при жизни никогда не зналъ и не видалъ, явились въ черной траурной одеждѣ и съ остриженными въ знакъ печали волосами и, выдавая себя за родственниковъ покойнаго (напр. за сыновей, усыновленныхъ по духовному завѣщанію, за внуковъ, двоюродныхъ братьевъ и т. п.) требовали его имущества; другіе, со своей стороны, ссылались на разные документы, на основаніи которыхъ они считали себя законными наслѣдниками; нѣкій Аминіадъ требовалъ наслѣдства для трехлѣтняго ребенка, называя его сыномъ Никострата, между тѣмъ какъ послѣдній лѣтъ десять тому назадъ уѣхалъ изъ Аѣинъ и болѣе уже туда не возвращался; двое, наконецъ, выдавали Никострата за своего вольноотпущенника и какъ патроны его считали себя въ правѣ пріобрѣсти его наслѣдство. Въ §§ 11 сл. данной рѣчи Исей поэтому требуетъ, чтобы въ Аѣинахъ былъ изданъ новый законъ, въ силу котораго человѣкъ, уличенный въ домогательствѣ наслѣдства путемъ происковъ, долженъ былъ заплатить сумму, равную той, которую онъ намѣревался получить по наслѣдству. Такой законъ, однако, не былъ изданъ и обстоятельства эти нисколько не измѣнились. Можно даже съ большой вѣроятностью смѣло утверждать, что и самъ Исей, не смотря на вышеизложенное предложеніе, при случаѣ нисколько не совѣстился излагать данное дѣло въ пользу своего кліента.

Наше весьма незавидное положеніе усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ болѣе нѣтъ

рѣчей, произнесенныхъ противниками. Поэтому мы не въ состояніи по отношенію къ рѣчамъ древнихъ ораторовъ примѣнять общепринятое правило „*audiatur et altera pars*“, мы не въ состояніи съ помощью рѣчей противной стороны провѣрять показанія авторовъ сохранившихся рѣчей, ни относительно точности приводимыхъ ими законовъ, ни относительно самого изложенія предмета иска и предшествующихъ данному процессу событій. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, не удивительно, что ученые такъ сильно расходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на многіе запутанные и трудные вопросы.

Въ нашемъ изложеніи мы будемъ придерживаться слѣдующей диспозиціи. Сначала мы ознакомимся съ событіями, предшествовавшими этому процессу и съ предметомъ даннаго иска (Глава I); затѣмъ мы постараемся опредѣлить все то, что намъ извѣстно о личностяхъ, о которыхъ говорится въ этомъ процессѣ (Глава II); послѣ этого мы перейдемъ къ подробному разбору всѣхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, которыхъ, какъ уже было нами замѣчено, не мало въ шестой рѣчи Исея (Глава III); въ заключеніе мы прибавимъ нѣсколько экскурсовъ и приложений (Глава IV) и текстъ этой рѣчи съ критическимъ аппаратомъ.

ГЛАВА I.

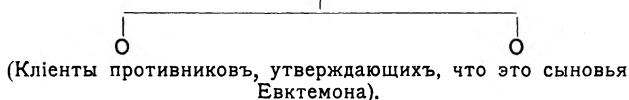
Содержаніе шестой рѣчи Исея и предметъ даннаго иска.

Приступая къ пересказу событій, предшествовавшихъ нашему процессу, мы еще разъ повторяемъ, что нашимъ единственнымъ источникомъ служить рѣчь Исея и что поэтому мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи провѣрить достовѣрности этого разсказа. Однако, не смотря на то, мы всетаки считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что въ шестой рѣчи если и не всѣ частности, то по крайней мѣрѣ главнѣйшіе пункты этого разсказа безъ всякаго сомнѣнія носятъ на себѣ печать правдивости и достовѣрности. Для бѣльшей наглядности и ясности мы, впрочемъ, предпошлемъ родословную таблицу, которая, однако, будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ частей или таблицъ, такъ какъ семейство Алки, на нашъ взглядъ, не находилось ни въ какомъ родствѣ съ семействомъ Евктемона; не лишнимъ считаемъ, далѣе, замѣтить, что по общепринятому обычаю и мы знакомъ „О“ обозначаемъ сына, а знакомъ „Δ“ дочь.

II.

Діонъ — Алка

Евктемонъ, богатый Аѳинянинъ, былъ женатъ на дочери нѣкоего Миксіада и имѣлъ отъ нея пятеро законнорожденныхъ дѣтей, а именно трехъ сыновей — Филоктемона, Ергамена и Ге-гемона — и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла за мужъ за Хэрея, а другая за Фанострата.

Послѣ многолѣтней и счастливой семейной жизни, Евктемонъ, находясь уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вдругъ влюбился въ публичную женщину, называвшуюся Алкой, которая такъ хорошо счумѣла опутать своими сѣтями и обольстить этого добродушнаго старичка, что онъ въ концѣ концовъ бросилъ свою семью и переѣхалъ къ ней на квартиру. Эта особа, которую онъ уже до этого сдѣлалъ управляющей одного изъ его наемныхъ домовъ въ Керамикѣ и экономкой находившагося въ этомъ домѣ трактира, конечно не безъ умысла старалась обворовать этого дряхлаго старичка, къ которому она, само собою разумѣется, никакой любви питать не могла. Привлекши его къ себѣ на квартиру и устранивъ такимъ образомъ всѣхъ ближайшихъ родственниковъ Евктемона, которые понятнымъ образомъ всячески старались образумить своего дорогаго мужа и родителя, Алка вскорѣ послѣ того сдѣлала значительный шагъ впередъ. Она уговорила Евктемона узаконить ея старшаго сына¹⁾. Евктемонъ былъ до того плѣненъ ею, что пренебрегая узами родства и предпочитая сына публичной женщины своимъ собственнымъ законнымъ дѣтямъ, рѣшился внести ея старшаго сына въ списки своей фратріи какъ своего собственного.

1) На самомъ дѣлѣ она домогалась не узаконенія, а усыновленія, такъ какъ отъ Евктемона у нея дѣтей не было: оба сына были прижиты ею въ ея прежнемъ сожитіи съ вольноотпущенникомъ Діономъ. Разница между узаконеніемъ и усыновленіемъ, какъ извѣстно, та, что узаконяются собственные незаконнорожденные дѣти узаконяющаго — каковыхъ у Евктемона, если принять во вниманіе его старческій возрастъ, понятнымъ образомъ быть не могло — усыновляются же чужія дѣти, будь они законнорожденные или незаконнорожденные.

Однако этому воспротивились его родственники. Такъ какъ двухъ сыновей, Ергамена и Гегемона, уже не было болѣе въ живыхъ, то охранять интересы семьи пришлось одному Филоктемону. Старанія послѣдняго увѣнчались успѣхомъ. Фраторы отказались записать мальчика въ списки фратріи и узаконеніе ребенка такимъ образомъ не состоялось.

Евктемонъ, впрочемъ, не смотря на то, нисколько не упалъ духомъ. Не достигши такимъ образомъ своей цѣли, онъ придумалъ другой, повидимому болѣе надежный способъ, чтобы все-таки добиться узаконенія сына Алки. Онъ обручился съ сестрою Аеинянина Демократа. Филоктемонъ и остальные родственники, конечно, очень хорошо понимали, что въ предстоящемъ съ нею брачномъ сожитіи Евктемонъ по старости лѣтъ ни въ какомъ случаѣ не могъ прижить дѣтей. Но такъ какъ, съ другой стороны, вся эта процедура безъ всякаго сомнѣнія была затѣяна единственно для того, чтобы создать новыхъ наслѣдниковъ — въ этомъ случаѣ, конечно, подкидышей, число которыхъ притомъ могло расти съ каждымъ годомъ — и этимъ нанести вредъ Филоктемону, то послѣдній по совѣту своихъ родственниковъ покорился необходимости и совершилъ съ отцомъ слѣдующую мировую сдѣлку: бракъ съ сестрою Демократа не состоялся, старшій сынъ Алки былъ внесенъ въ списки фратріи какъ собственный сынъ Евктемона и получилъ въ наслѣдство имѣніе.

Вскорѣ послѣ того Филоктемонъ былъ убитъ въ морскомъ сраженіи при Хиосѣ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ усыновилъ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего племянника Хэстрата, сына его сестры, вышедшей за мужъ за Фанострата; это духовное завѣщаніе было имъ отдано на сохраненіе другому зятю, Хэрею. Евктемонъ же сообщилъ своимъ зятьямъ Фанострату и Хэрею, что во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній намѣревается укрѣпить за сыномъ Алки вышеупомянутое имѣніе и составилъ въ присутствіи ихъ надлежащее духовное завѣщаніе, которое вслѣдъ затѣмъ было отдано на сохраненіе одному изъ его родственниковъ, Пиеодору. Два года послѣ того умеръ и Хэрей.

Такъ какъ по смерти Филоктемона у старика Евктемона болѣе не было законныхъ сыновей, то Андроклъ и Антидоръ, близкіе родственники послѣдняго — по всей вѣроятности племянники —, задумали присвоить себѣ его имущество. Не видя однако никакой возможности достигнуть своей цѣли безъ посторонней помощи, они вошли въ сношеніе съ Алкой и составили

съ нею заговоръ противъ Евктемона и его законныхъ наслѣдниковъ. Въ сущности роль Алки была весьма незавидная. Какъ любовница Евктемона она, конечно, могла требовать отъ этого дряхлаго старика, влюбленнаго въ нее по уши, все что ей было угодно, и въ этомъ отношеніи ея содѣйствіе было просто неоцѣнимо. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Андроклъ и Антидоръ пользовались ею только какъ средствомъ для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, по достиженіи которыхъ они несомнѣнно по той или другой вымышленной ими причинѣ безъ всякихъ церемоній устранили бы какъ ее, такъ и ея сыновей.

Первымъ дѣломъ ихъ было уговорить Евктемона отмѣнить прежнее духовное завѣщаніе какъ весьма невыгодное для дѣтей Алки, при чемъ они указывали на то, что послѣ смерти Евктемона все недвижимое имущество достанется его дочерямъ и ихъ дѣтямъ, а не сыновьямъ Алки; если же онъ превратитъ свое недвижимое имущество въ наличныя деньги, то онъ этимъ вполнѣ обезпечитъ дѣтей Алки. Евктемону, конечно, это чрезвычайно понравилось, такъ какъ онъ, какъ мы видѣли, совершенно разошелся со своей семьею. Онъ немедленно отправился къ Пиеодору и потребовалъ выдачи духовнаго завѣщанія. Пиеодоръ смекнулъ въ чемъ дѣло и отказался удовлетворить его желаніе. Дѣло это, поэтому, было представлено въ судъ. Представъ предъ судъ Пиеодоръ заявилъ, что нисколько не отказывается возвратить духовное завѣщаніе, но что это можетъ состояться только законнымъ порядкомъ, а именно — въ присутствіи обоихъ свидѣтелей т. е. Фанострата и Хэрея; а такъ какъ Хэрея болѣе нѣтъ въ живыхъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ выдать духовное завѣщаніе только тогда, когда для оставшейся за Хэреемъ дочери будетъ назначенъ опекунъ и если ни тотъ, ни Фаностратъ не предъявятъ никакихъ претензій противъ выдачи духовнаго завѣщанія. Къ этому мнѣнію присоединился и первый (эпонимный) архонтъ, предсѣдательствовавшій при разборѣ этого дѣла. Тогда Евктемонъ публично заявилъ, что не признаетъ болѣе своего духовнаго завѣщанія и удалился. Большая же часть его недвижимаго имущества была мало по малу распродана Андрокломъ и Антидоромъ.

Однако они этимъ нисколько не удовольствовались. Черезъ нѣкоторое время они придумали новый планъ. Они отправились къ эпонимному архонту и сообщили ему, что сыновья Алки были усыновлены покойными сыновьями Евктемона, одинъ изъ нихъ

Гегемономъ¹⁾, а другой Ергаменомъ и, выдавая себя за опекуновъ этихъ дѣтей, требовали, чтобы имѣнія, состоящія въ опекѣ, немедленно были сданы въ аренду. Архонтъ исполнилъ ихъ желаніе, означенныя имѣнія были предложены на откупъ и Андроклъ съ Антидоромъ сами старались взять ихъ въ аренду. Еслибъ это имъ удалось, то и эта часть Евктемонова имущества сдѣлалась бы ихъ достояніемъ. Но къ счастью нѣкоторые изъ присутствующихъ сообщили объ этомъ родственникамъ Евктемона, которые немедленно явились и открыли судьямъ глаза. Отдача въ аренду такимъ образомъ не состоялась и Евктемонъ удержалъ за собою эти имѣнія, которыя, по словамъ Исея, не равнялись даже половинѣ его прежняго имущества: все остальное было продано, а вырученныя деньги находились въ рукахъ этихъ пройдохъ.

Наконецъ на девяносто шестомъ году отъ роду умеръ Евктемонъ, однако смерть его нисколько не избавила его семьи отъ козней этихъ пройдохъ. Наглость ихъ высказалась немедленно въ томъ, что они его семьѣ ничего не сообщили о его смерти, а поскорѣе убрали все оставшееся за нимъ движимое имущество въ сосѣдній домъ, въ которомъ жилъ въ то время Антидоръ. Когда же на другой день семья случайно узнала о случившемся и явилась къ Алкѣ, то они не впустили ихъ и сказали имъ, что все, что относится къ похоронамъ Евктемона, до нихъ ничуть не касается. Равнымъ образомъ они воспрепятствовали имъ также въ обыскѣ квартиры Антидора. Съ большимъ трудомъ семьѣ къ вечеру наконецъ удалось проникнуть въ квартиру уопшаго.

Но этимъ козни заговорщиковъ не ограничились — они осмѣлились даже сдѣлать попытку, не удастся ли имъ на основаніи судебного приговора (т. е. повидимому законнымъ путемъ) добиться наслѣдства Евктемона.

Единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ могъ считаться только Хэрестратъ, усыновленный Филоктемономъ. По аѳинскимъ законамъ сыновья и ихъ дѣти относительно наслѣдства имѣли

1) Въ рукописи читается Φιλοκτήμονος, что очевидно превратно. Мы съ Бюрманомъ одобряемъ блестящую конъектуру Sauppe, Symbolae ad emendandos oratores atticos, Goett. 1873, стр. 10 сл. = Ausgew. Schriften, Berlin 1896, стр. 681 сл., ибо въ § 36 ясно сказано ἀπογράφουσι τῷ παιδὲ πρὸς τὸν ἀρχοντα ὃς ἐισποιήτω τοῖς τοῦ Εὐκτῆμονος υἱέσι τοῖς τετελευτηκόσιν. Филоктемона, правда, во время процесса также не было въ живыхъ, но Sauppe совершенно правъ, что къ нему слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть относимы.

преимущество передъ дочерьми. Такъ какъ изъ сыновей Евктемона сначала умерли Ергаменъ и Гегемонъ, то нѣкоторое время единственнымъ наслѣдникомъ могъ считаться одинъ Филоктемонъ; когда же наконецъ и тотъ умеръ (всѣ трое умерли бездѣтно), то законными наслѣдниками могли считаться не сестры ихъ, а напротивъ Хэрестратъ, усыновленный Филоктемономъ и поэтому пользующійся всѣми правами законнорожденного сына. Въ этомъ отношеніи, стало быть, дѣло о наслѣдствѣ Евктемона не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Однако это обстоятельство нисколько не смущало Андрокла и Антидора. Какъ шатки были, съ одной стороны, ихъ доводы, и съ какою они, съ другой стороны, дѣйствовали предусмотрительностью, явствуетъ изъ того, что они, чтобы ни въ какомъ случаѣ не проиграть процесса, рѣшились выступить противъ Хэрестрата съ двоякой интригой. Эта остроумная тактика помимо разныхъ несомнѣнныхъ выгодъ имѣла, однако, и свою ахиллесову пяту — обѣ интриги были діаметрально противоположны другъ другу, одна исключала другую. Единственный моментъ, встрѣчающійся въ той и другой интригѣ, это фундаментъ, на которомъ основывались ихъ происки. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они, именно, утверждали, что Филоктемонъ, во - первыхъ, никакого завѣщанія не составилъ, а, во - вторыхъ, и не могъ составить, такъ какъ при жизни отца онъ никакого не имѣлъ права завѣщать кому бы то ни было отцовское имущество. На этомъ, именно, фундаментѣ основывались обѣ интриги.

Андроклъ, несомнѣнно старшій братъ Антидора, который проницательностью превосходилъ остальныхъ конкурентовъ Хэрестрата и притомъ, очевидно, былъ главою этого заговора, попытался было присвоить одному себѣ все наслѣдство. Ссылаясь на то, что Филоктемонъ духовнаго завѣщанія не составилъ и что ни старикъ Евктемонъ, ни сыновья его по себѣ сыновей не оставили, онъ утверждалъ, что наслѣдство должно достаться вдовѣ Хэрея какъ дочери - наслѣдницѣ, а самъ, какъ ближайшій родственникъ требовалъ ея руки, чтобы такимъ образомъ получить все наслѣдство ¹⁾).

Однако эта интрига вдругъ показалась ему почему-то либо невыгодной, либо не особенно надежной — во всякомъ случаѣ

1) Въ толкованіи спорнаго § 46 мы вполне расходимся съ остальными учеными. См. ниже Гл. III § 3, гдѣ мы постарались подробно мотивировать и доказать это новое толкованіе.

онъ теперь счелъ болѣе удобнымъ дѣйствовать сообща съ Антидоромъ. Они стали утверждать, что сыновья Алки не ея дѣти, а законнорожденные сыновья Евктемона, прижитые имъ, будто бы, въ бракъ съ его мнимой законной супругой Каллиппой, дочерью нѣкоего Лемносскаго уроженца Пистоксена. А такъ какъ это законные сыновья Евктемона, то кромѣ нихъ, доказывали они, другихъ законныхъ наслѣдниковъ и быть не могло. Себя же Андроклъ и Антидоръ называли опекунами этихъ малолѣтнихъ законныхъ сыновей Евктемона. И въ этомъ второмъ случаѣ они оспаривали подлинность Филоктемонова духовнаго завѣщанія.

Вторая интрига была несомнѣнно выгоднѣе первой. Они и здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, получили бы все наслѣдство, еслибъ выиграли процессъ. Но между тѣмъ, какъ при первой интригѣ въ случаѣ, еслибъ они проиграли процессъ, дѣло этимъ бы и кончилось, вторая интрига доставляла еще ту выгоду, что еслибъ эти дѣти противъ ожиданія почему-то не были признаны законными дѣтьми Евктемона, они могли отказаться отъ второй интриги и опять избрать первую.

Однако вся эта тактика имѣла, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, свою ахиллесову пяту, заключающуюся въ томъ, что и та и другая интрига до того противорѣчили другъ другу, что противной сторонѣ на основаніи этого именно противорѣчія не трудно было доказать полную неосновательность ихъ требованій и шаткость ихъ доводовъ. Ибо еслибъ эти сыновья Алки въ самомъ дѣлѣ были законными сыновьями Евктемона, то на какомъ же основаніи Андроклъ, не смотря на то, что былъ ихъ опекуномъ, въ первомъ случаѣ намѣревался совершенно обойти ихъ и присвоить себѣ наслѣдство, требуя руки вдовы Хэрея? Если эти дѣти были законными сыновьями Евктемона, то дочери его ни въ какомъ случаѣ не могли быть дочерьми-наслѣдницами. Если же, съ другой стороны, это были дѣти Алки, а не Евктемона — какъ это отлично доказывается въ нашей рѣчи —, то на какомъ основаніи они во второмъ случаѣ старались лишить дочерей Евктемона подобающаго имъ законнаго наслѣдства? И какъ, наконецъ, можно было объяснить, что въ одномъ случаѣ они объ этихъ мальчикахъ ни слова не говорили, въ другомъ выдавали ихъ за законныхъ сыновей Евктемона, а въ третьемъ (см. выше) утверждали, что мальчики эти были усыновлены Гегемономъ и Ергаменомъ? Этихъ противорѣчій не могла не замѣтить партія Хэрестрата (см. въ особенности §§ 46 и 56 сл.). Андроклъ, слѣдовательно, не смотря на свою хитрость, самъ, оче-

видно, отпилилъ сукъ, на которомъ онъ сидѣлъ. Однако это уже относится къ судебному рѣшенію — а судебного рѣшенія мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, а можемъ только догадываться, каковъ былъ исходъ этого процесса.

Что же касается предмета данного иска, то нужно еще замѣтить, что Андроклъ тогда, когда Хэрестратъ по смерти Евктемона хотѣлъ судебнымъ порядкомъ быть утвержденнымъ въ правахъ наслѣдованія, вошелъ въ судъ съ діамартиріей т. е. хотѣлъ посредствомъ свидѣтельскихъ показаній доказать, что дѣло не подлежитъ суду, такъ какъ Евктемонъ оставилъ по себѣ законныхъ сыновей, а Филоктемонъ умеръ безъ завѣщанія. Хэрестратъ же со своей стороны подалъ противъ этого протестъ и обвинилъ своихъ противниковъ въ лжесвидѣтельствѣ (ψευδομαρτυρίων). Дѣло, по которому была произнесена наша шестая рѣчь, есть именно эта δίκη ψευδομαρτυρίων.

Въ этой рѣчи Хэрестрату надлежало доказать слѣдующіе два пункта: 1) что Филоктемонъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи дѣйствительно усыновилъ его и 2) что эти мальчики ничуть не законные сыновья Евктемона, а просто сыновья публичной женщины Алки и ея любовника Діона. Хэрестратъ, впрочемъ, по своей молодости и неопытности не самъ произнесъ эту рѣчь, а ограничился нѣсколькими вступительными словами; нашу рѣчь — сочиненную Исеемъ, но произнесенную не имъ самимъ — говорилъ одинъ изъ лучшихъ друзей Хэрестрата¹⁾.

1) Объ Аѣинскихъ защитникахъ или адвокатахъ (συνηγοροί) см. Meier-Schoemann-Lipsius Att. Process, стр. 920 сл. Если тяжущійся полагалъ, что своею рѣчью не достигнетъ желанной цѣли, то въ концѣ рѣчи, съ дозволенія судей, вызывалъ одного или нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей (преимущественно людей краснорѣчивыхъ, свѣдущихъ въ законахъ или знатныхъ), чтобы тѣ заступились за него (συνηγορεῖν, συνηγορία, συνηγοροί). Такая συνηγορία могла состоять либо въ краткомъ эпилогѣ, либо въ подробномъ изложеніи нѣкоторыхъ пунктовъ; нерѣдко, впрочемъ, такая συνηγορία превращалась въ главную рѣчь (какъ напр. наша VI рѣчь и IV рѣчь Исея), а тяжущійся довольствовался нѣкоторыми словами, въ которыхъ объявлялъ, что чувствуетъ себя неспособнымъ защищать самого себя. Однако не смотря на то упомянутые συνηγοροί всячески стараются оправдать свое появленіе предъ судомъ и поэтому ссылаются либо на дружеское отношеніе къ своему кліенту (напр. наша VI рѣчь), либо на свою ненависть къ противнику, либо на какую-нибудь другую уважительную причину, чтобы не навлечь на себя подозрѣніе, будто они дозволили себя подкупить, что не только считалось гнуснымъ, но и было запрещено законами подъ страхомъ наказанія.

ГЛАВА II.

Вопросы аттической прозопографіи.

Въ предъидущей главѣ мы изложили событія, предшествовавшія этому процессу и опредѣлили предметъ иска. Обратимся теперь къ нашей второй задачѣ, а именно — постараемся по возможности опредѣлить все то, что намъ извѣстно о личностяхъ, о которыхъ говорится въ данномъ процессѣ.

1. Евктемонъ. Объ Евктемонѣ кромѣ того, что сообщается въ шестой рѣчи Исея и что выше вкратцѣ изложено, почти ничего не извѣстно. Luzac¹⁾ отождествляетъ его съ соименнымъ эпонимнымъ архонтомъ 408/7 г. = Ol. 93,1²⁾ и пишетъ между прочимъ слѣдующее: „Quum autem ex Isaei oratione appareat, Euctemona illum, de quo agit, inter locupletissimos et insigniores cives fuisse atticos, aetas autem viri in haec tempora cadat, probabili conjectura eundem fuisse archonta existimo. Quippe Euctemon annum aetatis implevit nonagesimum sextum; caussa de haereditate illius ac Philoctemonis acta est paulo post prioris mortem. . . .³⁾ Ergo in

1) См. J. Luzac, Lectiones Atticae. De διαμύχῃ Socratis dissertatio, Lugduni 1809, стр. 55 сл., прим. 13. Къ этому мнѣнію присоединился Friedrich, Bemerkungen zu Isaios, Gymnasialprogramm, Darmstadt 1875, стр. 8.

2) Friedrich l. c. ошибочно пишетъ Ol. 94,1. Впрочемъ, такъ какъ въ 404/3 г. = Ol. 94,1 была такъ называемая ἀναρχία и такъ какъ Фридрихъ самъ ссылается на Luzac'a, то это, очевидно, только либо описка, либо опечатка.

3) Четырнадцатый параграфъ нашей рѣчи даетъ намъ возможность совершенно точно опредѣлить дату этого процесса. Въ означенномъ § 14 сообщается, что съ начала сицилійской экспедиціи т. е. съ архонтства Аримнеста прошло уже 52 года. А такъ какъ Аримнестъ былъ архонтомъ въ 416/5 году = Ol. 91,1, то нашъ процессъ состоялся либо въ 365/4, либо въ

medio vitae cursu, 48 vel 50 annos natus ¹⁾, Euctemo, de quo agitur, aetatisque adeo in flore erat eodem illo anno, quo Euctemon archon memoratur“.

Спрашивается, однако, имѣлъ ли Luzac право отождествлять этихъ обоихъ Евктемоновъ? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, разумѣется, дать нельзя. Съ одной стороны можно замѣтить, что Евктемонъ (какъ мы ниже увидимъ) дѣйствительно принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ, что родъ его былъ приписанъ къ одному изъ важнѣйшихъ демовъ — Кефисіи, что возрастъ его, какъ мы видѣли, также нисколько не препятствовалъ ему въ занятіи этой должности, и что поэтому — при полномъ молчаніи Исея — противъ его архонтства, безспорно, никакихъ уважительныхъ причинъ привести нельзя. Но развѣ этого достаточно? Нужно-же, съ другой стороны, откровенно сознаться, что и доказать по крайней мѣрѣ правдоподобность его архонтства никакъ нельзя. Имя Εὐκτῆμωνъ встрѣчается до того часто въ Аѳинахъ — какъ въ литературѣ, такъ и въ декретахъ —, что было-бы въ методическомъ отношеніи непозволительно на основаніи вышеприведенныхъ пустыхъ предположеній отождествлять этихъ обоихъ Евктемоновъ²⁾. Онъ могъ быть архон-

364/3 году, смотря потому, включенъ ли Исеемъ самый годъ архонтства Аримнеста или нѣтъ. Мы лично предпочитаемъ вторую возможность: рѣчь эта, на нашъ взглядъ, произнесена въ 364/3 г. = Ol. 104,1.

1) Если это былъ нашъ Евктемонъ, то онъ, очевидно, былъ въ 408/7 г. нѣсколько старше. Такъ какъ этотъ процессъ состоялся немедленно послѣ его смерти или по крайней мѣрѣ не особенно долго спустя, то Евктемонъ, очевидно, умеръ приблизительно въ 366 или 365 г. А такъ какъ ему при смерти было 96 лѣтъ отъ-роду, то онъ родился около 461 года. Въ 408/7 г. ему, слѣдовательно, было приблизительно 52 или 53 года отъ-роду.

2) При этомъ случаѣ да будетъ намъ позволено указать на странную особенность index'a къ Диттенбергеровой Sylloge inscriptionum graecarum (vol. III. Lipsiae 1901). Въ означенномъ index'ѣ приводятся сначала Nomina virorum et mulierum (стр. 3—123). Каждое отдѣльное лицо занимаетъ особую строку, такъ напр. на стр. 47 перечисляются: Εὐκτῆμων Ἀθηναῖος ἀρχων 54,5. 188,1. 197,13. 16. Εὐκτῆμων Ἀθηναῖος ναποιοῖς 140,74. 96. Εὐκτῆμων Ἀθηναῖος φυλῆς Πανδονίδος 530,1. Εὐκτῆμων Ἀφιδναῖος 638,9. Εὐκτῆμων (Βαττήδην) 611,5. Εὐκτῆμων Πτελεάσιος 606,44. Такъ какъ эти имена находятся, какъ мы видѣли, каждое на особой строкѣ, то здравый разсудокъ требуетъ, чтобы и на первой строкѣ была упомянута только одна личность. Однако при повѣркѣ выходитъ не то, ибо оказывается, что изъ упомянутыхъ цитатъ первая (54,5) относится къ вышеприведенному архонту 408/7 г. = Ol. 93,1, между тѣмъ какъ остальные двѣ цитаты (188,1 и 197,13,16) относятся къ архонту 299/8 г. = Ol. 120,2. Такая контаминація встрѣчается у Диттенбергера и въ другихъ

томъ 408/7 г., но былъ ли онъ имъ въ самомъ дѣлѣ — никакъ нельзя доказать. Вопросъ этотъ, поэтому, долженъ оставаться открытымъ. Мы же лично того мнѣнія, что отождествлять этихъ особъ нельзя.

Евктемонъ, какъ уже было нами замѣчено, принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Аѣинскихъ гражданъ. Знатность его рода подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что одна изъ его дочерей вышла за-мужъ за Фанострата, о знатности и богатствѣ котораго еще рѣчь впереди; далѣе сообщается (§ 38), что онъ подвергся наиболѣе обременительнымъ литургіямъ (τὰ μέγιστα θμὴν λειτουργεῖν) и наконецъ въ § 10 указывается на то, что съ его семейными обстоятельствами хорошо знакомы не только его родственники и фратеры — которымъ, разумѣется, все это должно было быть извѣстно —, но и большая часть демоновъ¹⁾.

Что-же касается его богатства, то Исей говоритъ объ этомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Важнѣйшее мѣсто находится въ § 38, гдѣ сообщается, что у Евктемона и Филоктемона было столько имущества, что несмотря на то, что они оба неоднократно подвергались наиболѣе обременительнымъ литургіямъ, они не только ничуть не тронули своего капитала и ничего не продали изъ своего имущества, но даже были въ состояніи сберегать часть своихъ постоянныхъ доходовъ и этимъ все болѣе и болѣе увеличивать свое имущество. Такъ какъ по нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ Исея и одному мѣсту Демосеена²⁾ извѣстно, что владѣлецъ имущества въ два таланта еще не подвергался литургіямъ, а что нужно было для этого имѣть по крайней мѣрѣ 3 таланта, то minimum опредѣлить не трудно. Но этотъ minimum для насъ никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ богатымъ; а такъ какъ онъ, не смотря на

случаяхъ, напр. на стр. 35 Διοκλῆς Ἀθηναῖος ἄρχων и т. п. На нашъ взглядъ въ точномъ index'ѣ — а Диттенбергеръ, несомнѣнно, претендуетъ на точность — такія контаминаціи совершенно непростительны, тѣмъ болѣе, что по этому поводу нѣтъ никакой оговорки.

1) см. § 10: „Πάντες οἱ προσήκοντες Ἰσάει καὶ οἱ φράteres καὶ τῶν δημοτῶν οἱ πολλοί.“ Dareste Les plaidoyers d'Isée, Paris 1898 стр. 110 переводитъ неточно: „c'est ce que savent tous les parents et presque tous les membres de la phratie et du dème,“ какъ будто οἱ πολλοί относилось и къ фратерамъ!

2) ср. Isae or. III π. τ. Πύρρου κλ. § 80 и or. XI π. τ. Ἀγνίου κλ. § 40, и Demosth. or. XXVII κατ' Ἀφόβου Α § 64.

то, что неоднократно подвергался наиболѣе обременительнымъ литургіямъ, какъ мы видѣли, не только не разорился, но литургіи эти даже нисколько не препятствовали увеличенію его имущества — между тѣмъ какъ литургіи, какъ извѣстно, часто доводили до нищеты даже людей зажиточныхъ — то нужно предполагать, что Евктемонъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу весьма состоятельныхъ Аѳинскихъ гражданъ. Однако мы къ счастью не нуждаемся въ такихъ догадкахъ, такъ какъ нѣкоторыя мѣста нашей рѣчи даютъ намъ возможность нѣсколько точнѣе опредѣлить его имущество. Но такъ какъ подробный разборъ этихъ мѣстъ отвлекъ бы насъ отъ сюжета этой главы, то мы подробнѣе будемъ говорить объ этомъ въ слѣдующей главѣ (Гл. III. § 2), а здѣсь удовольствуемся замѣткой, что недвижимое имущество Евктемона приблизительно равнялось по крайней мѣрѣ 10 талантамъ = 15,000 рублямъ; что-же касается его движимаго имущества, то этого, конечно, никогда не удастся опредѣлить.

Наконецъ можно еще замѣтить, что Евктемонъ, которому при смерти было 96 лѣтъ отъ-роду, подъ конецъ жизни сдѣлался до того дряхлымъ и хилымъ, что не могъ даже вставать съ постели (§ 35: ὁρῶντες γὰρ τὸν Εὐκτῆμονα κομιδῇ ἀπειρηκότα ὑπὸ γήρωσ καὶ οὐδὲ τῆς κλίνης ἀνίστασθαι δυνάμενον).

2. Жена Евктемона. Что касается жены Евктемона, то мы только знаемъ, что это была дочь нѣкоего Миксиада, также изъ дема Кефисіи, все остальное — даже имя ея — покрыто мракомъ неизвѣстности. Сколько ей было лѣтъ — также нельзя точно опредѣлить. Изъ нашей рѣчи мы только узнаемъ, что она пережила не только своихъ 3 сыновей, но и мужа, которому при смерти, какъ мы видѣли, было 96 лѣтъ. Не смотря на это полное отсутствіе точныхъ датъ мы, однако, все-таки еще въ состояніи хотъ приблизительно опредѣлить ея лѣта. Мы видѣли, что единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ могъ считаться только внукъ Евктемона — Хэрестратъ, усыновленный Филоктемономъ. Объ этомъ Хэрестратъ сообщается въ § 60, что онъ, не смотря на свою молодость, былъ уже тріерархомъ, хорегомъ и гимназіархомъ¹⁾. Говорится это о времени процесса, стало быть оно относится къ 364 году. Чтобы быть въ состояніи исправлять

1) § 60. „ὁμοί δὲ Χαῖρέστρατος τηλικούτος ὢν τετρίηράρχηκε, κεχορηγήηκε δὲ τραγῳδοῖς, γυμνασιάρχηκε δὲ λαμπάδι.“

эти литургіи, ему, конечно, должно было быть по крайней мѣрѣ 20 лѣтъ отъ-роду. А такъ какъ, далѣе, здѣсь говорится о 3 литургіяхъ, а никто, обыкновенно, не подвергался ни 2 литургіямъ въ одинъ годъ, ни одной два года сряду, то съ наступленія 20-лѣтняго возраста прошло приблизительно 6 лѣтъ, т. е. онъ достигъ 20-лѣтняго возраста не позже 370 года и, стало быть, родился не позже 390 г. ¹⁾). Чтобы родить его законнымъ образомъ, мать его — дочь Евктемона — должна была выйти за-мужъ за Фанострата не позже 391 года. Сколько ей было тогда лѣтъ — точно опредѣлить нельзя, такъ какъ въ Греціи бывали нерѣдки случаи браковъ съ 14-ти или 15-лѣтними дѣвочками; но такъ какъ эти случаи не могли считаться, да и не считались вполнѣ нормальными, на что указываютъ Гесіодъ и Платонъ ²⁾), требующіе нѣсколько болѣе зрѣлаго возраста, то мы, вѣроятно, не очень ошибимся, если предположимъ, что ей при вступленіи въ бракъ было приблизительно 19 лѣтъ отъ-роду, такъ что она родилась круглымъ числомъ около 410 года. У Евктемона и его жены было, какъ мы видѣли, 5 дѣтей. Въ какомъ порядкѣ они родились — конечно неизвѣстно. Но если мы предположимъ, что бракъ жены Евктемона съ послѣднимъ состоялся въ 415 году, то это, на нашъ взглядъ, не можетъ считаться особенно неправдоподобнымъ. Если теперь, наконецъ, еще предположить, что и ей при вступленіи въ бракъ было приблизительно 20 лѣтъ, то она родилась около 435 года. Въ 365 году, т. е. за годъ до процесса и при смерти мужа, ей было, стало быть, по крайней мѣрѣ 70 лѣтъ отъ роду ³⁾). Вычисленные нами суммы, разумѣется, весьма проблематичны. Но мы за точными цифрами и не гнались. Для насъ

1) Бывали, конечно, и такіе случаи, гдѣ одно и то-же лицо исполняло либо по двѣ литургіи въ одинъ годъ, либо по одной нѣсколько лѣтъ сряду; но это, разумѣется, исключенія и само собою разумѣется, что такихъ исключеній обобщать нельзя.

2) см. Hesiod. *ἔργα καὶ ἡμέραι*, v. 695 сл. и Platon. *Πολ.* V. p. 400 E: *μέτριος χρόνος ἀμείψ τὰ εἶκοσιν ἔτη γυναίκει, ἀνδρὶ δὲ τὰ τριάκοντα*. Platon. *Νόμοι* VI 785 B. *γάρμου δὲ ἄρον εἶναι κόρη μὲν ἀπὸ ἑκαίδεκα ἐτῶν εἰς εἴκοσι — κόρη δὲ ἀπὸ τριάκοντα μέχρι τοῦ πέντε καὶ τριάκοντα*.

3) Для большаго удобства и для ясности сопоставимъ исчисленные нами минимальныя даты:

не позже 435 г. родилась жена Евктемона.

около 415 г. она вышла за него за-мужъ.

„ 410 г. родилась ея дочь, жена Фанострата.

„ 391 г. дочь эта вышла за-мужъ за Фанострата.

совершенно достаточно хоть приблизительно опредѣлить minimum ея лѣтъ, такъ какъ при чтеніи этой рѣчи и при разборѣ такихъ вопросовъ, какъ напр. о ея мнимомъ разводѣ, невольно забываешь, сколько ей было лѣтъ.

Что бракъ ея съ Евктемономъ не былъ вполнѣ расторгнутъ — объ этомъ еще рѣчь впереди (см. Гл. III. § 4).

3. Ергамень и Гегемонъ. Изъ сыновей Евктемона Ергамень и Гегемонъ — по всей вѣроятности младшіе сыновья его — никакой роли не играютъ. По крайней мѣрѣ въ нашей рѣчи о нихъ сообщается только то, что оба умерли не оставивъ по себѣ дѣтей¹⁾. Одно только ясно, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать малолѣтними. Въ §§ 36 и 44 сообщается, что Андроклъ и Антидоръ утверждали, что сыновья Алки были ими усыновлены, по Аѣнскимъ же законамъ усыновитель долженъ былъ быть совершеннолѣтнимъ, т. е. ему должно было быть не мѣнѣе 18 лѣтъ. Если-бы, стало-быть, Ергамень и Гегемонъ при смерти были несовершеннолѣтними, то Андроклъ и Антидоръ никогда-бы не могли приписать имъ усыновленія дѣтей Алки. Точнѣе возрастъ ихъ опредѣлить нельзя.

4. Филоктемонъ. Филоктемонъ, очевидно, старшій сынъ Евктемона. Выдающуюся роль, которую онъ играетъ въ этомъ процессѣ, нельзя, однако, приписывать первородству, такъ какъ Аѣнскому законодательству чуждо постановленіе о правѣ первородства²⁾ — роль эта объясняется совершенно просто тѣмъ

не позже 390 г. родился Хэрестратъ.

въ 364 г. по смерти Евктемона и при инструкціи этого процесса ему было по крайней мѣрѣ 26 лѣтъ отъ роду.

1) § 6. Τὸ μὲν οὖν ἀδελφῶ (т. е. братья Филоктемона), ὃ περ αὐτῶ ἐγενέσθην, ἀμφὶ ἀπαίδε ἐτελευτήσάντην.

2) Въ Аѣинахъ всѣ законнорожденные сыновья (а при отсутствіи таковыхъ и ихъ дѣтей — всѣ законнорожденные дочери) пользовались касательно наслѣдства одинаковыми правами, ср. Isae. VI § 25 τοῦ νόμου κελεύοντος ἀπαντὰς τοὺς γυναικῶν ἱσομοίρους εἶναι τῶν πατρῶων. См. Hermann-Thalheim griech. Rechtsaltertümer 1895, стр. 62; L. Beauchet l. c. III. стр. 450 сл. E. Caillemet Droit de succession, Paris 1879, стр. 30 сл. P. Guiraud La propriété foncière en Grèce, Paris 1893, стр. 230. — Dareste Les plaidoyers d'Isée. Paris 1898, стр. 114 переводитъ вышеупомянутыя слова слѣдующимъ образомъ: la loi veut que tous les enfants légitimes prennent chacun une part égale des biens paternels? Кому хорошо извѣстенъ Аѣнскій законъ: „Κρατεῖν τοὺς ἀρρενας καὶ τοὺς ἐκ τῶν ἀρρένων“ (Isae. VII 20), т. е.

обстоятельствомъ, что остальные сыновья, какъ мы видѣли, умерли преждевременно и не оставили по себѣ дѣтей. Когда онъ родился и сколько ему было лѣтъ при смерти — точно опредѣлить нельзя. Но если наши вышеприведенныя исчисления вѣрны т. е. если мать его родилась около 435 года, то Филоктемонъ родился приблизительно около 414 года, такъ что при смерти ему было около 40 лѣтъ, что, на нашъ взглядъ, вполне соответствуетъ тому впечатлѣнію, которое мы получаемъ при чтеніи нашей рѣчи.

О Филоктемонѣ мы знаемъ немного больше, чѣмъ о предъидущихъ лицахъ. Такъ напр. сообщается въ § 9, что онъ *ἔως ἔξῃ τοιοῦτον πολίτην ἑαυτὸν παρέιχεν*, ὥστε διὰ τὸ ὑφ' ὧν τιμᾶσθαι ἀρχεῖν ἀξιοῦσθαι т. е. онъ занималъ разныя государственныя должности¹⁾, но какія именно — неизвѣстно. Далѣе сообщается въ § 5, что онъ былъ женатъ (на комъ — неизвѣстно), но дѣтей онъ въ бракѣ не прижилъ (*ἐκ μὲν τῆς γυναικὸς ἧ συνῶκει οὐκ ἦν παῖδ' οὐδέν*) и поэтому усыновилъ своего племянника Хэрестрата *μὴ ἔρημον καταλίπη τὸν οἶκον*. Усыновленіе это было совершено

кому извѣстно, что ближайшими наслѣдниками въ Греціи являлись одни только сыновья съ ихъ дѣтьми, а не также дочери, и что только при отсутствіи сынозей и ихъ дѣтей наслѣдство переходило къ дочерямъ (ср. также Гл. III § 3), тотъ, быть-можетъ, пойметъ, что слово *enfants* должно быть здѣсь понято въ весьма широкомъ смыслѣ. Кому-же это неизвѣстно — и, по всей вѣроятности, не всѣ, а можетъ быть и большинство читателей этого перевода не будутъ принадлежать къ этой категоріи — тотъ на основаніи этого перевода означеннаго мѣста можетъ заключить, что по Аѣнскимъ законамъ всѣ дѣти относительно наслѣдства пользовались одинаковыми правами. Такихъ двусмысленныхъ выраженій слѣдуетъ строго избѣгать въ переводахъ.

1) *Dareste l. c.* переводить это мѣсто совершенно невѣрно: „qui, tant qu'il a vécu, s'est montré assez bon citoyen pour mériter votre estime au point d'être jugé digne d'être archonte (sic!)“. *Haussoullier*, сотрудникъ Дареста, очевидно весьма небрежно просмотрѣлъ переводъ послѣдняго, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ не замѣтить, что *ἀρχεῖν* здѣсь не = „быть архонтомъ“, а просто = „занимать должности“ какъ и вѣрно переводится Шёманномъ „*Staatsämter bekleiden*“. Весь контекстъ этого мѣста не допускаетъ другого толкованія. Притомъ такой переводъ этого мѣста не можетъ не навести читателей — неспеціалистовъ, для которыхъ именно назначенъ этотъ переводъ Дареста, на мысль, что здѣсь говорится объ эпонимномъ архонтствѣ, между тѣмъ какъ объ этомъ ни въ какомъ случаѣ думать нельзя; намъ хорошо извѣстны всѣ архонты — эпонимы второй половины V в. и первой половины IV в., но въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного Филоктемона.

посредствомъ духовнаго завѣщанія, въ которомъ было сказано, что Хэрестратъ долженъ былъ сдѣлаться наслѣдникомъ только въ томъ случаѣ, если у самого Филоктемона отъ своей супруги не будетъ дѣтей (§ 7. καὶ ἔγραψεν οὕτως ἐν διαθήκῃ, εἰ μὴ γένοιτο αὐτῷ παιδίον ἐκ τῆς γυναίκος, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ). Это завѣщаніе было имъ составлено однажды, когда онъ отправлялся въ походъ, но точнѣе дату этого происшествія опредѣлить нельзя, такъ какъ по § 5 онъ неоднократно былъ и всадникомъ и триерархомъ (πολέμου δ' ὄντος ἐκινδύνευε καὶ ἵππεὺς στρατευόμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων)¹⁾.

На одной изъ этихъ экспедицій онъ наконецъ умеръ см. § 27, ὁ Φιλοκτήμων τριήραρχῶν περὶ Χίον ἀποθνήσκει ὑπὸ τῶν πολεμίων и § 9 ἐτελεύτησε μαχόμενος τοῖς πολεμίοις. Здѣсь совершенно точно опредѣляется мѣсто, гдѣ онъ погибъ. Но о какой здѣсь говорится экспедиціи или войнѣ? Къ сожалѣнію въ нашей рѣчи просто говорится πόλεμου ὄντος и къ этому прибавляется, что она продолжалась нѣкоторое время и велась какъ на морѣ, такъ и на сушѣ (ἵππεὺς στρατευόμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων); наконецъ еще упоминается Χіосъ. На основаніи однихъ этихъ данныхъ было бы не особенно легко точно опредѣлить эту войну. Но въ этомъ же самомъ § 27 рассказывается, что вскорѣ послѣ смерти Филоктемона состоялась морская экспедиція Тимофея (Φανόστρατος ἐκπλεῖν ἐμελλε τριήραρχῶν μετὰ Τιμοθέου). Тимофеей, какъ извѣстно, въ тѣ времена, о которыхъ здѣсь говорится, предпринялъ двѣ морскія экспедиціи, въ 375 и 373 гг.²⁾, такъ что означенная

1) A. Martin. Les cavaliers Athéniens, Paris 1886, стр. 315 совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Il y a des citoyens qui sont tantôt trierarkes et tantôt cavaliers; les citoyens riches ne sont pas chaque année trierarkes; les années où ils ne sont pas soumis à cette liturgie, ils tombent sous l'obligation du service militaire, comme tous les citoyens; ils peuvent alors être enrôlés soit comme hoplites, soit comme cavaliers“. Послѣднее, впрочемъ, не тождественно. Чтобы служить всадникомъ, какъ извѣстно, нужно было принадлежать къ классу всадниковъ, нужно было далѣе имѣть столько средствъ, чтобы быть въ состояніи содержать лошадь, годную къ военной службѣ (ἵπποτροφία, считавшаяся, впрочемъ, также литургіей), и нужно было, наконецъ, удовлетворительно выдержать смотръ всадникамъ (δοκιμασία) см. Aristot. 'Αθ. πολ. гл. 49. И эти обстоятельства, стало быть, обнаруживаютъ, что Филоктемонъ принадлежалъ къ болѣе зажиточнымъ гражданамъ.

2) Экспедиція 377 г., гдѣ Тимофеей дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Хабріемъ, мало вѣроятна, такъ какъ тогда главную роль игралъ еще Хабрій и экспедиція эта, слѣдовательно, врядъ-ли была бы просто названа экспедиціей Тимофея.

экспедиція Фанострата должна очевидно относиться либо къ 375, либо къ 373 г. Какая же это война, которая велась одновременно на морѣ и на сушѣ? Блассъ ¹⁾ полагаетъ, что это очевидно Фиванская война 378—371 гг. Мы считаемъ это мнѣніе весьма правдоподобнымъ, такъ какъ другой болѣе подходящей одновременной экспедиціи нѣтъ. Если же это предположеніе вѣрно, то тѣмъ болѣе нельзя думать объ экспедиціи Тимофея въ 377 году. Напротивъ — мы того мнѣнія, что такъ какъ въ § 5 говорится *ἰππεὺς στρατεύμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων* и въ § 27 замѣчается, что экспедиція Тимофея состоялась нѣкоторое время послѣ смерти Филоктемона, то нельзя съ Блассомъ оставлять вопросъ открытымъ, а нужно прямо утверждать, что тутъ можетъ быть рѣчь только объ экспедиціи 373 года. Неяснымъ остается такимъ образомъ только упоминаніе Хіоса, такъ какъ нигдѣ не упоминается сраженіе, происшедшее около этого острова во время этой войны; притомъ Хіосцы въ это время были лучшими и самыми надежными союзниками Аѣинянъ. Мѣсто это, поэтому, можно только понимать такъ, что около этого острова произошло столкновеніе Аѣинянъ съ какимъ-то непріателемъ, но ни въ какомъ случаѣ не съ Хіосцами ²⁾.

Наконецъ о Филоктемонѣ извѣстно еще все то, что разсказывается въ нашей рѣчи объ отношеніяхъ его къ Евктемону и старшему сыну Алки (см. Гл. I). О томъ, имѣлъ ли онъ собственное имущество, рѣчь еще впереди (см. Гл. III § 3).

5. Хэрей и его семейство. Одна изъ дочерей Евктемона вышла за-мужъ за нѣкогого Хэрея. Кто былъ этотъ Хэрей — въ нашей рѣчи нигдѣ не говорится. Jones l. c. полагаетъ, что „Chaereas, who married the daughter of Euctemon, might have been the son of Archestratos, whose actions are recorded by the historian (т. е. Фукидидомъ въ VIII книгѣ)“. Но спрашивается, можно ли отождествлять этихъ обоихъ Хэреевъ? Если это въ самомъ дѣлѣ сынъ Архестрата, то онъ въ 411 г. командовалъ государ-

1) F. Blass, Att. Beredsamkeit, II², Lpz. 1892 стр. 549 прим. 1.

2) W. Jones, The speeches of Isaeus, London 1779 стр. 160 къ словамъ Philoctemon was slain at Chios замѣчаетъ слѣдующее: „most probably in one of the engagements mentioned by Thucydides in his 8 book“. Однако мнѣніе это не требуетъ и опроверженія, такъ какъ трудъ Фукидида, какъ извѣстно, обрывается на 411 году, а происшествія, описываемыя въ нашей рѣчи, относятся къ 70-тымъ годамъ IV вѣка.

ственнымъ кораблемъ Πάραλος, а въ 410 году былъ стратегомъ при Кизикѣ ¹⁾. О нашемъ же Хэрѣ мы узнаемъ въ § 29 только то, что онъ умеръ около двухъ лѣтъ послѣ Филоктемона ²⁾ т. е. около 371 года. Чтобы занимать какую нибудь государственную должность, ему должно было быть не менѣе тридцати лѣтъ; но чтобы онъ немедленно былъ избранъ стратегомъ и командовалъ государственнымъ кораблемъ весьма невѣроятно. Въ 411 г. ему, стало быть, должно было быть по крайней мѣрѣ около 35 лѣтъ. Слѣдовательно, если это тотъ самый Хэрей, то ему въ 371 г. при смерти было около 75 лѣтъ, что намъ кажется довольно таки невѣроятнымъ. Доказать, конечно, нельзя ни того ни другого, но въ нашей рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ старикомъ; женѣ его было приблизительно 40 лѣтъ отъ-роду, такъ что мужъ ея — если допустить это отождествленіе — былъ бы почти вдвое старше ея, что само по себѣ, конечно, возможно, но въ нашей рѣчи, на нашъ взглядъ, не особенно вѣроятно. Поэтому мы не считаемъ возможнымъ присоединиться ко мнѣнію Джонса.

Что касается дѣтей, то въ § 6 говорится, что сыновей у нихъ не было, не смотря на долгое сожительство, а была у нихъ всего только одна дочь, имя которой также неизвѣстно (см. § 32) ³⁾.

О Хэрѣ, далѣе, сообщается, что духовное завѣщаніе, составленное Филоктемонамъ, было послѣднимъ отдано ему на храненіе. Наконецъ можно еще упомянуть, что по смерти Хэрея Андроклѣ захотѣлъ жениться на его вдовѣ, какъ на дочери-наслѣдницѣ, о чемъ, впрочемъ уже была рѣчь. Что же касается

1) См. Pauly-Wissowa s. v. Chaireas и приведенныя тамъ мѣста изъ Фукидида и Діодора.

2) Мы видѣли, что Филоктемонъ умеръ около 373 г. Въ томъ же § 27 рассказывается далѣе, что Евктемонъ немного спустя сообщилъ своимъ зятѣямъ, что намѣревается посредствомъ духовнаго завѣщанія укрѣпить за сыномъ Алки имѣніе (см. Гл. I). Фаностратъ находился уже на кораблѣ, чтобы отплыть вмѣстѣ съ Тимофеемъ, а Хэрей провожалъ его. Поэтому Евктемонъ явился на корабль и составилъ тамъ завѣщаніе. Это произошло въ 373 г. Въ § 29 Исей затѣмъ продолжаетъ: „καί μέντοι δὲ τοῦ γραμματέως σκεδὼν δὴ ἔτη καὶ τοῦ Χαιρέου τεταλευτηκότος.“

3) Просто непонятно, какимъ образомъ Blass, Att. Ber. II², стр. 548 могъ жену Хэрея назвать „verwitwete und kinderlose Schwester des Philoktemon,“ между тѣмъ какъ въ § 6 говорится: „τοὶν δὲ ἀδελφαὶν τῇ μὲν ἐτέρῃ ἢ ὁ Χαιρέας συνφεύκει οὐκ ἦν ἄρρεν παιδίον οὐδὲ ἐγένετο πολλὰ ἔτη συνοικούσῃ“, а въ § 32: „τοῦ δὲ Χαιρέου — θυγάτηρ ἦν μία“!

ея тогдашняго возраста, то при отсутствіи хоть одной точной даты положительнаго отвѣта дать нельзя. По всей вѣроятности ей было тогда, какъ мы уже замѣтили, приблизительно около 40 лѣтъ.

6. Фаностратъ. Другая дочь Евктемона вышла за-мужъ за Фанострата. Объ этомъ семействѣ мы имѣемъ несравненно больше свѣдѣній. Фаностратъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ Аѳинскимъ гражданамъ. Въ началѣ VI рѣчи *συνήγορος* Хэрестрата говоритъ слѣдующее: „*ὅτι μὲν πάντων οἰκειότατα χρῶμαι Φανοστράτῳ τῷ καὶ Χαιρεστράτῳ τούτῳ, τοὺς πολλοὺς οἶμαι ὁμῶν εἶδέναι*“; изъ этихъ словъ очевидно слѣдуетъ, что какъ Фаностратъ и сынъ его Хэрестратъ, такъ и *συνήγορος* ихъ, произносящій эту рѣчь, были людьми знатными и пользовались широкою извѣстностью. Что они были людьми весьма богатыми явствуетъ изъ § 60, гдѣ сообщается, что еще до 364 года (т. е. до нашего процесса) Фаностратъ былъ уже 7 разъ тріерархомъ, исправлялъ и всѣ остальные литургіи и притомъ такъ хорошо, что одержалъ множество побѣдъ; Хэрестратъ, какъ мы ниже увидимъ, не смотря на свою молодость, былъ уже тріерархомъ, хорегомъ и гимназіархомъ, а младшій братъ его также уже былъ хорегомъ. Отецъ и сынъ, притомъ, принадлежали къ числу трехсотъ богатѣйшихъ гражданъ и исправно платили всѣ налоги (§ 60: *καὶ τὰς εἰσφοράς εἰσενγυνόχασιν ἀμφότεροι πάσας ἐν τοῖς τριακοσίοις*).

Изъ упомянутыхъ 7 тріерархій, которыя Фаностратъ исправлялъ до 364 года, одна точнѣе опредѣляется въ § 27, гдѣ сообщается, что послѣ смерти Филоктемона *Φανόστρατος ἐκπλεῖν ἔμελλε τριηραρχῶν μετὰ Τιμοθέου καὶ ἡ ναὺς αὐτῷ ἐξώρμηι Μουνηχίαις*. Эта экспедиція Тимофея и тріерархіи Фанострата относятся, какъ мы выше видѣли, къ 373 году¹⁾. Такъ какъ Тимофеей въ озна-

1) C. Rehdantz, *Vitae Iphicratis Chabriae Timothei Atheniensium*, Berlin 1845, стр. 124, прим. 15 b почему-то относитъ эту экспедицію Тимофея и тріерархію Фанострата къ 367 году, см. также A. Schaefer, *Demosthenes und seine Zeit*, 2 изд. I Leipzig 1885 стр. 97 и прим. 1, гдѣ онъ присоединяется ко мнѣнію Редантца. Мы, однако, считаемъ это вполнѣ невозможнымъ. Еслибы здѣсь дѣйствительно шла рѣчь объ экспедиціи 367 года, то Хэрей, который по § 29 умеръ два года послѣ этого происшествія, скончался бы, слѣдовательно, въ 365 году, а процессъ, какъ мы знаемъ, состоялся въ 364 году. Такимъ образомъ мы должны были бы предположить, что все, что случилось съ Евктемономъ послѣ смерти Хэрея, все что онъ вмѣстѣ

ченномъ году посѣтилъ Θракію, Македонію, Θессалію и разные кикладскіе острова, то и Фаностратъ, очевидно, побывалъ тамъ-же¹⁾.

Кромѣ этихъ 7 триерархій намъ извѣстна еще одна триерархія, которую онъ исправлялъ послѣ 364 года. Въ аттической надписи C. I. A. II n. 794 b мы читаемъ слѣдующее: ταῦτα μὲν ὄντα ἐν τοῖς νεωρίοις καὶ ἐκπεπλευκότα καὶ ὀφειλόμενα παρελάβομεν. ἀπὸ τούτων τάσδε τῶν τριήρων τῶν ὑπαθρίων παροδοθεῖσων καὶ ἐκ τῆς ὑπερορίας καταχομισθεῖσων ἡναγκάσαμεν τοὺς [τρι]ῆ[ρ]άρχους ἐπισκ[ε]ψάσα[ν]τας τῇ πόλει[ι] ἀ[ποδοῦναι τὰς] ναῦς. Затѣмъ слѣдуютъ разныя имена, а на стр. 75—77 мы читаемъ: Ἡγεμόνῃ. τριήραρχοι | Φανόστρατος Κηφισι(εύς)|, Νικίας Ἐρτιάδης. Этотъ Фаностратъ, о которомъ говорится въ этомъ морскомъ документѣ, несомнѣнно нашъ Фаностратъ, такъ какъ онъ также принадлежалъ къ дему Кефисіи, а 356/5 г., къ которому Кёлеръ совершенно вѣрно относитъ эту надпись²⁾, еще яснѣе показываетъ, что нельзя не отождествлять этихъ обоихъ Фаностратовъ. Нашъ Фаностратъ, стало быть, принялъ участіе въ снятіи осады съ острова Самоса, осажденнаго отпавшими отъ Аѳинъ союзниками.

На его кораблѣ, называвшемся, какъ видно изъ надписи, Ἡγεμόνῃ, кромѣ него находился еще другой триерархъ, Νικίας Ἐρτιάδης. Годъ передъ этимъ (357) по предложенію Періандра (см. Ps.-Demosth. or. 47, § 21) учрежденныя въ 377 году симморіи были, какъ извѣстно, распространены также на триерархіи, такъ что вмѣсто прежнихъ синтриерархій теперь встрѣчаются симморіи и синтеліи. Однако не смотря на это новое учрежденіе, имѣющее

съ Андрокломъ и Антидоромъ предпринялъ противъ Хэрестрата, далѣе смерть его и всѣ дальнѣйшія происки этихъ обоихъ пройдохъ и наконецъ инструкція этого процесса — все это произошло въ краткій промежутокъ времени отъ 365 до 364 года. Это до того невѣроятно, что отъ этого мнѣнія рѣшительно нужно отказаться. Кому же этотъ доводъ покажется мало обоснованнымъ, тому совѣтуемъ внимательно прочесть VI рѣчь и мы вполнѣ убѣждены, что онъ присоединится къ нашему мнѣнію. Мы того мнѣнія, что данная экспедиція безъ всякаго сомнѣнія состоялась въ 373 году.

1) См. Schaefer l. c. I. стр. 58 сл.

2) см. U. Köhler Athen. Mitth. VI стр. 30 сл. и C. I. A., I. c. „Catalogus navium sexaginta iussu curatorum navalium reparatarum, quam classem anno altero belli socialis Iphicrate et Timotheo ducibus deductam esse Diodorus XVI 21 tradit,“ поэтому онъ и утверждаетъ, что „titulum necessario referendum esse ad annum Ol. 106, 1 (356/5 a. Chr.) J. Kirchner Prosopographiae Atticae specimen Berlin 1890 стр. 12 безъ всякой оговорки приписываетъ эту надпись 353/2 году, но на этой очевидно невѣрной датировкѣ останавливаться не стоитъ.

законную силу (Dem. I. с. ὁ νόμος δ τοῦ Περιάνδρου), вначалѣ, по крайней мѣрѣ, встрѣчаются и исключенія, т. е. встрѣчаются по прежнему синтриерархи или даже просто триерархи¹⁾, такъ что синтриерархія Фанострата и Никія насъ удивить не можетъ.

По поводу этой надписи да будетъ намъ позволено прибавить еще замѣтку. Мы видѣли выше, что у Исея VI § 27 сообщается, что Фаностратъ ἐκπλεῖν ἐμελλε τριηραρχῶν μετὰ Τιμοθέου, а въ нашей надписи говорится, какъ мы видѣли, о морской экспедиции, состоявшейся Ipicrate et Timotheo ducibus“. Въ обоихъ случаяхъ, да и притомъ единственныхъ, о которыхъ мы знаемъ хоть кой-какія подробности, Фаностратъ былъ триерархомъ, а Тимоеей главнокомандующимъ. Это совпаденіе, конечно, можетъ быть совершенно случайнымъ, такъ какъ два случая еще ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, что Тимоеей одинъ изъ важнѣйшихъ полководцевъ этихъ временъ. Но если вспомнить, что и тотъ и другой принадлежали къ числу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Афинянъ, то полагаемъ, что насъ не станутъ обвинять въ неосновательности, если мы предположимъ, что обоихъ, по всей вѣроятности, связывала тѣсная дружба и что Фаностратъ по возможности старался быть триерархомъ подъ начальствомъ своего друга Тимоея.

Какой-то Фаностратъ упоминается, далѣе, еще въ 54 рѣчи Демосфена (κατὰ Κόνωνα), гдѣ въ § 7 рассказывается, какъ нѣкій Аристонъ, человѣкъ молодой и состоятельный, однажды вечеромъ гулялъ на рынкѣ съ однимъ изъ своихъ сверстниковъ, Фаностратомъ изъ дема Кефисіи²⁾. Здѣсь на нихъ напала пьяная компанія: Кононъ со своимъ сыномъ Ктесіемъ и еще четырьмя товарищами. Между тѣмъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ напалъ на Фанострата и не давалъ ему возможности помогать своему другу Аристону, остальные напали на Аристона, содрали съ него одежду, бросили его въ уличную грязь и такъ отдубасили его, что онъ долгое

1) ср. напр. Ps.-Demosth. or. 47, § 78, далѣе Demosth. κατὰ Τιμοκράτους и Isa. e. VII περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου § 38, гдѣ говорится: „ὁ πατὴρ αὐτοῦ — τριηραρχῶν τὸν πάντα χρόνον διετέλεσεν, οὐκ ἐκ συμμορίας τὴν ναῦν ποιησάμενος ὥσπερ οἱ νῦν (т. е. съ 357 г.; VII рѣчь произнесена около 353 года), ἀλλ' ἐκ τῶν αὐτοῦ δαπανῶν, οὐδὲ δεῦτερος αὐτὸς ὢν (т. е. синтриерархомъ) ἀλλὰ κατὰ μόνας.“

2) Dem. or. 54, 7: „χρόνῳ δ' ὕστερον οὐ πολλῷ περιπατοῦντος, ὥσπερ εἰώθειν, ἐσπέρας ἐν ἀγορᾷ μου μετὰ Φανοστράτου τοῦ Κηφισιεύως, τῶν ἡλικιωτῶν τινός. κ. т. л.

время пролежалъ въ постели и чуть-чуть не лишился жизни. Kirchner I. с. стр. 12 отождествляетъ этого Фанострата съ нашимъ, однако намъ это отождествленіе кажется весьма невѣроятнымъ. Дата этой рѣчи, правда, неизвѣстна и мнѣнія ученыхъ значительно расходятся¹⁾. Здѣсь, конечно, не мѣсто вступать въ подробный разборъ этихъ разногласящихъ мнѣній. Но даже если мы присоединимся къ ранней и притомъ болѣе всего правдоподобной датировкѣ Шефера и Бласса, то все-таки остается одинъ моментъ, который не представляетъ возможности отождествлять этихъ обоихъ Фаностратовъ. Въ § 7, какъ мы видѣли, Аристонтъ называетъ Фанострата своимъ сверстникомъ, а изъ § 1 явствуетъ, что Аристонтъ еще человѣкъ молодой²⁾. Сколько ему приблизительно было лѣтъ, нигдѣ не говорится; но такъ какъ въ § 44 Аристонтъ самъ замѣчаетъ, что былъ уже тріерархомъ, то въ 356 году ему непременно было болѣе двадцати лѣтъ. Если бы мы, поэтому, въ крайнемъ случаѣ даже допустили, что ему было около 30 или 35 лѣтъ, то онъ все-таки не могъ бы считаться ровесникомъ нашего Фанострата, старшій сынъ котораго по нашимъ исчисленіямъ не могъ родиться позднѣе 390 года, и которому, поэтому, самому въ 364 г. было приблизительно болѣе 50 лѣтъ. Поэтому остаются только двѣ возможности: или дата 54 рѣчи Демосеена невѣрно опредѣлена т. е. рѣчь эта произнесена гораздо раньше (но для такой датировки, во-первыхъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, а, во-вторыхъ, она потому вполне невозможна, что рѣчь эта несомнѣнно написана Демосееномъ, который родился въ 384 году т. е. приблизительно тогда, когда по нашимъ исчисленіямъ Исееву Фанострату было столько же лѣтъ, сколько при произнесеніи 54 рѣчи Демосеенову Фанострату) или нашего Фанострата нельзя отождествлять съ тѣмъ Фаностратомъ, о которомъ говорится въ 54 рѣчи Демосеена. Имя Фанострата такое обыкновенное и встрѣчается такъ часто какъ въ литературныхъ, такъ и документальныхъ памятникахъ, что изъ

1) Такъ напр. Clinton приурочиваетъ ее къ 343 году, Sandys и Paley (Select private orations of Demosthenes II Cambridge 1896 стр. LXIII и 241 сл.) къ 341 г., а Schaefer (Demosth. III 2 Abtheilung Lpz. 1858 Beilage VI 8 стр. 251 сл.) и Blass (Att. Bereds. III 1² Lpz. 1893 стр. 457) къ 356 году.

2) См. Dem. 54 § 1: „συμβουλευόντων δέ μοι καὶ παραινούντων μὴ μείζω πράγματ' ἢ δυνήσομαι φέρειν ἐπάγεσθαι, μηδ' ὁ περ τῇ νῆ λ ι κ ι α ν ὧν ἐπεπόνθειν ἐγκυλοῦντα φαίνεσθαι, οὕτως ἐποίησα κτλ.

этой соименности еще ничего не слѣдуетъ. Гораздо важнѣе, конечно, то обстоятельство, что и тотъ и другой принадлежали къ дему Кефисіи. Однако вышеприведенные доводы исключаютъ всякую возможность отождествленія этихъ обоихъ Фаностратовъ. И наконецъ, неужели въ демѣ Кефисіи, одномъ изъ важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ Аѳинскихъ демовъ, не могли одновременно существовать два Фанострата?

У Фанострата и его жены было два сына: старшій назывался Хэрестратомъ, имя **младшаго сына** неизвѣстно. Мы знаемъ о немъ только то, что ему въ 364 году было болѣе 20 лѣтъ, такъ какъ въ § 60 о немъ сообщается слѣдующее: „*νῦν δὲ καὶ ὁ νεώτερος οὗτοσι χωρηγεῖ μὲν τραγῳδοῖς, εἰς δὲ τοὺς τριακοσίους ἐγγέγραπται καὶ εἰσφέρει τὰς εἰσφοράς*“.

7. Хэрестратъ. Хэрестратъ, въ пользу котораго написана и произнесена VI рѣчь Исея, — старшій сынъ Фанострата и одной изъ дочерей Евктемона. О немъ мы имѣемъ довольно много свѣдѣній и свѣдѣнія эти, къ счастію, отличаются гораздо большей точностью нежели тѣ, которыми мы располагали по отношенію къ остальнымъ лицамъ. Что касается его возраста, то мы уже выше имѣли случай изъяснить, что ему въ 364 году было по крайней мѣрѣ 26 лѣтъ отъ роду (см. стр. 44 сл.) или — что гораздо вѣроятнѣе этой минимальной цифры — круглымъ числомъ приблизительно 30 лѣтъ. Это явствуетъ изъ § 60, гдѣ, какъ мы видѣли, сообщается, что онъ въ 364 году не смотря на свою молодость (*τῆλικότος ὢν*) уже *тетриηράρχηκε, κερχόρηγъке траγῳδοῖς* и *γεγυμνασιάρχηκε λαμπάδι*; здѣсь можно еще, кстати, замѣтить, что всѣ перечисленные нами литургіи принадлежали именно къ числу самыхъ обременительныхъ, такъ какъ издержки на нихъ были весьма значительны. Однако деньги не играли никакой роли въ его жизни, такъ какъ тамъ же сообщается, что какъ отецъ такъ и сынъ (*ἀμφότεροι*) *τὰς εἰσφοράς εἰσενηνόχασιν πάσας ἐν τοῖς τριακοσίοις*, а въ послѣдствіи и младшій сынъ, какъ мы видѣли, былъ причисленъ къ числу 300 богатѣйшихъ гражданъ.

Что касается этихъ литургій, то мы о его хорегіи и гимназіархіи ничего не знаемъ. О его триерархіи, напротивъ, говорится въ § 1, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „*ὅτε γὰρ εἰς Σικελίαν ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαίρεστρατος διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προήδεν πάντα τοὺς ἐσομένους κινδύνους, ὅμως δὲ δεομένων τούτων καὶ συνεξέπλευσα καὶ συνεδυτύχησα καὶ ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους*“. Здѣсь намъ придется нѣсколько дольше

остановиться, такъ какъ это мѣсто весьма спорное и очевидно испорчено. Мы только что видѣли, что Хэрестратъ не смотря на свою молодость былъ уже тріерархомъ, хорегомъ и гимназіархомъ. А такъ какъ со временъ сицилійской экспедиціи прошло уже 52 года ¹⁾, то совершенно ясно, что здѣсь въ § 1 объ этой сицилійской экспедиціи, состоявшейся во время архонства Аримнеста (415), и рѣчи быть не можетъ. Остаются, поэтому, только 4 возможности: 1) или имя Хэрестрата испорчено, или 2) здѣсь говорится о какой-нибудь другой сицилійской экспедиціи, или 3) слово *Σικελίαν* испорчено и должно быть замѣнено какимъ-нибудь другимъ именемъ, или наконецъ 4) слова *εἰς Σικελίαν* должны считаться позднѣйшей вставкой. Если исключить вторую возможность, которая не нашла защитниковъ (не смотря на то, что слова *εἰς Σικελίαν* читаются во всѣхъ изданіяхъ) и въ самомъ дѣлѣ весьма невѣроятна, такъ какъ намъ о какой-нибудь другой сицилійской экспедиціи ничего не извѣстно — то всѣ остальные въ самомъ дѣлѣ были предложены учеными. Посмотримъ, которая изъ нихъ болѣе вѣроятна.

Что касается первой возможности, то нужно замѣтить, что чтеніе рукописей Z и L (Ald.) *Μενέστρατος* вм. *Χαιρέστρατος* никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. наше Введеніе стр. 15), что всѣ рукописи Исея (исключая Ambrosianus Q, въ которой сохранились только I и II рѣчи Исея) списаны съ рукописи Crippsianus A, которая, стало-быть, для рѣчей III—XI должна считаться нашимъ единственнымъ источникомъ. Чтеніе *Μενέστρατος*, поэтому, для насъ имѣетъ только значеніе конъектуры, а конъектуру эту мы должны назвать весьма неудачной, какъ это хорошо доказалъ Шёманнъ (стр. 322 сл.). Ибо, еслибъ нашъ ораторъ дѣйствительно 52 года тому назадъ съ нѣкимъ Менестратомъ участвовалъ въ морской экспедиціи, то долженъ же былъ теперь изъяснить судьямъ, какъ этотъ Менестратъ приходился въ родствѣ Фанострату и Хэрестрату. Между тѣмъ имя это встрѣчается исключительно здѣсь въ § 1, а здѣсь о немъ ничего не говорится. Притомъ было бы чрезвычайно странно, еслибы ораторъ, чтобы доказать свою дружбу, ссыался на происшествіе, случившееся 52 года тому назадъ — не говоря уже о томъ, что нашему оратору въ такомъ случаѣ

1) См. § 14: „τῇ μὲν γὰρ στρατιᾷ, ἃς οὐ ἐξέπλευσεν εἰς Σικελίαν, ἥδη ἐστὶ δύο καὶ πεντήκοντα ἔτη, ἀπὸ Ἀριμνήστου ἀρχοντος, см. стр. 41 прим. 3.

было бы около 80-ти лѣтъ¹⁾. Шейбе, правда, нѣсколько не удивляется этому необыкновенному возрасту заступника (см. praef. стр. XXIX и Comm. critica de Isaei orationibus, Dresden 1859, стр. 33, прим. 2), мы же присоединяемся ко мнѣнію Шѣманна и находимъ, что 80-лѣтнему человѣку „συνηγορίας officium vix convenire videtur“. Конъектура Φανόστρατος (вм. Χαίρεστρατος), впервые предложенная Reiske, а затѣмъ одобренная Dobree, Scheibe и Kayser'омъ, невозможна не только на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, но и потому, что слова ὅμως δὲ δεομένων τούτων συνεξέπλευσα κτλ. очевидно относятся къ Фанострату и Херестрату, послѣдній, стало-быть, опять находился бы въ такомъ возрастѣ, къ которому нельзя было бы отнести слова τηλικούτος ὢν, см. Buermann, Hermes XIX (1884) стр. 364. Итакъ и первую возможность нужно совершенно устранить.

Обратимся теперь къ четвертой возможности. Шѣманнъ рекомендовалъ выбросить слова εἰς Σικελίαν, такъ какъ слова эти, по его мнѣнію, были когда-то приписаны на поляхъ оригинала, а затѣмъ включены въ самый текстъ; приписаны же они были однимъ изъ читателей, который, не находя здѣсь точнаго обозначенія, о какой, именно, говорится экспедиціи, отождествилъ ее съ Сицилійской экспедиціей 415 г., о которой говорится въ §§ 13 и 14. Приписка эта, правда, совершенно превратная. Но если вспомнить что англійскій филологъ Taylor (XVIII стол.) замѣтилъ²⁾: „ceterum ex h. l. constat hanc causam tenente bello Peloponnesiaco, haud multo post cladem in Sicilia acceptam, actam fuisse“, не смотря на то, что въ § 14 ясно говорится, что съ тѣхъ поръ прошло уже 52 года, то эта приписка насъ удивить не можетъ. Блассъ (l. c. II² стр. 549, прим. 1) присоединяется ко мнѣнію Шѣманна и замѣчаетъ:

1) Шѣманнъ не совсѣмъ точно пишетъ: „plus quam septuagenarium“. Еслибы это была экспедиція 415-го года, то съ тѣхъ поръ прошло 52 года; чтобы быть въ состояніи принимать участіе въ экспедиціяхъ ему по крайней мѣрѣ должно было быть не менѣе 20-ти лѣтъ отъ роду; далѣе онъ самъ говоритъ: διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπελευκέναι προῦδειν πάντας τοὺς ἑσόμενους κινδύνους все это ясно показываетъ, что ему было бы во всякомъ случаѣ около 80-ти лѣтъ.

2) Шѣманнъ напрасно сомнѣвается, слѣдуетъ ли эти слова приписывать Taylor'у или Reiske. У Reiske ясно сказано „adscripterat Taylor“; его собственная же датировка помѣщена въ скобкахъ [у Reiske, впрочемъ, опечатка: читай Ol. 106, 1 см. Ol. 164, 1] ср. притомъ его замѣчаніе къ § 14 прим. 37 (стр. 129).

„Denn da Ch. nur einmal erst Trierarch gewesen (60), so ist ὅτε ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαῖρ. hinreichend bestimmt“. Само по себѣ мнѣніе это могло бы считаться довольно вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что извѣстно, что рукописи наши изобилуютъ всякаго рода приписками (см. Buermann, Hermes XIX 1884, стр. 349 сл.). Однако какъ Шёманнъ, такъ и Блассъ совершенно упустили изъ виду, что послѣ выписанныхъ выше словъ немедленно слѣдуетъ: διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προῆδαι πάντας τοὺς ἐσομένους κινδύνους, что переводчиками понимается въ томъ смыслѣ, что ораторъ до этого уже самъ былъ въ данной мѣстности ¹⁾. Если же здѣсь нарочно указывается на данную мѣстность, то названіе оной въ предыдущихъ словахъ отсутствовать не могло. Четвертая возможность, слѣдовательно, столь же мало вѣроятна, какъ и первая двѣ.

Остается, стало-быть, исключительно третья возможность, заключающаяся въ томъ, что испорчено только слово Σικελίαν. Предыдущія соображенія наши ясно показываютъ, что слово это непременно должно быть замѣнено какимъ-нибудь другимъ собственнымъ именемъ. На этомъ основаніи и конъектура Buermann'a (l. c. стр. 364) ἐν ἡλικίᾳ ὧν вм. εἰς Σικελίαν не можетъ быть одобрена. Онъ ссылагается, впрочемъ, на § 6 II рѣчи Исея, однако мѣсто это ничего общаго съ нашимъ мѣстомъ не имѣетъ ²⁾. Какое же, однако, здѣсь могло быть имя собственное? Вейссенборнъ (Allgemeine Encyclopädie von Ersch und Gruber, II Section, Theil 24, Leipzig 1845, стр. 296) предложилъ цѣлыхъ три конъектуры. Двѣ конъектуры относятся къ одному и тому же событію, а именно къ неудачной борьбѣ между Аѳинянами и Македонянами за Амфиполь во времена Птолемея Алорита (368—365) и Пердикки III (365—360); основываясь на этомъ предположеніи онъ желалъ бы читать εἰς Μακεδονίαν или εἰς Ἀμφίπολιν, хотя самъ сознается,

„1) Quippe qui iam antea eadem expeditione defunctus essem“ (Reiske); „Weil ich selbst früher dorthin geschifft war“ (Schoemann); „pour y être allé déjà moi-même“ (Dareste). Только Leon Moy (Étude sur les plaidoyers d'Isée, Paris 1876 стр. 206) парафразируетъ эти слова слѣдующимъ образомъ: „l'orateur, qui avait déjà navigué“. Хотя грамматически, конечно, возможно и то и другое толкованіе, самый смыслъ заставляетъ насъ предпочитать первое, въ пользу котораго говорить и слова προῆδαι πάντας τοὺς ἐσομένους κινδύνους. Во всякомъ же случаѣ Шёманнъ понималъ это мѣсто такъ и не имѣлъ, поэтому, права выбрасывать эти слова.

2) Εκδόντες τοίνυν τὰς ἀδελφὰς καὶ ὄντες αὐτοὶ ἐν ἡλικίᾳ ἐπὶ τὸ στρατεύεσθαι ἐτραπόμεθα, καὶ ἀπεδημήσαμεν μετὰ Ἱφικράτους εἰς Θράκην.

что конъектуры эти довольно рискованныя. Третья конъектура „εἰς Θεσσαλίαν“ относится къ вспомогательному отряду (30 кораблей), который Аѳиняне въ 368 г. отправили¹⁾ въ Θεσσαλίю къ тиранну Александру Ферейскому. Однако не смотря на рискованность первыхъ двухъ конъектуръ, онъ ихъ всетаки считаетъ болѣе правдоподобными. Признаемся, мы далеко не можемъ согласиться съ Вейссенборномъ. Конъектура εἰς Θεσσαλίαν уже потому невѣроятна, что слова διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευχέναι никакъ не могутъ быть согласованы съ Θεσσαλίей, такъ какъ до этого никакой другой аналогичной Θεσσαлійской экспедиции не было. Конъектуры εἰς Μακεδονίαν и εἰς Ἀμφίπολιν палеографически вполне невозможны, одобряющій эти конъектуры долженъ, поэтому, предположить, что какой-нибудь читатель архетипа умышленно вмѣсто этихъ словъ написалъ Σικελίαν. Конъектура εἰς Μακεδονίαν помимо того и потому совершенно превратна, что война эта официально называлась иначе, см. C. I. A. II 55 (= Ditt. Syll² n. 102; Michel Rec. n. 96) v. 8 sg. τὸν πόλεμον τὸν πρὸς Χαλκιδέας καὶ πρὸς Ἀμφίπολιν. Равнымъ образомъ и Demosth. in Aristocr. (XXIII) 149 говоритъ: Τιμόθεον δ' ἐπ' Ἀμφίπολιν καὶ Χερρόνησον ἐξεπέμψατε στρατηγόν. Наконецъ извѣстно, что война эта, если Македоняне и были конкурентами Аѳинянъ, не была направлена противъ Македонянъ, а противъ самихъ Амфиполитянъ. Что же касается исторической подкладки конъектуры εἰς Ἀμφίπολιν, то она можетъ казаться болѣе правдоподобной, ибо противъ Амфиполя было послано нѣсколько безуспѣшныхъ экспедицій²⁾, такъ что ораторъ, повидимому, могъ

1) Случилось это въ 368 г., а не въ 366, какъ полагаетъ Вейссенборнъ, см. литературу этого вопроса у R. v. Scala, Staatsverträge des Altertums I, Lpz. 1898, n. 157, стр. 151 сл.; ср. кромѣ того A. Schaefer Demosthenes und seine Zeit, I² стр. 93 сл. (Leipzig 1885).

2) См. A. Schaefer Demosthenes u. seine Zeit, въ особ. II² и прим. 1. Онъ цитируетъ мѣсто изъ Schol. ad Aeschin. II 31, на которое ссылается и Вейссенборнъ. Интересна, однако, вся схолия. Она начинается со словъ: ἡτύχησαν Ἀθηναῖοι ἐννάκις περὶ τὰς Ἑννέα καλουμένας ὁδοὺς [ниже онъ сообщаетъ, что τὰς δὲ Ἑννέα ὁδοὺς Ἄγνωσ συνοικίσας Ἀθηναῖος ἐκάλεσεν Ἀμφίπολιν] и затѣмъ перечисляетъ эти неудачныя экспедиции. Вейссенборнъ ссылается на восьмую экспедицію, о которой сообщается слѣдующее: ὁδοὺς ἐκπεμφθεὶς ὑπὸ Τιμοθέου Ἀλκίμαχος ἀπέτυχεν, αὐτοῦ παραδόντος αὐτὸν Ὁραξίν, ἐπὶ Τιμοκράτους Ἀθήνησιν ἄρχοντος (Ol. 104, 1 = 364, 3). См. объ этой экспедиции: W. Judeich, Kleinasiatische Studien, Marburg 1892, стр. 277 и прим. 1. и Ю. Белохъ, Ист. Греціи пер. М. Гершензономъ, II Москва 1899, стр. 218 сл.

сказать διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευχέναι. Не смотря на то и эта конъектура намъ кажется мало удовлетворительной. Вейссенборна побудило выбрать восьмую экспедицію какъ сама дата происшествія, такъ и упоминаніе о томъ, что Алкимахъ сдлся Θρακίѣцамъ. Мы съ этимъ согласиться не можемъ. Что касается, во первыхъ, даты (Ol. 104,1 = 364, 3), то извѣстно, что наша рѣчь произнесена въ 365/4 или 364/3 г., объ этой экспедиціи, стало-быть, уже само по себѣ думать нельзя. Мы, по крайней мѣрѣ, не считаемъ возможнымъ, чтобы и экспедиція и взятіе въ плѣнъ (ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους см. стр. 63 сл.) и освобожденіе и инструкція всего процесса — все это могло состояться въ продолженіи 364/3 года. Если мы, далѣе, вспомнимъ, что рѣчь, быть можетъ, была произнесена уже въ 365/4 году, что седьмая экспедиція состоялась приблизительно лѣтъ сорокъ тому назадъ ¹⁾, такъ что слова оратора διὰ τὸ πρό-

1) Даты 5, 6 и 7 неудачныхъ экспедицій неизвѣстны, да и не были извѣстны автору данной схолиі, такъ какъ онъ не прибавилъ здѣсь имени архонта-эпонима, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ см. напр. выше стр. 59 прим. 2. О седьмой экспедиціи онъ сообщаетъ слѣдующее: ἔβδωρον ὅτε Πρωτόμαχος ἀπέτυχεν, Ἀμφιπολίτων αὐτοῦ παραδόντων τοῖς ἐμὲροις Θρακίῃν. Такъ какъ восьмая состоялась въ 364/3, а четвертая въ 422/1 (ἐπὶ ἄρχοντος Ἀλκμαίου), то ясно только одно то, что седьмая случилась между этими годами, но когда именно — неизвѣстно. Мнѣнія ученыхъ, поэтому, расходятся. Одни полагають, что это несчастье непосредственно предшествовало 8-му, см. напр. Grote History of Greece, vol. X London 1869 стр. 62: „These — occurrences are unknown. We may perhaps suppose them to refer to the period when Iphicrates was commanding the forces of Athens in these regions from 368—365“; Boeckh u. Demosthenes, Lykurgos, Hyperides I Berlin 1864 стр. 219 прим. 1, и др. Другіе оставляють вопросъ открытымъ, напр. Clinton Fasti Hellenici, vol. II, Oxford 1841 (third edition), Appendix 9, стр. 320; G. Hirschfeld u. Pauly-Wissowa s. v. Amphipolis и др. C. Rehdantz, Vitae Iphicratis, Chabriae, Timothei Atheniensium, Berlin 1845 стр. 152, напротивъ, полагаетъ, что V, VI и VII экспедиціи состоялись во время „medii et extremi belli Peloponnesiaci. Мы полагаемъ, однако, что дату этого происшествія можно приблизительно опредѣлить. Единственная возможность точной датировки заключается въ имени Πρωτόμαχος. Имя это — повидимому весьма обыкновенное — на самомъ дѣлѣ встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Для вышеозначеннаго времени намъ извѣстенъ только одинъ Протомахъ, а именно стратегъ 406-го года (см. Xen. Hell. I 5, 16; 6, 30, 33; 7, 1 и Diod. XIII 74; 101), который послѣ сраженія при Аргинузскихъ островахъ вмѣстѣ съ Аристогеномъ не возвратился въ Аѣины, сознавая грозящую имъ опасность. Послѣ 406-го г. т. н. седьмое ἀτύχημα, стало-быть, случиться не могло. Но съ другой стороны оно случилось и не раньше или по крайней мѣрѣ не много раньше этого года. Къ этому самому Протомаху мы относимъ и надпись C. I. A.

терон αὐτὸς ἐκπεπλευμέναι врядъ ли могутъ быть относимы къ седьмой экспедиціи, если, далѣе, обратить вниманіе на то, что весь контекстъ: „ὅτε ἐξέπλει τριήραρχὼν Χαῖρ. — ὁμῶς συνεξέπλευσα καὶ συνεδυστύχησα καὶ ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους“ не звучитъ такъ, какъ будто они только что вернулись домой — то конъектура Вейссенборна лишается всякой правдоподобности. Можно, наконецъ, еще прибавить, что Амфиполь не морской городъ, что Хэрестратъ, будучи триерархомъ, не могъ покидать своего корабля и поэтому не могъ принимать участія въ битвахъ, состоявшихся на сушѣ, а мѣсто наше, напротивъ, можетъ быть понимаемо только въ томъ смыслѣ, что Хэрестратъ вмѣстѣ со своимъ кораблемъ попалъ въ плѣнъ — то врядъ ли кто-нибудь станетъ отождествлять эту экспедицію съ амфиполитанской.

Какая же экспедиція, послѣ этого, еще мыслима? Положительнаго отвѣта на это, конечно, дать нельзя. Отвѣтъ былъ бы несравненно легче, еслибы мы знали точную дату данной экспедиціи или еслибы напр. въ морскихъ документахъ этого времени встрѣтилось имя Хэрестрата. Имя его, правда, встрѣчается въ одномъ морскомъ документѣ С. I. A II 2 800 b 43, гдѣ упоминается Χαῖρεστράτου Κηφι(σιέως) συμ(μορία). Что это нашъ Хэрестратъ, въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ (см. стр. 64 сл.), но къ сожалѣнію документъ этотъ, какъ мы увидимъ, позднѣе нашей рѣчи, такъ что и эта надпись намъ никакой помощи оказать не можетъ. Но неужели Вейссенборнъ исчерпалъ всѣ возможности? Мы этого не находимъ, что и постараемся доказать.

Вейссенборнъ мѣстность, куда была предпринята данная экспедиція, почему-то искалъ исключительно въ восточныхъ моряхъ и прилегающихъ къ нимъ странахъ. Признаемся, намъ это совершенно непонятно. Если искать какую-нибудь выдающуюся Афинскую морскую экспедицію этой эпохи и притомъ такую экспедицію, къ которой можно было также отнести слова нашего оратора διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευμέναι, то невольно прихо-

II 2 п 959 а 15 („Catalogus nautarum“), гдѣ упоминается Πρωτόμαχος Κηφ(σιέως), τριήραρχος. U. Koehler полагаетъ, что „titulus initio saeculi quarti non multo recentior, siquidem est recentior“. Подчеркнутыя нами слова ясно показываютъ, что и самъ Koehler сомнѣвался въ вѣрности своей датировки. Мы того мнѣнія, что надпись эта должна быть отнесена ко времени до назначенія Протомаха стратегомъ т. е. до 406 года, такъ какъ послѣ этого года онъ триерархомъ быть не могъ.

дится думать о военных дѣйствіяхъ Тимофея и Ификрата въ Іонійскомъ морѣ (375—371). Да и опредѣленную мѣстность найти не трудно, такъ какъ по своей важности сами, такъ сказать, напрашиваются Корцирскія смуты и тѣсно связанныя съ ними операціи эскадръ вышеозначенныхъ стратеговъ. На частностяхъ мы здѣсь, конечно, останавливаться не можемъ, такъ какъ событія эти всѣмъ хорошо извѣстны. Экспедиція это, стало-быть, была предпринята въ Корциру, но изъ этого, конечно, ничуть не слѣдуетъ, что постигшее ихъ несчастье (συνεδυστύχησα καὶ ἑάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους) случилось именно около Корциры, такъ какъ ораторъ здѣсь обозначаетъ только цѣль экспедиціи. Что экспедиція эта состоялась во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ этомъ мы не находимъ никакого затрудненія. Нигдѣ, вѣдь, не говорится, что экспедиція эта только что окончилась; а если уже вычитывать изъ словъ ὅτε γὰρ ἐξέπλει τριηραρχῶν обозначеніе времени — что мы, впрочемъ, считаемъ вполне позволительнымъ —, то слова эти скорѣе указываютъ на болѣе большой промежутокъ времени. Притомъ возрастъ его также никакихъ трудностей не представляетъ. Мы видѣли, что въ 364 ему было около 30 лѣтъ и что онъ не смотря на свою молодость исправлялъ разныя литургіи, въ томъ числѣ и тріерархію, которая упоминается на первомъ мѣстѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ ему было, стало-быть, болѣе 20 лѣтъ. Молодой Демосеенъ также немедленно сдѣлался тріерархомъ. Наконецъ укажемъ еще на одинъ аналогичный случай, который самъ по себѣ, конечно, никакой доказательной силы не имѣетъ, но который въ совокупности съ остальными соображеніями не безъинтересенъ, а быть можетъ даже и не лишень возможности подкрѣпить нашу гипотезу. Одновременно съ нашей рѣчью (364/3) молодой, двадцатилѣтній Демосеенъ произнесъ свою первую рѣчь (or. XXVII in Arhob. A), въ которой онъ обвиняетъ своего опекуна Афоба въ томъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы жениться на матери Демосеена, какъ это требовалось въ духовномъ завѣщаніи Демосеенова отца, присвоилъ себѣ приданое и, проживши нѣкоторое время въ Демосееновомъ домѣ, отправился въ Корциру въ качествѣ тріерарха, см. § 14: καὶ ἐπειδὴ εἶχεν (sc. τὴν προίκα), ἐκπλεῖν μέλλον εἰς Κέρκυραν τριηραρχός κтл.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній мы, стало-быть, полагаемъ, что и въ § 1 нашей рѣчи слѣдуетъ читать: ὅτε γὰρ εἰς Κέρκυραν ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαίρεστратος. Что же касается происхожденія искажающей текстъ погрѣшности

„Σικελίαν“, то произвольное исправленіе какимъ-нибудь читателемъ тутъ, конечно, столь же допустимо, сколько и во всѣхъ остальныхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ. Но въ такомъ предположеніи, быть можетъ, и нѣтъ никакой надобности, такъ какъ и въ палеографическомъ отношеніи конъектура эта не представляетъ особенныхъ трудностей, хотя мы, конечно, нисколько не отрицаемъ, что она не одна изъ легчайшихъ.

Слѣдующія затѣмъ слова: „διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προήδεν πάντας τοὺς ἐσόμενους κινδύνους“ относятся къ адвокату, который вмѣсто Хэрестрата произнесъ эту рѣчь. Слова эти особенныхъ трудностей не представляютъ. За то не совсѣмъ ясны слова καὶ συνεξέπλευσα καὶ συνεδυστύχησα καὶ ἔάλωμεν εἰς τοὺς πολέμους. Спрашивается, именно, къ кому относятся предлоги συν = и множ. число ἔάλωμεν? Въ словахъ, непосредственно предшествующихъ нашимъ, говорится ὅμως δὲ δεομένων τούτων, и слова эти безъ всякаго сомнѣнія относятся къ Фанострату и Хэрестрату. Но къ кому относятся наши слова? Слѣдуетъ ли понимать σύν = αὐτῷ sc. Χαίρεστράτῳ, или = αὐτοῖς = вышеупомянутому τούτων? Reiske (стр. 120) оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, въ комментаріи Шёманна и въ монографической литературѣ мѣсто это обходится молчаніемъ. Какъ неясно, однако, это предложеніе для ученыхъ, видно изъ различныхъ переводовъ этихъ словъ. Такъ нпр. Reiske переводитъ: „una cum illis captus ab hostibus“; Schoemann: „theilte seine Unfälle; L. Мой парафразируетъ: „l'accompagna, fut fait prisonnier avec lui“; Dareste и Haussoullier: „je partis pourtant avec eux, à leur prière, j'ai partagé leur infortune“. Кто же изъ нихъ правъ? Точнаго отвѣта мы, конечно, ожидать не можемъ. Грамматически возможно и то и другое, или быть можетъ даже скорѣе αὐτοῖς вслѣдствіе предыдущаго τούτων. Но по смыслу мы далеко предпочитаемъ αὐτῷ, хотя, впрочемъ, точныхъ доводовъ для подтвержденія того или другого мнѣнія привести нельзя. Побуждаютъ же насъ избрать αὐτῷ слѣдующія субъективныя соображенія. Вопервыхъ, въ началѣ этого предложенія говорится ὅτε ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαίρεστρατος, Хэрестратъ, стало-быть, былъ либо единственнымъ, либо главнымъ триерархомъ этого корабля. Мы, поэтому, не считаемъ возможнымъ, чтобы отецъ Хэрестрата, Фаностратъ, который, какъ мы видѣли, до этого процесса самъ 7 разъ былъ триерархомъ, былъ только синтриерархомъ или даже находился подъ властью своего сына, какъ командира корабля. Далѣе весь контекстъ, по нашему

мнѣнію, также требуетъ, чтобы мы подразумѣвали только сына. Но доказать этого мы, конечно, не въ состояніи¹⁾).

Изъ нашей рѣчи мы узнаемъ о Хэрестратѣ еще то, что дядя его, Филоктемонъ, не имѣя собственныхъ дѣтей, усыновилъ его въ своемъ духовномъ завѣщаніи (§§ 3 сл.) съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлался его наслѣдникомъ, если у него самого не будетъ дѣтей (§ 7 εἰ μὴ γένοιτο αὐτῷ παῖδ' ἓκ τῆς γυναικὸς, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ). Филоктемонъ, какъ мы видѣли, умеръ, не оставивъ по себѣ дѣтей, такъ что на основаніи этого духовнаго завѣщанія — подлинность котораго, впрочемъ, оспаривается противниками Хэрестрата — Хэрестратъ былъ de facto единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ не только Филоктемона, но и Евктемона. Филоктемонъ, сынъ Евктемона, умеръ какъ мы видѣли, нѣсколькими годами раньше своего отца. Не смотря на то Хэрестратъ заявилъ желаніе быть утвержденнымъ въ правахъ наслѣдованія не въ моментъ открытія Филоктемонова наслѣдства т. е. немедленно послѣ смерти Филоктемона, а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Евктемона. Объясненіемъ этого страннаго факта мы, однако, займемся въ слѣдующей главѣ (см. Гл. III § 3).

Вотъ все, что мы узнаемъ о Хэрестратѣ изъ нашей рѣчи. Однако этимъ наши свѣдѣнія о немъ еще не исчерпаны, ибо во второмъ томѣ С. I. А. находятся двѣ надписи (С. I. А. II 800 b и II 1177), изъ которыхъ вторая несомнѣнно относится къ нашему Хэрестрату; но и первая безъ всякаго сомнѣнія можетъ быть отнесена къ нему.

Въ С. I. А. II 800 b v. 41—43 мы читаемъ слѣдующее: Αἰαντεῖα, ἐπισκε(υῆς) δεο(μένη) | Δυσικλέους ἔργον, | Χαιρεστράτου

1) Ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολέμους. Выраженіе это употреблено брахилогически въ смыслѣ εἰς τοὺς πολέμους πεσόντες ἐάλωμεν. У Исея оно еще разъ встрѣчается въ VII p. § 8 ληφθέντος εἰς τοὺς πολέμους, см. Plat. Πολιτεία V p. 468 A εἰς τοὺς πολέμους ἄλόντα и замѣтку G. Stallbaum'a по поводу этихъ словъ (Plat. Dialog. ed. G. Stallbaum, vol. III 1). Такая же брахилогія, впрочемъ, встрѣчается и у Ксенофонта см. Hell. I 1, 23 гдѣ сообщается, что письмо, посланное въ Спарту, было перехвачено и доставлено въ Афины: εἰς Λακεδαιμόνα γράμματα πεμφθέντα ἐάλωσαν εἰς Ἀθήνας = ἄλόντα ἐχομισθῆσαν εἰς Ἀθήνας; см. далѣе Herod. VI 100 οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν ἐβουλεύοντο ἐκλιπεῖν τὴν πόλιν ἐς τὰ ἄκρα τῆς Εὐβοίης = ἐκλιπεῖν τὴν πόλιν καὶ φυγεῖν ἐς τὰ ἄκρα, или VIII 50 ἐμπρήσας Θεσπιέων τὴν πόλιν αὐτῶν (sc. Θεσπιέων) ἐκλελοιπόντων ἐς Πελοπόννησον и т. п. См. объ всемъ этомъ Kühner-Gerth Ausf. Gramm. d. gr. Sprache, Theil II³ Band I § 447 B.

Κηφι(σιέως) συμ(μορ)α). Надпись эта, какъ видно, морской документъ; вырѣзана она была около 350 года. Хотя отчество Хэрестрата здѣсь не упоминается, то не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь говорится о нашемъ Хэрестратѣ, такъ какъ середина IV столѣтія какъ нельзя лучше согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о немъ. Тутъ, кстати, само по себѣ напрашивается одна замѣтка. Изъ предыдущихъ изложеній явствуетъ, какъ часто Фаностратъ и сынъ его Хэрестратъ были триерархами. При разборѣ этихъ отдѣльныхъ случаевъ въ ясныхъ чертахъ обрисовывается исторія этого института. Мы видимъ, какъ они сначала одни исправляютъ эту литургію; затѣмъ въ 356/5 г. Фаностратъ исправляетъ ее вмѣстѣ съ Никіемъ (С. I. A. II 794 b), здѣсь, стало-быть, они оба завѣдывали однимъ кораблемъ, взаимно ими снаряженнымъ (συντριηραρχία). Въ нашемъ документѣ, наконецъ, корабль *Αλαντελα* снаряженъ не однимъ Хэрестратомъ или взаимно съ однимъ синтриерархомъ, а цѣлой симморіей. Такъ какъ симморія эта называется симморіей Хэрестрата, то онъ, очевидно, былъ ея гегемономъ т. е. стоялъ во главѣ ея. Это высокое положеніе, которое онъ здѣсь занимаетъ, также ясно показываетъ, что это можетъ быть только нашъ Хэрестратъ.

Второй документъ находится въ С. I. A. II 1177¹⁾. Это votивная надпись, вырѣзанная около середины IV вѣка (medio saeculo IV vel paullo post). Объ этой надписи Köhler замѣчаетъ слѣдующее: „superest catalogus hominum decem a singulis tribubus electorum cum scribis duobus et subscriptio artificis, qui opus confecit. Quodnam collegium fuerit, a quo monumentum dedicatum est, quum dedicatio perierit, coniectura adsequi non possumus“. Первые десять именъ насъ здѣсь не интересуютъ. Затѣмъ слѣдуютъ:

11. Χαῖρέστρατος Φανοστράτου Κηφισιεύς ἐγγραμμά[τευς].

Ἰοφῶν Σοφοκλέους ἐκ Κολωνοῦ ὑπογράμματε[ύς].

Λεωχάρης ἐπόησε.

1) Надпись эта напечатана также у E. L o e w y Inscr. griech. Bildhauer n. 77 и Ch. Michel Recueil d'inscr. grecques n. 1030. Послѣдній замѣчаетъ слѣдующее: „Nous avons revu le texte sur un estampage que nous devons à l'obligeance de M. Ad. Wilhelm“. Почему имъ сдѣлана эта замѣтка — неясно, ибо единственное отступленіе отъ текста Кёлера состоитъ въ томъ, что Мишелемъ пропущена третья строка (Καλλιχράτιδος Καλλιχράτους Στειρι[εύς]), что конечно ни въ какомъ случаѣ нельзя приписывать эстампажу Вильгельма; это доказывается, впрочемъ, и тѣмъ, что строка Λυσανίας и т. д. у него также считается пятой строкой, между тѣмъ какъ у него предшествуютъ всего только три строки.

Что это нашъ Хэрестратъ въ этомъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія быть не можетъ. Какъ видно изъ надписи, онъ былъ секретаремъ этой коллегіи, состоявшей изъ 10 членовъ, избранныхъ по одному изъ каждой филы. У Хэрестрата былъ, далѣе, письмоводитель (*ὑπογραμματεύς*), а именно Іофонтъ, сынъ Софокла изъ дема *Κολωνός*. Это конечно не сынъ знаменитаго поэта Софокла, а его правнукъ т. е. сынъ его внука Софокла младшаго, сына старшаго Іофонта¹⁾. Хэрестратъ, стало быть, *γραμματεύς* этой коллегіи, а Іофонтъ его *ὑπογραμματεύς*.

Въ этомъ краткомъ и повидимому совершенно ясномъ предложении *de facto* почти столько же трудностей, сколько словъ. По общераспространенному мнѣнію, основанному главнымъ образомъ на древнихъ, но, къ сожалѣнію, весьма скудныхъ и не особенно ясныхъ и достовѣрныхъ источникахъ, секретари (*γραμματεῖς*) — за исключеніемъ лишь 3 секретарей, перечисленныхъ Аристотелемъ (*Ἀθ. πολ.* 54,3) — принадлежали къ числу незнатныхъ и менѣе состоятельныхъ гражданъ; что же касается письмоводителей (*ὑπογραμματεῖς*), то ихъ причисляютъ къ служителямъ, исполнявшимъ низшія служебныя обязанности и получавшимъ

1) J. Penndorf. *De scribis reipublicae Atheniensium*, Leipziger Studien XVIII Heft 1 (1897) стр. 187 прим. 2 называетъ его сыномъ знаменитаго Софокла (*fillius celeberrimi Sophoclis*). Еслибъ Пендорфъ потрудились открыть любое руководство по греческой литературѣ (но собственно говоря онъ какъ *Dr. phil.* долженъ былъ это знать и безъ руководства), то нашелъ бы, что Софоклъ умеръ въ 406/5 году, а сынъ его Іофонтъ писалъ трагедіи и одержалъ нѣсколько побѣдъ еще при жизни отца; такъ нпр. достовѣрно извѣстно, что въ 428 году онъ одержалъ побѣду на драматическомъ состязаніи. А такъ какъ наша надпись вырѣзана, какъ и онъ самъ говоритъ, „*medio saeculo IV*“, то этому старшему Іофону тогда былъ бы по крайней мѣрѣ 100 лѣтъ отъ роду. Что онъ при такихъ обстоятельствахъ „*medio saeculo IV vel paullo post*“ не могъ быть письмоводителемъ — этого, конечно, и Пендорфъ не сталъ бы утверждать, еслибъ обратилъ вниманіе на эти даты. Но Пендорфъ, повидимому, вообще не обращаетъ должнаго вниманія на даты. На слѣдующей страницѣ (188) мы читаемъ слѣдующее: „*Noli tamen inde, quod tertio demum saeculo subscriba in titulis invenitur, concludere eum antea non fuisse. An Demosthenes Aeschini subscribae dignitatem adsignare potuit, si talis omnino non exstabat?*“ Это просто изумительно. Невольно спрашиваешь себя, къ чему все это, коли на предыдущей страницѣ онъ самъ говоритъ о надписи вырѣзанной „*medio saeculo IV*“? — И такъ Пендорфъ могъ бы самъ сообразить, что это п р а в н у к ъ *celeberrimi Sophoclis*. Но въ добавокъ первый издатель этой надписи Саурре въ *Nachr. d. k. Gesell. d. Wiss. Göttingen* 1865 стр. 254) совершенно вѣрно замѣтилъ, что это младшій Іофонтъ. Статья эта цитируется въ С. I. А., но Пендорфъ, очевидно, ея въ рукахъ не имѣлъ.

за это отъ казны жалованье, почему они и выбирались изъ людей бѣднѣйшаго класса и притомъ не только изъ числа бѣднѣйшихъ гражданъ, но даже изъ метойковъ и вольноотпущенниковъ. Спрашивается, поэтому, какъ согласовать это мнѣніе съ нашей надписью и съ тѣмъ что намъ извѣстно о Хэрестратѣ и Іофонтѣ? Хэрестратъ, какъ мы видѣли, принадлежалъ къ числу самыхъ знатныхъ и самыхъ богатыхъ гражданъ, онъ, стало-быть, никогда-бы не сдѣлался секретаремъ, еслибы эта должность имѣла такое второстепенное значеніе. Что же касается Іофонта, то мы конечно не знаемъ, каковы были его денежные обстоятельства; но что касается его знатности, то мы считаемъ вполне немислимымъ, чтобы онъ занималъ должность простаго канцелярскаго служителя и получалъ за это минимальное жалованье наравнѣ съ другими служителями. Эту трудность нельзя устранять такъ просто, какъ это дѣлаетъ упомянутый уже Пендорфъ¹⁾. Мы должны для этого найти правдоподобное и удовлетворительное объясненіе, а это только возможно тогда, когда предварительно будетъ рѣшенъ вопросъ, о какой здѣсь именно говорится коллегіи.

Кѣлеръ, какъ мы видѣли, оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ, „quum dedicatio perierit“, вопроса этого рѣшить нельзя. На нашъ взглядъ положеніе наше ничуть не такое безнадѣжное. Какъ видно изъ надписи, это списокъ десяти чиновниковъ, избранныхъ по одному изъ каждой филы, съ ихъ секретаремъ и его письмоводителемъ. Такъ какъ въ Аѳинахъ почти всѣ должности исполнялись коллегіями, состоящими обыкновенно изъ 10 членовъ, избранныхъ по одному изъ каждой филы, то изъ одного этого обстоятельства, конечно, еще ничего нельзя было бы заключить. Но то обстоятельство, что должность секретаря занимаетъ здѣсь такая знатная и состоятельная особа, исключаетъ всѣ коллегіи кромѣ одной, которую мы сейчасъ назовемъ. Ибо, такъ какъ здѣсь говорится о коллегіи, состоящей изъ 10 членовъ и такъ какъ, поэтому, должность секретаря здѣсь нельзя отождествить съ однимъ изъ 3 важнѣйшихъ упомянутыхъ у Аристотеля секретарей, то по исключеніи всѣхъ этихъ возможностей остается только одна коллегія, съ которой какъ нельзя лучше можно согласовать все то, что явствуетъ изъ нашей надписи, а именно —

1) См. Penndorf l. c. стр. 187 прим. 2: „hoc munus —, quod vile vulgo putatum est. Ceterum aliquando (C. I. A. II 1177 medio saeculo IV.) collegio decemvirorum subscriba fuit Ἰοφῶν Σοφοκλέους ἐκ Κολωνού, filius celeberrimi Sophoclis“.

коллегія одинадцяти (οἱ ἑνδεκά). Объ этой коллегіи, какъ извѣстно, Pollux VIII 102 сообщаетъ слѣдующее: οἱ ἑνδεκά: εἰς ἅψ' ἐκάστης φυλῆς ἐγίνετο καὶ γραμματεὺς αὐτοῖς συνηριθμεῖτο. Lipsius¹⁾, правда, замѣчаетъ слѣдующее: Die Nachricht des Pollux, dass ihrer eigentlich zehn waren, je einer aus einem Stamme, dazu aber ihr Schreiber als der Elfte gerechnet wurde, steht mit dem, was sonsther über die Stellung der Amtsschreiber bekannt ist, in Widerspruch“. Но такъ какъ всѣ остальные ученые одобряютъ показаніе Поллукса и Липсіуса даже самъ, очевидно, отказался отъ своего прежняго мнѣнія²⁾, то на этомъ, конечно, и останавливаться не стоитъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ о положеніи аѳинскихъ секретарей, не смотря на цѣлый рядъ статей и диссертаций, посвященныхъ исключительно этому вопросу, все еще не можетъ считаться рѣшеннымъ, что и явствуетъ, между прочимъ, изъ нашей надписи. Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что коллегія одинадцати состояла изъ 10 + 1 члена, изъ которыхъ первые 10 выбирались по одному изъ каждой филы, а 11-тый изъ любой филы. Что οἱ ἑνδεκά послѣ архонтовъ считались важнѣйшимъ судебнымъ начальствомъ въ Аѳинахъ, да и вообще принадлежали къ числу самыхъ важныхъ должностныхъ лицъ, до того извѣстно, что можно удовольствоваться простымъ упоминаніемъ этого факта. Секретарь ихъ, какъ дѣйствительный и непремѣнный членъ этой коллегіи, конечно занималъ такую же преважную должность, какъ и остальные коллеги. Именно то обстоятельство, что эти одинадцать всегда дѣйствуютъ и вездѣ упоминаются всѣ вмѣстѣ (οἱ ἑνδεκά) ясно показываетъ, что этого секретаря нельзя сравнивать съ остальными секретарями.

О кругѣ дѣятельности одинадцати мы здѣсь, конечно, распространяться не будемъ. Что же касается ихъ секретаря, который насъ здѣсь специально интересуеетъ, то мы на основаніи надписи, опубликованной въ С. I. A. II 811 с., можемъ еще опредѣлить одну изъ его специальныхъ обязанностей³⁾. Содержание

1) См. Meier-Schoemann-Lipsius Att. Process, стр. 81. Мнѣніе Липсіуса было одобрено Тумзеромъ см. Hermann-Thumser Staatsaltertümer I 2 стр. 568 прим. 13.

2) См. Schoemann-Lipsius, Griechische Alterthümer I^o 1897 стр. 445 прим. 3.

3) См. С. I. A. II 811 с, v. 103 сл., въ особенности же 130 сл.; ср. также Böckh Urkunden über das Seewesen des attischen Staates, Berlin 1840 стр. 534 сл. и 212 сл.

этого декрета Böckh опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Kephisodorus blieb als Schatzmeister das hölzerne Geräth zu zehn Trieren schuldig und sein Bruder Sopolis sollte, ohne Zweifel als Erbe, dieses abliefern. Letzterer wird deshalb — vor Gericht gestellt, wo die Vorsteher der Werfte den Handel einleiten, und der Beklagte wird in mehr als das Doppelte verurtheilt. — Da sein ganzes Vermögen aufgezeichnet worden (*ἡ οὐσία ἀπογέγραπται δημοσία εἶναι ἅπασα*), so muss es in Folge des Rechtshandels den gesetzlichen Folgen gemäss zur Einziehung bestimmt worden sein, um daraus die Busse zu gewinnen. Die Apographe hatte Polyeuktos gemacht —. Indessen wurde das Vermögen des Verurtheilten nicht wirklich eingezogen, sondern Polyeuktos liess ihm nach, die Busse selber zu zahlen und dafür sein Vermögen zu behalten —. Demgemäss tilgte dann Sopolis gleich einen Theil der Schuld mit dem Werthe der zu seinem Vermögen gehörigen Ruderhölzer, welche auf den Werften des Staates waren“. — Затѣмъ въ надписи (стр. 130 сл.) приказывается, чтобы секретарь одиннадцати вычеркнулъ ту сумму, которую казначей получилъ отъ Сополида (*καὶ τὸν γραμματέα τῶν ἑνδεκα ἀπαλείψαι ἀπὸ τοῦ ὠφλημένου Σωπόλιδι ἀργυρίου, ὅτι ἂν ἀποφάνῃ αὐτῷ ὁ ταμίης παρειληφ[ώς]*). Если же онъ этого не сдѣлаетъ т. е. если *ὁ γραμματεὺς τῶν ἑνδεκα μὴ ἀπαλείψῃ ἀπὸ τοῦ ὠφλήματος τοῦ Σωπόλιδος τὸ γιγνόμενον τῶν κωπέων κατὰ τὰ ἐψηφισμένα τῇ βουλῇ*, то онъ долженъ заплатить казнѣ 30 драхмъ, а Сополиду и его родственникамъ сумму равную той, которую государство получило отъ Сополида и которая секретаремъ одиннадцати не была внесена въ счетную книгу. Вотъ содержаніе этого интереснаго декрета. Мы видимъ, что одиннадцать, которые, какъ извѣстно, завѣдывали конфискаціей имуществъ, имѣли списки всѣхъ государственныхъ должниковъ съ точнымъ обозначеніемъ суммъ должныхъ каждымъ изъ нихъ. Секретарь одиннадцати, какъ явствуетъ изъ этого декрета, подъ страхомъ собственнаго наказанія долженъ былъ точно вносить всѣ суммы, уплачиваемыя должниками, что и называется вычеркиваніемъ долга или части долга изъ долговой книги (*ἀπαλείψαι*). И изъ этого, стало-быть, явствуетъ, какую важную и отвѣтственную должность занималъ секретарь одиннадцати. Послѣ этого нѣтъ никакой причины удивляться тому обстоятельству, что Хэрестратъ, человѣкъ знатный и состоятельный, занималъ должность секретаря.

Что же касается Ioфонта, то мы, къ сожалѣнію, ничего положительнаго изъ упомянутыхъ нами 2 надписей не узнаемъ. Однако мы думаемъ, что послѣ всего вышеупомянутаго позволи-

тельно будетъ предположить, что такъ какъ секретарь одиннадцати занималъ вполнѣ исключительное положеніе, то и помощникъ его (ὁποῦραμπατεὺς) по всей вѣроятности не принадлежалъ къ категоріи простыхъ служителей, тѣмъ болѣе, что онъ официально подписалъ этотъ декретъ¹⁾. Но даже еслибы и этотъ ὁποῦραμπατεὺς былъ простымъ служителемъ, то въ этомъ ничего удивительнаго видѣть нельзя, такъ какъ и у насъ члены знатныхъ семействъ иногда занимаютъ нижайшія должности. Однако не смотря на то все-таки не слѣдуетъ забывать, что такое мнѣніе о помощникахъ секретарей главнымъ образомъ основывается на изрѣченіи Демосеена, которому въ этомъ случаѣ вѣрить нельзя, такъ какъ онъ говоритъ объ Эскинѣ, котораго онъ, какъ извѣстно, старался всячески умять.

8. Андроклъ и Антидоръ. О проискахъ какъ Андрокла такъ и Антидора приходилось уже неоднократно говорить, такъ что все что относится къ этому процессу, мы повторять не станемъ. Для насъ здѣсь важнѣе вопросъ, какъ они приходились Евктемону, Филоктемону и Хэрестрату. Въ нашей рѣчи, къ сожалѣнію, точнаго показанія нѣтъ и поэтому положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. Неудивительно, поэтому, что и мнѣнія ученыхъ относительно этого пункта расходятся. Между тѣмъ какъ Schoemann и Моу называютъ ихъ просто „ein paar Verwandte“, „Euctemonis cognati“, „certains parents brouillés avec le reste de la famille“, они же по отношенію къ браку, который Андроклъ хотѣлъ заключить со вдовою Хэрея какъ дочерью-наслѣдницею, называютъ Андрокла ближайшимъ родственникомъ, „als nächster Verwandter“, „ut proximo cognato“, „fort proche parent sans doute“, „à titre de plus proche parent“. Blass, напротивъ, того мнѣнія, что Андроклъ „ein entfernterer Verwandter des Erblassers“. Одинъ только Dareste не видитъ здѣсь никакой трудности и безъ всякой оговорки называетъ ихъ двоюродными братьями Евктемона (ses cousins). Которое изъ этихъ мнѣній болѣе всего правдоподобно?

Въ нашей рѣчи три момента, которые хоть сколько нибудь могутъ способствовать разрѣшенію этого вопроса, а именно, во-первыхъ, та важная роль, которую эти господа играютъ въ этомъ

1) См. С. I. А. II 1177, гдѣ о секретарѣ Хэрестратѣ, какъ о коллегѣ одиннадцати, говорится ἐῤραμπα[τευς], между тѣмъ какъ Іофонть подписался въ имен. падежѣ: ὁποῦραμπατε[ύς].

процессъ ; во-вторыхъ, то обстоятельство, что они называютъ себя опекунами дѣтей Алки, которыхъ они выдаютъ за законныхъ дѣтей Евктемона и, наконецъ, то обстоятельство, что Андроклъ намѣревается жениться на вдовѣ Хэрея какъ дочери-наслѣдницѣ. Начнемъ съ послѣдняго момента какъ болѣе всего удобнаго.

Чтобы имѣть право жениться на дочери-наслѣдницѣ Андроклъ въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ быть ближайшимъ родственникомъ не ея, а завѣщателя т. е. Евктемона¹⁾). А такъ какъ по Аѳинскимъ законамъ въ этомъ случаѣ ближайшими родственниками считаются братъ завѣщателя, а при отсутствіи такового его сынъ т. е. племянникъ завѣщателя, то можно было бы просто заключить, что Андроклъ либо братъ, либо племянникъ Евктемона. Однако *de facto* рѣшеніе этого вопроса нисколько не такъ просто, такъ какъ при отсутствіи племянниковъ призывались другіе родственники (сынъ сестры завѣщателя, дядя завѣщателя, сынъ дяди и т. д.), которые по отсутствіи упомянутыхъ родственниковъ въ силу самихъ обстоятельствъ превращались въ ближайшихъ родственниковъ. Поэтому на этотъ вопросъ положительнаго отвѣта дать нельзя. Приблизительно, конечно, можно опредѣлить степень ихъ родства. *Dareste* называетъ ихъ двоюродными братьями Евктемона (*ses cousins*), въ такомъ случаѣ это были бы сыновья его дяди. Намъ эта догадка кажется весьма невѣроятною, такъ какъ сыновья дяди находятся, какъ мы видѣли, на пятомъ мѣстѣ и поэтому нужно было бы предположить отсутствіе всѣхъ остальныхъ болѣе близкихъ родственниковъ, что, конечно, совершенно проблематично; но кромѣ того оно и потому невѣроятно, что Евктемону при смерти было 96 лѣтъ отъ-роду. Сколько же нужно предположить лѣтъ для этихъ двоюродныхъ братьевъ? Нельзя же этимъ интригантамъ, дѣйствовавшимъ такъ энергично, приписывать старческой возрастъ? А какъ двоюродные братья Евктемона они должны же были быть довольно преклонныхъ лѣтъ. Это обстоятельство исключаетъ, впрочемъ, и ту возможность, что здѣсь идетъ рѣчь о братѣ Евктемона. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что здѣсь рѣчь идетъ о ближайшихъ послѣ брата Евктемона родственникахъ т. е. о племянникахъ Евктемона и двоюродныхъ,

1) Такъ какъ въ III гл. § 3 намъ придется подробнѣе говорить объ эпиклерахъ т. е. дочеряхъ-наслѣдницахъ, то здѣсь мы можемъ удовольствоваться совершенно аподиктическими указаніями.

стало-быть, братьяхъ Филоктемона и его сестеръ, супругъ Хэрея и Фанострата. Были ли эти племянники сыновья брата или сестры Евктемона — рѣшить, конечно, невозможно, но первое намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ въ томъ предположеніи, что Андроклъ и Антидоръ племянники Евктемона и двоюродные братья его дѣтей, нельзя, кажется, найти ничего неправдоподобнаго.

Что касается втораго момента т. е. того обстоятельства, что они называютъ себя опекунами дѣтей Алки, выдаваемыхъ ими за законныхъ дѣтей Евктемона, то къ исполненію опекунскихъ обязанностей призывались въ Аѳинахъ также ближайшіе родственники, а именно прежде всего совершеннолѣтній братъ, затѣмъ дядя съ отцовской стороны, далѣе дядя по матери и наконецъ двоюродные братья. Совершеннолѣтняго брата у сыновей Алки, какъ мы навѣрное знаемъ, небыло; о дядѣ само по себѣ здѣсь конечно, думать можно, но вышеприведенныя причины исключаютъ и эту возможность. Такимъ образомъ мы и здѣсь приходимъ къ тому же результату, что это племянники Евктемона и мнимые двоюродные братья сыновей Алки.

Что же касается перваго пункта, то имъ какъ племянникамъ Евктемона и двоюроднымъ братьямъ его дѣтей было, конечно, чрезвычайно досадно, что это значительное наслѣдство ускользало отъ нихъ, тѣмъ болѣе что, какъ говорится въ § 59 и не опровергается произносящимъ эту рѣчь, Андроклъ намѣревается указать на то, что онъ бѣдный человекъ (αὐτὸς δὲ πένυχς). Это нѣкоторымъ образомъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что Антидоръ, какъ явствуетъ изъ § 39¹⁾, собственного дома не имѣлъ; то же самое, по всей вѣроятности, можно также утверждать по отношенію къ Андроклу.

Такимъ образомъ этотъ вопросъ рѣшенъ по крайней мѣрѣ приблизительно. Но этимъ рядъ вопросовъ еще не исчерпанъ. Андроклу и Антидору не приписывается въ нашей рѣчи одинаковаго значенія. Антидоръ, какъ видно изъ нашего изложенія (см. стр. 35 сл.) — хотя мы объ этомъ еще не имѣли случая говорить, играетъ совершенно второстепенную роль. Мы узнаемъ только то (§ 39), что онъ жилъ на квартирѣ въ домѣ, находящемся возлѣ того дома, въ которомъ жили Алка и Евктемонъ,

1) Ср. § 39: εἰς τὴν ὁμότοιχον οἰκίαν, ἣν ᾔκει μεμνημένος εἰς τοῦτων, Ἀντιδωρος ἔχεινος. О наемныхъ домахъ см. ниже гл. III § 2.

и что по смерти Евктемона вещи послѣдняго были поспѣшно перенесены на квартиру Антидора. Далѣе намъ только еще извѣстно (см. выше стр. 38 сл.), что Андроклъ при второй интригѣ дѣйствовалъ сообща съ Антидоромъ. Въ нашей рѣчи кромѣ этихъ двухъ мѣстъ встрѣчается только имя Андрокла и въ § 55 даже утверждается, что изъ всѣхъ родственниковъ онъ одинъ былъ въ союзѣ съ Алкой¹⁾. Чѣмъ объяснить это различное положеніе обоихъ? Можно, конечно, предположить, что Андроклъ былъ умнѣе Антидора и проницательностью превосходилъ его, и что онъ поэтому былъ главою всего заговора. Но быть можетъ для этого есть еще другое, болѣе очевидное объясненіе. Мы видѣли, что какъ относительно дочери-наслѣдницы, такъ и опеки рѣчь шла о ближайшемъ родственникѣ, оба же они не могли быть таковыми. Поэтому стоитъ только предположить, что Андроклъ старшій братъ — и все это различіе объясняется совершенно естественно. Что онъ притомъ могъ быть и *de facto* былъ проницательнѣе брата — само собою разумѣется.

Теперь остается еще только рѣшить вопросъ, кто подалъ діамантирію, оба ли брата взаимно или только одинъ Андроклъ? И относительно этого пункта мнѣнія ученыхъ расходятся. Но такъ какъ для рѣшенія этого вопроса нужно было бы подробнѣе остановиться на этой діамантиріи, то мы и въ этомъ случаѣ ссылаемъ на слѣдующую главу²⁾.

9. Пиеодоръ. О Пиеодорѣ говорится въ §§ 28, 31 и 32, гдѣ (какъ мы видѣли въ I главѣ стр. 35 сл.) рассказывается, какъ Евктемонъ отдалъ ему на сохраненіе духовное завѣщаніе, которое Пиеодоръ впослѣдствіи совершенно справедливо отказался возвратить, такъ какъ не одобрялъ козней этихъ пройдохъ.

Этотъ Пиеодоръ называется въ § 28 просто родственникомъ Евктемона (*προσόντι αὐτῷ*). Какъ онъ ему приходился — неизвѣстно. Kirchner³⁾ отождествляетъ нашего Пиеодора съ тѣмъ Пиеодоромъ изъ дема Кефисіи, который упоминается въ С. I. A. II 80 Ob. v. 54 и 55: *Ἡγεμονία, ἐπισχε(υῆς) δεο(μένη)| Πυδοῶρου Κη(φι(αίως) συμ(μολα)]*. Какъ видно, это тотъ самый морской документъ, вырѣзанный около 350 года, въ которомъ на стр.

1) См. § 55: „τῶν συγγενῶν μόνος μετὰ τῆς Ἀλκῆς ἐκείνης τοῦτ' καὶ τοῖς ἄλλοις συνεπιβουλευσας τοῖς τοῦ Εὐκτῆμονος χρήμασι τοιαῦτα διεπράξατο.

2) См. Гл. III § 3.

3) Ср. J. Kirchner Prosopographiae Atticae specimen, Berlin 1890, стр. 11.

41—43 упоминается *Χαιρεστράτου Κηφισίως συμπορία*. Не смотря на то, что отчество не упомянуто, мы сочли возможным отождествить обоих Хэрестратовъ, такъ какъ въ пользу этого отождествленія говорили нѣкоторые другіе моменты. У Пиеодора также не прибавлено отчества. Но такъ какъ имя *Πυθόδορος* весьма распространенное, а другихъ какихъ бы то ни было моментовъ нѣтъ, то на основаніи одного только *δημοτικόν* нельзя, конечно, съ точностью отождествлять этихъ обоихъ Пиеодоровъ. Съ другой стороны, однако, нельзя и придумать никакихъ серьезныхъ возраженій, такъ что и мы лично всетаки считаемъ возможнымъ присоединиться къ этому отождествленію Кирхнера, тѣмъ болѣе, что надпись эта относится приблизительно ко времени этого процесса: она вырѣзана около 15 лѣтъ послѣ произнесенія нашей рѣчи.

10. Каллиппа. О Каллиппѣ, дочери Пистоксена, о которой разсказывается въ §§ 13—16, что Евктемонъ, будучи ея опекуномъ, женился на ней и прижилъ въ этомъ бракѣ 2 сыновей, ничего не извѣстно. Очень возможно, что особа эта только вымышлена противниками, такъ какъ нашъ ораторъ доказываетъ, что упомянутые сыновья — дѣти Алки, и что противники, утверждающіе, что это законные сыновья Евктемона, сначала не могли назвать имени и отчества матери, затѣмъ назвали ее просто жительницей острова Лемноса¹⁾, въ слѣдующій же разъ прибавили, что имя ея *Καλλιππη* и что она дочь Пистоксена, *ὡς ἐξαρχέου*, говоритъ Исей, *εἰ ὄνομα μόνον πορίσαιντο τὸν Πιστόδεον*. Когда же ихъ спросили, кто этотъ Пистоксенъ и живъ ли онъ или нѣтъ, то они сообщили, что онъ умеръ 52 года тому назадъ во время сицилійской экспедиціи. Ораторъ нашъ доказываетъ, что все это не только весьма подозрительно, но и вполнѣ невозможно²⁾ и что въ добавокъ ни родственники Евктемона, ни

1) Ш ё м а н нъ въ своемъ изданіи Исея стр. 329 замѣчаетъ слѣдующее: *Lemnum insulam — habitarunt Attici κληροῦχοι —, quos Atticam civitatem retinuisse constat —. Potuit igitur Lemnia mulier viro Atheniensi legitimis nuptiis juncta esse —. Lemniam autem pupillorum suorum matrem adversarii propterea finxisse videri debent, ut cum aliqua probabilitatis specie cognatum eius neminem Athenis esse contenderent, qui testis produci posset; fortassis etiam ut non Athenis sed Lemni nuptias inter eam et Euctemonem contractas et filios istos natos esse simularent.*

2) Подробнѣе объ этой мнимой опекѣ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ см. Гл. III § 4 II.

его рабы никогда не видали такой Каллиппы и ничего не знаютъ объ этой опеѣ и о ея бракѣ съ Евктемономъ, между тѣмъ какъ противники со своей стороны отказывались подвергнуть рабовъ своихъ пыткамъ. Такъ какъ все это ораторомъ подтверждается свидѣтельскими показаніями и разными — къ сожалѣнію не сохранившимися — документами, то и мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что такой особы никогда не было и что все, что сообщается о ней, только вымыслено противной партіей, тѣмъ болѣе, что далѣе ясно доказывается, что все что случилось при внесеніи старшаго сына Алки въ списки фратріи было бы немислимо, еслибы какъ онъ такъ и младшій братъ его были законными сыновьями Евктемона ¹⁾.

11. Сестра Демократа Афиднейскаго (Ἀφιδναίου ἀδελφή) Объ этой особѣ кромѣ того, что сообщается въ §§ 22 сл., ничего не извѣстно. Въ означенныхъ параграфахъ рассказывается, какъ мы уже видѣли (см. стр. 35), что Евктемонъ, когда Филоктемонъ не далъ ему внести старшаго сына Алки въ списки фратріи, задумалъ жениться на ней и по-этому обручился съ нею. Однако бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ Филоктемонъ струсилъ и дозволилъ внести сына Алки въ списки фратріи.

О братѣ ея, **Демократѣ Афиднейскомъ**, мы знаемъ немного больше. Но такъ какъ онъ въ этомъ процессѣ, повидимому, никакой особенной роли не игралъ, то мы удовольствуемся ссылкой на Шефера ²⁾, который между прочимъ называетъ его ораторомъ „der durch derben und nicht immer edlen Witz oftmals anstieß, gelegentlich aber so recht die Wahrheit traf“.

1) Чрезвычайно странную замѣтку мы встрѣчаемъ у F. Cassialanza Rivista di storia antica V 1900 стр. 263 сл., гдѣ говорится, что Евктемонъ „ha avuto prima da Callippe due figli e poi va ad abitare con la medemisa, che ha preso il nome di Alce“. Такъ какъ авторъ ссылается въ другомъ мѣстѣ на статью, которая должна появиться въ ближайшемъ будущемъ, а здѣсь не приводитъ ни малѣйшаго доказательства, то придется, конечно, обождать появленія этой статьи. Но уже само по себѣ это мнѣніе до того дико, что оно и опроверженія не стоитъ. Въ нашей рѣчи нѣтъ ни одного момента, оправдывающаго такое отождествленіе этихъ особъ, напротивъ — все что мы только что видѣли о Каллиппѣ дѣлаетъ такое отождествленіе совершенно невозможнымъ. Поэтому весьма интересно, какія это онъ приведетъ доказательства.

2) См. A. Schaefer, Demosth. u. seine Zeit, II¹ стр. 193 и прим. 2 и III 8, 7.

Мы сказали выше, что онъ по видимому никакой роли въ этомъ процессѣ не игралъ. Въ этой рѣчи, правда, о немъ ничего не сообщается. Но такъ какъ она называется его сестрой и по аттическому закону не могла дѣйствовать самостоятельно, т. е. безъ посредства своего опекуна (*хѳриος*), то онъ, быть можетъ, былъ ея опекуномъ, такъ какъ извѣстно, что по смерти отца опекуномъ незамужней женщины былъ ея старшій братъ. Изъ того обстоятельства, что она здѣсь называется по брату, а не по отцѣ, конечно еще не должно слѣдовать, что отца ея не было въ живыхъ и что братъ ея поэтому былъ ея опекуномъ, такъ какъ возможно и такого рода объясненіе, что отецъ ея ничѣмъ не прославился и никто его можетъ быть и не зналъ, между тѣмъ какъ братъ ея какъ ораторъ пользовался нѣкоторою извѣстностью. Первое, однако, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Если же мы не ошибаемся и если онъ дѣйствительно былъ ея опекуномъ, то конечно упомянутое обрученіе не могло состояться безъ него, такъ какъ согласіе его было необходимо.

Перейдемъ теперь къ т. н. семейству Діона, которое черезъ посредство Алки вошло въ интимныя сношенія съ Евктемономъ и этимъ причинило семейству послѣдняго столько хлопотъ и непріятностей.

12. Діонъ. О Діонѣ говорится только въ § 20. Мы узнаемъ изъ этого параграфа, что это былъ вольноотпущенникъ (*ἀνδρως ἀπελεύθερος*), вошедшій въ связь съ Алкой, которая въ послѣдствіи утверждала, что отецъ ея сыновей — Діонъ (*ἐξ οὗ ἔφη ἐκεῖνη τοῦτους γεγενῆσθαι*). Діонъ, какъ разсказывается, не оспаривалъ этого, и воспитывалъ ихъ такъ, какъ будто бы это были его собственныя дѣти (*καὶ ἔθρεψεν αὐτοὺς ὁ Δίων ὡς υἱὰς ἑαυτοῦ*). Нашъ ораторъ, стало быть, того мнѣнія, что хотя и Діонъ признавалъ ихъ своими, происхожденіе этихъ дѣтей отъ него *de facto* могло считаться довольно сомнительнымъ, чего, конечно, никто оспаривать не станетъ. Но такъ какъ Діонъ самъ не отрицалъ происхожденія этихъ дѣтей отъ этого сожительства съ Алкой, то они во всякомъ случаѣ официально должны были считаться его дѣтьми.

Однако его сожительство съ Алкой продолжалось не особенно долго, ибо нѣкоторое время спустя онъ учинилъ какой-то проступокъ, заслуживающій наказанія и поэтому спасся въ Сикіонъ (*χρόνῳ δὲ ὕστερον ζῆμίαν εἰργασμένος καὶ δέσας ὑπὲρ αὐτοῦ πτεχώρησεν εἰς Σικιώνα*). Какой это былъ проступокъ — опредѣ-

лить нельзя, тѣмъ болѣе, что мы и не знаемъ, чѣмъ онъ до этого занимался, ибо сдѣлавшись вольноотпущенникомъ онъ долженъ же былъ какъ-нибудь зарабатывать себѣ средства къ пропитанію. Предположеніе, что можетъ быть она содержала его, потому невозможно, что здѣсь, какъ мы видѣли, ясно говорится что онъ ἐδρεφεν αὐτοῦς (дѣтей) ὡς θυγατρὶς αὐτοῦ.

13. Алка. Объ этой публичной женщинѣ, о которой намъ уже неоднократно приходилось говорить, Исей въ §§ 19 сл. сообщаетъ слѣдующія не безынтересныя свѣдѣнія. У Евктемона, рассказываетъ онъ, была вольноотпущенница, которая была наемщицей принадлежавшаго ему въ Пирей наемнаго дома; въ этомъ домѣ, между прочимъ, находилась бордель, содержательницей которой состояла та-же вольноотпущенница ¹⁾. Въ числѣ дѣвицъ, находившихся въ этой бордели, была также Алка, которая, какъ говоритъ ораторъ, большинству изъ присутствующихъ по всей вѣроятности была хорошо извѣстна (ἦν καὶ ὁμῶν οἱμα πολλοὺς εἰδέναι).

До сихъ поръ все ясно. Все же остальное, что затѣмъ тамъ-же о ней сообщается, до того запутано, что врядъ ли когда либо и кому либо удастся окончательно разрѣшить всѣ загадки, заключающіяся въ этихъ предложеніяхъ. Самое внимательное изслѣдованіе этихъ предложеній особенной пользы не оказываетъ, ибо чѣмъ внимательнѣе мы взвѣшиваемъ каждое слово и чѣмъ энергичнѣе мы стараемся вникнуть въ связь и послѣдовательный ходъ этого разсказа, тѣмъ запутаннѣе становятся эти загадки. Но если и намъ, быть можетъ, не удастся окончательно разрѣшить всѣ загадки, то мы все-таки считаемъ себя обязанными по крайней мѣрѣ точно формулировать всѣ тѣ проблемы, которыя насъ смущаютъ.

Исей пишетъ: τοῦτων μίαν ἐκτῆσατο ἡ θοομα ἦν Ἀλκή. Слова τοῦτων μίαν относятся къ непотребнымъ женщинамъ (παῖδες), находившимся въ этой бордели. Но кто такое ἐκτῆσατο Алку? Евктемонъ или его вольноотпущенница? Вопросъ этотъ мы находимъ уже у Шлеманна, который пишетъ слѣдующее: „Euctemo an ejus insularis? Hanc intelligi jubet orationis tenor; re tamen ipsa non sua sed patroni pecunia istas puellas comparasse atque aluisse videtur, ut illiberali quaestui lenonio, quem ipse Euctemo exercere nullo modo poterat, libertinae nomen praetextum sit.“

1) Ср. объ этомъ также Гл. III § 2.

Шёманнъ, стало быть, особенныхъ трудностей въ этихъ словахъ не находить.

На нашъ взглядъ, однако, эти слова ничуть не такъ ясны, какъ это полагаетъ Шёманнъ. Онъ утверждаетъ, что „hanc intelligi jubet orationis tenor“, но неужели это такъ? Въ предъидущемъ предложении было сказано, что вольноотпущенница Евктемона παιδίσκας ἔτρεφε, у нея было, стало быть, нѣсколько публичныхъ женщинъ, которыя составляли ея собственность, либо фактическую, либо — какъ это полагаетъ Шёманнъ — только фиктивную, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ихъ хозяйномъ былъ бы de facto Евктемонъ. Если же эти женщины въ какомъ бы то ни было отношеніи составляли ея собственность, то какъ же можно толковать эти слова такъ, какъ это дѣлаютъ Шёманнъ и всѣ переводчики т. е. утверждать, что τοῦτων μίαν ἐκτήσατο = „Unter Diesen hatte sie Eine; elle en acheta une; puellas meretrices alebat, et in his unam; puellas alebat meretrices, inter easque unam“? Слово ἐκτήσατο, которое само по себѣ, конечно, можетъ означать любой родъ приобрѣтенія, здѣсь исключительно означаетъ куплю, такъ какъ ниже говорится ἡ Ἀλκή ὠνηθεῖσα. Какой же, слѣдовательно, смыслъ толковать это мѣсто такимъ образомъ: изъ этихъ женщинъ она купила себѣ одну по имени Ἀλκή? Если она παιδίσκας ἔτρεφε, то само собою разумѣется, что эти женщины были ею приобрѣтены. Форма ἐκτήσατο, далѣе, также довольно странная и необыкновенная. Еслибы это слово дѣйствительно равнялось простой фразѣ „среди нихъ была одна по имени Алка“, то было бы сказано либо ἐν δὲ τοῦτοις μία ἦν, либо τοῦτων μίαν ἐκέκτητο. Далѣе при обычномъ толкованіи, на нашъ взглядъ, остается совершенно непонятнымъ, почему тутъ нарочно указывается на то, что вольноотпущенница Евктемона ἐκτήσατο ее и что она ὠνηθεῖσα πολλὰ ἔτη находилась въ этой бордели. Вѣдь и остальные публичныя женщины были приобрѣтены ею и находились въ той же бордели. Это указываніе на куплю должно, поэтому, имѣть совершенно другое значеніе. Неужели Шёманнъ правъ, когда утверждаетъ, что „hanc intelligi jubet orationis tenor“? Мы, напротивъ, полагаемъ, что всѣ упомянутые моменты и весь контекстъ заставляютъ насъ думать о самомъ Евктемонѣ, а не о его вольноотпущенницѣ, т. е. мы того мнѣнія, что Евктемонъ ἐκτήσατο ее¹⁾.

1) Аналогичный случай рассказывается у Ps.-Dem. or. 59 (κατὰ Νεαίρας) § 29, съ тою лишь разницею, что тамъ 2 любовника покупаютъ одну жен-

При такомъ толкованіи этого мѣста устраняется, на нашъ взглядъ, рядъ трудностей. Вольноотпущенница Евктемона была содержательницей дома терпимости; публичныя женщины находившіяся въ этомъ домѣ, составляли ея собственность. Среди этихъ женщинъ была нѣкая Алка, которая понравилась Евктемону и поэтому была куплена имъ у вольноотпущенницы. При такомъ толкованіи ни τούτων, ни ἐκτῆσατο трудностей не представляютъ. Это толкованіе подтверждается притомъ слѣдующими соображеніями. Мы читаемъ, что αὕτη δὲ ἡ Ἀλκή ὠνηθεῖσα πολλὰ ἐτη καθῆστο ἐν οἰκίᾳ. Между тѣмъ какъ при обычномъ толкованіи ὠνηθεῖσα никакого смысла не имѣетъ, мы теперь въ состояніи объяснить это мѣсто совершенно просто и правдоподобно. Ораторъ указываетъ на то, что Алка, не смотря на то, что была куплена Евктемономъ (ὠνηθεῖσα), долгое время оставалась по прежнему въ этомъ непотребномъ домѣ.

Евктемонъ, стало быть, купилъ у своей вольноотпущенницы Алку для того, чтобы она была исключительно его любовницей, но взять ее изъ этого дома и нанять для нея особое помѣщеніе онъ еще не рѣшался — не рѣшался потому, что въ то время ему еще не хотѣлось опозорить своего имени, своей репутаціи и своей семьи. У Исея ясно излагается градація его отношеній къ Алкѣ. Сначала онъ покупаетъ ее, но оставляетъ ее у вольноотпущенницы; затѣмъ онъ назначаетъ ее управляющей домомъ въ Керамикѣ, и отправляется туда первоначально подъ предлогомъ, что хочетъ получить съ нея плату за наемъ дома; мало по малу онъ остается у нея все дольше и дольше, а въ концѣ концовъ совершенно покидаетъ свою семью и переѣзжаетъ на квартиру Алки.

Мы полагаемъ, что при такомъ толкованіи и τούτων μίαν ἐκτῆσατο и ὠνηθεῖσα κτλ. совершенно ясны. Еслибы прежніе толкователи были правы, то оставалось бы также непонятнымъ, какимъ образомъ Евктемонъ познакомился съ нѳю, такъ какъ въ такомъ случаѣ слова τὴν δ' ἄνθρωπον ταύτην, τὴν Ἀλκήν, καθίστησιν Εὐκτῆμων ἐπιμελείσθαι τῆς ἐν Κεραμεικῇ συνοικίας не находились бы ни въ малѣйшей естественной связи съ предъ-

щину: „μετὰ ταῦτα τοίνυν αὐτῆς γίνονται ἐρασταὶ δύο, — οἱ ἐπειδὴ περ πολυτελεῖς ἦν ἡ Νικαρέτῃ τοῖς ἐπιτάγμασιν, — κατατιθέασιν αὐτῆς τιμὴν τριάκοντα μνᾶς τοῦ σώματος τῇ Νικαρέτῃ, καὶ ὠνοῦνται αὐτὴν παρ' αὐτῆς νόμῳ πόλεως καθάπαξ αὐτῶν δοῦλῃν εἶναι“. Ср. тамъ-же § 20: „ἦν μὲν οὖν ἕκαστος αὐτῶν ἐκτῆσατο καὶ ὡς ἡλευθερώθησαν ἀπὸ τῶν πριαμένων αὐτὰς παρὰ τῆς Νικαρέτῃς κ. т. л.

идушимъ. Евктемону, конечно, не могло прійти въ голову ни съ того, ни съ другого назначить любую публичную женщину управляющей вышеупомянутымъ домомъ: онъ долженъ былъ уже до этого находиться въ связи съ нею, а на такую связь нѣтъ ни малѣйшаго намека, если мы присоединяемся къ толкованію другихъ ученыхъ. Въ пользу нашего толкованія можно привести также тотъ аргументъ, что Алкѣ врядъ ли удалось бы уговорить Евктемона внести ея старшаго сына въ списки фратріи какъ своего собственнаго, еслибы она не вошла съ нимъ въ интимную связь еще до зачатія. Итакъ мы того мнѣнія, что Евктемонъ купилъ ее у вольноотпущенницы, чтобы этимъ сдѣлать ее своей любовницей, но взять ее изъ бордели онъ первоначально не находилъ удобнымъ и поэтому оставилъ ее тамъ же.

Не менѣе запутано и то, что затѣмъ о ней разсказывается: „αὐτὴ δὲ ἡ Ἀλκὴ ὠνηθεῖσα πολλὰ μὲν ἔτη καθῆστο ἐν οἰκῇματι, ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται, διαιτωμένη δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ συνήν ἄνθρωπος ἀπελεύθερος — Δίων ὄνομα αὐτῇ κτλ. т. е. тутъ разсказывается, что она, пробывъ довольно долго ἐν οἰκῇματι и состарѣвшись, вышла ἀπὸ τοῦ οἰκήματος и живя въ этомъ наемномъ домѣ сдѣлалась любовницей нѣкогого Діона, которому она родила, по ея словамъ, 2 сыновей.

Значеніе слова οἶκημα трудностей не представляетъ, такъ какъ хорошо извѣстно, что οἶκημα въ связи съ καθῆσθαι означаетъ непотребный домъ или комнату (номеръ) въ такомъ домѣ и, стало быть, равняется слову πορνεῖον¹⁾; Алка въ этомъ домѣ, какъ мѣтко выражается Исей въ другомъ мѣстѣ (см. ог. III περὶ

1) См. Harpocrat. s. v. οἶκημα „ἀντὶ τοῦ πορνεῖον“. Гарпократіонъ, почему-то, цитируетъ только Эскина ἐν τῇ κατὰ Τιμάρχου (§ 74), между тѣмъ какъ наше мѣсто также хорошо иллюстрируетъ значеніе этого слова. У Исея, впрочемъ, мы читаемъ καθῆστο ἐν οἰκῇματι, между тѣмъ какъ обыкновенно вмѣсто этого говорится ἐπ' οἰκήματος, см. напр. Herodot. II 121 и 126, Aeschin. I. c., Platon. Charmid. p. 163 B, Dinarch. I 23. Ср. также J. H. N. Schmidt Synonymik der griechischen Sprache, II Leipzig 1878 стр. 522 сл.: „οἶκημα ist immer der bestimmte, ordentlich eingerichtete Raum, in dem man wohnt, aber eben so wohl das einzelne Zimmer — als das ganze Haus“. На стр. 523 сл. онъ между прочимъ указываетъ на то, что всѣ спеціальныя значенія этого слова, которыя приводятся во всѣхъ словаряхъ, (напр. бордель и т. п.) обязаны своимъ существованіемъ единственно фантазіи лексикографовъ, такъ какъ „nur der bestimmte Zusammenhang jene Beziehungen an die Hand giebt, in anderen Fällen ausdrückliche nähere Bestimmungen das Wort determinieren“.

τοῦ Πύρρου κλήρου §§ 15 и 16) была, стало-быть, ἐταῖρα τοῦ βουλομένου или ἦν κοινὴ τῷ βουλομένῳ¹⁾. Точно также и хорошо известно, что слово συνοικία означает наемный домъ, въ которомъ многіе живутъ по найму²⁾.

Но если значеніе этихъ словъ само по себѣ совершенно ясно, то этого нельзя сказать относительно всего содержанія этого предложенія. Какое соотношеніе существовало напр. между упомянутыми οἶκημα и συνοικία? Шѣманнъ довольствуется краткой замѣткой: „videtur lupanar in ipsa illa συνοικία fuisse“. Что бордель эта находилась въ упомянутомъ наемномъ домѣ Евктемона, не подлежитъ сомнѣнію, такъ что Шѣманнъ вмѣсто videtur fuisse могъ просто написать fuit. Но развѣ этой замѣткой исчерпываются всѣ трудности? Шѣманнъ, очевидно, не вдумался какъ слѣдуетъ въ это мѣсто, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ не замѣтить трудностей, заключающихся въ словахъ Исея.

Исей рассказываетъ, что она πολλὰ ἔτη находилась въ бордели (καθ'ἑστο ἐν οἰκῇματι), потомъ выбыла (ἀνίσταται) ἀπὸ τοῦ οἰκῆματος, а затѣмъ онъ продолжаетъ: „διατωμένη δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ συνῆν ἄνθρωπος ἀπελεύθερος — Δίων ὄνομα αὐτῇ“. Что онъ этимъ хочетъ сказать и какъ нужно понимать эти слова? Онъ говоритъ сначала объ οἶκημα, а затѣмъ о συνοικία, такъ что совершенно естественно возникаетъ вопросъ, тождественны ли у него здѣсь эти выраженія т. е. относятся ли слова διατωμένη ἐν τῇ συνοικίᾳ еще къ тому времени, когда она находилась ἐν οἰκῇματι, или же Исей сообщаетъ здѣсь новый фактъ, т. е. рассказываетъ, что Алка по выbitии изъ этого οἶκημα стала жить ἐν τῇ συνοικίᾳ? Рѣшеніе этого вопроса въ высшей степени важно, такъ какъ отъ этого рѣшенія зависитъ одновременно и рѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ этимъ, какъ нпр. составляло ли это οἶκημα только часть этой συνοικία или вся эта συνοικία служила борделью? измѣнилось ли ея положеніе по выbitии изъ бордели и въ какомъ, именно, отношеніи? Гдѣ и когда она сдѣлалась любовницей Діона? Имѣла ли она одновременно двухъ любовниковъ, или Евктемонъ смѣнилъ исчезнуваго почему-то Діона? Почему она выбыла изъ бордели? и т. д.

1) См. также Ps.-Dem. κατὰ Νεαίρας § 20: ἡργάζετο τῷ σώματι μισθαρνοῦσα τοῖς βουλομένοις αὐτῇ πλησιάζειν; § 23: ἐμισθάρνει τῷ βουλομένῳ ἀναλίσκειν.

2) См. напр. Aeschin. I 124: „ἔπου μὲν γὰρ πολλοὶ μισθωσάμενοι μίαν οἶκην διελόμενοι ἔχουσι, συνοικίαν καλοῦμεν, ἔπου δ' εἰς ἐνοικεῖ, οἰκίαν“. См. также Schmidt, Synonymik I. с. стр. 516 сл.

Шёманнъ, какъ мы видѣли, вопросовъ этихъ совсѣмъ не касается, другихъ же комментаріевъ нѣтъ. Что же касается переводчиковъ, то Reiske, C. Müller и Dareste отождествляютъ слова οἴκημα и συνοικία; такъ нпр. Dareste переводитъ это мѣсто такимъ образомъ „Elle n'était déjà plus jeune lorsqu'elle sortit de sa cellule. Pendant qu'elle était dans cette maison, elle eut pour amant etc.“. Léon Moy¹⁾, напротивъ, переводитъ это мѣсто совершенно иначе: „puis, n'étant plus assez jeune, elle quitta sa cellule, et vécut dans la maison. C'est alors qu'elle connut un affranchi nommé Dion etc.“ Шёманнъ, очевидно, того же мнѣнія, такъ какъ употребленные имъ знаки препинанія и нарѣчія не допускаютъ другого толкованія: „Diese Alke diente, nachdem sie gekauft worden war, viele Jahre als Freudenmädchen; als sie aber älter geworden war, verliess sie dieses Gewerbe, und während sie nun in dem Miethause lebte, hielt sich ein freigelassener Kerl zu ihr, Namens Dion etc.“. Такимъ образомъ мы находимъ у переводчиковъ два совершенно противоположныхъ другъ другу толкованія этого мѣста. Это разногласіе объясняется тѣмъ, что и это мѣсто такое запутанное, что врядъ ли когда нибудь удастся окончательно устранить всякое сомнѣніе. Мы со своей стороны постараемся посредствомъ обстоятельной интерпретаціи взвѣсить все, что говоритъ за и противъ cadaго мнѣнія, а затѣмъ изложимъ свое субъективное воззрѣніе.

Въ §§ 19 и 20 слово συνοικία встрѣчается 3 раза, а οἴκημα 2 раза, при чемъ слова эти употребляются въ слѣдующемъ порядкѣ: συνοικία, 2 раза οἴκημα и 2 раза συνοικία. Въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ²⁾ слово συνοικία исключительно означаетъ наемный домъ; съ другой стороны во второмъ и третьемъ случаяхъ οἴκημα, какъ мы видѣли, равняется слову πορνεῖον. Какое, однако, значеніе имѣетъ второй случай употребленія слова συνοικία немедленно послѣ двойнаго οἴκημα? Такъ какъ въ двухъ случаяхъ συνοικία означаетъ наемный домъ, то и здѣсь, конечно, другое значеніе немислимо. Поэтому остаются только двѣ возможности: или бордель занимала весь наемный домъ, такъ что въ этомъ случаѣ οἴκημα и συνοικία здѣсь вполне синонимны, или кромѣ бордели въ этой συνοικία находились и другія квартиры и Алка, по выbytіи изъ бордели, стала жить въ одной изъ этихъ квартиръ.

1) Ср. наше Введеніе, стр. 17 сл.

2) Послѣдній т. е. пятый случай слѣдующій: τὴν δ' ἀνδρῶν ταύτην, τὴν Ἀλκὴν, καθίστησιν Εὐκτῆμων ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἐν Κεραμεῖκι συνοικίας κτλ.

Которая изъ этихъ возможностей болѣе правдоподобна?

Начнемъ со второй возможности, такъ какъ мы лично считаемъ ее мало вѣроятной. Еслибы сторонники этого мнѣнія были правы, то Алка, очевидно, перестала бы быть простой гетерой, зависящей отъ содержательницы публичныхъ женщинъ, а захотѣла жить по своей полной волѣ и поэтому выбыла изъ бордели и стала жить особнякомъ въ томъ же домѣ. Это мнѣніе, однако, намъ кажется невозможнымъ. Мы видѣли, что Евктемонъ купилъ ее для себя, но оставилъ ее еще нѣкоторое время въ бордели. Можно, конечно, предположить, что онъ потомъ далъ ей особую квартиру въ этомъ домѣ, и это предположеніе само по себѣ могло бы даже казаться весьма вѣроятнымъ. Но если обратить вниманіе на то, что въ такомъ случаѣ Діонъ сдѣлался бы ея любовникомъ лишь съ тѣхъ поръ, когда она уже жила особнякомъ именно благодаря любезности Евктемона, то предположеніе это въ значительной степени лишается правдоподобности. Можно, конечно, возразить, что бывали же такіе случаи, что двое нанимали или покупали одну гетеру, которая, поэтому, принадлежала имъ обоимъ и которой они пользовались попеременно, напр. Ps.-Dem. κατὰ Νεαίρας § 26: „μετὰ ταῦτα — ἐρασταὶ γίνονται καὶ Ξενοκλείδης ὁ ποιητὴς καὶ Ἰππαρχος ὁ ὑποκριτής, καὶ εἶχον αὐτὴν μεμωμένοι“ и § 29, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „Μετὰ ταῦτα τοῖνυν αὐτῆς γίνονται ἐρασταὶ δύο, Τιμανορίδας τε ὁ Κορίνθιος καὶ Εὐκράτης ὁ Λευκάδιος, οἱ — κατατιθέασιν αὐτῆς τιμὴν τριάκοντα μνᾶς τοῦ σώματος τῇ Νικαρέτῃ, καὶ ὠνοῦνται αὐτὴν παρ' αὐτῆς νόμφ πόλεως καθάπαξ αὐτῶν δούλην εἶναι. καὶ εἶχον καὶ ἐχρῶντο ὅσον ἡβούλοντο αὐτῇ χρόνον“. Однако мѣста эти нельзя сравнивать съ нашимъ мѣстомъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ говорится о людяхъ болѣе или менѣе равныхъ другъ другу по отношенію къ сословію — въ нашемъ же случаѣ одинъ изъ нихъ — Евктемонъ, принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу самыхъ знатныхъ и зажиточныхъ аѳинскихъ гражданъ, а другой — Діонъ, называется нашимъ ораторомъ просто ἀνδρῶπος ἀπελεύθερος и къ этому прибавляются только слова Δίῳ δοῖμα αὐτῷ. Мыслимо ли, чтобы Евктемонъ и этотъ вольноотпущенникъ, который съ отѣнкомъ презрѣнія называется ἀνδρῶπος, дѣйствовали заодно, т. е. имѣли бы оба одну и ту-же любовницу? Мы, признаемся, считаемъ это невысказаннымъ. Возможно, конечно, и такого рода предположеніе, что Евктемонъ ничего не зналъ о томъ и нисколько не подозрѣвалъ, что Алка безъ его вѣдома вошла въ интимныя сношенія съ Діономъ. Однако и это предположеніе намъ кажется весьма невѣроятнымъ,

ибо словомъ *συνῆν* здѣсь означается, повидимому, что-то въ родѣ сожительства; далѣе, на нашъ взглядъ, она не могла скрыть отъ Евктемона, что родила Діону двухъ сыновей, а Діонъ со своей стороны, врядъ ли повѣрилъ бы ей, что это его собственныя дѣти, и не воспитывалъ бы ихъ ὡς υἱας ἑαυτοῦ, еслибы она была специальной любовницей Евктемона. Такимъ образомъ мы опровергли, на нашъ взглядъ, всѣ доводы, которые можно было бы привести въ пользу второй возможности, т. е. въ пользу того, что Алка по выbytii изъ бордели стала жить въ одной изъ квартиръ, находившихся въ этой *συνοικία* и тогда только познакомилась съ Діономъ.

Остается, поэтому, только первая возможность, состоящая въ томъ, что *οἴκημα* и *συνοικία* здѣсь вполне синонимны, такъ какъ либо весь этотъ наемный домъ служилъ борделю, либо слово *οἴκημα* здѣсь означаетъ только отдѣльную комнату этой бордели, а слово *συνοικία* поставлено здѣсь вмѣсто бордели единственно потому, что въ этомъ домѣ кромѣ бордели никакой другой квартиры не было. Вся путаница ничуть не произошла отъ неясности словъ „*διατωμένῃ δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ*“, а напротивъ отъ вставки „*ἥδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἴκηματος ἀνίσταται*“. Такъ какъ въ этомъ предложении, какъ мы видѣли, нельзя установить прогресса, т. е. нельзя доказать, что словами *καθ' ἧτοτο*, *ἀνίσταται*, *διατωμένῃ* и *συνῆν* и тѣсно связанными съ ними существительными описываются 4 различныхъ, прогрессивныхъ фазиса, то ясно, что слова *ἥδη δὲ* — *ἀνίσταται* только вставка, а все остальное относится къ одному и тому же времени, т. е. къ пребыванію ея въ бордели.

Но противъ этого можно возразить, мыслима ли и возможна ли здѣсь подобнаго рода вставка? Можно даже еще увеличить число вопросовъ, напр. кѣмъ предпринята эта вставка, Исеемъ ли или однимъ изъ читателей? Встрѣчаются ли такія вставки у Исея? Какъ объяснить тѣсную связь (*μὲν-δὲ, μὲν-δὲ*) между этой вставкой и остальными частями этого предложенія?

Вставка эта, кѣмъ бы она ни была предпринята, вставлена здѣсь совсѣмъ не кстати, ибо если бы ея не было, то значеніе остальныхъ частей предложенія было бы совершенно ясно. Виножникъ этой вставки очевидно хотѣлъ посредствомъ антиципаціи предварительно сообщить здѣсь, что Алка впослѣдствіи вышла изъ этой бордели, но антиципація эта, признаемся, весьма неудачная, такъ какъ слѣдующія затѣмъ слова получаютъ совер-

шенно другой смыслъ, по крайней мѣрѣ при чтеніи этихъ словъ; при произнесеніи этой рѣчи ораторъ могъ, конечно, произнести эти слова такъ, что слушатели не могли быть въ сомнѣніи, какъ понимать это предложеніе.

Чтобы быть въ состояніи разрѣшить вышеупомянутые вопросы, обратимъ наше вниманіе на внѣшнюю форму и на содержаніе этой вставки: „ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὔσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται“. Первые слова ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὔσα относятся къ предъидущимъ словамъ πολλὰ μὲν ἐτη καθ᾽ ἓτος ἐν οἰκῇ, авторъ этой вставки, стало быть, хотѣлъ обратить вниманіе на то, что она впослѣдствіи выбыла изъ этой бордели. Такъ какъ это говоритъ ораторъ въ судебной рѣчи, то выраженію „ἤδη πρεσβυτέρα οὔσα“, конечно, особеннаго вѣса придавать нельзя, тѣмъ болѣе, что это говоритъ адвокатъ враждебной партіи.

Какъ вѣрно и безпристрастно толковать это мѣсто мы можемъ заключить изъ вышеупомянутой 59-ой рѣчи Псевдо-Демосеена (κατὰ Νεαίρας), гдѣ въ § 18 сл. рассказывается, что Никарета, такая же вольнопущенница, какъ и наша особа, и занимавшаяся тѣмъ же ремесломъ, приобрѣла 7 дѣвицъ, которыхъ она выдавала за своихъ дочерей, чтобы побольше получать платы отъ ихъ любовниковъ, впослѣдствіи же „ἐπειδὴ τὴν ἡλικίαν ἐκαρπώσατο αὐτῶν ἐκάστης, συλλήβδην καὶ τὰ σώματα ἀπέδoto ἀπασῶν ἐπτα οὐσῶν κτλ.“, т. е. когда она порядочно высосала ихъ, покуда онѣ были въ цвѣтѣ лѣтъ, она взяла да и гуртомъ продала всѣхъ этихъ 7 увядшихъ красотокъ. Равнымъ образомъ и у Исея πρεσβυτέρα совершенно очевидно относится главнымъ образомъ не къ возрасту Алки, а напротивъ къ ея увядшей нѣкоторымъ образомъ красотѣ. Авторъ, стало-быть, говоритъ, что по наступленіи этого момента Алка выбыла изъ бордели. Но такъ какъ все, что онъ затѣмъ о ней рассказываетъ, относится, какъ мы видѣли, ко времени ея пребыванія въ бордели, то слова ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὔσα — ἀνίσταται такая очевидная вставка, что если они написаны самимъ Исеемъ, то должны быть помѣщены между двойнымъ тире, если же это только вставка какого-нибудь читателя, находившаяся первоначально на поляхъ, то слова эти должны быть исключены изъ текста.

Рѣшить этотъ вопросъ весьма трудно. Не подлежитъ, правда, сомнѣнію, что смыслъ былъ бы несравненно болѣе хорошій, если бы этихъ словъ здѣсь не было; далѣе хорошо извѣстно, что въ

текстъ Исеевыхъ рѣчей вкрались многія вставки¹⁾ — но слова чисто внѣшнимъ образомъ столь прочно связаны съ предъидущими и слѣдующими затѣмъ словами, что предполагаемому нами вставщику пришлось бы приписать чрезмѣрную заботливость и осторожность при припаиваніи этой вставки. Мы находимъ, именно, здѣсь двойное противоположеніе посредствомъ *μὲν-δέ*: *πολλὰ μὲν ἐστὶ καθήστο ἐν οἰκίῃματι, ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὔσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκίματος ἀνίσταται, διατωμένη δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ κτλ.* Больше всего поражаетъ насъ второе *μὲν* (*ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκίματος ἀνίσταται*). Почему оно здѣсь употреблено?

У Исея, правда, хотя и весьма рѣдко, но всетаки встрѣчаются такія антитезы, посредствомъ *μὲν-δέ* напр. I 23 „*τοὺς μὲν τηλικαῦτα μέλλοντας ἐκ τοῦ πράγματος κερδαίνειν, ὥσπερ ζημιωθησόμενους, φυλάξασθαι τὴν διακονίαν, Κλεώνυμον δ' ὑπὲρ τῆς τούτων ὠφελείας τοσαύτην ποιήσασθαι σπουδὴν ὥστε Ποσειδίππῳ μὲν, ὅτι κατημέλησεν, ὀργισθῆναι, Διοκλέους δὲ ταῦτά πάλιν εἰς τὴν ὑστεραίαν δεηθῆναι*“; или I 33 „*ἡμῖν μὲν, οἷς οἰκειότατα ἐχρήτο, οὕτως ποιεῖν ὥστε μὴδὲ λόγον ὑπολείπειν, τούτοις δέ, ὧν τισιν καὶ διάφορος ἦν, σκοπεῖν ὅπως ἅπασαν βεβαιώσει τὴν οὐσίαν; καὶ τούτους μὲν νῦν περὶ πλείονος ποιεῖσθαι ταύτης ὑπαρχούσης τῆς ἐχθρας, ἡμᾶς δὲ τοσαύτης οἰκειότητος καὶ φιλίας γενομένης πειρᾶσθαι μᾶλλον κακῶς ποιεῖν*“.

Однако эти антитезы нельзя сравнивать съ нашей. Мыумышленно выписали эти мѣста потому такъ подробно, чтобы этимъ указать на огромную разницу между ними и нашимъ мѣстомъ. Изъ выписанныхъ нами мѣстъ, именно, явствуешь, что Исей, если употреблялъ антитезы, то всегда строго предполагалъ отдѣльныя части этихъ антитезъ; расположеніе словъ, конечно, не такъ строго, какъ нпр. у Горгія или Исократы, но всетаки антитезы у него совершенно ясны и отдѣльныя части такъ отдѣлены другъ отъ друга, что никакого сомнѣнія возникнуть не можетъ и всякій комментарий излишенъ.

У насъ совершенно другое. Первое противопоставленіе (*πολλὰ*

1) Ср. H. Buermann, Zur Textkritik des Isaios въ журналѣ Hermes, XIX 1884 стр. 349 сл.: „Dass fremdartige Zusätze aller Art in unseren Isaiostext eingeschlichen sind, ist bei einer verhältnissmässig so jungen Handschrift wie A selbstverständlich. Ich unterscheide erklärende Zusätze, Varianten und Interpolationen“. Доказательства можно найти у Buermann'a. Очень легко возможно, что и наше мѣсто такой же „erklärender Zusatz“, но точно доказать этого, къ сожалѣнію, нельзя.

μὲν ἐτὴ καὶ ἤστο ἐν οἰκῇματι и ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ τοῦ οἰκῇματος ἀνίσταται, правда, совершенно ясно, но за то второе совершенно превратно. Во-первыхъ, второе μὲν не находится въ особой части, но вставлено во вторую часть первой антитезы, такъ что эта часть является одновременно и второй частью первой и первой частью второй антитезы, что весьма странно и довольно невѣроятно. Во-вторыхъ, все это противопоставленіе въ высшей степени странное. Для бѣльшей наглядности мы попробуемъ передать это предложеніе по-русски, при чемъ мы „μὲν-οὐ“ передадимъ черезъ „правда-но“, такъ какъ эти слова, на нашъ взглядъ, приблизительно соотвѣтствуютъ тому значенію, которое мы здѣсь находимъ въ греческомъ текстѣ. Итакъ здѣсь говорится слѣдующее: „Послѣ того какъ она была куплена, она пробыла правда нѣкоторое время въ бордели, но, состарѣвшись, выбыла, правда, изъ этой бордели, но покуда она тамъ жила, она была любовницей Діона“. Это такъ дико, такъ нелѣпо, что мы не можемъ себѣ представить, чтобы эти слова въ такомъ видѣ были написаны самимъ Исеемъ.

Далѣе мы еще разъ обращаемъ вниманіе на то, что повтореніе слова οἰκῆμα здѣсь въ высшей степени странно и неблагозвучно (καὶ ἤστο ἐν οἰκῇματι — ἀπὸ τοῦ οἰκῇματος ἀνίσταται), тѣмъ болѣе, что немедленно слѣдуетъ слово συνοικία, которое, какъ мы видѣли, вполнѣ синонимно въ этой связи. Можно, далѣе, указать также на то обстоятельство, что въ этомъ предложеніи есть еще другія слова, поставленные между двойнымъ тире (а именно Δὶων διора αὐτῇ), и что поэтому довольно невѣроятно, чтобы въ этомъ безъ того уже не особенно ясномъ предложеніи были двѣ части, помѣщенные, такъ сказать, въ скобкахъ.

Однако достаточно и этихъ доказательствъ. Мы полагаемъ, что поступаемъ не особенно радикально и насильственно, если утверждаемъ, что слова ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα — ἀνίσταται вставлены позднѣйшимъ интерполяторомъ. Если же они против ожиданія все-таки написаны Исеемъ, то мы того мнѣнія, что по крайней мѣрѣ второе μὲν должно быть совершенно исключено изъ текста, а остальные слова эти должны быть поставлены между скобками.

Вотъ наше субъективное воззрѣніе. Математически доказать правдоподобность этого воззрѣнія ни мы, ни кто-либо другой, конечно, не будетъ въ состояніи. Мы, напротивъ, даже увѣрены, что многіе по прежнему будутъ одобрять прежнее воззрѣніе. Осуждать ихъ за это мы, конечно, не въ правѣ, такъ какъ при

запутанности этого предложенія общаго согласія понятнымъ образомъ ни требовать, ни достигнуть нельзя.

Итакъ Евктемонъ купилъ Алку, но оставилъ ее пока въ бордели, гдѣ она вошла въ интимныя сношенія также съ Діономъ. Когда начались эти интимныя сношенія съ послѣднимъ, до знакомства ли съ Евктемономъ т. е., точнѣе, до того времени, когда она была имъ куплена, или позднѣе — доказать нельзя. Купля эта, очевидно, была произведена скрытно, и поэтому мыслимо, что Діонъ объ этомъ ничего не зналъ и не шутя принималъ этихъ мальчиковъ за своихъ дѣтей. Одно по крайней мѣрѣ ясно, а именно то обстоятельство, что Евктемонъ и Діонъ были ея любовниками одновременно, ибо въ противномъ случаѣ она не могла бы сначала утверждать, что это дѣти Діона, а затѣмъ утверждать то-же самое и по отношенію къ Евктемону.

По исчезновеніи Діона Евктемонъ взялъ Алку совсѣмъ къ себѣ, сдѣлавши ее управляющей домомъ въ Керамикѣ и экономкой находившагося въ этомъ домѣ трактира ¹⁾. Сюда онъ приходилъ сначала, какъ рассказываетъ Исей, только для полученія платы за наемъ квартиръ, находящихся въ этомъ домѣ. Мало по малу онъ сталъ все долѣе и долѣе оставаться у нея, пока онъ наконецъ окончательно не разсорился со своей семьей и совершенно переселился къ ней. Этого то она, очевидно, только и ожидала и желала. О ея интригахъ и козняхъ мы здѣсь распространяться не будемъ, такъ какъ все это подробно изложено въ I главѣ. Что же касается причинъ, побуждающихъ ее строить такія козни, то она сама кромѣ матеріальныхъ выгодъ никакой другой пользы изъ этого извлечь не могла. Но она соблюдала въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ не свои интересы, а интересы своихъ сыновей, которымъ она непремѣнно какимъ бы то ни было образомъ хотѣла доставить полноправное гражданство. Что она Евктемономъ была отпущена на волю явствуетъ между прочимъ изъ того, что, во-первыхъ, Діонъ не могъ признать дѣтей, рожденныхъ отъ нея, своими, еслибы она была рабыней, такъ какъ въ такомъ случаѣ ея дѣти были бы рабами ея господина ²⁾, а во-вторыхъ, управленіе домами обыкновенно и не

1) Объ этомъ домѣ см. ниже Гл. III § 2.

2) Въ Аѣинахъ, какъ извѣстно, дѣти раба и рабыни дѣлались также рабами того господина, которому принадлежали ихъ родители. Дѣти же свободного человѣка и рабыни слѣдовали сословію матери.

безъ основательныхъ причинъ поручалось вольноотпущеннымъ, а не рабамъ ¹⁾).

Съ этимъ воззрѣніемъ, повидимому, не вяжется то, что сообщается о ней въ §§ 49 и 50: „*ἡ δὲ τούτων μήτηρ, οὕτως ὁμολογουμένως οὕσα δούλη κτλ.*“. Однако это больше ничего, какъ мнимое противорѣчіе, какъ было уже совершенно вѣрно замѣчено Шлеманномъ (см. его комментарий стр. 345): „*Δούλη autem cum contemptu dicitur, quum tamen libertina sit, sed in servitute nata, et libertate indigna. Eodem fere modo apud Lysiam Agoratus (or. XIII § 64) δοῦλος καὶ ἐκ δούλων dicitur, qui non solum liber, sed civis erat, licet iniuria, ut orator quidem videri vult. Ceterum a nonnullis δούλων appellatione etiam libertinos comprehensos esse docet Athenaeus VI 93 p. 267 b.*“. То же самое мы встрѣчаемъ и у Римлянъ см. нпр. Cic. pro Sexto Roscio Amerino § 140, гдѣ о вольноотпущенникѣ Хризогонѣ говорится *servi nequissimi* вмѣсто *liberti*, а въ § 141 *liberti servolique*. Этотъ моментъ, стало быть, никакого значенія не имѣетъ. Столь же неважно и другое обстоятельство, также, повидимому, противорѣчащее нашему воззрѣнію. Въ этихъ же параграфахъ, именно, сообщается, что она, не имѣя ни малѣйшаго права войти въ храмъ богинь Деметры и Персефоны и принимать участіе въ праздникѣ Θεσμοφορίῃ, ἐτόλμησεν συμπέμψαι τὴν πομπὴν καὶ εἰσελθεῖν εἰς τὸ ἱερὸν καὶ ἰδεῖν ἃ οὐκ ἐξὸν αὐτῇ. Извѣстно, что участвовать въ этомъ праздникѣ могли исключительно аѳинскія гражданки, и притомъ не всѣ, а только замужнія и приличныя. Объ Алкѣ же здѣсь замѣчается не только то, что она δούλη, но также, что она *ἅπαντα τὸν χρόνον αἰσχροῦς βιοῦσα* т. е. жила неприлично. И это обстоятельство, слѣдовательно, не говоритъ противъ того, что она была отпущена на волю. Относительно же происшествія, на которое намекаетъ ораторъ, можно только замѣтить, что фактъ этотъ дѣйствительно случился, такъ какъ Исей въ подтвержденіе ссылается на постановленіе совѣта (§ 50 *ὥς δὲ ἀληθῆ*

1) Cp. G. Foucart, De libertorum conditione apud Athenienses, Paris 1896 стр. 73, гдѣ мы между прочимъ читаемъ слѣдующее: „*Eam enim curam servis si mandassent, quidquid illi peccassent aut aeris alieni contraxissent, id omne in dominos recidebat.*“ Вольноотпущенные же сами должны были отвѣчать за свои проступки, при чемъ со стороны господина имъ также угрожала опасность, на которую указываетъ и Foucart: „*Liberto semper ante oculos obversabatur metuenda illa defectionis actio in qua non solum de pecunia sed de libertate agebatur.*“

λέγω, ἐκ τῶν ψηφισμάτων γνώσεσθε ἃ ἐψηφίσατο ἡ βουλὴ περὶ αὐτῆς); подробности, къ сожалѣнiю, покрыты мракомъ неизвѣстности.

Итакъ Евктемонъ несомнѣнно отпустилъ ее на волю и этимъ изъ ея господина превратился, стало-быть, въ ея патрона (προστάτης). Какъ вольноотпущенница Алка сама, понятнымъ образомъ, гражданкой сдѣлаться не могла. Первоначально ей очевидно либо еще не пришло на умъ доставить дѣтямъ право гражданства, либо это дѣйствительно были дѣти, прижитыя въ сожитiи съ Діономъ — во всякомъ случаѣ она сначала выдавала ихъ за дѣтей послѣдняго, а какъ дѣти вольноотпущенника они, конечно, не могли пользоваться правами гражданства. Когда же Діонъ исчезъ, то Алка, побуждаемая, очевидно, Андрокломъ и Антидоромъ — которые сами, какъ мы видѣли, соблюдали не столько ея интересы сколько свои собственные — стала уговаривать Евктемона внести ея старшаго сына въ списки фратрiи. Мы видѣли уже въ I главѣ, что не смотря на всѣ контръ-мины Филоктемона внесенiе мальчика въ списки фратрiи Евктемона всетаки состоялось. Старшiй сынъ ея, слѣдовательно, сталъ пользоваться правами гражданства какъ мнимый законный сынъ Евктемона ¹⁾).

14. Сыновья Алки. Обращаясь теперь къ сыновьямъ Алки мы должны предварительно вкратцѣ коснуться древняго введенiя (ὑπόθεσις) къ нашей рѣчи, такъ какъ тамъ говорится не о двухъ сыновьяхъ, а только объ одномъ сынѣ и одной дочери ²⁾). Что это вздоръ, разумѣется, было уже замѣчено Шѣманномъ, который совершенно вѣрно пишетъ: „Нос quoque manifesto falsum. Duos enim filios fuisse docet § 26 ³⁾); filiae nusquam mentio fit“. Но какъ объяснить возникновенiе этой ошибки? Автору этой ὑπόθεσις такой чепухи, на первый взглядъ, приписывать нельзя, такъ какъ въ нашей рѣчи не только въ § 26, но и въ другихъ мѣстахъ говорится исключительно о братьяхъ (см. нпр. § 4 ἀδελφούς). Ошибку эту, поэтому, мы были бы склонны приписывать либо какому-нибудь переписчику, не разобравшему окончанiя

1) Объ этомъ внесенiи старшаго сына Алки въ списки фратрiи Евктемона ср. также Гл. III § 1.

2) Ср. I. с. ὑπόθεσις: „καὶ τοῦτον καὶ τὴν ἀδελφὴν αὐτοῦ νότους γεγονέναι φάσκοντες“.

3) Ср. § 26: „τόν μὲν πρεσβύτερον τοῖν παιδῶν ἐπὶ ῥήτορις εἰσῆγαγε, τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος οὐδὲ λόγον ἐποιεῖτο ζῶντος Φιλοκτήμονος“.

(ибо вмѣсто τὴν ἀδελφὴν слѣдуетъ только читать τὸν ἀδελφόν и смыслъ получается отличный, такъ какъ въ нашей рѣчи главную роль играетъ старшій сынъ), либо какому-нибудь читателю или разсудительному переписчику, который изъ непосредственно слѣдующихъ за этой фразой словъ, τὸν δὲ νόμον διαγορεύειν νόμῳ καὶ νόμῳ μὴ εἶναι ἀγχιότεραν“ заключилъ, что здѣсь говорится о братѣ и сестрѣ. Разсудительные переписчики, читатели и грамматики приносили въ прежнія времена такой же вредъ, какой теперь приносятъ такіе-же наборщики или неопытные составители копій съ древнихъ надписей. Но если принять въ соображеніе, что въ этой ὑπόθεσις безъ того не мало превратнаго (см. ниже стр. 96 прим. 1), то авторъ этой чепухи и авторъ этой ὑπόθεσις по всей вѣроятности тождественны.

О томъ, какъ мальчики эти одною изъ этихъ сторонъ приписывались Діону и Алкѣ, а другою Евктемону и Каллиппѣ, о томъ, какія Алка и ея совѣтчики, Андроклѣ и Антидорѣ, строили козни, чтобы доставить этимъ мальчикамъ гражданство и спорное наслѣдство — обо всемъ этомъ мы распространяться не станемъ, такъ какъ объ этомъ все болѣе или менѣе важное сообщено уже выше. Мы видѣли тамъ между прочимъ, что мальчики эти сыновья Алки и по всей вѣроятности Діона, но второе понятнымъ образомъ весьма трудно опредѣлить. Здѣсь намъ придется остановиться на нѣкоторыхъ болѣе специальныхъ вопросахъ.

I. Сколько имъ было лѣтъ отъ-роду? Въ § 14 ораторъ указываетъ на то, что старшему изъ этихъ мальчиковъ въ то время, когда состоялся этотъ процессъ (т. е. въ 364 году), было „οὐπω ὑπὲρ εἴκοσιν ἔτη“. Lipsius (Leipziger Studien XVI 1894 стр. 164) и переводчики понимаютъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что ему тогда еще не было двадцати лѣтъ („er hatte das zwanzigste Jahr noch nicht überschritten“; n'a pas encore vingt ans“). Philippi (Beiträge z. Geschichte des attischen Bürgerrechts, Berlin 1870, стр. 92, прим. 36) и Moy (Étude sur les plaid. d' Isée, Paris 1876, стр. 208) напротивъ полагаютъ, что ему въ 364 году было какъ разъ двадцать лѣтъ. Однако Филиппи, который такъ рѣшительно пишетъ: „Zur Zeit der Verhandlung ist dieser 20 Jahre alt“, самъ продолжаетъ: „Dass beide Kinder noch nicht Demoten sind, folgt abgesehen von § 64. 65 daraus, dass sie noch unter Vormundschaft stehen“. Для насъ рѣшительно непонятно, какъ Филиппи могъ сопоставить эти два исключających другъ-друга положенія. Филиппи совершенно правъ, если говорить, что опека надъ ними

еще не прекратилась. Объ этомъ свидѣтельствуя главнымъ образомъ §§ 36, 57 и 58, но и остальные части рѣчи безъ этого предположенія непонятны ¹⁾. Если же Андроклъ и Антидоръ были ихъ опекунами и опека надъ ними, стало-быть, не прекратилась, то они ни въ какомъ случаѣ не были совершеннолѣтними, ибо опека, какъ извѣстно, прекращалась съ достиженіемъ совершеннолѣтія т. е. 18 лѣтняго возраста. Это, очевидно, понималъ такъ и Филиппи, такъ какъ онъ вѣдь также говоритъ, что мальчики эти не были демотами, Аристотель (АѠ. пол. гл. 42) же говоритъ, что Аѳиняне ἐγγράφονται δ' εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες и καὶ τις δόξη νεώτερος ὀκτωκαίδεκα ἐτῶν εἶναι, ζῆμοι τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράφαντας. И то и другое обстоятельство, стало-быть, ясно доказываютъ, что старшему изъ этихъ мальчиковъ въ 364 году еще не могло быть 18 лѣтъ отъ-роду, не говоря уже о 20 лѣтъ.

Но какъ же послѣ этого объяснить то обстоятельство, что въ § 14 говорится, что старшему въ 364 году было οἶκω ὑπὲρ εἵκοσιν ἔτη — показаніе, которое, какъ мы видѣли, всѣ ученые понимаютъ въ такомъ смыслѣ, что ему тогда было 20 лѣтъ отъ-роду? На нашъ взглядъ между этими двумя обстоятельствами нѣтъ никакого противорѣчія, мнимое противорѣчіе возникло только благодаря невниманію тѣхъ ученыхъ, которые до сихъ поръ высказались по поводу этого мѣста. Если внимательно прочесть все предложеніе, то оказывается, что оратору и въ голову не пришло точно опредѣлить возрастъ старшаго мальчика. Онъ здѣсь совсѣмъ не говоритъ объ этомъ мальчикѣ, а напротивъ о Каллиппѣ, и старается доказать, что показаніе противной партіи, будто бы Пистоксенъ, уѣзжая въ 415 году въ Сицилію, передалъ свою дочь Каллиппу Евктемону и назначилъ его ея опекуномъ и что она, находясь подъ опекой послѣдняго, родила ему этихъ сыновей, ложное, такъ какъ Каллиппа въ то время, когда родился старшій мальчикъ, не могла болѣе находиться подъ опекой послѣдняго. При этомъ случаѣ онъ долженъ былъ, конечно, коснуться и возраста этого старшаго мальчика. При такомъ косвенномъ упоминаніи — тѣмъ болѣе въ судебной рѣчи, когда ни ораторъ, ни слушатели не расположены рѣшать сложныя арифметическія задачи —, употребляются, конечно, круглыя числа. Такое круглое число мы должны установить и въ этомъ

1) Ср. объ этой опекѣ надъ ними также ниже Гл. III § 4 II.

параграфъ. Экспедиція состоялась въ 415 году, мальчику въ 365 или 364 году круглымъ числомъ 20 лѣтъ отъ -роду, Каллиппъ, стало быть, въ 385 году было круглымъ числомъ 30 лѣтъ (πλεῖω ἢ τριακοντα ἔτη совершенно очевидно такое же неопредѣленное, круглое число; на слѣдующей строкѣ онъ называетъ ее τριακοντοῦτις т. е. тридцатилѣтней) — такія круглыя числа и ораторъ и слушатели могли легко вычислять въ умѣ, а ораторъ и безъ точныхъ цифръ достигъ своей цѣли, такъ какъ тридцатилѣтняя Каллиппа, конечно, не могла имѣть опекуна ¹⁾). Если же мы такимъ образомъ нашли, что числа здѣсь не точныя, а только аппроксимативныя, то и слово οὐτω ὑπὲρ εἰκοσιν ἔτη получаетъ совершенно другой смыслъ, а именно: „онъ былъ моложе 20-ти лѣтъ“. Насколько моложе — изъ однихъ этихъ словъ угадать нельзя. Но если сопоставить этотъ результатъ съ вышеупомянутымъ фактомъ, что мальчики эти еще не достигли 18 лѣтняго возраста, то и наше мѣсто не исключаетъ возможности такого толкованія.

Итакъ старшій сынъ Алки въ 364 году былъ нѣсколько моложе 18-ти лѣтъ. Сколько, однако, было лѣтъ младшему сыну? Въ § 26 мы читаемъ, что когда Евктемонъ записалъ старшаго мальчика въ списки фратріи, младшій уже родился (τὸν μὲν πρεσβύτερον τοῦν παῖδων ἐπὶ ῥητοῖς εἰσήγαγε, τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγενηότος κτλ.). Стоитъ, поэтому, только опредѣлить время записанія старшаго мальчика въ списки фратріи Евктемона, и минимальный возрастъ младшаго мальчика будетъ извѣстенъ. Въ § 27 ораторъ рассказываетъ, что черезъ нѣкоторое время послѣ смерти Филоктемона, когда Фаностратъ намѣревался принять участіе въ морской экспедиціи Тимофея, Евктемонъ еще до отплытія судна составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ укрѣпилъ за старшимъ сыномъ Алки то имѣніе, которое послѣднему было даровано при внесеніи въ списки фратріи. Такъ какъ здѣсь говорится объ экспедиціи Тимофея, состоявшейся въ 373 году (см. выше стр. 49), то младшій сынъ родился непременно нѣкоторое время до 373 года, въ 364 году ему было, стало-быть, по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ.

II. Второй вопросъ, равнымъ образомъ не безынтересный, слѣдующій. Schulthess ²⁾ утверждаетъ, что мальчики эти присут-

1) Ср. объ этомъ также Гл. III § 4 II.

2) См. O. Schulthess, Vormundschaft nach attischem Recht, Freiburg 1886, стр. 115 сл. L. Beauchet l. c. томъ II, стр. 219 по своему обыкно-

ствовали какъ на предварительномъ слѣдствіи, т. е. инструкціи этого процесса (*ἀνάκρισις*), такъ и на окончательномъ разборѣ этого дѣла въ день засѣданія суда, т. е. въ тотъ день, когда была произнесена VI рѣчь Исея. Что мальчики эти въ послѣднемъ случаѣ присутствовали на судѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ ораторъ неоднократно указываетъ на нихъ¹⁾. Что же касается перваго случая, то Schulthess, на нашъ взглядъ, изъ § 12 вычиталъ то, чего безъ предубѣжденія никто вычитать не можетъ. Онъ пишетъ: „dort wird erzählt, wie die Mündel von der Gegenpartei ausgefragt wurden nach dem Namen ihrer Mutter und nach ihrer Abstammung, wie sie aber keine Antwort geben konnten, auch dann nicht, als der die ἀνάκρισις leitende Archon sie zum Sprechen aufforderte“.

Чтобы доказать, какъ превратно это толкованіе Schulthess'a, разберемъ сами данныя слова Исея. Ораторъ говоритъ: *ὅτε γὰρ αἱ ἀνάκρισις* (т. е. предварительное слѣдствіе) *ἦσαν πρὸς τῷ ἄρχοντι καὶ οὗτοι* (т. е. Андроклѣ и Антидорѣ какъ опекуны этихъ мальчиковъ) *παράκατέβαλον ὥς ὑπὲρ γυναικῶν τῶνδ'* (т. е. этихъ мальчиковъ, присутствующихъ теперь на судѣ во время произнесенія нашей рѣчи) *Εὐκτῆμονος ὄντων, ἐρωτώμενοι* (это можетъ относиться исключительно къ вышеупомянутымъ *οὗτοι*, т. е. къ опекунамъ, а никакъ не къ мальчикамъ) *ὕφ' ἡμῶν τίς εἴη αὐτῶν* (т. е. этихъ мальчиковъ) *μήτηρ καὶ τοῦ θυγάτηρ οὐκ εἶχον* (т. е. опекуны) *ἀποδείξαι, διαμαρτυρομένων ἡμῶν καὶ τοῦ ἄρχοντος κελεύοντος ἀποκρίνασθαι κατὰ τὸν νόμον* (и это, конечно, относится къ опекунамъ). Для насъ рѣшительно непонятно, какъ Schulthess могъ такъ ошибочно передать содержаніе этого предложенія. Единственное слово, указывающее на этихъ мальчиковъ (*τῶνδ'*), относится не къ предварительному слѣдствію, а къ настоящему окончательному разбору этого дѣла, всѣ же остальные выраженія относятся исключительно къ опекунамъ. Такимъ образомъ изъ этого мѣста нельзя выводить заключеніе, что несовершеннолѣтніе обыкновенно при-

венію до того рабски зависятъ отъ Schulthess'a, что мы удовольствуемся этой простой цитатой. Оригиналъ и въ этомъ случаѣ гораздо интереснѣе копій.

1) Schulthess l. c. стр. 116 цитируетъ только § 10 (*οὐδὲν εἶναι γυναικῶν τοῦτων*) и этимъ вызываетъ въ читателѣ предположеніе, что это единственное мѣсто, изъ котораго можно вывести такого рода заключеніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ наша рѣчь переполнена такими намеками на ихъ присутствіе, см. напр. непосредственно послѣ 10-го параграфа §§ 11, 12, 14, 20 и т. д., и т. д. (*οἷδε, τῶνδε, τούτων, τούτους* и т. п.).

существовали на предварительном слѣдствіи. А такъ какъ у Schulthess'а другого доказательства нѣтъ, то вопросъ этотъ пока еще долженъ оставаться открытымъ.

Есть, правда, одинъ моментъ, который, повидимому, даетъ намъ возможность разрѣшить этотъ вопросъ нѣсколько точнѣе. На предъидущей страницѣ (114) Schulthess говоритъ о § 8 IV рѣчи Исея (περί τοῦ Νικοστράτου κλήρου), гдѣ рассказывается, что нѣкій Аминіадъ для подачи жалобы явился къ архонту съ мнимымъ трехлѣтнимъ сыномъ Никострата. Подробности этого факта сами по себѣ насъ здѣсь, конечно, нисколько не интересуютъ. Но если обратить вниманіе на то, что этотъ мальчикъ присутствовалъ при подачѣ жалобы, а сыновья Алки на судѣ, то по аналогіи можно, конечно, предположить, что они съ такимъ же правомъ могли и присутствовать на предварительномъ слѣдствіи. Но если Schulthess на стр. 113 выводитъ изъ этого обстоятельства такого рода заключеніе, что „die Mündel bei der Klagestellung zum Archon oder der sonst zuständigen Behörde mitgenommen wurden, und dass sie auch bei der ἀνάκρισις und der eigentlichen Processverhandlung zugegen waren, wenn auch vielleicht ihre Anwesenheit bei der letzteren nicht durchaus notwendig war“, если онъ, стало быть, полагаетъ, что только на судѣ ихъ присутствіе, быть можетъ, было не особенно необходимымъ, въ другихъ упомянутыхъ имъ случаяхъ, слѣдовательно, было обязательнымъ, то онъ, на нашъ взглядъ, сильно ошибается. О необходимости и въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ и рѣчи быть не можетъ, а для втораго случая, какъ мы видѣли, нѣтъ даже ни одного прямого доказательства, на основаніи котораго можно было бы съ увѣренностью утверждать, что дѣти могли присутствовать на предварительномъ слѣдствіи.

Мы полагаемъ, слѣдовательно, что присутствіе дѣтей не было запрещено и практиковалось, должно быть, довольно часто, но ни въ какомъ случаѣ не требовалось ни обычаемъ, ни законами¹⁾.

III. Обратимся теперь къ третьему вопросу. Даже при не

1) Schulthess стр. 116 замѣчаетъ совершенно вѣрно: „Dass das (т. е. присутствіе дѣтей) nichts Aussergewöhnliches ist, geht daraus hervor, dass der Sprecher der Rede daran keine weitere Bemerkung knüpft, die er sonst dem Gegner gewiss nicht erspart hätte“, но его заключеніе (стр. 114): „weshalb wir berechtigt sind hierin den gewöhnlichen Brauch zu erkennen“, не особенно правдоподобно.

особенно внимательномъ чтеніи этой рѣчи нельзя не замѣтить того страннаго обстоятельства, что то упоминаются оба мальчика, то только старшій изъ нихъ, то — когда говорится о мнимыхъ опекунахъ — упоминается одинъ только Андроклъ, то оба опекуна, Андроклъ и Антидоръ¹⁾. Чѣмъ объяснить эту странную путаницу?

Фридрихъ (Bemerkungen zu Isaïos, Darmstadt 1875 стр. 17 сл.; см. также стр. 13 сл.) предлагаетъ слѣдующее толкованіе: „Ich denke mir — diese Diamartyrie so: Androkles hat als Vormund des ältesten dessen Aechtheit auf Grund jener Einführung in die Phratrie beschworen; denn diese war ja hauptsächlich beweisend, wenn sie unter normalen Verhältnissen zu Stande gekommen. Das Schriftstück, in dem das ἐπὶ ῥητοῖς und das Genauere stand, war nicht mehr da, nur die Phratores konnten die Einführung nicht leugnen, wenn sie vielleicht auch jetzt einsahen, dass sie hintergangen waren. Antidorus hatte vielleicht den zweiten Alkesohn als γνήσιος bezeugt. Jedenfalls wäre es auffallend, wenn diese geriebenen Leute ihre Sache dadurch verdorben hätten, dass sie jene Einführung des ältesten nicht für diesen allein ausbeuteten, sondern den jüngeren, dessen Aechtheit doch schon schwerer zu beweisen war, mit hereinzogen. Der Redner freilich spricht mit Vorliebe von zweien, um den Richtern zu bedenken zu geben, mit welcher Kühnheit Androkles und Genossen behaupten, beide seien ächt, da doch anerkanntermaßen nur der älteste und der nur bedingt, in die Phratrie eingeführt worden sei“²⁾.

Съ этимъ толкованіемъ Фридриха мы, однако, согласиться не можемъ. Откуда онъ заимствовалъ странное и невѣрное пред-

1) Авторъ упомянутой уже ἐπόθεως (см. стр. 90 сл.) опять отличился. Онъ пишетъ: „ὅντος Ἀντιδόρου γνήσιου παιδὸς Εὐχτήμον.“ т. е. полагаетъ, что Антидоръ не опекунъ, а старшій сынъ Алки! Нѣсколько ниже онъ, далѣе, замѣчаетъ, что „ἄδελφον εἰ γνήσιος εἶσιν οἱ περὶ Ἀντιδωρον“ т. е. Антидоръ и его братья! Если, наконецъ, еще вспомнить, что онъ въ предыдущихъ строкахъ говорилъ о сынѣ Алки и его сестрѣ (τοῦτον καὶ τὴν ἀδελφὴν αὐτοῦ), то ясно, что авторъ этой ἐπόθεως имѣлъ такіа смутныя понятія обо всемъ, что касается сыновей Алки, что тутъ и по пустому словъ тратить не стоитъ.

2) Мы потому такъ подробно и дословно выписали это мѣсто изъ статьи Фридриха, что эта программа Дармштадтской гимназіи врядъ ли найдется въ какой-нибудь библіотекѣ. Ея нѣтъ даже въ нашей университетской библіотекѣ, не смотря на то, что нашъ университетъ издавна получаетъ въ обмѣнъ заграничныя университетскія и школьныя программы. Мы пользуемся собственнымъ экземпляромъ.

ставленіе, что Андроклъ былъ опекуномъ старшаго сына, а Антидоръ младшаго, и что Антидоръ, быть можетъ, доказалъ законность происхожденія втораго сына Алки — для насъ рѣшительно непонятно. Но мы не считаемъ удобнымъ вступать въ подробный разборъ толкованія Фридриха, а немедленно перейдемъ къ изложенію собственнаго мнѣнія, при чемъ намъ, конечно, придется говорить и о гипотезахъ Фридриха.

Почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ или точнѣе — въ большинствѣ случаевъ упоминается одинъ только Андроклъ, а въ другихъ случаяхъ Андроклъ и Антидоръ? Объ этомъ мы уже говорили на стр. 72 сл., гдѣ мы замѣтили, что Андроклъ былъ старшимъ братомъ Антидора и притомъ превосходилъ его пронырливостью. Такъ какъ онъ не только считался, но и въ самомъ дѣлѣ былъ главою заговора, то не удивительно, что Исей обыкновенно называетъ его одного. Антидоръ долженъ былъ довольствоваться весьма незавидной ролью карточного болвана. Фридриху, очевидно, показалось немыслимымъ, чтобы Андроклъ одновременно былъ опекуномъ и того и другого мальчика, чтобы Антидоръ равнымъ образомъ былъ опекуномъ обоихъ мальчиковъ и чтобы не смотря на то Исей обращалъ главное вниманіе на Андрокла. Мы, признаться, въ этомъ ничего немыслимаго не находимъ. Но чтобы не быть голословными приведемъ по крайней мѣрѣ одинъ аналогичный примѣръ¹⁾. Между тѣмъ какъ у Plut. Alcib. 1 (τοῦ δὲ Ἀλκιβιάδου Περικλῆς καὶ Ἀρίφρων οἱ Ἐανθίππου — ἐπὶ τρόπῳ) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ ясно говорится, что братья Периклъ и Арифронъ были опекунами сыновей Клинія, Алкибіада и Клинія, въ другихъ мѣстахъ (цитаты можно найти у Schulthess'a) упоминается одинъ только Периклъ напр. Περικλέα τὸν Ἐανθίππου, ὃν ὁ πατὴρ ἐπίτροπον κατέλιπέ σοι καὶ τῷ ἀδελφῷ. Изъ послѣдняго мѣста, конечно, ничуть не слѣдуетъ, что Периклъ былъ единственнымъ опекуномъ сыновей Клинія, такъ какъ одинъ Периклъ называется единственно потому, что его всѣ Греки хорошо знали, между тѣмъ какъ имя Арифрона врядъ ли кому-либо было извѣстно. То-же самое мы замѣчаемъ и въ нашей рѣчи, такъ какъ и въ этомъ случаѣ Андроклъ былъ болѣе выдающимся изъ обоихъ опекуновъ.

Этотъ результатъ нашъ подтверждается, впрочемъ, и слѣдующими соображеніями. При предварительномъ слѣдствіи про-

1) Ср. основательное изложеніе этого случая у O. Schulthess'a Vormundschaft nach attischem Recht, стр. 56 сл.

тивная сторона подала діамартирію (διαμαρτυρία), т. е. посредствомъ свидѣтельскихъ показаній доказывала, что дѣло о спорномъ наслѣдствѣ совсѣмъ не подлежало суду. Эту діамартирію могли, конечно, подать либо Андроклъ и Антидоръ сообща, либо одинъ изъ нихъ и въ такомъ случаѣ, разумѣется, Андроклъ. Но чтобы и тотъ и другой каждый отдѣльно подали по діамартирії — конечно немыслимо. Не смотря на это неоспоримое соображеніе въ нашей рѣчи то читается διεμαρτύρησεν или т. п. (т. е. Андроклъ; это единственное число встрѣчается въ большинствѣ случаевъ), то διεμαρτύρουν, διεμαρτύρησαν κтл. И въ этомъ случаѣ, стало быть, совершенно ясно, что Исей обращается къ одному Андроклу какъ къ главѣ этого заговора, не смотря на то, что діамартирія была подана и тѣмъ и другимъ.

Второе соображеніе, какъ видно, болѣе неопровержимо; оно притомъ и само по себѣ интересно, такъ какъ оно даетъ намъ возможность разрѣшить и первый изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ. Въ нашей рѣчи, какъ мы видѣли, упоминаются то оба мальчика, то только старшій изъ нихъ. Что всѣ догадки Фридриха не только вполне напрасны, но и превратны, очевидно явствуетъ изъ § 26: „οὗς (т. е. сыновей Алки) σὺ (т. е. Андроклъ) νῦν διαρρήδην μεμαρτύρηκας γνησίους εἶναι καὶ κληρονόμους τῶν Εὐχτήμονος. Ταῦτα τοίνυν ὡς ἀληθῆ λέγω, ἀναγίνωσκε τὰς μαρτυρίας“¹⁾. Не менѣе ясно и то, что говорится въ § 59 „διαρρήδην μαρτυρήσας γνησίους τοὺς παῖδας εἶναι“, § 17 „οἵτινες οὗς γνησίους διεμαρτύρησαν εἶναι καὶ κληρονόμους κтл.“, § 43 „διεμαρτύρουν ὡς ὑπὲρ γνησίων“ и т. п. Какъ можно послѣ этого утверждать, что это только обычная ораторская уловка? Неужели ораторъ въ такомъ случаѣ употребилъ бы слово διαρρήδην и произнесъ бы съ такою непоколебимою увѣренностью слова „ταῦτα ὡς ἀληθῆ λέγω, ἀναγίνωσκε τὰς μαρτυρίας“. Въ діамартирії были, стало-быть, упомянуты оба сына Алки. Но чѣмъ объяснить то странное обстоятельство, что иногда упоминается одинъ только старшій сынъ, какъ напр. § 10 προσδιαμαρτύρηκεν υἱὸν εἶναι γνήσιον Εὐχτήμονος τοῦτον, § 46 μεμαρτύρηκε δ' Εὐχτήμονος υἱὸν εἶναι γνήσιον, § 51 πότερον δὲ τὸν ἐκ ταύτης τῶν Φιλοκτήμονος εἶναι κληρονόμον и т. п.?

Старшій сынъ Алки, какъ мы видѣли, былъ самимъ Евктемономъ внесенъ въ списки φратρίи не смотря на всѣ попытки

1) Оба мальчика упоминаются въ §§ 4, 11—14, 17, 20, 21, 25, 26, 30, 36, 43—45, 49, 56—59, 64, 65, старшій же сынъ одинъ въ §§ 10, 23—25, 27, 46, 51.

Филоктемона предотвратить этот крайне нежелательный фактъ. Относительно же младшаго сына мы читаемъ въ § 26 слѣдующее: „διὰ τί τὸν μὲν πρεσβύτερον τοῖν παιδῶν ἐπὶ ῥητοῖς εἰσήγαγε, τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος οὐδὲ λόγον ἐποιεῖτο ζῶντος Φιλοκτῆμονος οὔτε πρὸς αὐτὸν ἐκείνον οὔτε πρὸς τοὺς οἰκείους“. Изъ этихъ словъ мы, къ сожалѣнію, не особенно много узнаемъ. Что младшій сынъ при жизни Филоктемона не былъ внесенъ въ списки фратріи, послѣ этихъ словъ, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Однако отъ установленія одного этого факта мы особенно большой пользы не имѣемъ, такъ какъ ни самый фактъ, ни непосредственно проистекающіе изъ него проблемы не могутъ считаться удобопонятными. Почему, спрашивается, Евктемонъ ввелъ только старшаго сына Алки? Потому, что онъ боялся сопротивленія со стороны Филоктемона? Но если тотъ, чтобы спастись отъ грозившихъ ему большихъ бѣдствій, официально согласился признать старшаго мальчика законнымъ сыномъ Евктемона, то младшій мальчикъ подавно долженъ былъ считаться таковымъ. Какую роль въ этомъ случаѣ могла играть смерть Филоктемона — непонятно. Что случилось, далѣе, послѣ смерти Филоктемона? Былъ ли этотъ мальчикъ тогда внесенъ въ списки фратріи, и если да, то къмъ именно и когда? Въ діамартиріи, какъ мы видѣли, оба мальчика выдавались за законнорожденныхъ сыновей Евктемона. Въ § 44, далѣе, рассказывается, что Андроклъ и Антидоръ πρὸς μὲν τὸν ἀρχοντα ἀπέγραψαν αὐτοὺς ὡς ὄντας τὸν μὲν Νηύμονος τὸν δὲ Ἐργαμένους, т. е. они явились къ архонту и записали этихъ мальчиковъ какъ дѣтей, усыновленныхъ братьями Филоктемона, Гегемономъ и Ергаменомъ. А такъ какъ хорошо извѣстно, что усыновить можно было только законнорожденного гражданина¹⁾, то младшій сынъ Алки въ то время несомнѣнно также былъ внесенъ въ списки фратріи Евктемона.

Кто его внесъ, самъ ли Евктемонъ или послѣ его смерти Андроклъ и Антидоръ, точно опредѣлить, конечно, нельзя, такъ какъ объ этомъ ни слова не говорится. Предположеніе Фридриха, что одинъ Антидоръ совершилъ это, намъ кажется весьма невѣроятнымъ. Если это сдѣлали мнимые опекуны, то во всякомъ случаѣ сообща, а никакъ не отдѣльно. Мы лично скорѣе распо-

1) Ср. VII рѣчь Исея (περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου) § 16: „ἔστι δ' αὐτοῖς νόμος ὁ αὐτός, ἐάν τε τινα φύσει γεγονότα εἰσάγῃ τις ἐάν τε ποιητόν, ἐπιτιθέναι πίστιν κατὰ τῶν ἱερῶν ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς εἰσάγειν καὶ γεγονότα ὁρθῶς καὶ τὸν ὑπάρχοντα φύσει καὶ τὸν ποιητόν“.

ложены думать, что мальчикъ этотъ былъ внесенъ еще при жизни Евктемона либо самимъ Евктемономъ, либо по его старости однимъ изъ этихъ просто образцовыхъ родственниковъ - опекуновъ. Въ пользу нашего предположенія, быть-можетъ, говорить и § 26, въ которомъ, какъ мы видѣли, читается довольно странная замѣтка: „τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος οὐδὲ λόγον ἐποίητο ζῶντος Φιλοκτήμονος οὔτε πρὸς αὐτὸν ἔχειν οὔτε πρὸς τοὺς οἰκείους. Почему тутъ такъ знаменательно указывается на то, что Евктемонъ ни слова не упомянулъ объ этомъ мальчикѣ покуда Филоктемонъ былъ живъ? Еслибы тутъ было сказано, что мальчикъ этотъ родился еще при жизни Филоктемона, то мѣсто это не содержало бы ничего поразительнаго. Но такъ какъ слова ζῶντος Φιλοκτήμονος можно относить исключительно къ λόγον ἐποίητο, то смерть Филоктемона должна была имѣть какое-то важное значеніе. Единственно мыслимое значеніе то, что Евктемонъ немедленно послѣ смерти Филоктемона ввелъ и этого мальчика, такъ какъ онъ дальнѣйшаго сопротивленія со стороны своихъ ближайшихъ родственниковъ не опасался. Еслибы же упомянутыя слова этого значенія не имѣли, то вмѣсто ζῶντος Φιλοκτήμονος было бы просто сказано, что Евктемонъ никому „никогда (οὐδέποτε)“ не сообщилъ ни слова объ этомъ мальчикѣ. Мы, правда, нисколько не отрицаемъ, что здѣсь говорится только о „λόγον ἐποίητο“, а не о внесеніи. Но такъ какъ уже само по себѣ весьма вѣроятно, что самъ Евктемонъ внесъ его — тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Евктемона было слишкомъ мало времени для этого и само внесеніе тогда по всей вѣроятности было бы сопряжено съ различными трудностями — и такъ какъ выписанныя нами слова противопоставляются внесенію старшаго сына (τὸν πρεσβύτερον — εἰσῆγαγε), такъ что слова λόγον ἐποίητο, быть можетъ, по смыслу равняются предъидущему εἰσῆγαγε, то мы не думаемъ, чтобы наше предположеніе можно было назвать слишкомъ рискованнымъ.

Итакъ мы того мнѣнія, что оба мальчика были внесены въ списки фратріи Евктемона, и внесены имъ самимъ, старшій при жизни Филоктемона, а младшій по смерти послѣдняго. Впрочемъ, если это такъ, то почему же ораторъ называетъ обыкновенно только старшаго сына? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, конечно, дать нельзя, но мы лично того мнѣнія, что отдѣльное упоминаніе какъ Андрокла такъ и старшаго сына Алки не только можно, но и нужно объяснять вполне аналогичнымъ образомъ. Андроклъ, какъ мы видѣли, выдвигался на

первый планъ потому, что былъ главою заговора. Старшій же сынъ Алки играетъ въ нашей рѣчи такую важную роль по всей вѣроятности потому, что онъ одинъ былъ внесенъ, такъ сказать, официально съ согласія Филоктемона, какъ представителя ближайшихъ родственниковъ Евктемона, хотя это согласіе, впрочемъ, было вынуждено у Филоктемона весьма гадкой уловкой.

Итакъ наше мнѣніе вкратцѣ слѣдующее: Оба мальчика были Евктемономъ внесены въ списки фратріи, старшій при жизни Филоктемона, младшій послѣ его смерти. Съ другой стороны и Андроклъ и Антидоръ оба сообща были либо мнимыми, либо дѣйствительными опекунами этихъ мальчиковъ. Если же въ нашей рѣчи на первый планъ выдвигается изъ опекуновъ Андроклъ, а изъ мальчиковъ старшій, то это объясняется совершенно просто тѣмъ обстоятельствомъ, что Андроклъ былъ не только главою заговора, но и болѣе проницательнымъ и опаснымъ противникомъ. Что же касается старшаго мальчика, то его внесеніе, повидимому, одно имѣло вполнѣ официальный характеръ. Это выдѣленіе, такимъ образомъ, больше ничего, какъ риторическій приѣмъ нашего оратора, не основанный ни на какихъ-либо вѣскихъ, фактическихъ данныхъ. Изъ выдѣленія одного мальчика и одного опекуна выводить какія нибудь другія заключенія на нашъ взглядъ невозможно.

15. Συνήγορος Хэрестрата. Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ объ адвокатѣ (συνήγορος), который произнесъ нашу рѣчь вмѣсто самого Хэрестрата. Такъ какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ адвокатѣ (см. нпр. стр. 40 и прим. 1), то мы можемъ здѣсь удовольствоваться краткимъ повтореніемъ того, что уже выше было нами подробно изложено. Объ этомъ адвокатѣ говорится только въ вступленіи (§§ 1 и 2), гдѣ сообщается, что онъ былъ лучшимъ другомъ какъ Фанострата, такъ и Хэрестрата, и что это обстоятельство по всей вѣроятности большинству изъ присутствующихъ хорошо было извѣстно, изъ чего мы, какъ уже извѣстно, заключили, что адвокатъ, очевидно, пользовался такою же извѣстностью, какъ и вышеупомянутые зажиточные люди. Далѣе сообщается, что дружба между нимъ и этими людьми была до того велика, что онъ не смотря на то, что уже до этого принималъ участіе въ какой-то кампаніи, уговоренный этими людьми принялъ участіе и въ упомянутой въ § 1 кампаніи (см. стр. 55 сл.), при чемъ

имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ вмѣстѣ съ Хэрестратомъ. Другихъ свѣдѣній объ адвокатѣ, произнесшемъ шестую рѣчь Исея, мы не имѣемъ.

Вотъ все, что намъ извѣстно о личностяхъ, о которыхъ говорится въ шестой рѣчи Исея. Перейдемъ теперь къ подробному разбору всѣхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, заключающихся въ этой рѣчи.

ГЛАВА III.

Изслѣдованія въ области аттического гражданскаго права.

§ 1.

Внесеніе старшаго сына Алки въ списки Фратріи Евктемона (мнимая легитимация).

Въ предъидущей главѣ мы постарались доказать, что не только старшій, но и младшій сынъ Алки были Евктемономъ внесены въ списки фратріи. Но такъ какъ это внесеніе младшаго сына определено нами только по догадкѣ — хотя и весьма правдоподобной — и такъ какъ оно въ нашей рѣчи почти никакой роли не играетъ, то мы здѣсь будемъ говорить исключительно о старшемъ сынѣ. Внесеніе младшаго сына насъ здѣсь нисколько не интересуеъ уже потому, что разъ Евктемону удалось внести одного мальчика, то внесеніе другого могло считаться простой формальностью.

Мальчикъ, о внесеніи котораго говорится въ шестой рѣчи Исея, былъ, какъ мы видѣли, сыномъ вольноотпущенника Діона и вольноотпущенницы Алки. Фактъ этотъ, правда, сообщается нашимъ ораторомъ т. е. противникомъ Алки, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію. Если же это такъ, то спрашивается, какимъ же образомъ Евктемонъ могъ внести такого мальчика въ списки своей фратріи? Чтобы найти вѣрное рѣшеніе этого чрезвычайно труднаго и запутаннаго вопроса, мы сначала исключимъ все то, что совершенно очевидно должно считаться невозможнымъ и немыслимымъ.

Во-первыхъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Евктемонъ его ни въ какомъ случаѣ не могъ внести какъ сына

Діона и Алки. Какъ сынъ вольноотпущенника и вольноотпущенницы онъ принадлежалъ къ классу метойковъ, по аѳинскимъ же законамъ въ списки фратрій вносились исключительно законнорожденные дѣти гражданъ, см. Isae. or. VII 16: ἔστι δ' αὐτοῖς νόμος — ἐπιτιθέναι πίστιν κατὰ τῶν ἱερῶν ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς εἰσάγειν καὶ γεγονότα ὀρθῶς. Isae. or. VIII 19: ὁμόσας κατὰ τοὺς νόμους τοὺς κειμένους ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς καὶ ἐγγυητῆς γυναικὸς εἰσάγειν. Andocid. περὶ τῶν μυστηρίων 127: λαβόμενος τοῦ βωμοῦ ὤμοσεν ἢ μὴν τὸν παῖδα ἑαυτοῦ εἶναι γνήσιον. Demosth. or. 57 πρὸς Εὐβουλίδην § 54: ὁ πατήρ — ὁμόσας τὸν νόμιμον τοῖς φράτερσιν ὄρκον εἰσήγαγέ με, ἀστὸν ἐξ ἀστῆς ἐγγυητῆς αὐτῷ γεγεννημένον. Ps.-Demosth. or. 59 κατὰ Νεαίρας § 60: εἶναι αὐτοῦ υἱὸν ἐξ ἀστῆς γυναικὸς καὶ ἐγγυητῆς κατὰ τὸν νόμον. Въ постановленіяхъ фратріи Демотіонидовъ (C. I. A. II n. 841 b. и IV 2 n. 841 b = Ditt. Syll.² n. 439, Michel Recueil n. 961) также читается: ὄρκος μαρτύρων ἐπὶ τῇ εἰσαγωγῇ τῶν παίδων. μαρτυρῶ ὅν εἰσάγει ἑαυτῷ υἱὸν εἶναι τοῦτον γνήσιον ἐκ γαμετῆς (строки 107 сл.). Объ этомъ, стало-быть, и рѣчи быть не можетъ.

На основаніи этихъ же выписанныхъ нами мѣстъ точно также невозможно, чтобы Евктемонъ при внесеніи мальчика выдавалъ его за своего собственнаго сына, прижитаго въ бракѣ съ Алкой. Алка, какъ мы видѣли, не была гражданкой (ἀστὴ) и поэтому, слѣдовательно, не могла быть супругой γυνὴ ἐγγυητῆς Евктемона, такъ какъ по аѳинскимъ законамъ въ законный бракъ могли вступать только аѳинскій гражданинъ съ гражданкой либо аѳинской, либо такого города, которому была дарована эпигамія. Это явствуетъ, впрочемъ, и изъ другого вполне аналогичнаго случая. Въ рѣчи Ps.-Demosth. κατὰ Νεαίρας (or. 59) § 118 ораторъ опровергаетъ мыслимыя возраженія противниковъ. Они можетъ быть скажутъ, говорить онъ, что Неэра гражданка и его законная супруга. Но вѣдь свидѣтельскими показаніями подтверждено, что она была рабыней Никареты и гетерой. Но, продолжаетъ онъ, они быть можетъ совсѣмъ не назовутъ ее его женой, а скажутъ, что она была просто его наложницей. Однако и это невозможно, ибо дѣти ея внесены въ списки фратріи, а дочь вышла за-мужъ за аѳинскаго гражданина, изъ чего ясно слѣдуетъ, что она считалась его законной женой¹⁾. Ораторъ,

1) „Θαυμάζω δ' ἔγωγε τί ποτε καὶ ἐροῦσι πρὸς ὑμᾶς ἐν τῇ ἀπολογίᾳ. πότερον ὡς ἀστὴ ἔστι Νεαῖρα αὐτῇ καὶ κατὰ τοὺς νόμους συνοικεῖ αὐτῷ; ἀλλὰ με μαρτύρηται ἑταῖρα οὖσα καὶ δοῦλη Νικαρέτης γεγεννημένη. ἀλλ' οὐ γυναῖκα εἶναι

стало быть, указываетъ на то, что она какъ прежняя рабыня и какъ гетера не могла сдѣлаться законной женой аѳинскаго гражданина, и не можетъ, слѣдовательно, имѣть законнорожденных дѣтей, и что, поэтому, ея дѣти должны быть исключены изъ списковъ и лишены правъ гражданства, она сама снова обращена въ рабство, а Стефанъ подвергнуть денежной пенѣ. См. тамъ-же § 17: τοῦ νόμου — ὃς οὐκ ἐὰ τὴν ξένην τῇ ἀστὴρ συνοικεῖν — οὐδὲ παιδοποιεῖσθαι. Алка, поэтому, не могла считаться его законной женой, а дѣти ея не могли считаться законнорожденными¹⁾. И эта вторая возможность, стало быть, немислима.

Но можетъ быть Евктемонъ выдавалъ ее не за супругу, а за наложницу? И эта возможность немислима. Еслибы онъ этого мальчика выдавалъ за сына своей наложницы, то мальчикъ этотъ не могъ считаться законнорожденнымъ, такъ какъ по аѳинскимъ законамъ законнорожденными считались исключительно тѣ дѣти, которыя происходили отъ законнаго брака аѳинскаго гражданина съ аѳинской гражданкой или уроженкой такого города, которому была дарована эписгамія. Мальчикъ этотъ, поэтому, въ этомъ случаѣ считался бы незаконнорожденнымъ (νόθος) и Евктемонъ, слѣдовательно, не могъ бы внести его въ списки своей фратріи.

Однако многіе ученые отрицаютъ послѣднее обстоятельство²⁾. Они полагаютъ, что въ Аѳинахъ равно какъ и въ Римѣ было возможно улучшать положеніе незаконнорожденных дѣтей по-

αὐτοῦ, ἀλλὰ παλλακὴν ἔχειν ἔνδον; ἀλλ' οἱ παῖδες ταύτης ὄντες καὶ εἰσηγμένοι εἰς τοὺς φράτερας ὑπὸ Στεφάνου, καὶ ἡ θυγάτηρ ἀνδρὶ Ἀθηναίῳ ἐκδοθεῖσα, περιφανὲς αὐτὴν ἀποφαίνουσι γυναῖκα ἔχοντα".

1) O. Müller Fl. Jahrb. Suppl. 25 (1899) стр. 716 полагаетъ, что еслибы Алка была гражданкой, то Евктемонъ, вмѣсто того чтобы обручиться съ сестрой Демократа, обручился бы съ Алкой. Намъ, по правдѣ сказать, это воззрѣніе кажется чрезвычайно страннымъ. Еслибы она была просто вольноотпущенницей или иностранкой (ξένη), то это противопоставленіе гражданки и не-гражданки могло бы считаться правдоподобнымъ. Здѣсь же положеніе дѣла совершенно иное. Алка была прежде гетерой и занималась этимъ ремесломъ не частнымъ и тайнымъ образомъ, а публично въ домѣ терпимости и пользовалась нѣкоторою извѣстностью (§ 19: ἣν καὶ ὁρῶν σῆμαι πολλοὺς εἰδέναι). При такихъ обстоятельствахъ мы не думаемъ, чтобы Евктемонъ, человѣкъ знатный и зажиточный, женился на ней, даже еслибы она была гражданкой.

2) См. Gans, Erbrecht стр. 318 сл. Schoemann, Isaei orat. стр. 336. Schoemann-Lipsius, Gr. Alt. I⁴ стр. 377. Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Process. стр. 529 сл. van den Es, De jure familiarum apud

средством узаконенія (legitimatio). Какъ видно изъ цитированной нами литературы вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ и поэтому и намъ придется остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Оставимъ сначала въ сторонѣ доводы, приведенные вышеупомянутыми учеными и ознакомимся предварительно съ актомъ узаконенія незаконнорожденныхъ дѣтей какъ въ римскомъ правѣ, такъ и въ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ для насъ правахъ русскомъ, остзейскомъ и нѣмецкомъ. Начнемъ съ современныхъ правъ.

Разница между усыновленіемъ и узаконеніемъ, какъ мы видѣли (см. стр. 34 прим. 1), состоитъ въ томъ, что усыновляются только чужія дѣти (законныя или незаконныя), узаконяются же исключительно собственныя незаконнорожденные дѣти. Въ нашемъ русскомъ правѣ, которое всѣмъ читателямъ, конечно, хорошо извѣстно, есть два способа узаконенія: черезъ послѣдующій бракъ и по Высочайшему указу. Узаконенныя дѣти считаются законными и пользуются всѣми правами таковыхъ. Разница между обоими способами узаконенія состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ узаконеніе обратной силы не имѣетъ и что поэтому таковыя дѣти считаются законными лишь со дня сочетанія бракомъ ихъ родителей, между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ узаконеніе можетъ имѣть обратную силу, если въ Высочайшемъ указѣ законность будетъ отнесена не къ фиктивному, а къ настоящему моменту рожденія даннаго ребенка. То-же самое мы встрѣчаемъ и въ Остзейскомъ правѣ, см. томъ III ст. 173, 174 и 1873. Въ современномъ нѣмецкомъ правѣ (см. *Bürgerliches Gesetzbuch für das deutsche Reich*, ст. 1719—1740) также эти два спо-

Athenienses, стр. 77 сл. R. Zimmermann, De nothorum Athenis condicione, Diss. Berlin 1886, стр. 9 сл. Hermann-Thalheim, Rechtsalt. стр. 8. Hermann-Thumser, Staatsalt. I 2 стр. 328 и 449. Busolt, Alt. ² стр. 202. Busolt, Gr. Gesch. III 1 стр. 338. Латышевъ, Греч. древн. I ³ стр. 207 и 209. Szanto, Wochenschrift für klass. Philol. 1900 стр. 566 сл.

Ср. напротивъ: E. Platner, Beiträge z. Kenntniss des att. Rechts, Marburg 1820, стр. 119 сл. A. Philippi, Beiträge z. Gesch. d. att. Bürgerrechts Berlin 1870, стр. 82 сл. Friedrich, Bemerkungen zu Isaïos, Darmstadt 1875, стр. 14. H. Buermann, Fleck. Jahrb. Suppl. IX 1878, стр. 619 сл. E. Caillemet, Le droit de succession légitime à Athènes, Paris 1879, стр. 27 сл. Gilbert, Staatsalt. I ² стр. 211. L. Beauchet, l. c. I 525 сл. и 534 сл. H. F. Hitzig, Zeitschrift für Rechtsgeschichte XVIII 1897, стр. 159. O. Müller, Fleck. Jahrb. Suppl. 25 (1899) 711—719.

соба узаконенія: *Legitimation durch nachfolgende Ehe* (ст. 1719—1722) и *Ehelichkeitserklärung* (durch eine Verfügung der Staatsgewalt; ст. 1723—1740). Главная разница между этими двумя способами состоитъ между прочимъ въ томъ, что 1) во второмъ случаѣ обязательно требуется согласіе либо самого узаконяемаго, либо его матери или опекуна (если узаконяемый моложе 21 года), между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ согласіе ребенка не обязательно, 2) въ томъ, что во второмъ случаѣ узаконенный — который, какъ и въ первомъ случаѣ, считается законнымъ сыномъ узаконяющаго — не вступаетъ въ свойство съ родственниками отца; въ свойство съ послѣдними вступаютъ только потомки узаконеннаго; 3) въ первомъ случаѣ, какъ и въ русскомъ правѣ, узаконеніе обратной силы не имѣетъ (см. G. Planck, *Bürgerl. Gesetzbuch*, Lief. 11, viertes Buch, Berlin 1900 стр. 375 прим. III къ ст. 1719).

Обратимся теперь къ римскому праву, у котораго, какъ мы увидимъ, съ незначительными лишь измѣненіями заимствованы современные постановленія.

Въ римскомъ правѣ было три законныхъ способа узаконенія: 1) *legitimatio per subsequens matrimonium*, 2) *leg. per rescriptum principis*, 3) *leg. per oblationem curiae*¹⁾. Первый способъ (*per subsequens matrimonium*) состоялъ въ послѣдующемъ вступленіи въ бракъ родителей узаконяемаго²⁾. Второй способъ (*per rescriptum principis*, т. е. по указу императора) допускался тогда, когда бракъ между родителями по какой-либо причинѣ былъ или сталъ невозможнымъ и когда у просителя не было законныхъ дѣтей; прошеніе подавалось отцомъ или, въ случаѣ его смерти и если онъ въ духовномъ завѣщаніи выразилъ свое желаніе узаконить своихъ дѣтей, означенными дѣтьми³⁾. Третій случай (*per oblationem curiae*), котораго нѣтъ въ современныхъ правахъ, состоялъ

1) О мнимомъ четвертомъ способѣ узаконенія (*legitimatio per nuncupationem* см. Windscheid, *Lehrbuch der Pandekten* III⁶, Frankfurt a. M. 1901 стр. 89, прим. 7.

2) Кромѣ извѣстныхъ руководствъ ср. также слѣдующія монографіи: H. Wolf, *Die legitimatio per subsq. matrimonium*, Braunschweig 1881. R. Hinrichsen, *Die Legit. durch nachfolgende Ehe*, Göttingen 1894. P. Vogels, *Zur gemeinrechtlichen Lehre von der Legit. durch nachfolgende Ehe*, Erlangen 1897. F. Kückhoven, *Die römisch-rechtlichen Grundsätze der legit. per subsq. matrimonium*, Erlangen 1898.

3) Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ къ прошенію прилагалось духовное завѣщаніе, то этотъ способъ узаконенія иногда называется *legitimatio*

въ томъ, что узаконяющій „предлагалъ“, „подносилъ“ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей куріи того города, въ которомъ родился ребенокъ, т. е. вносилъ незаконнорожденного сына въ списки декуріоновъ (*ordo decurionum*), а незаконнорожденную дочь выдавалъ замужъ за декуріона. Этотъ третій способъ введенъ съ чисто фискальными цѣлями. Положеніе декуріоновъ въ позднѣйшихъ римскихъ городскихъ общинахъ было весьма жалкое. Начиная съ III стол. послѣ Рожд. Хр. муниципальные сенаты (*ordo decurionum*, *decuriones*) превратились въ учрежденія для взысканія податей; а такъ какъ недоимки взыскивались съ декуріоновъ, которые со своимъ имуществомъ ручались за представленіе въ срокъ податныхъ окладовъ, то неудивительно, что декуріоны всячески старались уклоняться отъ тяготы этой повинности. Одинъ изъ способовъ поощренія къ занятію муниципальных должностей состоялъ именно въ этой *legitatio per oblationem curiae*.

Остается еще прибавить нѣсколько словъ объ условіяхъ и послѣдствіяхъ этихъ трехъ способовъ узаконенія.

Условія были слѣдующія: а) первый и второй способы узаконенія допускались исключительно для дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ (т. н. *liberi naturales*); всѣ остальные незаконнорожденные дѣти, будь они *spurii*, *adulterini* или *incestuosi*, не могли быть узаконены. Посредствомъ третьяго же способа ¹⁾ могло быть узаконено любое незаконнорожденное дитя. б) При всѣхъ трехъ способахъ узаконенія обязательно согласіе узаконяемаго, въ особенности въ первыхъ двухъ случаяхъ, такъ какъ дѣти конкубины съ момента рожденія считались лицами своевластными (*sui iuris*). в) При первомъ способѣ (*per subs. matrimonium*) требуется, чтобы 1) узаконяющій не имѣлъ ни законной супруги, ни другой конкубины и 2) чтобы бракъ между узаконяющимъ и его конкубиной былъ возможенъ (*matrimonium legibus non interdictum*), т. е. чтобы въ бракъ не обращались ни кровосмѣсительныя, ни прелюбодѣйныя связи.

Что же касается послѣдствій узаконенія, то они были слѣдующія: а) въ первыхъ двухъ случаяхъ узаконенныя дѣти считаются законнорожденными и пользуются всѣми правами таковыхъ

per testamentum. Однако это названіе неточно, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя говорить о приобрѣтеніи отцовской власти, а напротивъ о способѣ приобрѣтенія наслѣдства. О второмъ способѣ ср. также A. Bigeon, *De la légitimation par acte du souverain* (Thèse), Paris 1897.

1) См. Windscheid, I. c. III стр. 87, § 522. прим. 1.

(*nihil a legitimis differentes*), они считаются поэтому также родственниками узаконившаго ихъ. Въ третьемъ же случаѣ узаконенные не считались родственниками отцовскихъ родственниковъ, б) узаконяющій приобретаетъ отцовскую власть надъ узаконенными, с) узаконеніе не имѣетъ обратной силы, т. е. усыновленный считается законнымъ ребенкомъ и родственникомъ отцовскихъ родственниковъ только со дня узаконенія и поэтому нпр. не имѣетъ права на наслѣдство, открывшееся въ семействѣ узаконяющаго до момента узаконенія.

Вотъ важнѣйшія свѣдѣнія объ узаконеніи по римскому праву. Однако прежде чѣмъ приступить къ разбору вопроса, было ли въ Аѳинахъ также возможно узаконеніе незаконнорожденныхъ дѣтей, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на два весьма важныхъ момента. Если исключить третій способъ узаконенія, который, какъ мы видѣли, возникъ въ позднѣйшія времена (онъ введенъ императоромъ Θεодосіемъ II въ V стол. послѣ Р. Хр.) по совершенно исключительнымъ причинамъ, то узаконять можно было только дѣтей конкубинъ (*liberi naturales*). Конкубинатъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ императоромъ Августомъ¹⁾ и представлялъ вполне законную форму сожитія съ такими женщинами, съ которыми по какимъ либо причинамъ соціальнаго или нравственнаго характера нельзя было вступать въ законный бракъ. Но не смотря на законность этого сожитія дѣти, прижитыя въ конкубинатѣ, по прежнему считались незаконнорожденными и ни въ чемъ не отличались отъ остальныхъ незаконныхъ дѣтей. Положеніе ихъ измѣнилось только вполнѣ, когда христіанская вѣра сдѣлалась господствующею. Христіанскіе императоры, начиная съ перваго христіанскаго императора Константина, не скрывали своего отвращенія къ конкубинату, идущему въ разрѣзъ съ основными ученіями христіанской вѣры и поэтому стремились къ уничтоженію его. Между прочимъ императорами Константиномъ, Зенономъ и Юстиніаномъ былъ изданъ рядъ законовъ объ узаконеніи дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ, при чемъ со времени Константина могли быть узаконены только дѣти, родившіяся до изданія сего закона, между тѣмъ какъ со временъ Юстиніана было совершенно безразлично,

1) См. P. Meyer, *Der römische Konkubinat*, Diss. Berlin 1895 стр. 24 сл. (гл. II § 7). Эта диссертация, впрочемъ, составляетъ только $\frac{1}{6}$ часть монографіи, появившейся въ томъ-же году и подъ тѣмъ-же заглавіемъ у Тейбнера въ Лейпцигѣ, но этой книги въ Юрьевѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

родились ли означенныя дѣти до или послѣ изданія этого закона. Упомянутые два момента, стало-быть, слѣдующіе: законный конкубинатъ учрежденъ только въ I стол. послѣ Р. Хр., а узаконеніе дѣтей, прижитыхъ отъ конкубината, сдѣлалось возможнымъ не раньше IV стол. послѣ Р. Хр., да и то только благодаря христіанской вѣрѣ. Узаконеніе, поэтому, чисто христіанское учрежденіе, вызванное чувствомъ жалости къ судьбѣ невинныхъ дѣтей.

Мыслимо ли послѣ этого узаконеніе въ древнемъ греческомъ правѣ? Мы и теперь еще оставляемъ въ сторонѣ доводы вышеупомянутыхъ ученыхъ и спрашиваемъ только теоретически, мыслимо ли само по себѣ узаконеніе въ Греціи въ IV вѣкѣ до Р. Хр.? На этотъ вопросъ, на нашъ взглядъ, нельзя не отвѣтить отрицательно. Въ Греціи не было тѣхъ условій, которыя повлекли за собою учрежденіе какъ законнаго конкубината, такъ и узаконенія, въ Греціи, поэтому, и не было ни того, ни другого, не было далѣе, какъ извѣстно, никакого названія для узаконенія, не было и никакихъ слѣдовъ ни въ литературныхъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ, ни въ т. н. гортинскомъ правѣ. Косвеннымъ доказательствомъ можетъ, далѣе, послужить то обстоятельство, что ни римскимъ авторамъ, ни римскому доконстантиновскому праву не извѣстенъ институтъ узаконенія. Изъ всего этого уже а priori явствуетъ, что въ греческомъ правѣ объ узаконеніи и рѣчи быть не можетъ. Мы просто не понимаемъ, какимъ это образомъ упомянутые, отчасти даже выдающіеся ученые могли переносить это чрезвычайно позднее и притомъ христіанское учрежденіе на греческую территорію и на IV вѣкѣ до Р. Хр., тѣмъ болѣе что нѣтъ никакихъ хоть мало-мальски удовлетворительныхъ поводовъ къ этому, не говоря уже о точныхъ доказательствахъ. Да, наконецъ, какой же родъ узаконенія былъ бы мыслимъ? Узаконенія *per rescriptum principis* и *per oblationem curiae* въ Греціи вѣдь немыслимы. Остается, стало-быть, только *legitimatio per subsequens matrimonium*. Но въ единственномъ случаѣ, гдѣ бы можно было думать объ этомъ родѣ узаконенія (т. е. въ нашей VI рѣчи Исея, см. ниже) и этотъ родъ немыслимъ, такъ какъ Евктемонъ, еслибы женился на этой особѣ, не обвинялся бы съ дочерью Демократа.

Но тутъ, быть можетъ, насъ спросятъ: неужели у упомянутыхъ ученыхъ не было никакихъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ поводовъ къ этому, неужели такіе ученые какъ Schoemann, Lipsius, Busolt и др. просто выдумали все это? Посмотримъ поэтому, каковы доводы этихъ ученыхъ. Мы однако не считаемъ

удобнымъ отдѣльно резюмировать всѣ мнѣнія, высказанныя упомянутыми учеными за или противъ узаконенія, тѣмъ болѣе что сочиненія ихъ легко доступны и притомъ у Beauchet и Müller'a можно найти удовлетворительныя резюме какъ мнѣній этихъ ученыхъ, такъ и рѣчей, на которыхъ они основываются.

Теорія узаконенія основывается единственно на четырехъ рѣчахъ аттическихъ ораторовъ (Andocides or. 1 περὶ τῶν μυστηρίων §§ 124 сл., Demosth. or. 39 и 40 πρὸς Βοιωτὸν passim и наша VI рѣчь Исея) и на 37-ой главѣ Плутарховой биографіи Перикла. Всѣ эти мѣста, однако, ровно ничего не доказываютъ. Смутить можетъ уже одно то обстоятельство, что всѣ эти мѣста далеко не признаются всѣми защитниками этой теоріи и что какъ разъ тѣ мѣста, которыя одними учеными считаются весьма сомнительными, другимъ ученымъ, напротивъ, служатъ единственнымъ основаніемъ этой теоріи. Между тѣмъ какъ напр. Lipsius у Meier-Schoemann'a (Att. Process) признаетъ только доводы, извлеченные изъ рѣчей Андокида и Демосеена, а по поводу VI рѣчи Исея замѣчаетъ: „Fraglich aber ist überhaupt, ob Legitimation vorliegt т. е. въ этой рѣчи“¹⁾, другіе (напр. Gans) напротивъ основываются преимущественно на VI рѣчи Исея и даже Beauchet, противникъ этой теоріи, замѣчаетъ (I стр. 528 сл.): „Le seul plaidoyer qui, à notre avis, puisse fournir un argument d'un certain poids en faveur de la théorie de la légitimation, est le discours d'Isée sur la succession de Philoctémon“. Такое странное разногласіе между сторонниками одной и той же партіи всегда уже а priori весьма подозрительно. Въ нашемъ случаѣ оно объясняется совершенно просто тѣмъ, что ни одинъ изъ приведенныхъ ими доводовъ доказательной силы не имѣетъ.

У Плутарха l. c., гдѣ разсказывается, что Аѳиняне συνεχώρησαν ἀπογράψασθαι τὸν νόμον (т. е. сына Перикла и Аспасіи, который былъ nothus ex peregrina) εἰς τοὺς φράτορας ὅνομα θέμενον τὸ αὐτοῦ¹⁾, совсѣмъ не говорится объ узаконеніи. Suidas s. v.

1) При этомъ случаѣ да будетъ намъ позволено указать на слѣдующій курьезъ. Lipsius тамъ-же (стр. 532 прим. 141) очевидно нечаянно вмѣсто für einen ehelichen Sohn des Euktemon написал Philoktemon. Müller, который такъ основательно изучилъ и разобралъ всѣ эти вопросы, на стр. 715 сл. привелъ и эти слова Lipsius'a, не исправивъ этой ошибки и не доглядевши того обстоятельства, что о законномъ сынѣ Филоктемона никто не говорилъ и не могъ говорить.

1) Ср. Philippil. c. стр. 93, Buermann l. c. стр. 622 сл., Beauchet l. c. стр. 532, Müller l. c. стр. 820.

δημοποίητος сообщаетъ, что Аѳиняне по смерти законнорожденныхъ сыновей Перикла даровали гражданскія права незаконному сыну Перикла отъ Аспасіи. Какъ гражданинъ мальчикъ этотъ конечно 1) считался человѣкомъ, происшедшимъ ἐξ ἀστῆς καὶ ἐγγυητῆς, а 2) обязательно долженъ былъ быть внесеннымъ въ списки филы, дема и фратріи. Внесеніе такого мальчика въ списки фраторовъ конечно не можетъ быть названо узаконеніемъ. У Плутарха фактъ этотъ сообщенъ коротко и неясно. Но даже еслибы это предположеніе было невѣрно, то это мѣсто всетаки ничего бы не доказывало, такъ какъ это совершенно единичный случай, который можно только объяснять единственно привилегированнымъ положеніемъ Перикла. Цитированный нами (стр. 104) законъ исключаетъ всякую другую возможность.

Въ упомянутыхъ рѣчахъ Андокида и Демосеена также не говорится о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Какъ Каллій у Андокида, такъ и Мантіи у Демосеена вступили въ законный бракъ, первый съ Хрисіадой¹⁾, а второй съ Плангоной²⁾. Дѣти ихъ были слѣдовательно законнорожденные (γνήσιοι), такъ что и въ этихъ случаяхъ объ узаконеніи и рѣчи быть не можетъ.

Остается поэтому исключительно наша VI рѣчь Исея, о которой теперь придется подробнѣе говорить. Содержанія мы, впрочемъ, повторять не станемъ въ виду того, что оно подробно изложено въ первой главѣ. Такъ какъ мы здѣсь говоримъ объ усыновленіи, то спрашивается прежде всего, есть ли въ этой рѣчи указаніе на то, что Евктемонъ узаконилъ сына Алки? Gans указываетъ на то, что Евктемонъ вноситъ своего незаконнорожденного сына въ списки фратріи не смотря на то, что у него есть

1) Имени этой особы точно опредѣлить нельзя. Въ рукописяхъ читается Χρυσιάδης, что очевидно испорчено. Reiske поэтому читалъ Χρυσίδος; Sauppe, Blass и другіе издатели Χρυσιάδος; Jernstedt въ своемъ изданіи Антифонта, С.-Петербургъ 1880 стр. XXI, Χρυσίλλης, что одобрилъ Lipsius, Andocidis orat. Lipsiae 1888. Трудно сказать, что лучше: Χρυσιάδος или Χρυσίλλης. Въ палеографическомъ отношеніи и то и другое одинаково легко возможно. Мы предпочли здѣсь Χρυσιάδος не потому, что оно намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, но потому, что это имя вошло во всѣ вышеупомянутыя сочиненія. Еслибы мы здѣсь стали говорить о Хрисиллѣ, то изъ этого, быть можетъ, могли бы возникнуть недоразумѣнія. Будь эта форма въ рук. Crippsianus A, то и мы, нисколько не колеблясь, читали бы Χρυσίλλης.

2) См. объ этомъ Beauchet l. c. стр. 527 сл.; Müller l. c. стр. 714 сл. и 809 сл.

законныя дѣти. А такъ какъ по аттическимъ законамъ усыновленіе было только возможно при отсутствіи законныхъ дѣтей и выраженія *πολις*, *πολεῖσθαι* и *πολιτός* здѣсь не встрѣчаются, то упомянутое внесеніе только и можетъ быть названо узаконеніемъ. Meier и Schoemann полагаютъ, что незаконнорожденные дѣти, мать которыхъ была гражданкой, могли быть узаконяемы съ согласія родственниковъ. Алка, однако, не была гражданкой, а только вольноотпущенницей. Шёманнъ, поэтому, предполагаетъ, что Евктемонъ ничего не сказалъ фраторамъ о томъ, что Алка мать этого мальчика, а фраторы сами ничего объ этомъ не знали. Hermann-Thalheim, Hermann-Thumser, Zimmermann и Es полагаютъ, что съ согласія родственниковъ - наслѣдниковъ всѣ незаконнорожденные дѣти могли быть узаконены, но только ἐπὶ ῥητοῖς т. е., какъ они говорятъ, съ извѣстными ограниченіями относительно правъ на наслѣдство. Шулинъ¹⁾, Бузольтъ и Латышевъ смѣшиваютъ узаконеніе съ усыновленіемъ; послѣдній устанавливаетъ только одну разницу, а именно упомянутое ἐπὶ ῥητοῖς, которое онъ, впрочемъ, также толкуетъ нѣсколько иначе, говоря, что это значитъ: „съ извѣстными ограниченіями, особенно относительно правъ на наслѣдство“, т. е. онъ устанавливаетъ еще какія-то другія, неопредѣленные ограниченія, но какія именно — къ сожалѣнію, не сообщаетъ²⁾.

Мы не станемъ отдѣльно опровергать упомянутыя мнѣнія, не потому, что они уже опровержены вышеупомянутыми противниками теоріи узаконенія, но потому, что они совершенно просто опровергаются цитованными на стр. 104 клятвой и закономъ нпр. Isae. or. VIII 19 *ὁμόσας κατὰ τοὺς νόμους τοὺς καίμενους ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς καὶ ἐγγυητῆς γυναικὸς εἰσάγειν*. Buermann (стр. 622), поэтому, совершенно вѣрно замѣчаетъ слѣдующее: „Eine Einführung, wie sie Isaios schildert, war widergesetzlich; es gehörte ein Meineid dazu, um sie in's Werk zu setzen; der Vertrag von dem der Redner spricht, kann nur als ein Vertrag von rein privater Natur

1) cf. Schulin, Das griechische Testament, Basel 1882, стр. 19 и прим. 50.

2) Мы уже выше замѣтили, что между узаконеніемъ и усыновленіемъ значительная разница. Узаконяются, именно, собственныя незаконнорожденные дѣти, усыновляются же чужія дѣти. Какъ можно усыновить собственного ребенка?! На стр. 207 Латышевъ выражается нѣсколько осторожнѣе, говоря объ „особомъ юридическомъ актѣ, равняющемся усыновленію“; на 209 стр., напротивъ, онъ говоритъ совершенно опредѣленно: „νόμοι могли быть записываемы только въ случаѣ усыновленія ихъ отцомъ“.

zwischen Vater und Sohn betrachtet werden: es muss also auch hinsichtlich der *νόμι* ex cive sein Bewenden dabei behalten, dass sie auf rechtllichem Wege in die Phratrien nicht eingeführt, d. h. nicht legitimirt werden konnten“.

Итакъ Евктемонъ не могъ внести этого мальчика, если выдавалъ его за незаконнорожденнаго. Называлъ ли онъ матерью Алку т. е. не-гражданку, выдавалъ ли онъ ее за гражданку, (какъ нѣкоторые полагаютъ, но что немыслимо, такъ какъ ее какъ публичную женщину по словамъ оратора почти всѣ Аѳиняне хорошо знали), или называлъ ли онъ матерью этого мальчика какую-нибудь другую женщину-гражданку — это не составляло никакой разницы. Какъ незаконнорожденнаго его ни какимъ законнымъ образомъ нельзя было внести въ списки фратріи. Если же это такъ — а въ правильности этого вывода сомнѣваться нельзя — то не остается ни одного довода въ пользу мнимаго узаконенія. Института узаконенія въ греческомъ правѣ, стало-быть, небыло. Но мы идемъ еще дальше и утверждаемъ, что такого института въ греческомъ правѣ и быть не могло и что никакія новѣйшія открытія не знакомятъ насъ когда-нибудь съ такимъ институтомъ ¹⁾.

Если же такимъ образомъ Евктемонъ не могъ внести незаконнорожденнаго сына, то можно предположить, что онъ его выдавалъ за законнорожденнаго. Однако и отъ этой возможности намъ придется отказаться. Отъ кого же онъ происходилъ, чтобы быть законнымъ сыномъ Евктемона? Отъ той законной супруги, отъ которой происходили Филоктемонъ и его братья и сестры, онъ ни въ какомъ случаѣ не происходилъ: этого нельзя утвер-

1) Мимоходомъ можно еще замѣтить слѣдующее. Мы видѣли, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ узаконеніе было возможно съ согласія родственниковъ-наслѣдниковъ. Müller (стр 717) по поводу этого мнѣнія совершенно вѣрно замѣчаетъ: *Hätte Euctemon den Sohn der Alke nur mit Einwilligung des Philoktemon einführen können, so hätte es zu einer solchen Scene (т. е. событіе, описанное въ § 22 нашей рѣчи: см. объ этомъ ниже) gar nicht kommen können. Denn darüber, ob Philoktemon die Einführung gestatten würde, musste der Einführende sich doch vorher vergewissern, zumal er in Unfrieden von seiner Familie geschieden war*“. Далѣе, что касается сдѣлки *ἐπὶ φυτοῖς*, на которую ссылаются тѣ же ученые, то немыслимо, чтобы такая частная сдѣлка была въ состояніи сдѣлать недѣйствительнымъ законъ, строго запрещающій вносить въ списки фратріи незаконнорожденныхъ дѣтей. Ср. впрочемъ Bürgerl. Gesetzbuch § 1724: „Die Ehelichkeitserklärung kann nicht unter einer Bedingung oder einer Zeitbestimmung erfolgen“.

ждать, да и никто этого и не утверждаетъ. Но какая же это была другая законная супруга?

Gilbert (стр. 512) полагаетъ, что Евктемонъ утверждалъ, „dass dieser Sohn von einer mit ihm früher verheiratheten Bürgerin abstamme“. Но это чистый вздоръ. Мы видѣли во второй главѣ (см. стр. 44 сл.), что этому мальчику въ 364 году еще не было 18-ти лѣтъ, между тѣмъ какъ Филоктемонъ и его братья и сестры уже были люди взрослые, были женаты и вышли за-мужъ, а у одной сестры былъ взрослый сынъ, которому по крайней мѣрѣ было 26 лѣтъ отъ-роду. Можно ли послѣ этого утверждать что сынъ Алки происходилъ отъ брака Евктемона съ женщиной, на которой онъ былъ женатъ до брака съ матерью Филоктемона?!

Buermann (стр. 621 сл.) утверждаетъ, что у Евктемона другой законной супруги не было, но что у него была законная конкубина и что мальчикъ этотъ, прижитый въ законномъ конкубинатѣ, считался законнорожденнымъ и могъ, поэтому, быть внесенъ въ списки фратріи. Однако и эта возможность немыслима, такъ какъ въ Аѣинахъ законнаго конкубината небыло¹⁾.

Beauchet предполагаетъ (стр. 531), что этотъ мальчикъ происходилъ отъ брака съ Аѣинской гражданкой Каллиппой²⁾, на которой Евктемонъ, по его мнѣнію, женился послѣ расторженія брака съ матерью Филоктемона. И это предположеніе весьма необдуманное. Во-первыхъ, нигдѣ не говорится, что первый бракъ Евктемона былъ расторгнутъ; что же касается мнѣнія Beauchet, что расторженіе брака будто явствуетъ изъ того обстоятельства, что Евктемонъ вторично женился, то мы ниже увидимъ³⁾, что и это воззрѣніе ложное. Во-вторыхъ, нигдѣ также не говорится, что Евктемонъ матерью этого мальчика называлъ Каллиппу. Такое предположеніе просто немыслимо послѣ того, что рассказывается въ §§ 12—16⁴⁾. Противники никогда бы не назвали ее сначала жительницей острова Лемноса, а впослѣдствіи Каллиппой, дочерью Пистоксена, еслибы еще Евктемонъ внесъ этого мальчика въ списки фратріи какъ сына Каллиппы.

Platner, Philippi и Müller, наконецъ, полагаютъ, что фраторы были обмануты Евктемономъ; фраторы, на ихъ взглядъ, очерта

1) См. объ этомъ ниже Гл. III § 4.1.

2) О Каллиппѣ ср. Гл. II 10, стр. 74 сл.

3) Ср. Гл. III § 4 I.

4) См. выше стр. 74 сл.

голову, повѣрили ему, что это его законный сынъ, и повѣрили тѣмъ болѣе, что Филоктемонъ во второй разъ не воспротивился этому, не смотря на то, что наслѣдство вслѣдствіе этого внесенія уменьшалось. И это мнѣніе весьма странное. У фраторовъ, какъ извѣстно, были списки, въ которые вносились законныя супруги и дѣти. Если поэтому Евктемонъ явился въ собраніе фраторовъ и заявилъ желаніе внести законнорожденного сына, то фраторы обязаны были спросить его, кто мать этого сына и повѣрить по спискамъ, дѣйствительно ли онъ женатъ на такой-то особѣ. Далѣе, они обязаны были спросить его, почему онъ такъ поздно вносить этого мальчика, между тѣмъ какъ ему слѣдовало явиться въ ближайшія послѣ рожденія Апатурии (см. ниже). Это позднее внесеніе не могло не казаться весьма подозрительнымъ. Но если мы даже допустимъ, что фраторы поступили небрежно и зря повѣрили Евктемону, человѣку знатному и зажиточному, то этимъ трудности еще нисколько не устраняются. Филоктемонъ воспротивился внесенію и внесеніе, поэтому, не состоялось. Еслибы Евктемонъ былъ правъ, то онъ, конечно, не успокоился бы, а подалъ бы апелляціонную жалобу на сына и, разумѣется, достигъ бы своей цѣли. Но онъ этого совсѣмъ не сдѣлалъ. Онъ обручился съ сестрой Демократа и такимъ образомъ достигъ того, что Филоктемонъ согласился на мировую сдѣлку. Эта мировая сдѣлка и предшествующее этому обрученіе съ другой женщиной ясно показываютъ, что Евктемонъ, желая внести этого мальчика, затѣвалъ неладное дѣло. Послѣ совершенія этой сдѣлки онъ вторично представилъ этого мальчика и теперь внесеніе состоялось. Мыслимо ли, чтобы фраторы послѣ всѣхъ предъидущихъ инцидентовъ очертя голову повѣрили Евктемону? Müller, правда, говоритъ: „Die Phrateren aber dachten: wenn der Sohn, der durch die Einführung um die Hälfte seines Vermögens kommt, zugiebt, jener ist γνήσιος, so muss es wohl so sein, und gestatteten die Einführung“, но такое легкомысленное довѣріе (тѣмъ болѣе послѣ упомянутыхъ инцидентовъ) просто неимовѣрно.

Такимъ образомъ и со мнѣніемъ этихъ ученыхъ нельзя согласиться. Изъ предъидущаго изложенія, наконецъ, также явствуетъ, что Евктемонъ матерью этого мальчика не могъ называть никакую другую законную жену. Въ § 10 сл. нашей рѣчи мы читаемъ слѣдующее: „τὴν μητέρα αὐτῶν, ἣν ἔγρημεν ὁ Εὐκτήμων, Μεξιάδου Κηφισίως θυγατέρα, πάντες οἱ προσήκοντες ἴσασι καὶ οἱ φράτερες καὶ τῶν δημοτῶν οἱ πολλοί, καὶ μαρτυρήσουσι ὑμῖν. ὅτι δ' ἄλλην τινὰ ἔγρημε γυναῖκα, ἐξ ἧς τινος οἶδε αὐτῷ ἐγένοντο, οὐδεὶς

τὸ παράπαν οἶδεν οὐδ' ἤκουσε πώποτε ζῶντος Εὐκτήμονος. καίτοι τοῦ-
τους εἰκὸς πιστοτάτους εἶναι νομίζειν μάρτυρας" (ср. также § 16).
Его законная жена была, стало-быть, хорошо известна какъ
родственникамъ, такъ и фраторамъ и многимъ демотамъ. Мы-
слимо ли, чтобы эта мнимая вторая законная жена никому не
была не известна? Далѣе, еслибы это въ самомъ дѣлѣ былъ
сынъ этой мнимой особы, то онъ былъ бы законнорожденнымъ
ребенкомъ. Къ чему въ такомъ случаѣ упомянутыя ограниченія
(ἐπὶ ῥητοῖς)? Почему, далѣе, сынъ не былъ внесенъ въ первомъ
году? Всего этого не могли не замѣтить фраторы, а такъ какъ
при внесеніи требовалась упомянутая клятва, то они сейчасъ же
уличили бы его въ клятвопреступленіи.

Итакъ законнымъ образомъ Евктемонъ мальчика этого ни-
какъ не могъ внести въ списки фраторовъ, такъ какъ онъ его не
могъ назвать ни сыномъ вольноотпущенницы Алки, ни какой-нибудь
другой наложницы, ни какой бы то ни было другой законной
супруги. Какая же послѣ этого еще остается возможность?
Единственно слѣдующая: мальчикъ этотъ былъ вне-
сенъ въ списки фраторовъ незаконнымъ обра-
зомъ, но непременно съ вѣдома фраторовъ.

Но мыслимо ли или возможно ли это, чтобы въ Аеинахъ,
не смотря на существованіе упомянутаго закона и упомянутой
клятвы, было возможно съ вѣдома фраторовъ незаконнымъ обра-
зомъ вносить въ списки фратрій незаконнорожденныхъ дѣтей?
Если вспомнить, что Евктемонъ принадлежалъ къ знатному и
зажиточному роду, игравшему немаловажную роль въ Аеинахъ,
то уже само по себѣ легко было бы возможно, чтобы фраторы,
если сами родственники - наслѣдники ничего не имѣли противъ
этого, въ угоду ему или подкупленные имъ какимъ бы то ни было
способомъ¹⁾, смотрѣли на такое незаконное внесеніе сквозь пальцы.
Такія явныя нарушенія законныхъ постановленій встрѣчаются по-
всюду. Несмотря на то, мы не стали бы такъ рѣшительно на-

1) Подкупить такую многоядную корпорацію непосредственно было,
конечно, не особенно легко и удобно. У каждой фратріи были, однако, свои
святилища, свои празднества и т. п. Если, поэтому, Евктемонъ пожертво-
валъ какую нибудь сумму или какія-нибудь вещи въ пользу упомянутыхъ
святилищъ или празднествъ, и пожертвовалъ съ тѣмъ, чтобы достигнуть
цѣли своихъ желаній, то фраторы, разумѣется, могли считаться имъ под-
купленными. Изъ Ps.-Demosth. or. 44 (см. ниже), однако, явствуетъ, что
было также возможно подкупить одного только фратора.

стаивать на упомянутомъ незаконномъ внесеніи, если бы у насъ не было хоть косвенныхъ доказательствъ.

Среди Демосѣеновыхъ рѣчей находится и рѣчь πρὸς Λεωχάρην (ог. XLIV), въ которой трактуется такой-же сюжетъ, какъ и въ нашей VI рѣчи Исея; но сюжетъ этотъ трактуется такъ плохо и такъ неумѣло, что рѣчь эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть написана самимъ Демосѣеномъ¹⁾. Въ § 41 этой рѣчи говорится также объ одномъ, хотя и не совсѣмъ аналогичномъ, но во всякомъ случаѣ также незаконномъ внесеніи въ списки фратріи: ораторъ рассказываетъ, что Леостратъ „πεῖσας ἕνα τινὰ τῶν φρατέρων ἐνέγραψεν (sc. Λεωχάρην) εἰς τὸ φρατερικὸν γραμματεῖον“²⁾.

Можно было бы, далѣе, привести многочисленные примѣры изъ рѣчей аттическихъ ораторовъ, въ которыхъ говорится о состоявшихся или о предстоящихъ внесеніяхъ въ списки фратрій, оспариваемыя противниками какъ незаконныхъ. Но такъ какъ эпиграфическіе документы болѣе надежный матеріалъ нежели пристрастные показанія ораторовъ, то мы удовольствуемся однимъ эпиграфическимъ доказательствомъ.

Въ знаменитой аттической надписи, содержащей постановленія фратріи Демотіонидовъ³⁾, въ первомъ декретѣ (строки 9 сл.)

1) См. Blass, Att. Beredsamkeit, III 1^a Leipzig 1893 стр. 568 сл.

2) Другой случай незаконнаго внесенія приводится Фробергеромъ, см. H. Frohberger, Ausg. Reden des Lysias, III 1871, стр. 32. Въ Лисіевой ог. XXX κατὰ Νικομάχου § 2 мы читаемъ слѣдующее: „ὅτι μὲν τοίνυν ὁ πατὴρ ὁ Νικομάχου δημόσιος ἦν, καὶ οἱ αὖ νεὸς ὃν οὗτος ἐπατήδευσεν, καὶ ὅσα ἔτη γεγονὼς εἰς τοὺς φράτερας εἰσῆχθη, πολλὰ ἂν ἔργον εἴη λέγειν“. Отецъ Никомахъ былъ сначала государственнымъ рабомъ (δημόσιος). Когда же онъ впослѣдствіи былъ принятъ въ число гражданъ, онъ какъ вновь пожалованный гражданинъ (δημοποῖητος), по мнѣнію Фробергера, былъ внесенъ только въ филу и демъ, а въ фратрію могли попасть только сыновья, родившіеся послѣ дарованія отцу гражданскихъ правъ. А такъ какъ Никомахъ родился до этого пожалованія, то отецъ очевидно добился того, „dass eine wenig gewissenhafte Phratrie sich bereit finden liess, den im Stande der Unfreiheit erzeugten Sohn trotzdem in ihre Mitte aufzunehmen“. Однако съ Фробергеромъ согласиться нельзя, такъ какъ хорошо извѣстно и подтверждается многочисленными надписями, что вновь пожалованные граждане вносились не только въ списки филы и дема, но обязательно также въ списки фратріи, такъ что всѣ предположенія Фробергера невѣрны.

3) См. C. I. A. II 2, 841b и IV 2, 841b; Dittenberger, Syll. II² n. 439; Michel, Recueil n. 961 и указанную Диттенбергеромъ и Мишелемъ литературу. Ср. также нашу рецензію на сочиненіе G. de Sanctis'a „Ἀττικὴ“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. 333 (январь 1901) стр. 237 сл.

приказывается произвести провѣрку списковъ этой фратріи (διαδικασία), чтобы очистить ее отъ лицъ, незаконно внесенныхъ въ эти списки. „ὅς δ' ἂν δόξῃ μὴ ὦν φράτηρ εἰσαχθῆναι, ἐξαλειψάτω τὸ ὄνομα αὐτοῦ ὁ ἱερεὺς καὶ ὁ φρατρίάρχος ἐκ τοῦ γραμματείου τοῦ ἐν Δημοτιωνιδῶν καὶ τοῦ ἀντιγράφου. ὁ δὲ εἰσαγαγὼν τὸν ἀποδικοσθέντα ὀφειλέτω ἑκατὸν δραχμὰς ἱερὰς τῷ Διὶ τῷ Φρατρίῳ и т. д.“ Можно, наконецъ, еще указать на аналогичную провѣрку списковъ демо-товъ (διαψήφισις τῶν δημοτῶν), которая, какъ извѣстно, производилась ради исключенія лицъ, незаконнымъ образомъ вкравшихся въ число полноправныхъ гражданъ и многочисленные процессы, возникшіе по этому поводу ¹⁾).

Принимая во вниманіе упомянутыя косвенныя доказательства нельзя не согласиться съ тѣмъ, что предполагаемое нами незаконное внесеніе, состоявшееся съ вѣдома фраторовъ, не можетъ считаться немыслимымъ или невозможнымъ. Мало того, приведенные нами доводы противъ законнаго введенія и упомянутыя косвенныя доказательства заставляютъ насъ предположить, что въ нашемъ случаѣ другой возможности внесенія и представить себѣ нельзя. Вслѣдствіе того мы еще разъ утверждаемъ, что сынъ Алки съ вѣдома фраторовъ незаконнымъ образомъ былъ внесенъ въ списки той фратріи, къ которой принадлежалъ самъ Евктемонъ ²⁾).

Но этимъ рядъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ этимъ внесеніемъ, еще не исчерпанъ. Рѣшеніе этихъ новыхъ вопросовъ важно и интересно не менѣе предъидущаго.

Въ § 22 мы читаемъ: „ἐπειδὴ δὲ οὐθ' ὁ υἱὸς αὐτῷ Φιλοκτῆμων συνεχώρει οὐθ' οἱ φράτερες εἰσεδέξαντο, ἀλλ' ἀπηνέχθη τὸ κούρειον, ὀργιζόμενος ὁ Εὐκτῆμων и т. л.“. Что это значитъ: „ἀπηνέχθη

1) См. Meier-Schömann-Lipsius, Att. Process, стр. 437 сл. (γραφὴ ξενίας) и извѣстные учебники греческихъ государственныхъ древностей.

2) Мимоходомъ и безъ малѣйшаго доказательства предположеніе это было уже высказано Beauchet I стр. 534 сл. Beauchet ссылается на Ciccotti p. 68. Сочиненіе E. Ciccotti, La famiglia nel diritto attico, Torino 1886, у насъ въ Юрьевѣ не имѣется и мы, поэтому, не были въ состояніи опредѣлить, приведены ли въ этой книгѣ какія-нибудь доказательства. Мы, впрочемъ, не особенно сожалѣли, что этой книги въ рукахъ не имѣли, такъ какъ O. Schulthess въ своей рецензии на это сочиненіе (см. „Wochenschrift für klassische Philologie V 1888 стр. 1396—1401) доказалъ, что въ этомъ сочиненіи самостоятельнаго новаго или хорошаго нѣтъ, что оно написано небрежно, поверхностно и коротко (всего 125 страницъ, въ 8°) и безъ точнаго знанія греческаго языка, что цитаты имъ не провѣрены и т. д.).

τὸ χοῦρεῖον“? Такъ какъ значеніе слова χοῦρεῖον весьма спорное, то мы, чтобы рѣшить нашъ вопросъ и чтобы изъяснить безсмыслицу, заключающуюся въ упомянутыхъ словахъ, должны предварительно опредѣлить, какая разница между μεῖον и χοῦρεῖον, и когда приносилась та и другая жертва ¹⁾.

Относительно значенія словъ μεῖον и χοῦρεῖον мнѣнія ученыхъ значительно расходятся. Tarbell, Gilbert, Lipsius и Sanctis ²⁾ того мнѣнія, что χοῦρεῖον относится къ мальчикамъ, а μεῖον къ дѣвочкамъ, а Санктисъ сверхъ того еще утверждаетъ, что представленіе мальчиковъ могло производиться въ любое время, но во всякомъ случаѣ до внесенія ихъ въ списки демотовъ. Въ этихъ положеніяхъ, однако, нѣтъ ни одного вѣрнаго пункта.

Авторы эти, во-первыхъ, съ увѣренностью утверждаютъ, что μεῖον относится къ дѣвочкамъ, какъ будто-бы это не подлежало никакому сомнѣнію и ссылаются даже на постановленія Демотіонидовъ. Что μεῖον и χοῦρεῖον ни въ какомъ случаѣ не тождественны, это послѣ открытія надписи, содержащей постановленія фратріи Демотіонидовъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, ибо В v. 2 sq. говорится ἄγειν τὰ μεῖα καὶ τὰ χοῦρεῖα и А v. 53 также вѣрно дополнено ἄγειν τὰ[μεῖα καὶ τὰ χοῦρεῖ]α, и наконецъ, въ началѣ надписи они также строго различаются: ἐρώσυνα τῷ ἐρεῖ διδόναι τὰδε· ἀπὸ τοῦ μεῖου . . . ἀπὸ τοῦ χοῦρεῖου . . . О тождественности, значитъ, и рѣчи быть не можетъ. Но на какомъ основаніи Липсіусъ изъ этого выводитъ слѣдующее заключеніе (стр. 165): „Zugleich aber folgt, dass das χοῦρεῖον bei der Einführung von Knaben, das μεῖον also (? sic!) bei der Einführung von Mädchen dargebracht wurde“? Намъ этотъ выводъ непонятенъ;

1) Послѣдній вопросъ былъ нами уже изслѣдованъ въ вышеупомянутой рецензіи на сочиненіе Санктиса. Но такъ какъ напечатанныя тамъ изложенія были заимствованы нами отсюда (какъ и было нами замѣчено тамъ же на стр. 237), такъ какъ, далѣе, изложенія эти здѣсь весьма важны, и такъ какъ, наконецъ, по всей вѣроятности не особенно многимъ извѣстно, что въ этой рецензіи находится подробный разборъ этого важнаго вопроса, то мы помѣщаемъ здѣсь эти изложенія въ томъ видѣ, въ которомъ они первоначально были нами написаны. Въ рецензіи изложенія наши въ нѣкоторыхъ не-существенныхъ пунктахъ нѣсколько измѣнены, но это было вызвано самимъ характеромъ рецензіи на одно опредѣленное сочиненіе. Все что относится къ § 22 нашей рѣчи въ рецензіи понятнымъ образомъ было нами выпущено; мы удовольствовались простой ссылкой на этотъ трудъ (см. I. с. стр. 245).

2) См. Tarbell Papers of the American school at Athens V 1892 стр. 173 прим. 12; Gilbert Staatsalt. I² 1893, стр. 213 сл. прим. 3; Lipsius Leipziger Studien XVI 1894 стр. 163 сл.; Sanctis *Atth.*, Roma 1898 стр. 67 сл.

развѣ онъ единственно возможный, и неужели онъ не нуждается въ доказательствахъ? По нашему мнѣнію этотъ выводъ превратенъ, и такая интерпретація совершенно невозможна, ибо: 1) уже само по себѣ было бы странно, что вездѣ говорится τὰ μετὰ καὶ τὰ κοῦρεια, что, стало быть, вездѣ сначала упоминались дѣвочки, а затѣмъ только мальчики, что совершенно несовмѣстимо съ возрѣніями древнихъ¹⁾; 2) въ нашей надписи нигдѣ ни слова не говорится о дѣвочкахъ, а совершенно естественно только о мальчикахъ, ср. A v. 18 sq. *ὅς δ' ἂν δόξῃ μὴ ὦν φρατὴρ εἰσαχθῆναι, ἐξαλειψάτω τὸ ὄνομα αὐτοῦ*; A v. 22 *τὸν ἀποδικοσθέντα*; B v. 51 sq. *μαρτυρῶ ὃν εἰσάγει ἑαυτῷ υἱὸν εἶναι τοῦτον γυνήσιον*; говорится, значитъ, только о мальчикахъ, слѣдовательно и μετὰ и κοῦρεια непремѣнно должны относиться исключительно къ мальчикамъ, какъ вѣрно было уже замѣчено, напримѣръ, Тумзеромъ; 3) позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателя еще на одинъ важный моментъ: еслибъ μεῖον относилось къ дѣвочкамъ, а κοῦρειον къ мальчикамъ, какъ же тогда объяснить, что въ надписи A v. 26 sq. говорится τὴν δὲ διαδिकासίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κοῦρειον θύσῃ, и B v. 60 *ἀπογράφεσθαι τῷ πρώτῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κοῦρειον ἄγῃ τὸ ὄνομα κτλ.*, значитъ, тамъ, гдѣ говорится о діадиказии, дѣвочки совсѣмъ не упоминаются? Нѣтъ, эта интерпретація совершенно невѣрная, изъ постановленій фратріи Демотіонидовъ, напротивъ, совершенно ясно слѣдуетъ, что μεῖον ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ дѣвочкамъ.

Если же какъ κοῦρειον, такъ и μεῖον относятся къ мальчикамъ, и при томъ они ничуть не тождественны, какъ явствуется изъ нашей надписи, то спрашивается, въ чемъ же состояла разница между ними? Келеръ, Зауппе, Р. Шелль, Тумзеръ, Бузольтъ, Тепфферъ, Виламовицъ и др. понимаютъ эту разницу такъ, какъ она отлично формулирована у Зауппе (*de phratriis atticis*, II, Göttingen 1890, стр. 10): „satis comprobatum esse censeo pueros pariter atque puellas minoribus hostiis oblati receptos esse, deinde vero pueros, cum pubescerent, denuo ad phraterum sacra venisse et cum comis suis hostias maiores Jovi obtulisse, puellas, cum fere matrimonio iuncto in aliam phratrīam vel in aliam certe

1) Ср. также статью О. Müller'a въ *Fleck. Jahrb. Suppl.* XXV. Миллеръ говоря на стр. 757 сл. также о нашей надписи, одновременно съ нами во многихъ отношеніяхъ пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и мы въ упомянутой уже рецензіи.

manum transirent, phratris paternae non iam curae fuisse“. Это мнѣніе, которое подтверждается Поллуксомъ (VIII 107): φράτορες· εἰς τούτους τοὺς τε κόρους καὶ τὰς κόρας εἰσῆγον καὶ εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ καλουμένῃ κουρεώτιδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρένων τὸ κουρεῖον ἔθουσιν, ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν, было Липсіусомъ сначала одобрено, а затѣмъ энергично отвергнуто¹⁾. Новѣйшее мнѣніе Липсіуса не можетъ, однако, считаться вѣрнымъ.

Мы только что видѣли, что 1) μείον и κουρεῖον не тождественны, и 2) что и то и другое относится къ мальчикамъ. Если же это такъ, то изъ этого 3) неминуемо слѣдуетъ, что обѣ жертвы ни въ какомъ случаѣ не приносились въ продолженіе одного и того же года. Уже само названіе μείον (менѣ важная жертва), далѣе разница между жертвенными сборами въ пользу жрецовъ (ἱερεῶσυνα τῷ ἱερεὶ δίδοναι τάδε· ἀπὸ τοῦ μείου κωλῆν, πλευρόν, οὓς, ἀργυρίου |||· ἀπὸ τοῦ κουρείου κωλῆν, πλευρόν, οὓς, ἐλαττῆρα χοινικιαῖον, οἶνου ἡμίχουν, ἀργυρίου |—), далѣе то обстоятельство, что μείον всегда ставится впереди (τὰ μεῖα καὶ τὰ κουρεῖα), затѣмъ двукратное отдѣльное упоминаніе жертвы κουρεῖον, и наконецъ и то обстоятельство, что третій день Апатуріи называется κουρεῶτις — всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что μείον менѣ важная жертва. Поэтому 4) совершенно ясно, что μείον навывалась та жертва, которая приносилась въ ближайшія послѣ рожденія Апатуріи; при этомъ само собою разумѣется, да и при томъ подтверждается вышеупомянутой цитатой изъ Поллукса, что μείον приносилось безразлично при первомъ представленіи какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Далѣе, такъ какъ μείον приносилось въ первомъ году, а двѣ аналогичныя жертвы въ продолженіе одного и того же года совершенно немислимы, то 5) точно также совершенно ясно, что жертва κουρεῖον приносилась въ болѣе позднемъ году.

До сихъ поръ все было ясно, да и не трудно было доказать. Что μείον приносилось въ первомъ году, а κουρεῖον въ болѣе позднемъ, не подлежитъ, стало-быть, никакому сомнѣнію. Теперь только начинаются трудности, ибо спрашивается: когда же именно приносилась жертва κουρεῖον? Нельзя ли точнѣе опредѣлить этотъ болѣе поздній годъ? Поллуксъ l. c. говоритъ: καὶ εἰς ἡλικίαν προελθόντων . . ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρένων τὸ κουρεῖον ἔθουσιν, ὑπὲρ δὲ

1) См. Lipsius у Meier-Schömann, der attische Process, Berlin, 1887, стр. 542, прим. 165, и въ Leipziger Studien, XVI 1894, стр. 163 сл.

τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν. На основаніи этой цитаты вышеупомянутые ученые утверждаютъ, что χοῦρειον приносилось при представленіи возмужалыхъ юношей (cum pubescerent). Противники этого мнѣнія ссылаются на то, что Поллуксъ во второй части этой цитаты (ὅπερ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν), очевидно, ошибся, такъ какъ γαμηλία приносилась не отцомъ, а мужемъ новобрачной, и ничего общаго съ введеніемъ дѣтей не имѣла. Однако такое заключеніе въ методическомъ отношеніи не допустимо, такъ какъ изъ неточности второй части этой цитаты еще нисколько не слѣдуетъ, что и первая часть непременно превратна. Эту вторую часть при томъ не особенно трудно объяснить, ибо намъ кажется, что это, повидимому, простая вставка либо самого Поллукса, либо одного изъ читателей, прибавленная, такъ сказать, въ скобкахъ. Что же касается цѣли, которую имѣлъ въ виду интерполяторъ, то и ее не трудно опредѣлить: въ первой части цитаты упоминаются мальчики и дѣвочки, во второй только юноши. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ этой недомолвки, интерполяторъ отъ себя прибавилъ, что χοῦρειον у дѣвицъ замѣщалось гамеліей, т. е. новобрачная при вступленіи въ бракъ выбывала изъ отцовской фратріи и приписывалась къ фратріи своего мужа, который при этомъ случаѣ приносилъ жертву и давалъ пирушку. Цитата изъ Поллукса, слѣдовательно, ничуть не можетъ считаться подозрительной. Однако, такъ какъ и первая часть этой цитаты (εἰς ἡλικίαν προελθόντων) оспаривается многими учеными, то постараемся теперь при помощи другихъ доводовъ доказать вѣрность и точность упомянутыхъ словъ Поллукса.

Этимологія слова χοῦρειον (χοῦρειον несомнѣнно нужно производить отъ χεῖρειν, χοῦρά = стричь, стрижка) подтверждаетъ наше вышеупомянутое заключеніе, что жертва эта приносилась въ болѣе позднемъ году, но нисколько не способствуетъ болѣе точному опредѣленію этого года.

Несравненно больше способствуютъ намъ къ достиженію желаемой цѣли слѣдующія соображенія. Если о годѣ рожденія, какъ мы только что видѣли, и рѣчи быть не можетъ, то можно было бы подумать о годѣ совершеннолѣтія, ибо двукратное представленіе было бы вполне немислимо, еслибъ второе слѣдовало вскорѣ послѣ перваго и не было приурочено къ извѣстному возрасту. Такой произволъ, о которомъ здѣсь думаетъ Санктисъ (ordinariamente si fa nel primo anno d'età del bambino, ma può anche essere rimandata; ad ogni modo deve farsi prima che l'iscrizione

nella lista del demo), и опроверженія не стоить. Что же касается упомянутого „извѣстнаго возраста“, то Никитскій въ своей статьѣ о дельфійскихъ Лавіадахъ¹⁾, говоря о даратахъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ: „очевидно, здѣсь имѣется въ виду такой моментъ, наступленіе котораго можно напередъ разсчитать, приурочить къ извѣстному году, — это . . . вѣроятно моментъ или совершеннолѣтія, или извѣстнаго возраста индивидуума, когда послѣдній долженъ былъ представиться собравшимся на праздникъ Лавіадамъ съ цѣлью допущенія къ участию въ общемъ культѣ и общественныхъ дѣлахъ“. Однако о совершеннолѣтіи — въ Аѣинахъ, по крайней мѣрѣ — тутъ думать нельзя. Въ Аѣинахъ, какъ говоритъ Аристотель (Αθ. πολ., гл. 42) ἐγγράφονται εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες· ὅταν δ' ἐγγράφωνται, διαψηφίζονται περὶ αὐτῶν ὁμόσαντες οἱ δημόται, πρῶτον μὲν εἰ δοκοῦσι γεγονέναι τὴν ἡλικίαν τὴν ἐκ τοῦ νόμου, καὶ μὴ δόξωσι, ἀπέρχονται πάλιν εἰς παῖδας. . . μετὰ δὲ ταῦτα δοκιμάζει τοὺς ἐγγραφέντας ἡ βουλὴ, καὶ τις δόξη νεώτερος ὀκτωκαίδεκα ἐτῶν εἶναι, ζημιᾷ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράφαντας. Было бы уже само по себѣ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странно, еслибъ параллельно съ этой ἐγγραφὴ εἰς τοὺς δημότας (т. е. εἰς τὸ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον) и слѣдующей затѣмъ δοκιμασία, совершеннолѣтніе въ томъ же самомъ году совершенно аналогичнымъ образомъ вводились во φратρίи (εἰσαγωγὴ εἰς τοὺς φράτορας), подвергались такъ называемой διαδικασία и затѣмъ вносились въ φρατερικὸν γραμματεῖον. Это, значитъ, уже само по себѣ было бы весьма невѣроятно. Постановленія же Демотіонидовъ ясно показываютъ, что это не только невѣроятно, но даже невозможно, ибо Α. v. 26 sq. предписывается: τὴν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον θύσῃ τῇ κουρεώτιδι Ἀπατουρίων, т. е. διαδικασία эта должна состояться только по истеченіи года послѣ жертвы κούρειον, при чемъ ὅπως ἂν εἰδῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι было приказано (Β. v. 59 sq.) ἀπογράφεσθαι. . . τὸ ὄνομα πατρόςθεν καὶ τοῦ δήμου καὶ τῆς μητρὸς πατρόςθεν καὶ τοῦ δήμου πρὸς τὸν φρατρίαρχον, τὸν δὲ φρατρίαρχον ἀπογραφασμένων ἀναγράφαντα ἐκτιθέναι ὅπου ἂν Δεκελειαῖς προσφαιῶσι κтл. Если къ этому развѣ еще прибавить, что въ этой надписи вездѣ говорится περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων,

1) См. А. В. Никитскій, Дельфійскіе Лавіады, II, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, т. 319, октябрь, отд. класс. филол., стр. 16.

то послѣ всѣхъ этихъ доводовъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что о совершеннолѣтіи здѣсь думать нельзя.

Какой же, послѣ этого, еще остается опредѣленный моментъ „извѣстнаго возраста“? Между рожденіемъ и совершеннолѣтіемъ есть одинъ только моментъ, наступленіе котораго точно опредѣлено, а именно наступленіе такъ называемой ἡβη. Изъ I. Bekker, *Anecdota Graeca*, I, p. 255, 15 s. v. ἐπὶ διетὲς ἡβῆσαι τὸ γενέσθαι ἐτῶν ὀκτωκαίδεκα, ἵνα ἡβῇ ἢ τὸ ἐκκαίδεκα ἐτῶν γενέσθαι. τὸ δὲ οὖν ἐπὶ διетὲς ἡβῆσαι ἐστὶ τὸ γενέσθαι ἐτῶν ἄλλων δυοῖν μετὰ τὴν ἡβην, и другихъ мѣстъ уже A. Boeckh, *De ephibia Attica dissertatio prima*, стр. 139¹⁾ совершенно вѣрно догадался о томъ, какъ слѣдуетъ понимать слова Поллукса εἰς ἡλικίαν προελθόντων: „qua professione primum esse pubertatem sive ἡβην declaratam tuncque comas probabile est“. Это мнѣніе было одобрено многими учеными²⁾, другіе напротивъ соглашались съ Шеферомъ, который на основаніи своихъ исчисленій наступленія совершеннолѣтія оратора Демосеена утверждалъ, что совершеннолѣтними въ Аѳинахъ назывались мальчики по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, что поэтому ἡβῇ начиналась цѣлымъ годомъ раньше, т. е. съ пятнадцатилѣтняго возраста, такъ какъ о совершеннолѣтнихъ говорилось, что они ἐπὶ διетὲς ἡβῆσαν³⁾. Однако толкованіе Шефера опровергается Аристотелемъ (*Аѳ. пол.* 42), гдѣ, какъ мы уже видѣли, совершенно ясно говорится: ἐγγράφονται δ' εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἐτη γεγονότες, и еще яснѣе: καὶ τις δόξῃ νεώτερος ὀκτωκαίδεκα ἐτῶν εἶναι, ζημοῖ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράψαντας. Послѣ этого не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мальчики, достигшіе такъ называемой ἡβη, достигали шестнадцатилѣтняго возраста⁴⁾.

1) См. *Prooemium semestris aestivi a. 1819* = *Kleine Schriften*, IV, стр. 137 сл.

2) Ср. напримѣръ, Schoemann, *Isaei orationes*, Gryphiswaldiae 1831, стр. 393 (or. VIII de Cironis hereditate, § 31); Hermann-Thumser, *Griech. Staatsalterthümer*, II, стр. 457 сл.; Hermann-Thalheim, *Griech. Rechtsalterthümer*, 1895⁴, стр. 12 сл.; Vanden Es, *de iure familiarum apud Athenienses*, стр. 113—121; L. Beauchet, *Histoire du droit privé de la république Athénienne*, II, Paris 1897, стр. 107—115, и др.

3) См. A. Schaefer, *Der Eintritt der Mündigkeit nach attischem Recht*; статья эта напечатана въ „*Demosthenes und seine Zeit*“, III, 2, стр. 19 сл. — см. также, напримѣръ, Busolt, *Gr. Staatsalterthümer*³, стр. 213 и Gilbert, *Griech. Staatsalt.* I², стр. 218.

4) Кстати можно здѣсь прибавить, что и въ такъ называемомъ гор-

Если ἡβη означает шестнадцатилѣтній возрастъ, если далѣе у Поллукса словами εἰς ἡλικίαν προελθόντων обозначается ἡβη¹⁾, если, наконецъ, какъ говоритъ Поллуксъ, εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ καλουμένῃ κουρεύτιδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ τῶν ἀρρένων τὸ κουρείον ἔθουον, то совершенно ясно, что второе представлѣніе, связанное съ жертвой κουρείον, совершалось по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста. Sapienti sat. Однако Липсіусъ и его спутникъ Санктисъ не того мнѣнія. На стр. 163 сл. I. с. Липсіусъ щеголяетъ двумя доводами, которые по его мнѣнію рѣшаютъ весь этотъ вопросъ въ его пользу. Онъ сначала указываетъ на постановлѣнія Демотіонидовъ, гдѣ В 58 сл. говорится: ὅπως δ' ἂν εἰδῶσι: οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι, ἀπογράφεσθαι τῇ πρώτῃ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κουρείον ἄγῃ τὸ ὄνομα κтл. Шелль²⁾ уже совершенно вѣрно указалъ на то, что прежнее толкованіе: τῇ πρώτῃ ἔτει = τῇ προτέρῃ ἔτει вполнѣ невозможно, такъ какъ это „vulgär und in sicheren Beispielen erst aus nachchristlicher Zeit zu belegen“. Вслѣдствіе этого толкованіе „за годъ до жертвы κουρείον“ сдѣлалось немыслимымъ, и оставалась, повидимому, единственная возможность — толковать τῇ πρώτῃ ἔτει = „въ первомъ году отъ роду“, стало быть, одновременно съ μεῖον. Что это мнѣніе Липсіуса совершенно невѣрно и невозможно — явствуетъ изъ вышеизложеннаго. Вѣрное толкованіе этого мѣста было предложено Бюрманномъ и Диттенбергеромъ³⁾, изъ которыхъ

тинскомъ правѣ совершенно аналогичнымъ образомъ различается возмужалый (ἡβίων) отъ совершеннолѣтняго (δρωμεύς), и по всей вѣроятности (хотя этого точно доказать нельзя) и здѣсь фигурируютъ тѣ же года, шестнадцатый и восемнадцатый. И въ Дельфахъ мы встрѣчаемъ ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαι, см. Aeschin., or. III in Ctesiph. § 122.

1) ἡλικία можетъ, конечно, имѣть и простое значеніе „возрастъ“; но обыкновенно, т. е. въ большинствѣ случаевъ, оно означаетъ зрѣлый возрастъ, возмужалость, а въ упомянутой цитатѣ изъ Поллукса о простомъ значеніи „возрастъ“ и думать нельзя, слова εἰς ἡλικίαν προελθόντων могутъ только означать опредѣленный возрастъ, а это именно и есть ἡβη.

2) См. R. Schoell, I. с., стр. 10, прим. 2.

3) См. B u e r m a n n, Berliner philol. Wochenschrift 1889; T a r b e l l, I. с. стр. 187 сл.; D i t t e n b e r g e r, Sylloge I. с. прим. 48. Упомянутый журналъ въ Юрьевѣ, къ сожалѣнію, имѣется только съ 1890 года, такъ что мы не могли опредѣлить, все ли заимствовалъ Диттенбергеръ у Бюрманна; отсутствіе точнаго обозначенія страницы объясняется тѣмъ-же обстоятельствомъ. Диттенбергеръ самъ, однако, совершенно очевидно не имѣлъ въ рукахъ этого журнала. На стр. 37 мы читаемъ, правда, слѣдующую цитату: H. B u e r m a n n, „Berl. phil. Woch. 1889 Febr. 16 et 29“, но эта, именно, цитата и обнаружила

послѣдній пишетъ: „Quare malo πρῶτον ἔτος non priorem annum intellegere sed proximum, collato τρίτῳ ἔτει μετὰ τὰ Μηδικά similibusque locutionibus. Sic sane ante ἢ desideratur adverbium comparativum. Sed ea breviloquentia neutiquam aliena est a Graecorum usu, ut etiam Latini sic nudum quam pro postea quam usurpant. Neque vero πρότερον ἢ, sed ὕστερον ἢ intellegendum est cum Buermanno, siquidem v. 27 dictum est, annuo demum post κοῦρειον oblatum spatio probationem et receptionem fieri. Quid igitur attinebat, integro biennio ante eam nomina publice proscribere? Similiter ἢ πρῶτῃ ἐκκλησίᾳ dicitur de ea quae proxima habebitur, et τῷ πρῶτῳ ἐνιαυτῷ ‘anno proximo’ est Leg. Gortyn. IV, 4“. Вотъ толкованіе, въ которомъ мы нуждались; оно, притомъ, ясно показываетъ, какъ сильно ошибаются Липсіусъ и Санктисъ. Что же касается второго довода, то Липсіусъ на стр. 164 ссылается на нашъ § 22

это обстоятельство. Кто, спрашивается, цитируетъ журнальную статью по днямъ и мѣсяцамъ? Цитируются, вѣдь, обыкновенно страницы, или въ крайнемъ случаѣ номера или тетради, но ни въ какомъ случаѣ не дата появленія даннаго номера! Единственное мыслимое и возможное исключеніе — текущій годъ, но въ 1900 году 1889 годъ, конечно, не могъ считаться текущимъ. Изъ этого обстоятельства ясно слѣдуетъ, что Диттенбергеръ самъ не видалъ этого журнала, а заимствовалъ эту цитату изъ сочиненія, появившагося въ 1889 году. Одно такое сочиненіе мы въ состояніи обозначить. Статья Tarbell'a появилась, правда, въ сборникѣ, изданномъ въ 1892 году, но статья эта была написана въ мартѣ 1889 года (см. стр. 188: „March 12, 1889), она написана, стало быть, только мѣсяцъ спустя послѣ появленія Бюрманновой статьи, Tarbell поэтому и могъ цитировать: „Berl. phil. Woch. 1889 Feb. 16 und 23“. Но есть еще другое обстоятельство ясно показывающее, что Диттенбергеръ статьи Бюрманна въ рукахъ не имѣлъ. У него читается: „Febr. 16 et 29“! Журналъ Berliner philol. Wochenschrift, какъ уже явствуется изъ самого заглавія, выходитъ еженедѣльно (по субботамъ), поэтому цифры 16 и 29 немыслимы, такъ какъ продолженіе очевидно появилось въ слѣдующемъ номерѣ (см. Tarbell: 23), а разница между 16 и 29 = 13, значить не выходитъ и двухнедѣльный срокъ. Но это еще не все. 1889 годъ не могъ быть високоснымъ годомъ, 29-ое февраля поэтому немыслимо! У Диттенбергера это обстоятельство насъ, впрочемъ, удивить не можетъ, такъ какъ оно встрѣчается у него сплошь да рядомъ. Ср. нпр. нашу статью въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, Іюль стр. 37 = Commentationes Nikitinianae. СПб. 1901 стр. 172 и А. В. Никитскій, Исслѣдованія въ области греческихъ надписей, Юрьевъ 1901 стр. 163 прим. 1. Michel въ этомъ отношеніи гораздо самостоятельнѣе и добросовѣстнѣе: онъ и здѣсь цитируетъ „Berl. phil. Woch. 1889 p. 225 s. et p. 258 s.“ Мы, впрочемъ, не удѣлили бы столько мѣста этому само по себѣ неважному обстоятельству, еслибы не сочли нужнымъ еще разъ убѣдительно совѣтовать читателю не полагаться безусловно на Диттенбергера и его мнимую непогрѣшимость.

VI рѣчи Исея, но это мѣсто ровно ничего не доказываетъ; однако это мы постараемся доказать нѣсколько ниже.

Теперь намъ остается еще прибавить нѣсколько косвенныхъ доказательствъ для подтвержденія нашихъ положеній. Извѣстно, что условіемъ пользованія правами гражданства между прочимъ являлось и участіе въ культахъ и религіозныхъ обрядахъ данной фратріи и въ совершеніи опредѣленныхъ жертвъ. Далѣе также извѣстно, что не только аѳиняне, но и всѣ остальные греки имѣли обыкновение связывать каждый болѣе важный моментъ въ жизни даннаго гражданина съ религіознымъ празднествомъ. Поэтому уже а priori разумѣлось бы само собою, что возмужалость и тѣсно связанное съ нею собственное, самостоятельное участіе въ жертвахъ и празднествахъ фратріи и пользованіе вытекающими изъ этого участія правами, т. е. одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни каждаго аѳинянина, непременно соединялись съ религіознымъ празднествомъ. Такія религіозныя празднества въ Греціи, какъ извѣстно, обыкновенно состояли изъ двухъ частей, а именно изъ предшествующей жертвы и изъ слѣдующей затѣмъ веселой пирушки.

Что, во-первыхъ, касается жертвы, то изъ всего вышеизложеннаго ясно слѣдуетъ, что это именно и было такъ называемое *χοῦρειον*. Апатуріи были праздникъ чисто семейный¹⁾. Мы видѣли уже, что новорожденныхъ представляли фраторамъ и вносили въ соотвѣтствующіе списки, при чемъ приносилась жертва *μεῖον*. Мы узнаемъ, далѣе, изъ Платона²⁾, что въ этотъ день аѳиняне брали съ собой своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей — въ указанномъ Платономъ случаѣ мальчику, на примѣръ, было десять лѣтъ отъ роду — и заставляли ихъ между прочимъ рецитировать отрывки изъ читанныхъ въ школѣ поэтовъ, дабы фраторы могли убѣдиться въ успѣхахъ, оказанныхъ ими въ продолженіе истекшаго года. Несовершеннолѣтніе мальчики такимъ образомъ ежегодно присутствовали на этомъ семейномъ праздникѣ, но самостоятельнаго участія въ жертвахъ и празднествахъ

1) См. подробности, на примѣръ, у Aug. Mommsen'a, *Feste der Stadt Athen im Alterthum*, Leipzig, 1898, стр. 323—349.

2) Ср. Platon. *Timaeus*, p. 21 B: ἐγὼ δὲ μάλιστα δεκέτης· ἡ δὲ Κουρεώτις ἡμῖν οὐσα ἐτύγγανεν Ἀπατουρίων, τὸ δὲ τῆς εορτῆς σύνθηδες ἐκάστοτε καὶ τότε συνέρη τοῖς παισίν· ἀλλὰ γὰρ ἡμῖν οἱ πατέρες ἔδιδαν ραψωδίας· πολλῶν μὲν οὖν δὴ καὶ πολλὰ ἐλέχθη ποιητῶν ποιήματα, αἵτε δὲ νέα κατ' ἐκείνον τὸν χρόνον ὄντα τὰ Σόλωνος πολλοὶ τῶν παίδων ᾄσαν.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣ лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Е. Пассежъ.**
